

КОЛОМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ

Литературный ежегодник

Орган творческого объединения писателей Коломны

ИЗДАЁТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ УПРАВЛЕНИЯ ПО КУЛЬТУРЕ И ТУРИЗМУ
АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДСКОГО ОКРУГА КОЛОМНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ВЫХОДИТ С 1997 ГОДА

2023

ВЫПУСК
ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАГЛАВНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

ФЁДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ
(1803-1873) 4

ПЕРВАЯ КОЛОНКА

ЧИТАЙТЕ ТЮТЧЕВА! 9

ПРОЗА

ВЛАДИМИР КРУПИН
СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА 39

СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ
ДЕСКРИПЦИЯ 61

СЕРГЕЙ МУРАШЕВ
ОХОТА 91

ВИКТОР МЕЛЬНИКОВ
ПРОПАЛА СОБАКА..... 103

МАКСИМ ХАРЛОВ
ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ 109

АЛЕКСЕЙ КУРГАНОВ
ВСЁ ПО-ВЗРОСЛОМУ..... 113

ПОЭЗИЯ

РОМАН СЛАВАЦКИЙ
ХАЧКАР..... 131

НИКОЛАЙ КОНОВСКОЙ
ТЕРПЕЛИВЫЙ АНГЕЛ МОЙ 143

СВЕТЛАНА СЫРНЕВА
МЫ, РОССИЯ, ЕЩЁ ПОЖИВЁМ!..... 149

ГРИГОРИЙ ВИХРОВ
«ПОКА ЗОЛОТАЯ
НЕ ВЫПАЛА СЛЁЗКА» 157

ЛАРИСА МОРОЗОВА
МОНОЛОГ 165

МИХАИЛ МЕЩЕРЯКОВ
РУКОПИСИ КОРНЕЙ 173

ТАТЬЯНА КОНДРАТОВА
ОДУВАНЧИКИ..... 183

НАДЕЖДА ЛИСОГОРСКАЯ
ПРИЛЕЧУ К ТЕБЕ, ПРИЕДУ!..... 189

МИХАИЛ БОЛДЫРЕВ
НОЧНЫЕ РИФМЫ 197

КСЕНИЯ НАГАЙЦЕВА
ТЫ ГДЕ-ТО ТАМ..... 203

НАТАЛЬЯ ЕВСТИГНЕЕВА
БЛАГОДАРИЮ..... 207

ТАТЬЯНА ДИВАКОВА
О, КАК ТЫ НЕСГОВОРЧИВА, ВЕСНА! 215

ЗОЛОТАЯ АЛЛЕЯ

МИХАИЛ КУКУЛЕВИЧ
ВЕЛИКАЯ ЛЮБОВЬ
ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ..... 219

ГРАЖДАНИН КОЛОМНЫ

ПАМЯТИ МАСТЕРА 251

РОДИМАЯ СТОРОНА

ВЛАДИМИР МАКСИМОВСКИЙ

МОИ КОЛОМЕНСКИЕ ПРЕДКИ 269

ЛИЛИЯ СОЗА

«РАЗУМНЫЙ И РАЗВИВАЮЩИЙ
ОТДЫХ» 285

ТАТЬЯНА ЗАЛАТА

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ 295

ВАЛЕРИЙ ЯРХО

ПАЗЛ ИЗ РАЗРУШЕННЫХ СУДЕБ 309

АЛЕКСАНДР САХАРОВ

ДУХОНОСНАЯ ШКИНЬ И ЕЁ ВЛАДЕЛЬЦЫ
В ИСТОРИИ РОССИИ 335

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВ

КОЛОМЕНСКИЙ СЛЕД В ОКРЕСТНОСТЯХ
МОСКВЫ 347

ХРОНИКА

200 ЛЕТ А. Н. ОСТРОВСКОМУ

В 2023 году отмечается **200-летие** со дня рождения великого русского драматурга **Александра Николаевича Островского (1823-1886)**. Его вклад в развитие отечественной литературы, театральной драматургии и режиссуры переоценить невозможно. На его произведениях строится классический репертуар театров России. Его пьесы звучат остро и злободневно и сегодня, а созданные им образы узнаваемы во все времена.

Островский бывал в Коломенском крае, встречался здесь с близкими людьми, собирал местный фольклор, дышал духом, присущим русской купеческо-мещанской, а также дворянской и чиновничьей провинции, поэтому неудивительно, что многие его пьесы отмечены коломенским колоритом. Коломна незримо присутствует в таких его пьесах, как «Свои люди — сочтёмся», «Праздничный сон до обеда», «Женитьба Бальзаминова», «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «Воспитанница», «Не всё коту масленица».

В разные годы театральная Коломна ставила на своей сцене самые разноплановые пьесы А. Островского: «Лес», «Волки и овцы», «Без вины виноватые», «Таланты и поклонники», «Правда хорошо, а счастье лучше», «На всякого мудреца довольно простоты», поэтому Коломенский Народный театр, вслед за Московским Малым театром, можно по праву назвать «вторым домом Островского».

ФЁДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ

(1803-1873)

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идёт, весна идёт,
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперёд!

Весна идёт, весна идёт,
И тихих, тёплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!..»

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

БЕССОННИЦА

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг —
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих.

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали...

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

* * *

Напрасный труд — нет, их не вразумишь, —
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им её идея.

Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В её глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.

* * *

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной,
Как бедный нищий, мимо саду,
Бредёт по жёсткой мостовой;

Кто смотрит вскользь — через ограду —
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.

Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись —
Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.

Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не осенит...

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Как бедный нищий — мимо саду —
Бредёт по знойной мостовой.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.

СЛАВНАЯ ДАТА

Почтенную дату — **90 лет** со дня своего основания — отметил старейший музей Подмосковья — **Коломенский краеведческий музей**.

В 1932 году музей начал свою жизнь в Маринкиной (Коломенской) башне кремля. В 1936 году ему передали здание храма Михаила Архангела. Вскоре музей стал центром научной и просветительской работы в городе и районе. В 2006 году для музея был определён купеческий усадебный комплекс XIX в. — памятник истории и культуры регионального значения.

В фондах музея находится более 30 тыс. экспонатов по истории, культуре и природе региона с древнейших времён и до нашего времени. Собрание музея ежегодно пополняется, реставрируется и экспонируется.

И сегодня в деятельности музея неизменным остаётся одно: знакомство жителей и гостей города с удивительным прошлым Коломны.

На базе краеведческого музея в 2014 году был создан «Историко-культурный музей-заповедник «Коломенский кремль», который объединил в себе несколько направлений: научное, творческое и патриотичное. В его состав вошли, кроме краеведческого музея, музей «Усадьба И.И. Лажечникова», повествующий не только о «золотом веке» коломенского купечества, но и о литературной летописи города через биографию И.И. Лажечникова — первого исторического романиста; а также «Музей боевой славы», который проводит посетителей по ратным дорогам коломенцев от Дмитрия Донского до настоящего времени.

Музей-заповедник «Коломенский кремль» ценен не только уникальными экспозициями, но и работающими в нём людьми, увлечёнными своим делом и всегда готовыми поделиться богатыми знаниями. Поэтому он уверенно смотрит в завтрашний день и на пути к своему первому веку ни на минуту не снижает планку высокого профессионализма, помогающего всем нам лучше знать и любить родной край.

Первая колонка

«НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ, КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЁТСЯ...»

(к 220-летию
Фёдора Ивановича Тютчева)

Каждое поколение прочитывает классику по-своему: в отличие от современников поэта, видящих естественную привязку поэтических строк к его личности, к событиям, смутно проявляющимся или легко угадываемым за лирическим сюжетом, потомки воспринимают строки с большей свободой, именно поэтому интерпретации поэтического смысла произведений классиков не иссякают с годами, а становятся все более разнообразными.

«Люблю грозу в начале мая...»

Как стихи Тютчева входили в нашу жизнь? В шестидесятых-семидесятых годах Тютчев и Фет не были включены в список обязательной программы школьного изучения, но в обзорное знакомство всё же входили, однако обзор всегда отдан был на откуп учителя, у которого, как правило, не хватало времени и на программные имена. Обычно на таком обзорном уроке ученики по учебнику самостоятельно читали что-то о том, как была противопоставлена революционно-демократическая поэзия Некрасова «чистой лирике» Тютчева и Фета. Для многих эти «чистые» лирики так и остались тютчевым-фетом, этими братьями-близнецами, которые, несмотря на свою «чистоту» — качество, безусловно, положительное, — чего-то

там недопонимали, уходили от насущных проблем своего времени и т.д., и т.п. Ну что с них, не доросших до проблем переустройства мира на революционной основе, было взять?

Параллельно с этим квазинаучным восприятием наследия и Тютчева, и Фета в нас входила их лирика, положенная на музыку, — через волшебные романсы, написанные в XIX веке, главными из которых тогда были — «Я встретил вас...» малоизвестного композитора Леонида Малашкина и «На заре ты её не буди...» Александра Варламова. Фетовские строки в романсе манили недосказанностью, тайной, которую лишь чуть-чуть открыл для читателя лирический герой, любующийся спящей девушкой: «И чем ярче играла луна, / И чем громче свистал соловей, Всё бледней становилась она, / Сердце билось больней и больней». А загадочность, как известно, притягивает более всего. История любви у Тютчева была совсем другой — это история целой жизни человека, здесь ощущалась определённая чувств лирического героя, твердо верящего, что любовь — самое естественное и самое гуманное чувство, что это любовь постоянная, не ослабевающая с течением времени, способная врачевать, воскрешать к новой жизни: «Как после вековой разлуки, / Гляжу на вас как бы во сне, — / И вот — слышнее стали звуки, / Не умолкавшие во мне».

Тогда, в школьные годы, познакомившись с лирикой Тютчева через этот романс, прославляющий силу любви, способной не умирать в душе человека долгое время, и через детское хрестоматийное пейзажное стихотворение «Люблю грозу в начале мая...», у которого редакторы обычно непонятно по каким причинам обрезали последнюю строфу, мы видели Тютчева оптимистом, влюблённым в жизнь, в её изменчивость! Как много веселья в этой лесной жизни, изображённой поэтом: «С горы бежит поток проворный, / В лесу не молкнет птичий гам, / И гам лесной и шум нагорный — / Всё вторит весело громам».

«Я, царь земли, прирос к земле!..»

Настоящим открытием Тютчева, другого Тютчева — поэта, заглянувшего в тайны мироздания, ужаснувшегося масштабности поединка добра и зла — студенты филологического факультета коломенского пединститута 80-х и более поздних годов открывали благодаря профессору Александру Петровичу Ауэру. Собственно, тогда, в 80-е годы, он ещё не был профессором, доктором наук, но лекции этого молодого учёного просто ошеломляли студентов. В них были одновременно и глубина, и недосказанность, да-да, после них оставалась та тайна, которая необходима, чтобы ум студента не становился ленивым. Александр Петрович всегда относился к слушателям как к собеседникам, иногда переоценивая наши небогатые на тот момент знания, но это подвигало к работе. Мы боялись разочаровать любимого преподавателя, поэтому читали, учили наизусть и «О вещая душа моя...», и «Silentium!», и «Из края в край, из града в град...», и многое другое. Александр Петрович цитировал Тютчева свободно, без книги, это восхищало и формировало представление об идеальном типе общения учителя и учеников. И образ Тютчева, его поэтического мира, приоткрытый тогда Александром Петровичем Ауэром,

у многих сохранился до сих пор. Конечно, он дополнялся по мере чтения, анализа его лирики, но определяющие черты образа остались: Тютчев — поэт, соизмеривший душу человека и мировой космос, его стихи всегда за первым умопостижимым планом скрывают тайный символический смысл, который может открыться читающему разными гранями.

Кстати, именно тогда, в студенческие годы, многие из нас узнали и финал стихотворения «Весенняя гроза», и его глубокий символический смысл:

Ты скажешь: ветренная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Здесь не только обращение к античной мифологии, образы которой, бесспорно, выводят изобразительный ряд стихотворения на иной уровень, но и ощущение гармонии на онтологическом уровне, которого уже не встретишь в поздней лирике поэта. И конечно же, поражал этот необычно звучащий, ёмкий по силе образности эпитет — «громокипящий кубок», ставший потом названием первой книги Игоря Северянина, принесшей ему известность. Этот, по сути, неологизм Тютчева — та почка, из которой позже раскроются яркие словесные эксперименты футуристов.

Таким образом, фигура Тютчева, прочно вписанная в пушкинскую эпоху (ведь первая публикация и состоялась в пушкинском «Современнике») ещё и приоткрывает дверь в новое время — эпоху не виданных в его годы поэтических изменений. Воспитанный в пушкинской поэтической традиции (литературным учителем Тютчева был поэт начала XIX века Семён Егорович Раич), он стал создателем совсем иной поэтической школы: Вадим Валерианович Кожин назвал «тютчевским» период с середины 30-х до середины 70-х годов теперь уже позапрошлого века.

В судьбе и личности Тютчева тоже потрясло многое: во-первых, его сознательное отстранение, отчуждение от литературного процесса. 20 лет поэт провёл на дипломатической службе, жил в Германии — вдали от потенциального русского читателя. Удивительны легенды, в основе которых, конечно, реальные факты жизни поэта: Тютчев никогда не правил черновики, он часто выбрасывал записанные мимоходом стихи в мусорную корзину, и лишь благодаря благоговейному отношению к поэтическому таланту своего мужа супруги Эрнестины Фёдоровны, достававшей и сохранявшей эти бесценные наброски, многие гениальные поэтические мысли Тютчева дошли до читателя. Кстати, сама ситуация этого легендарного факта биографии поэта — совет любящим жёнам всех пишущих людей. Но как объяснить эту странность, это долгое нежелание поэта печатать свои стихи?

Для романтика Тютчева стихи — это способ самопознания, это разговор со своей душой, а значит, способ самосовершенствования. В этом смысле Тютчев остаётся одним из самых главных духовных наставников и в наше время, когда теряется баланс в восприятии внутреннего и внешнего миров человека. Стихотворение «Silentium!» остаётся и сейчас манифестом поэта, обращённым прежде всего к самому себе, но это и своеобразные правила воспитания души каждого человека:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?
Мысль изречённая есть ложь —
Взрывая, возмутишь ключи,
Питайся ими — и молчи...

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум —
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи —
Внимай их пенью — и молчи!..

Это одно из самых загадочных с точки зрения толкования смысла стихотворений. Используя во многом риторическую традицию XVIII столетия, рассчитанную на рациональное постижение окружающего мира, поэт создаёт произведение, которое можно назвать поэтическим вариантом «Трансцендентального идеализма» [6] немецкого философа Шеллинга, который считал, что «самосознание — источник всей системы знаний». Лирический герой даёт установку на молчание, потому что «чувства и мечты» человек должен хранить в «душевной глубине». Разрывая связи с внешним миром, человек глубже погружается в процесс самопознания. Поэт убеждён, что слово не способно передать всей глубины переживаний человека, самое сокровенное невозможно познать рационально, его можно понять лишь интуитивно. Главная поэтическая идея стихотворения — «Мысль изречённая есть ложь» — отсылает читателя и к идее Шеллинга о высшей форме самосознания — интеллектуальной интуиции, то есть о внутреннем созерцании интеллектуального действия в момент его совершения, и ко многим цитатам восточной, в частности китайской, мудрости. Так, удивительна схожесть взглядов Тютчева с мыслями из книги «Дао дэ цзин» Лаоцзы, жившего, по легенде, в 6-5 вв. до н.э., и с его последователем Чжуанцзы. Оба они утверждали приоритет молчания в процессе постижения истины: «Знающий не доказывает, доказывающий не знает» (Лаоцзы), «Где мне найти человека, забывшего все слова, чтобы поговорить с ним» (Чжуанцзы). Эта же мысль позже отзовется в философской сказке Экзюпери «Маленький принц»: «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь». Эта типология цитат свидетельствует о том, что спор между гностиками, считающими, что мир можно познать рационально, и агностиками, к которым, бесспорно, относился и Федор Иванович Тютчев, будет

длиться бесконечно. Поэт убеждает (глаголы повелительного наклонения здесь доминируют!), что человек должен беречь, ценить свой внутренний мир, оберегать его от «наружного шума», разрушающего душу. Кольцевая композиция стихотворения «Silentium!» суггестивна, то есть обладает максимально внушающей силой, ведь приказ, произнесённый многократно, действует на сознание сильнее. Как и в начале стихотворения, лирический герой приказывает себе: «Внимай их пенью и молчи!..» Поэт самым методом изложения своей мысли являет то единство сознательной и бессознательной деятельности, которое свойственно лишь гениальным людям.

Тема молчания как способа сохранения души звучит и в переводе Тютчевым стихотворения Микеланджело Буонаротти, выполненном им спустя 25 лет после написания «Silentium!». И как раздумья автора эпохи Возрождения соответствуют внутренним ощущениям русского поэта, жившего в эпоху крепостного права:

Молчи, прошу, не смей меня будить.
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать — удел завидный...
Отраднo спать, отрадней камнем быть.

«О как ты бьёшься на пороге как бы двойного бытия...»

Романтическое двоемирие Тютчева, способность его лирического героя ощущать себя параллельно в двух различных мирах: прошлом и настоящем, небесном и земном, духовном и вещном, во сне и реальности — присутствует во многих поэтических произведениях: /

Душа моя — Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам години буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных.

Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..

Традиционная оппозиция между внутренним миром человека, его душевными переживаниями и миром вещным, обыденным, здесь дополняется ещё и контрастом между прошлым и настоящим: «призраки минувших лучших дней» не имеют ничего общего с «сей бесчувственной толпой».

Тютчева называют поэтом-философом, хотя никакой философской системы он не создал. Да поэт и не должен создавать теории! Но в своих произведениях он дал представление об устройстве мироздания, о тех законах, по которым оно существует, и о месте в нём человека. И вот эта поэтическая онтология Тютчева потрясает! Приведём одно из самых

ярких по силе исторического пессимизма произведений, сопоставимого разве что с пушкинскими «Бесами»:

Из края в край, из града в град
Судьба, как вихрь, людей метёт,
И рад ли ты, или не рад,
Что нужды ей?.. Вперёд, вперёд!

Человек беспомощен перед судьбой — этой стихией, безучастной к человеку, его чувствам, житейским проблемам. Тютчев создает образ трагического мира, в котором человек, хоть и имеет право на кратковременное счастье, но всё же обречён на вечные скитания судьбы:

Знакомый звук нам ветер принёс:
Любви последнее прости...
За нами много, много слёз,
Туман, безвестность впереди!..

И любовь в судьбе человека — это тоже трагедия, это постоянное преодоление минутных желаний и предчувствие её исчезновения. Лирический герой здесь, как лепесток, который летит вместе с ветром, он не может остановиться, поэтому безучастен к голосу благоразумия:

«О, оглянися, о, постой,
Куда бежать, зачем бежать?..
Любовь осталась за тобой,
Где ж в мире лучшего сыскать?»

Блаженство стольких, стольких дней
Себе на память приведи...
Всё милое душе твоей
Ты покидаешь на пути!..»

И снова вспоминается учение Лаоцзы, которое европейцы называют парадоксальным, поскольку, действительно, с точки зрения рационального мышления оно основано на парадоксах: в них мягкое побеждает твёрдое, а сильное будет побеждено самым слабым и т.д. Такой же парадоксальной силой обладает и лирический герой Тютчева: этот летящий вместе с вихрем судьбы лепесток оказывается мужественным и бесстрашным, потому что, понимая конечность земного существования, осмеливается любить, заниматься самопознанием. И опять поэт закольцовывает главную поэтическую идею, создавая картину вселенского, космического масштаба:

Из края в край, из града в град
Могучий вихрь людей метёт,
И рад ли ты, или не рад,
Не спросит он... Вперёд, вперёд!

«Как слово наше отзовется...»

Известно, что продолжением жизни Поэта являются его стихи, а также их влияние, содержательное, формальное, на поэтов последующих эпох. Воздействие поэтической манеры Фёдора Ивановича Тютчева на поэтов XX столетия огромно. Рецепции его лирики можно встретить в произведениях поэтов, начиная с Серебряного века до наших дней.

Генетическая связь, основанная на осознанном восприятии поэзии Тютчева, видна, например, в любовной лирике одного из самых ярких поэтов второй половины XX века — Юрия Кузнецова. На тютчевское влияние в его поэзии обращали внимание многие литературоведы: Вадим Кожин, Игорь Шайтанов, Инна Ростовцева и др. Они отмечали образное и тематическое единство, семантическое сходство творческих мотивов, акцентируя внимание на «планетарности», «космогоничности» поэтических миров этих поэтов. Владимир Бондаренко в книге «Последние поэты империи», называя Ю. Кузнецова верховным «олимпийцем», Зевсом отечественной поэзии конца XX – начала XXI века, писал: «В русской поэзии, на мой взгляд, такими же несомненными олимпийцами были Гавриил Державин и Фёдор Тютчев <...> В таком понимании поэзии нет оценочной величины <...> Скорее есть трагизм заброшенного в наше земное пространство XX века одинокого небесного странника» [2]. Сам Юрий Кузнецов в эссе «Воззрение», рассуждая о собственном поэтическом методе, подчёркивает, что для его поэзии свойственно мифологическое сознание. При определении понятия «миф» Кузнецов не останавливается на одном из принятых в философии определений, для него миф — это единство вымысла и реальности, причём подвижное, «эпическое», это и древний эпос, и современные «газетные утки». Кузнецов не оставляет миф фольклору, он находит его и в русской классике: у Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Бунина и других: «Тютчев в полной мере обладал мифическим сознанием. Назову только некоторые образцы: “Проблеск”, “Сны”, “Последний катаклизм”, “Безумие”, “Сон на море”, “Моя душа — Элизиум теней”, “Эти бедные селенья”, “Она сидела на полу” и многие другие». Мы видим, что стихотворения, приведённые Кузнецовым в качестве примера, не обладают тематическим единством, скорее это произведения близкие поэту: «В общих чертах я обозначил тот образный массив, который пусть имеет в виду читатель, приступая к моим стихам. <...> Теперь о себе. Я поэт с резко выраженным мифическим сознанием» [3].

Так поэт декларирует свою генетическую связь с творчеством Тютчева, связь, основанную на мифологическом (по сути — романтическом) сознании, главным инструментом поэтики которого становится символ, приобретающий у самого Кузнецова форму развёрнутой метафоры. Связь эта особенно ощутима в любовной лирике поэта, где часто появляется тютчевский образ любви-поединка, неравной борьбы, в которой, изнывая, погибает то сердце, которое нежнее. К.Н. Анкудинов во вступительной статье к сборнику избранных стихотворений Кузнецова пишет: «Лирический герой Юрия Кузнецова любит именно что убийственно» [1]. Присутствие тютчевской любовной лирики здесь проявляется на аллюзивном уровне. В поэзии Кузнецова любовь — трагедия, слепая страсть, которая губит человека:

Я пришёл — и моими глазами
Ты на землю посмотришь теперь,
И заплачешь моими слезами;
И пощады не будет тебе.
(«Ты чужие слова повторяла...»)

Любовь в лирике Тютчева — это и неизбежное страдание, и чувство, наполняющее жизнь смыслом, освобождающее от «духовного обморока» — благодать, «земное провиденье». Любовь у Кузнецова — разрушает душу, стирает личности. Этот образ раскрывается в стихотворении «Мужчина и женщина»: «Ты выдержал верно упорный характер, \ Вся стёр — только платья висят». «Как будто душу прищемило дверью» — так характеризует своё состояние лирический герой стихотворения «Закрой себя руками: ненавижу!». И, если лирический герой Тютчева со смирением принимает судьбу, то у Кузнецова любовь действительно «ненавидящая», герои многих его стихотворений пытаются отказаться от неё, бегут, отрекаются:

Я кину дом и молодость сгублю,
Пойду один по родине шататься.
Я вырву губы, чтоб всю жизнь смеяться
Над тем, что говорил тебе: люблю...
(«Закрой себя руками»)

16

Иначе раскрывается в лирике Кузнецова тема поздней любви: на смену «тёмной гордыне» к лирическому герою приходит совсем иное чувство, душа уже не гибнет, а будто бы воскресает:

«Люблю, люблю!..» — Моя душа так рада
На этом свете снова видеть свет.
Ей так легко, ей ничего не надо,
Ей всё равно — ты любишь или нет.
(«Я в жизни только раз сказал «люблю»...»)

Душа лирического героя Юрия Кузнецова теперь «по-тютчевски» изнывает:

А в стороне, земли не узнавая,
Поёт любовь последняя моя.
Слова зовут и гаснут, изнывая,
И вновь звучат из бездны бытия.
(«На темном склоне медлю, засыпая...»)

В тютчевской традиции любовь одновременно и губительное, и воскрешающее чувство, но в отношениях его героев всё же доминирует смирение: они принимают игру судьбы. У Кузнецова же любовь — это не только скрытая, изнуряющая борьба сердец, но и открытая тяжкая ненависть. Отношения поэтов двух эпох — это диалог, часто даже спор, именно он даёт возможность увидеть, как по-новому прорастают поэтические образы Тютчева в лирике другой эпохи.

Стихи Тютчева, слава Богу, давно включены в основную часть школьной программы, вот как они отражены в кодификаторе ЕГЭ: «Полдень», «Певучесть есть в морских волнах...», «С поляны коршун поднялся...», «Есть в осени первоначальной...», «Silentium!», «Не то, что мните вы, природа...», «Умом Россию не понять...», «О, как убийственно мы любим...», «Нам не дано предугадать...», «К. Б.» («Я встретил вас — и всё былое...»), «Природа — сфинкс. И тем она верней...». Прежде всего здесь представлена его поэтическая натурфилософия, которая тоже во многом перекликается с шеллинговскими взглядами на природу как на бессознательного носителя разума. Сколько гармонии и неги в пейзаже тютчевского «Полдня»:

Лениво дышит полдень мглистый,
Лениво катится река,
В лазури пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И снова мы видим черты новой поэтики, совсем далёкой от пушкинской традиции: в одной строфе трижды употреблённый эпитет «ленивый», сильная аллитерация на сонорные — всё это напоминает приёмы звукописи поэтов уже другого поэтического века — Серебряного!

«Не то, что мните вы, природа...»

В этом «школьном» списке, помимо «Silentium!», наиболее важным по глубине открываемых смыслов нам кажется стихотворение «Певучесть есть в морских волнах...»:

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

Лирический герой пытается понять, как и почему человек, создание природы, воплощающей гармонию, этой гармонии лишён, а значит, обречён на существование в мире хаоса:

Невозмутимый строй во всём,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаём.

Если природа и человек — это части одной Мировой души, то почему судьба человечества и человека в частности трагична:

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поёт, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

Образ «мыслящего тростника» — реминисценция из учения французского философа XVII века Блеза Паскаля: «Человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он — *тростник мыслящий*. Чтобы его уничтожить, вовсе не надо быть всей Вселенной: достаточно дуновения ветра, капли воды. Но пусть даже его уничтожит Вселенная, человек всё равно возвышеннее, чем она, ибо сознаёт, что расстанется с жизнью и что слабее Вселенной, а она ничего не сознаёт» [4]. Этот образ очень важен для понимания мировоззрения Тютчева, ведь стремясь к этой природной гармонии и сознавая невозможность достижения этого идеала, что вообще характерно для романтического ощущения, он убеждает, что человек будет вечно бороться за приближение к этому идеалу, пусть и обречённое на трагическую неудачу:

И от земли до крайних звезд
Всё безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянной протест?

В философской лирике Тютчева можно найти и эсхатологические строки, его «Последний катаклизм» — это предупреждение человечеству о возможном приближении конца света, но конец этот будет началом света нового, ибо над разрушением состава земных частей мы видим образ Всевышнего:

Когда пробьёт последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!

Тютчев гениален ещё и потому, что в коротких, афористичных строках (всего-то четверостишие!) смог создать такую поэтическую головоломку, которую потомкам разгадывать и до конца не разгадать, ведь символическая природа образов Тютчева такова, что однозначное определение смысла художественного образа здесь просто невозможно. Это относится и к популярной сейчас, наверное, самой известной в народе поэтической сентенции «Умом Россию не понять...», и к «Не то, что мните вы, природа...».

«Счастлив, кто посетил сей мир...»

Известный исследователь творчества Тютчева советского периода, его правнук и биограф — Кирилл Васильевич Пигарёв — в статье 1980-го года написал: «В наши дни о Тютчеве более «не спорят». Его изучают и — что гораздо важнее — читают» [5]. Конечно, речь идёт о том, что поэтическое творчество Фёдора Ивановича Тютчева давно уже никто не считает второстепенным по сравнению со стихотворениями остросоциальной, политической тематики. Но спорить о тайных, глубинных смыслах его поэзии всё же будут: гений Тютчева коснулся таких тайн души человека

и мира природы, Космоса и Хаоса в жизни общества и личности, что поэзия его всегда будет для ценителей поэтического слова, поэтической мысли — пищей для ума и чувств. Но, впрочем, как сказал сам Поэт в одном из поздних поэтических афоризмов: «Нам не дано предугадать...»

Эссе филологов Татьяны Кондратовой и Марии Тюльпиной о Фёдоре Ивановиче Тютчеве субъективно, как любое произведение этого жанра. Авторы делают попытку проследить процесс собственного постижения поэтического мира великого русского поэта, восприятия его образов в разные периоды жизни. Особое внимание в эссе уделено философской лирике Тютчева, создавшего свою поэтическую вселенную, пытавшегося объяснить законы мироздания и место в нём человека. Влияние тютчевской традиции на поэзию XX столетия показано на примере любовной лирики Юрия Кузнецова.

Список литературы

1. Анкудинов К.Н. Золотая стрела Аполлона// Кузнецов Ю.П. Стихотворения. — М.: Эксмо, 2011. — С. 29
2. Бондаренко В.Г. Последний олимпиец// Последние поэты империи. — М.: Молодая гвардия, 2005. — С. 557.
3. Кузнецов Ю.В. «Ты чужие слова повторяла...»// Стихотворения. — М.: Мол. Гвардия, 1990.
4. Паскаль Блез. Мысли / Пер. с фр., вступ. статья, коммент. Ю.А. Гинзбург. — М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. — 480 с.
5. Пигарёв К.В. Тютчев и его поэтическое наследие / Тютчев Ф.И. Собр. Соч. в 2-х т., М.: Изд-во «Правда». — Т. 1, 1980. — С. 36
6. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1987. — 637 с.

ИЗБРАННИК ДУХА

Из всех русских поэтов Фёдор Иванович Тютчев, пожалуй, меньше, чем кто-либо, заботился о своей литературной известности. Он начал печататься, как и многие другие писатели, в молодости; двадцати трёх — двадцати четырёх лет уже публиковал свои стихи в альманахах «Уrania» и «Северная лира», а затем — в журналах «Русский зритель», «Галатей», «Атеней», «Телескоп» и других. Хотя эти издания в тогдашней России были негромкими, творческому самоощущению молодого поэта ничто не могло повредить: к его стихам проявляли внимание в разных редакциях.

Да и сам Тютчев, вероятно, сознавал, каким даром владеет. Среди первых же напечатанных произведений были и те, что позднее вошли в число его шедевров: «Весенняя гроза» («Люблю грозу в начале мая...»), «Летний вечер» («Уж солнца раскаленный шар...»), «Бессонница» («Часов однообразный бой...»), «Утро в горах» («Лазурь небесная смеется...»), «Сны» («Как океан объемлет шар земной...»), «Последний катаклизм» («Когда пробьет последний час природы...»), «Цицерон» («Оратор римский говорил...»), «Весенние воды» («Еще в полях белеет снег...»), «Silentium» («Молчи, скрывайся и тай...»)¹.

Но Фёдор Тютчев как-то очень уж небрежно относился к собственному сочинительству, не придавал ему никакого значения. «...возвращаюсь к моим виршам, — мимоходом писал он в одном послании. — Делайте с ними что хотите, без всякого ограничения или оговорок, ибо они — ваша собственность». И там же: «...я сильно сомневаюсь, чтобы бумагомаранье, которое я вам послал, заслуживало чести быть напечатанным, в особенности отдельной книжкой».

А между тем, он любил поэзию, как занятие, открывал в ней всё новые и новые имена, знал её могучее воздействие на людей. Известный переводчик Семён Раич, приглашённый родителями юного Фёдора в качестве наставника сына, сумел разглядеть в нём поэтические способности и сделал многое для того, чтобы развить их. «С удовольствием, — писал он позже, — вспоминаю я о тех сладостных часах, когда, бывало, весною и летом, живя в подмосковной, мы вдвоём с Ф.И. выходили из дому, запасались Горацием, Вергилием или кем-нибудь из отечественных писателей и, усевшись в роще, на холмике, углублялись в чтение и утопали в чистых наслаждениях красотами гениальных произведений поэзии! Около года никому не показывал я опытов моих в переводах², кроме Ф.И. Тютчева, вкусу которого я вполне доверял: необыкновенно даровитый от природы, он был уже посвящён в таинства поэзии и сам с любовью занимался ею; по тринадцатому году он переводил уже оды Горация с замечательным успехом...».

¹ Первый вариант этого стихотворения был опубликован в газете «Молва» в 1833 г., а затем в новой редакции — в пушкинском журнале «Современник» в 1836 г.

² С. Раич переводил тогда сочинения Вергилия.

Способности Тютчева с детства были поразительными. В шестнадцать лет он поступил на словесное отделение Московского университета и уже через два года закончил его. Фёдор Иванович определился в Государственную коллегию иностранных дел и был направлен в русскую дипломатическую миссию в Баварию.

В нашей критической литературе очень подробно живописуют, как Пушкин через вторые руки получил из Германии рукопись стихов Тютчева, пришёл в восхищение от них и вскоре напечатал в своем журнале «Современник». Но при этом скупое и невнятно объясняют читателю: как же это тридцатидвухлетний дипломат, оторванный от родины уже тринадцать лет, вдруг создал стихи, поразившие великого Пушкина? Как это строки «безвестного», чуть ли не «начинающего» автора (по многим публикациям выходит так) оказались написанными с высочайшим мастерством, европейским кругозором, глубоким знанием античного и средневекового искусства? И как это автор вдали от родины не только не забыл родной культуры, русского языка, но и показал искусное владение этим языком и кровную связь со всем, что так дорого всякому русскому — с природой, сказками, поверьями, бытом Отечества? Не это ли ощущаешь, читая присланные с чужбины строки:

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?

Или другое, которое, кажется, можно написать лишь среди глухих русских просторов, болезненно переживая их необжитость и неухоженность:

Песок сыпучий по колени...
Мы едем — поздно — меркнет день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слились тень.
Черней и чаще бор глубокий —
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стокий,
Глядит из каждого куста!

Так как же Тютчев написал это в чужих краях, девятнадцати лет оставив родные пенаты?

* * *

Он всегда, с детства, любил учиться. К рассказу его домашнего учителя С. Раича добавим свидетельства университетского товарища Тютчева Михаила Погодина, впоследствии известного историка, профессора, редактора журнала «Москвитянин». Погодин вёл дневник и во многих записях рассказал о своих беседах с приятелем.

«1820 г. (Заметим, что Ф. Тютчеву только семнадцать лет, — *А. Р.*) 9 августа. Разговаривал с ним о немецкой, русской, французской литера-

туре, о религии, о Моисее, о божественности Иисуса Христа, об авторах, писавших об этом: Виланде, Лессинге, Шиллере, Аддисоне, Паскале, Руссо... Ещё разговаривал о бедности нашей в писателях. Что у нас есть? Какие книги имеем мы от наших богословов, философов, математиков, физиков, химиков, медиков? О препятствиях у нас к просвещению. Тютчев прекрасный молодой человек!».

«13 октября. Говорил с Тютчевым ... о русской словесности, о влиянии, какое словесность одного языка имеет на словесность другого, о немецкой словесности, о преимуществе её пред французскою, об образе преподавания. Мерзляков³ должен, сказал Тютчев, показать нам историю русской словесности, должен показать, какое влияние каждый писатель наш имел на ход её, чем именно способствовал к улучшению языка, чем отличается от другого и проч. Это правда».

М. Погодин упоминает разговоры с товарищем о молодом Пушкине, «о свободном и благородном духе его мыслей», об оде его «Вольность». Тютчев восхищался поэмой «Руслан и Людмила», высказывал суждения о Лессинге, Гёте и Шиллере, советовал Погодину перевести на латинский язык «Слово о полку Игореве». Автор дневника неизменно подчёркивал: «Тютчев имеет редкие, блестящие дарования».

И вот этот человек, закончивший университет со степенью кандидата словесных наук, попадает в Европу. Он дружески общается с выдающимся немецким философом Шеллингом и великим поэтом Генрихом Гейне, переводит его стихи, а также произведения Гёте и Шиллера, со жгучим вниманием следит за политической и духовной жизнью ведущих европейских стран. Иван Аксаков, написавший биографию Тютчева, утверждал: «Он уже и в России учился лучше, чем многие его сверстники — поэты, а германская среда была ещё способнее расположить к учению, чем тогдашняя наша русская, и особенно петербургская. Переехав за границу, Тютчев очутился у самого родника европейской науки: там она была в подлиннике, а не в жалкой копии или карикатуре; у себя, в своём дому, а не в гостях, на чужой квартире». Поэт, по словам Аксакова, в познании нового «не только никогда не знал пресыщения, но и сытости никогда не давала ему никакая умственная трапеза. Это был пламень, мгновенно пожиривший всякое встречавшееся ему и им самим творимое явление мысли и непрерывно вновь сам из себя возгоравшийся...».

Братья Иван и Пётр Киреевские, встречавшиеся с Тютчевым в Мюнхене в первые годы его пребывания там, были покорены, как признавался Пётр, его «умом, образованностью и необыкновенной добротой». Иван в 1830 году, при отъезде поэта в отпуск на родину, писал: «Желал бы я, чтобы Тютчев совсем остался в России. Он мог бы быть полезен даже только присутствием своим, потому что у нас таких людей европейских можно счесть по пальцам».

Но при всём том все привязанности поэта оставались русскими. Его постоянной, неослабевающей страстью было — постигать Россию, осмысливать любое событие — политическое, общественное, литературное —

³ А. Мерзляков — профессор университета, поэт, автор знаменитой песни «Среди долины ровныя...», романсов, близких к русскому фольклору.

с точки зрения его пользы или вреда для своей родины. «Хоть я и не привык жить в России, — писал он родителям из Мюнхена, — но думаю, что невозможно быть более привязанным к своей стране, нежели я, более постоянно озабоченным тем, что до неё относится».

Мы не будем касаться его живейшего отклика на всякое значительное событие европейской и русской политики, идёт ли речь о восстании в Польше или о распрях Германии и Австрии со своими соседями. Не будем касаться многочисленных и необычных по прозорливости писем Тютчева, адресованных видным сановникам и друзьям-литераторам и содержащих политические оценки. Это, конечно, говорит о том, как глубоко переживал он за судьбу России, её успехи и неудачи в сообществе народов. Но нас больше интересует сращенность Тютчева с духовной жизнью родины, её прошлой и современной культурой. А это тоже полно отражается и в стихах, и в письмах поэта.

Возьмите его наиболее известные стихи о природе, написанные до 1844 года, до возвращения Тютчева в Россию. Впечатление такое, что они созданы на родине. И дело не в каких-то приметах русского пейзажа; как раз особых, свойственных нашей природе примет-то в тютчевских стихах нет. Но есть что-то, что трудно определить одним словом, — некое воодушевление, очарованность, которые испытывает русский человек при виде родных снегов, весеннего половодья или расцветшего луга. Не скажешь: чисто русский пейзаж, но скажешь: чувство, которое рождается картиной, — родственное, многократно пережитое.

Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идёт, весна идёт!
Мы молодой Весны гонцы,
Она нас выслала вперёд!».

Весна идёт, весна идёт,
И тихих, тёплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!..
(«Весенние воды»)

Ещё в начальной школе учили мы наизусть стихотворение Фёдора Тютчева «Весенняя гроза». Но если бы учительница сказала: «Дети, эти стихи написаны в Германии молодым русским поэтом, который совсем юным уехал туда. Наверно, он тосковал о родине и написал стихотворение как воспоминание о ней». Такое объяснение было бы чуждо любому ребёнку. Какая Германия, когда каждое слово в «Весенней грозе» — про нашу деревенскую грозу! Если и непонятно что-то в стихах, так это «перлы дождевые» да Геба с Зевесовым орлом, — но их можно простить Тютчеву: он же поэт старинный.

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.
(«Весенняя гроза»)

24 Современники говорили, что Тютчев до конца своих дней сохранял привычку прочитывать всё самое интересное, что появлялось в отечественной литературе. Он пишет из Мюнхена: «...я с истинным наслаждением прочитал три повести Павлова⁴, главным образом последнюю. Кроме художественного таланта, достигающего тут редкой зрелости, я был в особенности поражён возмужалостью, совершеннолетием русской мысли... Мне приятно воздать честь русскому уму, по самой сущности своей чуждающемуся риторике, которая составляет язву или скорее первородный грех французского ума. Вот отчего Пушкин так высоко стоит над всеми современными французскими поэтами...».

Тютчев выписывает журнал «Современник», постоянно просит родных и знакомых прислать ему из России книжных новинок. А вернувшись домой, ищет публикации, пропущенные им. Так, он, зная неохоту П. Вяземского одалживать кому-либо книги, слёзно просит у него «несколько русских книг, например, один или два тома Гоголя, последнего издания, где находятся отдельные произведения, с которыми...» он «ещё не знаком».

Особый интерес проявил Фёдор Тютчев в годы заграничной службы к родному фольклору и древнерусской литературе. На эти сокровища у него был свой, мудрый, взгляд. Как это не раз случалось с поэтом, осознать богатства отечественной культуры ему помогла именно европейская жизнь. Он писал Петру Вяземскому: «... враждебность, проявляемая к нам Европой, есть, может быть, величайшая услуга, которую она в состоянии нам оказать. Это, положительно, не без промысла. Нужна была эта, с каждым днём всё более явная враждебность, чтобы принудить нас углубиться в самих себя, чтобы заставить нас осознать себя. А для общества, так же

⁴ Речь идёт о повестях прозаика, ровесника Тютчева Николая Павлова «Именины», «Аукцион» и «Ятаган», вышедших в 1835 г.

как и для отдельной личности, — первое условие всякого прогресса есть самопознание».

Вторая четверть девятнадцатого века как раз и стала для причастных к русскому искусству и культуре временем осознания своего духовного родословия. Произошёл гигантский всплеск интереса к самобытному народному творчеству, к нашей древней литературе. Вышли в свет знаменитые «Древние стихотворения, собранные Киршей Даниловым», памятник литературы пятнадцатого века «Сказание о Мамаевом побоище», несколько исследований фольклориста И. Сахарова «Песни русского народа», «Русские народные сказки», «Сказания русского народа», «Русские древние памятники», началась публикация полного собрания русских летописей. Появились подвижники национальной культуры: братья П. и И. Киреевские начали собирать образцы отечественного фольклора, доктор В. Даль приступил к осуществлению своего звёздного замысла — созданию «Толкового словаря живого великорусского языка». Многие поэты и прозаики увлеклись обработкой народных сказок и песен, созданием собственных песен, близких к фольклорным. Это подвижничество талантливых людей не могло пройти мимо внимания Фёдора Тютчева.

Помните, как просил он М. Погодина перевести «Слово о полку Игореве» на латинский язык (его понимали и немцы, и французы, и испанцы, и, конечно, итальянцы); или как восхищался пушкинской поэмой «Руслан и Людмила». Подтверждение того, что пристрастие Тютчева студенческой поры к творчеству родного народа не угасало, а разгоралось, пришло к нам от немецкого писателя Э. Варнгагена, с которым молодой русский дипломат подружился в Мюнхене. Соотечественник Гейне записал в своём дневнике: «С необычайным знанием дела рассказывал Тютчев об особенностях русских людей и вообще славян; он выказал возвышенный исторический взгляд на старинные несогласия и борьбу между церквями латинскою и греческою, о наречиях, нравах и формах правления; сообщил о новых открытиях в области русской средневековой литературы, особенно в духовной; также по части летописей, песен и былин. Всё кажется новым, как было одно время и у нас с Нибелунгами, Миннезингерами⁵ и т.д.

Для каждого писателя, пожалуй, сомнительной похвалой будут слова: «Он хорошо знает родной язык». И всё же корифеи нашей литературы по-особому, виртуозно владели родным языком, прекрасно знали его образительные, живописные возможности.

Тютчев принадлежал именно к таким мастерам слова. Получив, к примеру, новое стихотворение Петра Вяземского, своего старшего друга, он советовал автору: «...я полагаю, что лучше будет в стихе: «И нет конца твоим стрелам...» — поставить так: «И счету нет твоим стрелам...», по той причине, что *конец* стрел может, пожалуй, означать *острие* стрел, и в таком случае фраза оказалась бы несколько двусмысленной».

Рассказывали, что Лев Толстой, чародей прозы, как-то вспоминал: «Когда я жил в Петербурге после Севастополя, Тютчев, тогда знаменитый, сделал мне, молодому писателю, честь и пришёл ко мне. И тогда,

⁵ «Песни о Нибелунгах» — немецкий народный эпос о нибелунгах, обладателях чудесного золотого клада. Миннезингеры — средневековые немецкие поэты, «певцы любви».

я помню, меня поразило, как он, всю жизнь вращавшийся в придворных сферах, говоривший и писавший по-французски свободнее, чем по-русски, выражая мне своё одобрение по поводу моих «Севастопольских рассказов», особенно оценил какое-то выражение солдат; и эта чуткость к русскому языку меня в нём удивила чрезвычайно». С книгой Тютчева в руках мы полностью согласимся с выводом историка и философа Юрия Самарина, дружившего с Фёдором Ивановичем: в русском языке поэту «удалось отыскать... такие тонкости, такие богатства и средства, которые в нём были несомненно, но которых никто не подозревал».

Осенью 1854 года, когда Россия вела тяжелейшую войну с Турцией и союзными с нею Англией и Францией, Тютчев взывал, как к могучей духовной опоре, к родному языку — и какие слова нашёл поэт в его глубинах! Эти строки могли удесятерить силы наших отцов в Великую Отечественную, они ещё не раз укрепят детей России в чёрные годы:

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...

Ложь воплотилась в булат;
Каким-то божьим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...

Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!

Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье, —
Ты — лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещенье!

О, в этом испытанье строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед богом...

Закljučая эту часть разговора, хочу отослать вас ещё к одному современнику поэта. К Ивану Аксакову, мужу старшей дочери Тютчева, Анны, автору биографического очерка о Фёдоре Ивановиче. По-моему, он открыл один из главных секретов творчества поэта. Подтвердив в очередной раз, что Тютчев в общении часто говорил по-французски и даже многие статьи, адресованные зарубежному читателю, писал на этом языке, Аксаков убеждённо заявлял: «А между тем стихи у Тютчева творились *только по-русски* (курсив автора, — *А.Р.*). Значит, из глубочайшей глубины его духа была ключом у него поэзия, из глубины, недостижимой даже для его

собственной воли; из тех тайников, где живёт наша первообразная природная стихия, где обитает самая правда человека...»

Ну а как же без этой потаённой силы, без «природной стихии» в душе могли бы родиться строки, ставшие образом самой России, её точным пластическим слепком:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удручённый ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

* * *

Итак, в мае 1836 года Иван Гагарин, сослуживец Фёдора Ивановича и большой поклонник его поэзии, атташе в Мюнхене, отозванный в Петербург, передал в журнал «Современник» рукопись стихов Тютчева. Они вызвали радостное одобрение А. Пушкина, В. Жуковского, П. Вяземского. Шестнадцать произведений Александр Сергеевич сразу же поместил в третьем томе своего журнала за тот год и восемь — в следующем, четвёртом. Пётр Плетнёв, продолживший после гибели Пушкина издание «Современника», рассказывал: «Ещё живы свидетели того изумления и восторга, с каким Пушкин встретил неожиданное появление этих стихотворений, исполненных глубины мыслей, яркости красок, новости и силы языка. Во всём была ошутительна свежая кисть художника. Он каждому предмету сообщает ясный образ, привлекательное положение и удивительную грацию».

В этой оценке тютчевских стихов не зря на первом месте стоит «глубина мыслей». Вероятно, это качество в первую очередь бросилось в глаза и Пушкину. Неожиданно открытый им автор предложил читателю свои поэтические размышления, философское осмысление того, что он видел, что пережил. Тютчев продолжил русскую философскую лирику, в которой уже так много сказал и сам Александр Сергеевич, и его предшественники и современники — Г. Державин, К. Рылеев, Е. Баратынский, К. Батюшков, Д. Веневитинов, П. Вяземский. Но он не просто продолжил их линию, он создал поэтический мир, в котором царил Мысль.

Даже стихи о природе, даже стихи о любви к женщине — строки любого лирического монолога Ф. Тютчева — одухотворены мыслью, освещены ею; они рождают у нас ощущение, что картину природы или возвышенное, а то и мучительно болезненное чувство рисует поэт, ищущий в них духовную сущность. В самом деле, прочтите:

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть!..
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, лёгкий шелест,

Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землёю
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,

Ущерб, изнеможенье — и на всём
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовём
Божественной стыдливостью страданья!
(«Осенний вечер»)

Сокровенный смысл пейзажа, связь природы с чувствами и настроениями человека — всё это занимало не только русскую, но и мировую лирику во все времена. В мировой поэзии составят тома стихи, которые передают голос «мыслящей» природы. Но для Тютчева это — непреложная истина, постоянно присутствующая в его стихах. Для него любое явление природы таит в себе мысль — вечную и живую, до поры скрытую и неизреченную.

О чём ты воешь, ветер ночной?
О чём так сетуешь безумно?
Что значит странный голос твой,
То глухо-жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь, и взрываешь в нём
Порой неистовые звуки!..

О! страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвётся он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О! бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

Вы скажете: да, философски осмысливать жизнь природы — это способность, а может быть, и обязанность поэта. Но стихи о любви — какая философия может сопутствовать этому чувству, глубоко личному, часто трудно объяснимому и такому богатому по своим проявлениям? Стихи Тютчева — доказательство того, что и этому переживанию может сопутствовать размышление, тоже очень личное и в то же время поучительное для читателя, обогащающее его, отмеченное высшим знанием человеческой души. Ярче всего эта черта тютчевской лирики проявилась в строках, обращенных

к Елене Александровне Денисьевой, необыкновенной женщине, которая была на двадцать три года моложе Фёдора Ивановича. Их любовь, их дети, рождённые вне брака — всё это принесло обоим много страданий и счастья.

Стихи «денисьевского» цикла отмечены мучительными, смешанными чувствами небесного блаженства и вины поэта перед любимой женщиной, вины, конечно, мнимой:

Играй, покуда над тобою
Ещё безоблачна лазурь;
Играй с людьми, играй с судьбою,
Ты — жизнь, назначенная к бою,
Ты — сердце, жаждущее бурь...

Как часто, грустными мечтами
Томимый, на тебя гляжу,
И взор туманится слезами...
Зачем? Что общего меж нами?
Ты жить идёшь — я ухожу.

Я слышал утренние грёзы
Лишь пробудившегося дня...
Но поздние, живые грозы,
Но взрыв страстей, но страсти слёзы, —
Нет, это всё не для меня!

Но, может быть, под зноем лета
Ты вспомнишь о своей вине...
О, вспомни и про время это,
Как о забытом до рассвета,
Нам смутно грезившемся сне.

Теперь посмотрим, сколько прозорливых и горьких открытий, сопутствовавших поздней любви, оставил нам Тютчев в стихах. Тут переплелось всё: роковое слияние и роковой поединок двух любящих душ, отречение от молодости одного и страстный, так оправданный эгоизм другого, незаслуженный позор чистого существа и терзания опытного, благородного сердца, дикая молва толпы и святое право двоих на счастье... И над всей этой трагедией и окрылённостью человеческих судеб слышатся благословение небесного судьи, его мудрые глаголы:

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

.....
Чему молилась ты с любовью,
Что, как святыню, берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн, и жертв, доступных ей.

Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Её спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!

.....
Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

.....
О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.

Мы редко сопоставляем личные качества поэта и его стихи. Бывает иногда, что провозглашаемое автором совсем не согласуется с его поведением. Тютчев был человеком, который свято соблюдал единство слова и поведения. В стихах и письмах он представлял себя даже в худшем свете, чем был в жизни. Высочайшая нравственная требовательность к себе, постоянно ощущаемая вина — всё это составляет чувственную основу «денисьевского» цикла стихов и всё это окрашивает их в трагические тона. А если прибавить к этому, что строки и личной драме поэта написаны с большим эмоциональным накалом и с полной искренностью, то станет понятно, почему они уже полтора столетия так жалеюще действуют на читательские сердца.

Вот что писал Фёдор Иванович одному из близких людей в декабре 1864 года, через несколько месяцев после кончины Е. Денисьевой: «Я помню, раз как-то в Бадене, гуляя, она заговорила о желании своём, чтобы я серьёзно занялся вторичным изданием моих стихов, и так мило, с такой любовью созналась, что так отрадно было бы для неё, если бы во главе этого издания стояло её имя — не имя, которого она не любила, но она. И что же — поверите ли вы этому? — вместо благодарности, вместо любви и обожания, я, не знаю почему, высказал ей какое-то несогласие, нерасположение, мне как-то показалось, что с её стороны подобное требование не совсем великодушно, что, зная, до какой степени я весь её («ты мой собственный», как она говорила), ей нечего, незачем было желать ещё других печатных заявлений, которыми могли бы огорчиться или оскорбиться другие личности. За этим последовала одна из тех сцен, слишком

вам известных, которые всё более и более подтачивали её жизнь и довели нас — её до Волкова поля⁶, а меня — до чего-то такого, чему и имени нет ни на каком человеческом языке... О, как она была права в своих самых крайних требованиях, как она верно предчувствовала, что должно было неизбежно случиться при моём тупом непонимании того, что составляло жизненное для неё условие. Сколько раз говорила она мне, что придёт для меня время страшного, беспощадного, неумолимо-отчаянного раскаяния, но что будет поздно. Я слушал — и не понимал. Я, вероятно, полагал, что так как её любовь была беспредельна, так и жизненные силы её неистощимы — и так пошло, так подло — на все её вопли и стоны — отвечал ей этою глупою фразой: «Ты хочешь невозможного...».

А вот как те же чувства проявились в поэзии:

Есть и в моём страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других...
Их тяжкий гнёт, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.

Вдруг всё замрёт, слезам и умиленью
Нет доступа, всё пусто и темно,
Минувшее не веет лёгкой тенью,
А под землёй, как труп, лежит оно.

Ах, и над ним в действительности ясной,
Но без любви, без солнечных лучей,
Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.

И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу —
Разбитый чёлн, заброшенный волною
На безымянном диком берегу.

О господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассей:
Ты взял её, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней, —

По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям, и судьбе, —

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.

⁶ Волково кладбище в Петербурге.

Фёдор Тютчев выстрадал и запечатлел в любовных стихах много истин, которые необходимы нам, как трагические уроки и как сокровенные пожелания. Не удивительно, что в одно время с приведённым выше стихотворением Фёдор Иванович пишет другое, адресованное его тридцатилетней незамужней дочери Дарье, выпускнице Смольного института и фрейлине императрицы. Судьба Е. Денисьевой как будто пророчит поэту драму его дочери — и он спешит ободрить её, высказать ей своё желание — «...посвятить себя тебе, моё бедное, милое дитя, — тебе, столь любящей и столь одинокой, внешне столь мало рассудительной и столь глубоко искренней, — тебе, кому я, быть может, передал по наследству это ужасное свойство, не имеющее названия, нарушающее всякое равновесие в жизни, эту жажду любви, которая у тебя, моё бедное дитя, осталась неутолённой». А рядом стихи, посланные ей. И, конечно, читателю, вечности:

Когда на то нет божьего согласия,
Как ни страдай она, любя,
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...

Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!

Он, милосердный, всемогущий,
Он, греющий своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском.

* * *

Недалёкие критики нередко так судят о поэтах: «Он был чиновником, а это несовместимо с поэзией». Или: «Он слишком увлекался политикой, событиями текущей жизни — это портило его стихи». Но служили многие поэты, даже и великие. Службе государственной (т.е. чиновничьей), военной, издательской, редакторской отдали дань и Державин, и Крылов, и Пушкин, и Лермонтов, и Тютчев, и Некрасов, и Блок, и Твардовский... Их души хватало и на это; причём, их талант часто проявлялся и в службе. Увлечение политикой тоже не вредило великим поэтам. Возможно, благодаря этому появились бессмертные творения русской лирики: пушкинские «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», многие стихи Некрасова и Тютчева, «Скифы» Блока, другие произведения отечественных поэтов.

Пример Тютчева наглядно показывает, что разнообразие его интересов и занятий вовсе не шло во вред творчеству. Поэт не тяготился ни службой, ни погружённостью в европейскую политику, скорее наоборот, отдавался «не поэтическим» заботам со всей страстью своей гениальной природы.

Петр Плетнёв, которого мы уже цитировали, пенял современникам: «В литературе нашей смотрят на Ф.И. Тютчева только как на одного

из лучших поэтов. Но молодое поколение писателей успело уже убедиться, какой тонкий и высокий критический ум соединился в нём с поэтическим талантом... Если бы когда-нибудь можно было, в дополнение к небольшому числу изданных им сочинений, присоединить всё, чем он увлекает внимательный ум как публицист, как философ, как историк и даже юрист, то без сомнения в его лице представился бы нам замечательнейший человек нашего времени, не только по таланту и уму, но и по обширности современных знаний».

А публицист Владимир Мещерский, внук Карамзина, с детства видевший Тютчева и в доме своих родителей, и в доме великого деда, писал: «Политика и поэзия, в самом широком значении этих двух понятий, были сущностью его жизни — политика мировой всецелой жизни человечества и политика как совокупность вопросов, живо и горячо затрагивающих интересы России и устраивающих её будущее. Наряду же с политикой стояла и поэзия, являвшаяся чем-то родственным политике в духовном существе его; и в ней, как в мирной пристани, он находил себе утешение от людей, которые делали политические ошибки, и успокоение от событий, тревоживших его душу».

И в самом деле, только страстному увлечению событиями российской политики, как и поэтическому таланту Фёдора Ивановича, обязана русская лирика такими жемчужинами (поясним, что в стихотворении, которое вы прочтёте, Тютчев имеет в виду государственного канцлера России графа К. Нессельроде, делавшего ставку на дружбу с Австрией в ущерб отношениям со славянскими странами):

Нет, карлик мой! трус беспримерный!..
Ты, как ни жмися, как ни трусь,
Своей душою маловойрной
Не соблазнишь Святую Русь...

Иль, все святые упования,
Все убежденья потребя,
Она от своего призванья
Вдруг отречётся для тебя?..

Иль так ты дорог провиденью,
Так дружен с ним, так заодно,
Что, дорожа своею ленью,
Вдруг остановится оно?

Не верь в Святую Русь кто хочет,
Лишь верь она себе самой, —
И бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской.

То, что обещано судьбами
Уж в колыбели было ей,
Что ей завещано веками
И верой всех её царей, —

То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орёл Екатерины
Уж прикрывал своим крылом, —

Венца и скиптра Византии
Вам не удастся нас лишить!
Всемирную судьбу России —
Нет, вам её не запрудить!..

Да и знаменитое:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить, —

родилось, конечно, в результате долгих раздумий над судьбой собственной «загадочной» страны.

Как любой крупный поэт и мыслитель, Тютчев современен. Не преходящая зловонность, а глубинные основы жизни, увиденные особым взглядом философа и провидца, делают его строки современными. Да, поэт был консерватором, да, он отвергал насилие, но правда, которую он говорил своему народу и царям, была мятежна, взрывна, неподвластна теориям, выгодным власти. У подлинного поэта эта правда не может быть иной. Прочтите, что он адресовал Николаю Первому:

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

У Тютчева есть стихи, которые сегодня читаются как пророчество поэта, как тревога и надежда нашего современника. Приведу только одно из них. Такие стихи и ныне могут нравственно поддержать народ, который вновь страдает и жаждет свободы; уверенность поэта, что она придёт и оживит народную душу, разгонит бесов, — целительна.

Над этой тёмною толпой
Непробуждённого народа
Взойдёшь ли ты когда, Свобода,
Блеснёт ли луч твой золотой?..

Блеснёт твой луч и оживит,
И сон разгонит, и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...

* * *

Тютчев долго шёл к русскому читателю. После публикаций в журнале «Современник» поэт ничего не предпринял для того, чтобы выпустить свои стихи отдельной книгой. Его строки время от времени появлялись в столичных журналах, но знали его немногие. И лишь в 1854 году редакция «Современника» издала первую книгу поэта. В 1868 году вышел дополненный новыми стихами второй сборник — и больше прижизненных книг Фёдора Ивановича не публиковалось. Такого примера, чтобы поэт огромного дарования, проживший семьдесят лет, издал только два сборника и оказался почти без внимания широкой публики, в русской литературе, пожалуй, не было. Но с Тютчевым оставалось признание подлинных ценителей поэзии — его великих современников, и это стало залогом того, что в конце концов его оценила вся Россия.

Лев Толстой признавался: «Когда-то Тургенев, Некрасов и К° едва могли уговорить меня прочесть Тютчева. Но зато когда я прочёл, то просто обмер от величины его творческого таланта».

С тех пор вошедший в славу прозаик не расставался с томиком поэта. Сохранились толстовские пометки на полях этой книги: «красота», «глубина» — с одним или несколькими восклицательными знаками. Философская миниатюра «Silentium» («Молчи, скрывайся и таи...») стала любимым стихотворением Льва Николаевича; он часто читал её наизусть в домашнем кругу и однажды с жаром сказал: «Что за удивительная вещь! Я не знаю лучше стихотворения».

Николай Некрасов первым в печати высоко оценил талант Тютчева. Приведя в своей статье стихотворение «Как океан объемлет шар земной...», Некрасов восторгался: «Последние четыре стиха удивительны: читая их, чувствуешь невольный трепет». А о стихотворении «Осенний вечер» он сказал: «...каждый стих его — перл, достойный любого из наших великих поэтов».

Иван Тургенев, уговоривший Тютчева выпустить первую книгу и составивший её, выразился категорично: «О Тютчеве не спорят. Кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии». Тургенев предсказал Фёдору Ивановичу будущую славу: «...такие стихотворения, каковы «Пошли, господь, свою отраду...» и другие, пройдут из конца в конец Россию и переживут многое в современной литературе, что теперь кажется долговечным и пользуется шумным успехом».

Восхищались стихами Тютчева Ф. Достоевский, А. Фет, Н. Чернышевский... В двадцатом веке уже никто не оспаривал право Ф. Тютчева стоять в ряду великих писателей. Мы выросли с его стихами и можем только удивляться: неужели когда-то его не ценили?

Ещё молодым Фёдор Иванович писал: «...я более всего любил отечество и поэзию». Но сколько же русских людей благодаря стихам Тютчева научилось любить отечество и поэзию! И сколько ещё научится!

Андрей РУМЯНЦЕВ, писатель

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

НЕУТОМИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Имя Нисона Ватника хорошо известно коломенцам. Родившись в столице солнечной Молдавии — Кишинёве, он настолько врос в коломенскую жизнь, что подмосковный город стал родным и горячо любимым не только для Нисона Семёновича, но и для всей его семьи.

Студенты исторического факультета Коломенского пединститута, где он работает с 1978 года, с гордостью называют себя его учениками, с чувством исполняют сочинённый учителем гимн факультета и всю жизнь вспоминают, как они склонялись под ребром мамонта, которым старейшина благословлял их на первом курсе.

Неутомимый исследователь истории Коломны, Нисон Ватник открыл немало неизвестных ранее страниц в деле развития образования в нашем городе, по-новому взглянул на происхождение коломенского герба, много времени посвятил изучению повседневной жизни провинциальных городов Подмосковья.

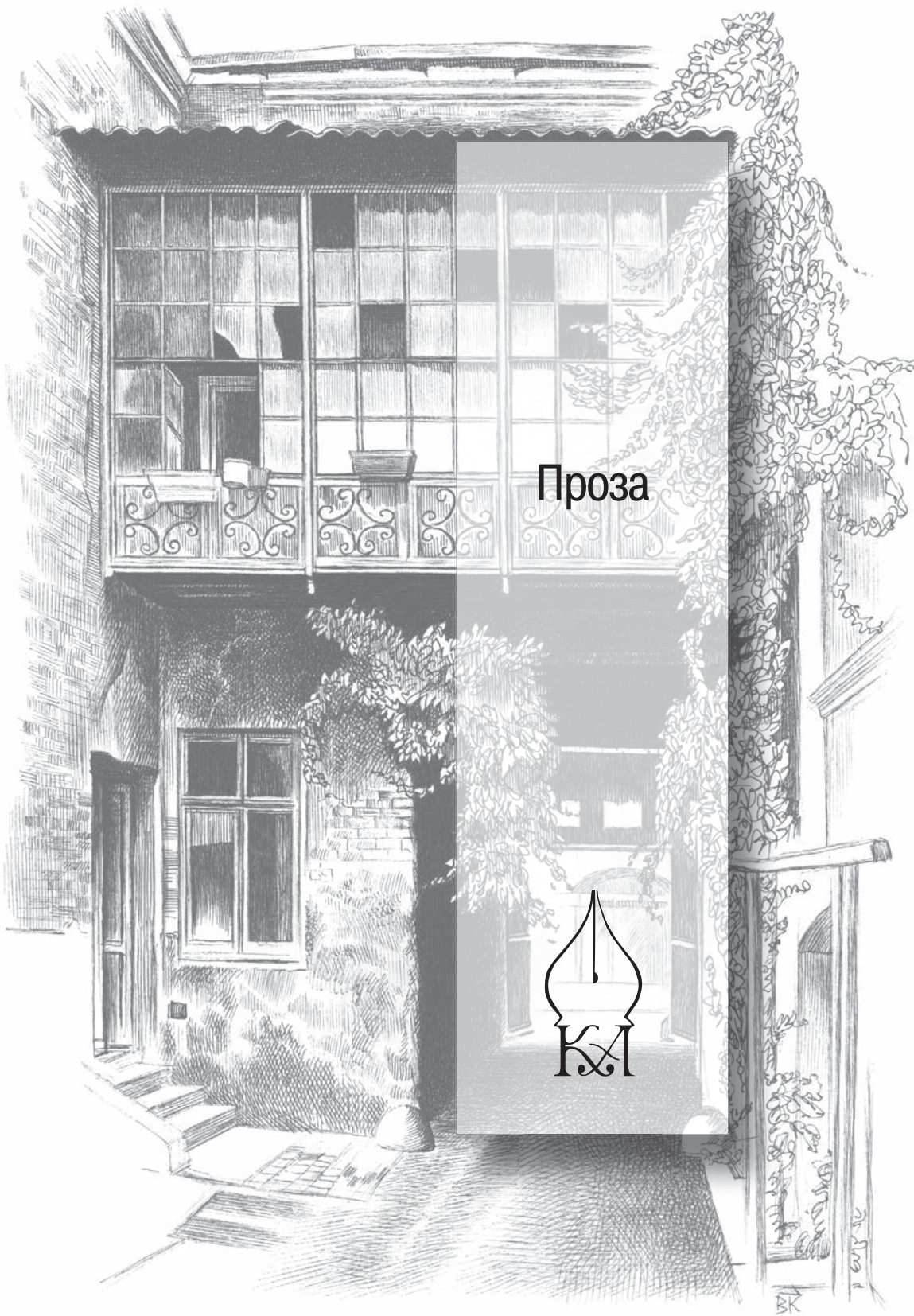
Им написаны десятки книг, статей, комментариев. Одной из важных сторон многогранной и кипучей деятельности историка явилась большая работа по подготовке материалов для «Коломенской энциклопедии».

И вот уже на протяжении многих лет он сотрудничает с «Коломенским альманахом», популяризируя найденное в архивах, рождённое в долгих раздумьях за рабочим столом. Совершенно заслуженным итогом данной работы стала премия И.И. Лажечникова, вручённая Нисону Семёновичу в 2021 году.

Редколлегия «Коломенского альманаха», его авторы и читатели поздравляют нашего дорогого юбиляра и желают ему крепкого здоровья и долгих кипучих лет научной и творческой активности во имя блага и процветания родного города!

Берегите себя, берегите друзей, берегите всех, кто вокруг Вас! Пусть всегда от Вашей работы мудрее, светлее и радостнее становится наш альманах!

Коллектив редакции

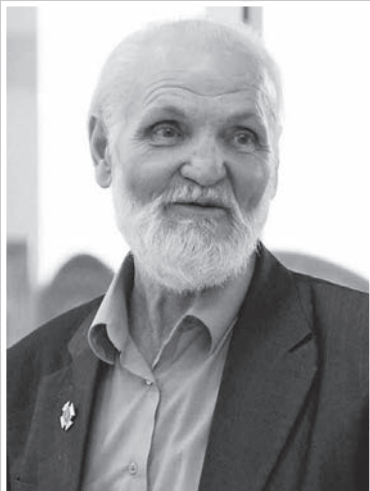
Проза

Графика Василины Королёвой

СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА

Владимир Николаевич Крупин — известный прозаик и публицист. Родился в 1941 году в селе Кильмезь Кировской области. Окончил областной пединститут в 1967 году. Живёт в Москве. Первую книгу выпустил в 1974 году, но широкое внимание привлёк к себе в 1980-м повестью «Живая вода». Блестящее художественное мастерство, виртуозное владение стилем, социально-философская острота произведений позволяют назвать В.Н. Крупина одним из лучших современных писателей. Миссию русского художника он видит в том, чтобы бороться «за воскрешение России...за чистоту и святость Православия». В 1990-92 годах — главный редактор журнала «Москва». Сопредседатель Союза писателей России. Первый лауреат Патриаршей литературной премии. Жил в Коломне в 1978, 1980 и 1984 годах.

Рассказ

Пора признаться в том, что я давно знаком с женщиной. Нет уж, говорить, так до конца — с этой женщиной мы любим друг друга. И когда мы раз в год сбегает, она — от своего мужа (он писатель), я — от своей жены (она учительница), то бываем счастливы. Счастью многое помогает — то, что она избавлена от изнуряющей повседневной готовки пищи на своего мужа, детей, избавлена от стирки, от работы, суеты, звонков, первые три дня она лежит на пляже почти бездыханно. Хотя сразу скажу, что бездеятельность она ненавидит. И я освобождаюсь от своей замордованности, вечного состояния вины за невыполненные обязанности в работе, семье, знакомствах, делах всяких обществ. В это время, когда мы с ней, почти всё кажется нереальным, потому что здешняя жизнь тоже нереальна: море рядом, кормят так, что один отдыхающий баталист на неделю обессмертил себя двустихием: «Еда на уровне министров, да и обслуживают быстро». Русской речи почти не слышно, а только иностранная, грузинская и абхазская.

Женщина эта делает со мной что хочет. Простой пример. Я волоку сюда работу, но, устав от всего предшествующего — от срывов, неудач, ссор с женой, горечи от поступков детей, от переживания за стариков родителей, — я и не чаю, что что-то смогу сделать. Но милая моя женщина всё прекрасно устраивает. Вот завтрак, вот она конвоирует меня сквозь десяток-другой знакомых, любой из которых может сожрать за полчаса все нервные клетки, отпущенные на этот день, вот заводит в комнату, приносит фруктов,

целует, запирает и оставляет. Что прикажете делать? Выход один — давать продукцию. И, совершенно не надеясь, что что-то получится, я начинаю перебирать наброски и эскизы. Что-то тут же уничтожаю, недоумевая, как это могло остановить внимание, но что-то хочется вспомнить, вернуть блеск и свежесть впечатления. Я закрываю глаза, вспоминаю, вспоминаю ... и через два часа с трудом пытаюсь вспомнить, о чём это я пытался вспомнить, так как оказывается, что эти два часа не сидел за столом, а лежал рядом с ним на диване. Но куда она денется, рано или поздно работа идёт. Хорошо выходит или плохо, об этом я сужу не только сам, мне дорог её отзыв. Когда она, посмотрев работу, — вначале быстро, потом по кусочкам, — говорит своё мнение, я всегда вредничаю. Если говорит, что сделано хорошо, заявляю, что это очень плохо, а если критикует, говорю: как это можно не понять такой шедевр. Но по опыту долгих лет я знаю её всегдашнюю правоту в оценках. Она тянет меня в кино или погулять, но, когда у меня дело идёт, сразу уступает и проводит вечера в обществе полюбивших её жен других творческих работников.

Продавали билеты на вечер органной музыки (здесь старинный храм приспособлен под концертный зал), она купила билеты, вынудив меня пойти тем, что билет достать невозможно, каков бы я был, если б не оценил её подвиг. Шёл я без всякой охоты. До последней минуты тянул, но признаюсь, что не последним в решении пойти было то, что она надела красивое, но уж очень сквозное платье, и меня ужасала ревнивая мысль, что на неё будут смотреть. А смотреть тут есть кому. Причём она красавица редкая — стоит ей пойти на рынок (одной), как почти каждая машина тормозит, и бравые усатые водители предлагают к услугам свой транспорт. Она хохочет, рассказывая. Но мне-то каково? Одно спасает — виду не давать, что такие рассказы задевают.

* * *

До зала нас хотели везти на автобусе, а он сломался. Я обрадовался — остаётся. И нас, может быть, и не повезли бы, но с нами были иностранцы, нашёлся другой автобус. Всё равно опоздали. Нас предупредили, что места заняты, что концерт идёт без перерыва, чтоб входили на цыпочках и, если согласны, слушали орган стоя на ногах.

Вышло даже так, что ей нашлось место, а я остался у огромной, сложенной из кирпича колонны. Посадили и иностранцев. Органистка сидела ко мне спиной, но я вначале не её заметил, а другую женщину, стоявшую рядом с ней для перелистывания нот. А ещё она переключала бесчисленные кнопки на огромном пульте, который напомнил мне пульт прокатного стана. И вообще всё было похоже на работу механизма с программным управлением. Органистка иногда даже отклоняла от клавиш руки и играла одними ногами. Помощница ходила перед пультом, сверялась с бумажкой когда и какую кнопку нажимать. Зажигались и погасали огоньки. Вертикальные створки надо всем сооружением то открывались, как жалюзи, показывая сверкающие стальные внутренности, то закрывались.

Вот закончилась музыка того произведения, на которое мы опоздали, и органистка вышла на поклон, оказавшись молодой и красивой. Кстати, и её помощница тоже была красивая и стройная, и мне хватило

этого, чтоб к музыке не придирааться. Место у меня вышло отличное — виден весь зал, своды, орган, — моя женщина сидела в профиль ко мне. Я видел, что в зале изрядное число любителей органной музыки, один лысый человек, запрокинув голову на спинку кресла, казалось, спал, но, приглядевшись, заметил я, что он даже дышит под музыку, замирая в особо напряжённых местах.

Голос человека или смычок не извлекут аккорды такой протяжённости, как орган, и такой наполненности звуком замкнутого пространства. Иногда это был растянутый во времени протяжённый грохот, допустим, летящей по каменистому берегу пенной волны. Какое ещё могло быть сравнение при имеющейся близости моря? Ах, как мне хотелось написать о море! Да разве только один я так восклицал? Простится мне от искусствоведов — и Айвазовский в своих полотнах более силён в написании неба, нежели моря. Тут объяснение то, что небо даже в мятежных состояниях природы всё-таки более неподвижно по сравнению с морем, то есть в те несколько мгновений, нужных для впечатывания картины в память зрения, небо милосерднее к нашим глазам, даёт себя разглядеть, но не стихия, именно стихия, воды. В ней миллион движений на каждом квадратном метре, тысячи зеркал с внутренней подсветкой, с отражением, с боковыми бликами.

Я посмотрел вверх — паруса под сводами были расписаны, но фрески плохо сохранились. Хорошо читались надписи: «Егудиил, Уриил, Селафиил, Иеримиил», и сам центральный образ был прекрасен. Кого только и чего только не видел этот образ, видя одновременно всех и каждого, а каждый общался только с ним, встречаясь робким, или недоуменным, или растерянным взглядом один на один. Такой же образ, только гораздо более молодого Христа, я узнал в этот раз в Новом Афоне, куда меня тоже вывезла моя женщина...

О господи, я же на концерте, спохватился я. Но тут же положил себе сформулировать, а после выговорить ей целую теорию о том, что мне не только не стыдно, что мне чего-то не дано, но что, наоборот, я рад, что и не дано, и не стыдно. За всё не ухватишься, за всем не нагоняешься. Ужас зрителей (слушателей, читателей) как раз в этом. Например, говорят: тебе непременно надо посмотреть такую-то выставку, посмотреть фильм, сходить на спектакль, прочесть такую-то книгу, познакомиться с тем-то, что это обязательно тебе нужно. Но почему обязательно? А может, это мне будет во вред? Может, действие книги, картины, спектакля, общение с кем-то плохо повлияют на ту работу, которую я делаю и которой живу? Причём даже хорошее влияние может исказить замысел, а ведь замысел почти всегда лучше исполнения. Почему же так? Уж не глупее нас были мудрецы, сказавшие, что влияние надо испытывать до поры самостоятельности, а потом следует развивать данное тебе. Зря, что ли, они творили уединённо, уходили в затвор, в безмолвие. То есть, вроде бы уходили от процесса жизни, как сказали бы сейчас. Но выходили их работы куда долговечнее и куда важнее, нежели те, что создавались с натуры. Почему, например, я должен стесняться того, что мало или даже совсем ничего не понимаю в органной музыке? Почему мне не стыдно, что, будучи в Риге, не старался попасть в Домский собор? Ничуть. Моё место, надеюсь, занял тот, кому это надо больше. Если меня не тянет читать какого-то писателя, что из того, если даже все кругом упрекают

меня в невежливости по отношению к этому писателю. Я рад, что хоть наконец-то ко временам седины появляется чутьё раненого животного, которое точно знает, какое растение его спасёт, а какое погубит.

Взять этот же Дом творчества, эту атмосферу порядочности и троекратно взвинченной приветливости, когда здороваешься на день по три, по четыре раза. Но ведь тут же враз живут и закоренелые, кровные враги, которые тоже раскланиваются. Помогает ли это им в работе? А может, они идут от противного, ведь столько огня в сдерживаемой ненависти? Может, они шутки чёрной злости пишут набело? Но уж если ссылаться до конца на мудрецов, они-то бы не впали в осуждение других. Так что надо спрашивать только с себя и не прощать только себе. Ещё к тому же: из многих наблюдений и выводов я заключил, что хватающиеся за всё, знатоки во всём — тщеславны. Даже если это многое есть добродетели. Ведь и ими кичатся.

Как же всё-таки сделан, написан, создан, сотворён этот образ? Даже не о трудностях я думал, когда надо было работать на лесах, лёжа кверху лицом или же стоя и опрокидывая до онемения голову, думалось о тайне, которой владели эти мастера. Попытки вычислить эту тайну, изучая пропорции, соразмерность, отношение одного к другому, изучение состава красок, материала кистей — всё это оказывалось и будет оказываться суетой. Ближе всех к разгадке тайны подходит мысль, что волшебство мастеров прошлого было в их вере, вере в то, что их дело призвано спасать людей. А уж надо думать, что своё призвание к этому делу они пытались многократно. И росписи храма Нового Афона прекрасны. Жаль, что после осмотра группу неумолимо повлекли в пещеру. Была адская жара, потом поезд, ощущение метро, потом путь по залам, в которых я только и замечал вмешательства человека в природу — подсветку сталактитов, щёлканье тумблеров, управляющих включением и выключением прожекторов, и непереносимое требование экскурсовода — женщины в валенках, — чтобы мы имели немного фантазии, и тогда увидим в изгибах и выступлениях мифологические и сказочные персонажи. Я тащился сзади, и единственное, что меня взволновало, это изыскание учёных, что пещеры — следствие работы подземных рек, которые вымывали известковые, слабые породы, оставляя навеки гранит. Действие рек, — сказала экскурсовод, — относится к временам ветхозаветного библейского потопа». Эта фраза в соединении с известием, что Новый Афон был выстроен на месте захоронения одного из учеников Христа, апостола Симона, резко соединяла эпохи, страшно отдалённые. Страницы древних рукописей, даже переизданные современным способом, оживляли вдруг картины, особенно фрески вдруг являли первоначальный смысл, но это было так быстро, что смысл ускользал, оставляя мучение души по себе. Разве ещё и загадку того, что поможет открыть этот смысл — концерт, например, галерея, книга? Какой концерт, какая книга? Подпорки они или же такие наслоения над смыслом, что гораздо лучше не брать их в расчёт, конечно, лучше не брать — мудрость никогда не была количеством знаний, смешно думать, что отшельник, открывая родник целительной воды, знал состав солей этой воды. Но шли за мудростью к нему, а не к учёному, который мог написать о химическом составе этой воды огромную работу, включающую объяснение, почему она месяцами остаётся свежей. Но главный вопрос: почему открыл родник отшельник, а не учёный?

— Да, — сказала в этом месте милая моя женщина, когда мы после концерта сидели у моря. — Как хорошо, что бабий ум короток. Могу себе представить жену этого учёного, которая за исцелением бежит к отшельнику. Они ведь условные фигуры? А жена реальна. Ух, как реальна!

Мы сидели будто в ложбине меж суши и морем, казалось, море гораздо выше нас, будто там, далеко в нём, вознеслась высокая волна и идёт на берег, но всё никак не дойдёт.

— Послушай, — сказала она, когда я её поцеловал. — Ведь нам не избежать этого разговора.

— Почему? Давай избежим. Купаться, и спать, спать, спать. Радуйся жизни, скоро всё это кончится.

— И ты вернёшься к своей жене, я к своему мужу, и нам снова будет с ними плохо? И снова ждать этого крохотного оазиса радости? Тогда зачем он? Чтоб только ужаснее было остальное жизненное пространство?

— А ты хотела сплошную радость? Тогда она не будет чувствоваться, будет тяготить. К тому же надо радость заслужить.

— Чем? Опять, скажешь, страданиями?

— Больше ничем. Если тебе так тяжело с мужем, считай это расплатой за счастье со мной. Только я никогда не поверю, что тебе плохо с мужем.

— Ты его не знаешь.

— Здравствуйте. Да из одних твоих рассказов я могу составить его внешний и внутренний портрет — сводя его до простоты, судя по себе. Кстати, ведь я тоже творческий человек... или не так?

— Так, так. Так каков же портрет?

— Когда ему не работается, все вокруг него, и жена в первую очередь, виноваты в этом, а когда ему работается, ему все, и ты в первую очередь, мешаешь. Так было и так есть. Но если жёны поймут, что тут мужа ни при чём, что дело в работе, то и все обиды исчезнут. Ты говоришь: давай говорить о муже. Потом ты заставишь меня говорить о моей жене.

— Да, заставлю. А её какой портрет?

— Да точно, как и твой: ревнует ко всем и всему, а в первую очередь к работе. Не работается дома, значит, не любит тебя, семью, а работается — к себе не подпускает, лучше бы ничего не делал.

— Он иногда вампир такой, что я боюсь. Все мои силы, какие есть, он может убить за пять минут. Иногда кажется, что он пьет моей кровью, моими нервами.

— А как ты хотела иначе? Вначале только он ещё своих изведёт во много раз больше.

— Ты по крайней мере понимаешь. Он — никак. Сюда его не затащишь, юг не любит, а мне кажется, ему бы здесь работалось.

— Муж и жена всегда будут разными людьми. Не любит — и пусть не любит. Ты страдаешь от того, что не можешь заставить его полюбить Юг, а сама поджимаешь губы, когда говоришь о его Севере.

— Мне и здесь хорошо. С тобой тем более.

— Я был и нет, а муж — это навсегда. Да и мне больше по нраву края вечно зелёных помидоров, нежели края вечной зелени. В основном-то я их и описываю. О море написать — это мечта. Она тогда зародилась, когда я жил в Керчи, потом в Тамани, видел, что коренные жители иногда

ни разу в лето даже не купаются в море, некогда. А предмет между тем требует наблюдений. Ну, смотри, смотри — это же чудо: полнолуние, рожа у луны, кстати, как на Севере, только загорелая. Сейчас она на берегу и вот-вот перейдёт на полосу прибой, он начнёт вдобавок к белизне золотиться. Волна несётся вдоль берега, как огонь по бикфордову шнуру. Или это плохое сравнение?

— Очень военное.

— Да мне и не нужны сравнения, оставим их твоему мужу. Можешь запомнить для него — волна летящего блеска.

И так стало — свет луны перешёл с песка на прибой, и в этом движении прожекторного небесного света так ясно ощутилось взаимное движение земли и луны — двух начал. И так уж мне не хотелось говорить о взаимоотношениях мужа и жены — об этой почти единственной теме всех жён, что я стал уводить мою милую в разговор о мифологии, о языческой вере в мужское начало света и дождя и в женское начало земли, ждущей этого света и дождя. Но ничего не вышло — моя возлюбленная всё-таки вынудила меня говорить о семейном её положении. Ставя её на место своей жены, я думал, что точно так же и моей жене мне ничего не доказать. Логика её рассуждений была чисто женская. Например:

— Я не вижу в нём опоры. Раньше он был другой.

Такие фразы она говорила постоянно. Как будто выдержать высокую ноту заветной любви дано всем. Дано, будем честными, но не тем, кому дано другое. Я отвечал в том смысле, что мужчина и работа должны быть синонимами. Мужчина немислим без общения со своими единомышлениками. Работа, если она всерьёз, если она угадана как приказ развития природной одарённости, никогда не позволит сжечь жизнь в разгуле или запоях. В это она не могла поверить, не могла простить мужу пустячной выпивки, например, терпеть не могла его знакомств.

— Но ему же надо быть с друзьями.

— Зачем?

— Разговор, впечатления, взаимная поддержка, ведь всегда идёт постоянное соотнесение работы других со своей, оценка.

Но логика её возражений была несгибаемой.

— А не пора ли всем им вспомнить, что они сами — свой высший суд?

— Я думаю, он это знает, но в это входит и сравнение. Но наконец, мужчине просто нужно общение.

— Зачем?

— Хотя бы потому, что он мужчина.

— Ну и что? А мне не нужно? Хотя бы потому, что я женщина. Я твоими словами отвечаю.

Вот эти «а я?», «а мне?» были непрошибаемы для любых доводов. Как бы я ни защищал её мужа, говоря, чтоб она смотрела на других, сравнивала, она этого не терпела. «Послушай, — говорил я. — Он задержался после собрания. Их сидит там десять человек, рядом в десяти компаниях ещё по десять. Все женаты. Почему девяносто девять жён относятся к этому спокойно, а тебя трясёт?» — «Это их дело». Больше того, она под свой эгоизм, который мог быть от ревности, от прав владения на мужа, подводила базис любви. «Его ждут, его любят, я высываюсь в окно, волнуясь, сын не засыпает, а ему хоть бы что».

— Но ты же женщина, твоё дело такое женское — ждать.

— Много вы хотите, чтоб вам было хорошо в компании, да чтоб ещё вас ждали, да чтоб ещё и любили. Женщина! Что — женщина! Тогда я бы тоже могла — сигарету в зубы и в ресторан.

Спасение было в одном — смене темы разговора. Я менял тактику. Я склонял голову на её колени, она ласково гладила волосы.

— Седеешь, милый. Жена доводит.

— Годы. Как будто бы я без жены не поседел. Или, например, как будто бы любая женщина не состарилась без мужа. Ещё бы быстрее. И почему-то мужей упрекают, что они виноваты в старении жён.

— Это обо мне?

— Это обо всех. Жена моя меня считает убийцей и деспотом.

— Она тебя недооценивает.

— Это ты ей скажи. Она истеричка иногда в чистом виде — устраивает скандалы по пустякам, будто ей выгодно вывести меня из рабочего состояния. Ребенок затемпературил, а я обещал быть на выставке — плохой отец, не имел права заводить детей; задержался — не думаю о семье; поехал на родину — лишь бы от неё уехать; самое смешное, что работу, которую бы мне без выезда не сделать, потом она очень любит и любит слышать от других о ней хорошие слова, то есть она с тобой одно к одному.

— У неё есть любовник?

— Думаю, что да, и очень давно. Так же в отпуске, так же очень редко. В это же самое время. Сидят у моря, освещённого луной, или у костра на берегу реки, и им хорошо, и перемывают нам косточки. Смотри. Костёр далеко, видишь? И от него — красное, разбрызганное, но не резкое, вот и луна на воде, и вот посветлело, а темнота вокруг костра стала больше. Радуйся, что ты не художница, а то бы плакала от беспомощности.

— Мне и так есть от чего плакать.

— Здесь, в этом воздухе, который, как выразился экскурсовод, — помнишь, ездили в Новый Афон? — есть коктейль горного и морского, который успокаивает нервы. Экскурсовод, конечно, шагнул далеко от тех затейников, которых называли два притопа, три прихлопа. Этих уже называют: открываем перцовку — начинаем массовку. У него все шутки об одном — выпивка и адюльтер. На большее он не восходит. Торопливо отбарабанит официальную часть и опять за своё. «Знаете ли вы, что такое абхазский закрытый стол? Знаете ли вы, что такое шесть абхазских тостов? Первый тост — один стакан, второй — два, ... всего двадцать два». В дендрарии: «Мужчины, вы зря не смóтрите на померанцевое дерево, вспомните, какая была померанцевая настойка». У горной реки: «О форель, царская рыба! Ещё, товарищи, обратите внимание — по преданию, снимает грехи. Отчего это многие мужчины и женщины к концу пребывания у нас непременно хотят покушать форель?»

— Что ты о нём!

— А то, что с нами ехала его жена, которая была в восторге от его шуток.

— Вот бы вам таких жен. Моему особенно.

— Он бы её стал лупить.

— Она бы и это считала как знак внимания. Только, скорее, она бы его лупила.

— Верю. Некоторые женщины специально устраивают сцены мужьям, чтобы потом страстью искупить свою вину.

— Откуда ты всё знаешь? Значит, у тебя были ещё женщины?

— Кроме тебя никого. А между нашими встречами — жена, в редчайшие дни. Мне этого хватает выше головы. Ну, пошли в воду. Как раз луна зашла, и море будет светиться сильнее. И медуз нет. Сынишка мой раз сказал, когда пришёл на море и поглядел в воду, увидел медуз и говорит: «Мало гадин, но крупные». Он сейчас с ней. Вот чего не отнять от неё — материнства.

Мы плыли рядом. Луна опять засветила во всё небо. Было тихо, мы плыли без единого плеска. Женщина прерывисто заговорила:

— Такое всё первобытное, если ещё на берег, на эти многоэтажные корпуса не оглядываться. Вода, опусти в неё голову и открой глаза, малахитовая; свои руки, как из слоновой кости, даже странно, что они так легко раздвигают малахит. И почему, как могут люди ссориться? Почему ты ссоришься с женой?

— А почему ты ссоришься? Давай поворачивать. Почему вообще мы съедаем друг друга? Это что — средство к существованию? Или даже форма существования?

— Муженёк уже мне вдалбливал: враги человеку — домашние его. Зачем тогда женился?

— Но он же не знал о своём призвании.

— Но я-то при чём?

Мы вернулись в корпус, пройдя мимо вечно недовольной привратницы. В баре ещё гремела музыка, разносортные девицы впархивали в него и выпархивали.

— Ужас какой-то, будто все с ума сошли. Ведь тоже чьи-то жены и чьи-то мужья. Или, ещё ужаснее, будущие чьи-то жёны и будущие чьи-то мужья.

— Не суди, да не судима будешь.

— Господи, ты будто у мужа моего учился. Ещё скажи, что из блудниц со временем выходят блюстительницы нравов и ханжи первостатейные.

— Видишь, зря на мужа сердисься, поддаёшься всё-таки его влиянию.

Мы уже были у себя в комнате. Она переодевалась, сушила волосы, развешивала пляжные полотенца, купальник.

— Это точно — поддаюсь. Узнал бы он, как я его цитирую, без него, конечно. Я ведь баба, а ведь баба, по Гоголю, что мешок: что положат, то и несёт. Конечно, я его люблю, но подавить свою личность, независимость ради даже него — лучше умру.

— И умрёшь, умрёшь от гордыни именно как личность раньше смерти. И про независимость ты здорово трактуешь, как будто мы независимы даже от мозоли на мизинце, от настроения начальника, от давки в автобусе, от перемены погоды... За что же тогда его любить, когда он давит тебя как личность?

— За то, что он бывает таким, как ты, — ласковым, любящим, внимательным. Много ли мне надо?

— Ты требуешь его всего, это, конечно, прекрасно. Но его всего требует и работа. Разве и я не ухожу от тебя к работе? Ухожу, но здесь нет той суеты, которая считается, а может, и есть жизнь в том мире, который мы

оставили. Ведь и я люблю жену, может, именно за то же, что она иногда похожа на тебя.

— Чем же?

— Отсутствием мелочных обид, раздражения по пустякам, поисками двойного смысла, бесконечными ожиданиями внимания к себе, ожиданием... а! Я думаю, что ты согласна, что понятие страдания входит в понятие искусства. Вот у кого вампиризм так вампиризм — это у читателей и зрителей, ведь они именно тем наслаждаются, что принесло создателю наибольшее страдание.

— Муж всегда повторяет, что никаких страданий, мучений творчества нет — сплошная радость. Мучения у меня.

— Мучений творчества нет, но есть жуткое, обморочное, ненормальное, изнуряющее, тут все эпитеты годятся, тяжелейшее ожидание творческого состояния.

— Он пока его дожидается, доведёт меня до нервного истощения, до таблеток, я их горстями пью, а сам творит и радуется. Хорошо устроился. И ещё понимания требует. А кто меня поймёт?

— Но творит-то он, а не ты. А таблетки брось пить. И по врачам ходить. Классиков любишь — люби и их выражения. Вот одно: «Нет бóльшего заблуждения, чем то, что врач может вылечить». Муж твой через свои страдания несёт радость. Хотя понимает, что надо любить ближних, а несёт радость неопределённым чужим.

— Ближние же — враги его.

— Всё-таки ты злопамятная. Это от своеволия. Он занимается искусством. Было ли оно в древности в таком виде? Нет. И искусством не называлось. По истокам профессии он — летописец. Куда мы убежали от этого? К искусству, то есть к искусственному. А за это надо платить. Здоровьем, нервами, — ну и так далее. А ты без конца: а я, а мне! Ты как барыня-старуха тургеневская из «Муму». У неё дворовая девушка просится замуж, а барыня недоумевает, что это за блажь, ведь она-то не хочет замуж.

— Это ты к тому, что он уже меня сделал старухой?

— Не кокетничай. Просто нельзя равнять несравнимое — мужчину и женщину. Если тебе совсем не надо ни капли выпивать, это не значит, что это не нужно и ему. Какая тут драма?

— Если б ты хоть раз видел его лицо в пьяном виде, хоть бы раз услышал, как он во сне что-то кричит, я б на тебя посмотрела.

— А что ты хочешь, бесы своё возьмут.

— Ты специально ведёшь к тому, чтоб я и с тобой поссорилась?

— Вот тебе и пример. Ты выдумываешь обиду, вот и разбежимся по углам, вот уж им радости — похихикают. Не заметила усталости, не простила обиду, не смолчала вовремя, не перетерпела — вот тебе десятки щелей, куда можно влезть. Всему время — любви, работе, молчанию, радости, печали, откуда же эта претензия на сплошную радость?

— Какая там радость, хотя бы покой, да и он мне только снится, я вся как струна, я постоянно в тревоге за него, в напряжении.

— Чего боишься, то и случается. Нечего бояться. Готовь еду, детей воспитывай, рубахи стирай — в этом есть огромный жизненный смысл. Когда в его усталости ты утешаешь его...

— Он этого не ценит.

- Ошибаешься. Ты ждёшь, что он явно оценит, явно это покажет, но есть же благодарность сердца.
- Увидеть бы хоть раз.
- Только на вскрытии. Самое прочное, что есть в любви, теплота сердца, хотя выражать её мешает рассудок. Ну, будем ссориться?
- Неужели он сейчас ведёт с ней такие же разговоры?
- Непременно! А так как он начитаннее меня, то читает ей стихи Василия Фёдорова: «До всенародного признания пути заведомо трудны. Поэт обязан быть в изгнание хотя б у собственной жены».
- Я просто поражаюсь, насколько он жесток. Иногда я ужасаюсь, что я и сама служу объектом его наблюдений. Ты сейчас скажешь, что самая доступная натурщица — это жена, знаю. Но он не рисует, он использует меня как доказательство своей концепции.
- Прочти маленький рассказ Нормана Мейлера «Записная книжка». Он тебе его пересказывал?
- Нет.
- Странно. Рассказ этот многое объясняет. От писателя, не выдержав всего того, на что ты жалуешься, уходит жена. Всё ему разгневанно высказывает. Он слушает, смотрит и думает, что какой бы прекрасный мог выйти рассказ — от чёрствого, не понимающего женскую душу человека уходит жена. Какие слова, думает он, их можно найти только в минуту гнева и страсти, надо запомнить, думает он, надо записать, а то забуду. Он даже не понимает, что жена уходит всерьёз, он и тут поглощён своей проклятой работой. Видишь. Так что, если ты и выкидывала какие номера, он не принимал их за настоящие, хотя переживал страшно.
- Ничего, я однажды проучу его как следует.
- Не смей! Писательство есть обречённость, а писательская жена — жертва. Счастье её только в полной растворённости в деле мужа. Только так. Это единственное. Уверяю, что он работал бы в два раза больше, если бы ты больше думала, как ему помочь. А помогают не обиженным молчанием, не истериками, а добротой. Помни Анну Григорьевну.
- Да что вы все — Анна Григорьевна! Стояла она у плиты? Душили её в автобусах, электричках?
- Вспомни тогда Гоголя — обращение его к русской жене: гоните мужа к его делу, делайте всё, чтобы он как можно больше свершал пользы для Отечества.
- А ты уверен, что мой муж свершает пользу для Отечества?
- По крайней мере старается.
- Я и делаю всё для этого.
- Если б ты делала всё, так бы не говорила, а подумала бы, что делаешь мало.
- Мало! — взвилась женщина. — Да я нахожу в себе силы прощать его, да другая бы...
- Ну, ну, ну, какая другая, ты ж не терпишь сравнений с другими. А другой бы на его месте давно бы не стерпел напрасных упреков.
- Напрасных! — Она даже упёрла руки в бока, собираясь наступать. — Равнодушие, глухота, постоянные отъезды! Я нахожу силы прощать его! Он ценит? Не ценит совершенно. Какие ещё жертвы потребует его милость?

— Какие бы ни было, нельзя ждать награды. Жертве уже одно сознание, что она принесена во имя любви, помогает быть счастливой.

Женщина не слушала меня, и легко было представить, каково её мужу, если меня, любимого, ни во что не ставят с моими доводами. Она продолжала:

— Кто ещё будет так прощать его выпивки, равнодушие к семье, а давно ли мы выкарабкались из нищеты, чулки не на что было купить?

— Для творческого человека время денежных трудностей неизбежно.

— Пусть так. Я душу ему не мотала, не тыкала тем, что другие питаются с рынка и не стоят в очередях по полдня.

— Ты прямо гордишься тем, что прощаешь за то, что он сам себе простить не может. Это жестокость, а не подвиг прощения.

— Он пишет одно, а живёт по-другому.

— Пример?

— Ругал в статье пьянство, получил огромную почту... И уверял меня, что не может вынести всего ужаса, который открылся ему.

— Он, думаю, и писал статью, чтоб и себя избавить от болезни, и кто лучше знает болезнь, как не переболевший, а почта, могу себе представить эти искалеченные судьбы, о которых он читал, они же на душу его ложились, те, кто исповедовался в письмах, уже получали облегчение. За счёт чего? За счёт того, что он взял их на свою душу, отяготил её. А им стало легче. А ему как избавиться от тяжести? Ты поняла это? Нет, ты только и видела, что человек выпил. Эту тему давай закроем, а то он у тебя запьёт только из-за тебя. Милая, мне самому многое неясно, но знаю по опыту — нельзя выяснять отношения. Это их ухудшит.

— Всё, договорились до точки. Спокойной ночи.

Утром мы пошли в армянскую деревню за яблоками. Это, скорее, был просто предлог, женщина мечтала о прогулке, была весёлой.

— Вот тебе моё наблюдение, — говорила она. — На пляже уединяются или влюблённые, или одиночки. А лишённые любви...

— Лучше скажи — не любящие.

— Пусть так. Они не переносят ни одиночества, ни зрелища чужого счастья. Тебе это пригодится?

— На тот случай, когда из-за пустяка разбежимся по разным комнатам?

— Хорош пустяк. Это ведь ты вчера завёл разговор.

— Нет, всё из-за тебя, ты не находила отводов на мои доводы и, чтоб не сознаваться в этом, выдумала обиду. Это в основном женская болезнь — никогда не чувствовать себя виноватой. А так как вина есть, то совесть действует на нервы, и начинается неврастения.

— Тем более надо ему сказать: разве можно жить с неврастеничкой? Кстати, он всё делает для того, чтобы загнать меня в психиатричку.

— Успокойся, неврастенией сейчас больна половина женщин и треть мужчин. Считается, что признаться в этом стыдно, хотя лечат же грипп, а он более некрасив в проявлениях — сопли, красный нос, глаза слезятся, горло хрипит... Ладно, сдаюсь. Итак, почему, милая, вы с мужем похожи на журавля и цаплю, которые всё ходят друг к другу, но никак не сойдутся, так как никто не хочет смирить гордыню?

— Инициатива должна исходить от мужчины.

— Да. До женитьбы. Но если она произошла и жена и муж стали «единой плотью», то тут должно быть равенство. Ты все ждёшь, когда он тебя приласкает, да позовёт, а ты ещё поломаешься, да ещё всё ему выкоришь под видом того, что он с тобой не разговаривает и тебе негде поговорить, кроме как в уединении. Он не железный, он тоже тепла хочет. Чем больше отдашь, тем больше получишь — не нами сказано.

— Как надоело твое начётничество. Смотри, как хорошо в лесу, как смешно — прямо на тропе растут грибы, и всё время тянется этот мандариновый сад, и на каждом дереве по сотне мандаринов. Под персиковым деревом лежат свиньи, и персики падают им прямо перед мордой. Идём сквозь тоннель из голубых виноградных гроздьев... чудо!

— Благословенный край, в газетах которого без конца печатается о семейных драмах, хроника из зала суда, о кражах и ограблениях... Ты сказала о наблюдениях на пляже, а вот наблюдение коридорной, Лейлы, только не знаю, абхазка она или грузинка. Считает, что все белые женщины с Севера развратны и едут к ним развращать их мужчин.

— Их и развращать нечего, им только покажи светлые волосы и полноту. Ты, когда ходишь со мной по рынку, с меня спрашивают гораздо дороже, а когда я одна покупаю, дают почти даром, правда, требуют свидания.

— Ты говоришь, чтоб я возревновал?

— От тебя дождёшься. У тебя сейчас у самого жена ушла в горы с любовником, хотя у неё слабенькое сердце, — поддела она. — У меня тоже не из сильных, но какова любовь! Ты даже не интересуешься, как я переношу высоту.

— Я вижу, что хорошо. Посидим? Изложу теорию. Выстраданную.

— Излагай. Только учти, я могу не слушать. Здесь и так хорошо.

— Теория выстрадана веками, она гласит: женщина, знай свое место. В данном случае вот твое место. — Я подстелил ей куртку, которую тащил в руках. — Но почему же женщины занимают несвойственное им место?

— Я встану с этого места.

— Сиди. Почему ты считаешь себя несчастной, когда ты счастлива?

— Ого!

— Не ого, матушка, а именно счастлива!

— Сейчас — да. Но с ним, какой он бывает, увольте!

— Бывает. Сама сказала — бывает. Значит, не всё же время. Дети, тревога за них постоянна, но вот обнял за шею сын, вот подошла и спросила совета дочь — разве не теплеет в груди?

— Но вот подошёл он и подбросил туда ледышку.

— Зато тепло ощутилось сильнее. Подожди, не сбивай. Почему так необыкновенно возвеличена женщина в искусстве? Бумаги, холста, мрамора, киноплёнки затрачено на мужчин меньше, чем на женщин. Публика так воспитана, что покажи ей фильм без женщин, — будет смотреть? Вопрос: кто движет прогресс, науку, искусство? Мужчины.

Вклад Софий Ковалевских ничтожен, в скобках: при самом хорошем к ним отношении. А из-за кого начинаются войны? Из-за кого льётся кровь, кого не поделили в Древней Греции? Город? Территорию? Яблоко? Красоту не поделили. Но ведь сказано, что простая лилия прекраснее царя Соломона во всей его царской одежде. Сравнить ли красоту лица женщины с восходом солнца?

— Это обо мне? А ведь и я создана по образу и подобию...

— Нет, это как раз о мужчине. Ты из моего ребра, как Ева из Адамова. Сейчас главное: мужчина наделен жалостью, разумеется, порядочный мужчина. Как твой муж, например.

— Лучше пример из истории.

— Рафаэль. Умер от любви.

— Это моему мужу не угрожает. И что же Рафаэль?

— Не обязательно он. Любовь — прекрасное состояние, вызывающее приток сил, а они у талантов уходят на творчество.

— Я думала, на любовь.

— На творчество. Но порядочный творец, чувствуя вину перед женщиной, которую любит и которой приходится делиться с его работой, воспекает её, чтоб ей не было обидно. Как ни велика любовь — работа захватывает.

— Или друзья, или поездки.

— Это в интервалах.

— Значит, женщин воспели от чувства вины перед ними, а женщины вознеслись, так?

— Именно так. Воспеты идеальные женщины, которых нет, которые вообразены любовью художника, к этим идеалам надо стремиться, а женщины вообразили, что они такие и есть. Что они — предмет поклонения, культа.

— А разве нет?

— Нет. Они — предмет опустошения физического и духовного, они могут убить за любовь, и это даже возносится многими рисующими и пишущими. Жрицы любви, храмы, название какое, любви — всё во имя плоти, которая прикрывается духовным словом — любовь. Только проследить бы за этими жрицами, где они кончали свою жизнь, уж, верно, в походных домах терпимости, которые тащились сзади войск, например, Александра Македонского.

— Значит, продолжают род людской низшие существа?

— Продолжают жёны, матери, а они уже по одному этому не могут быть ни в чём упрекнуты.

— Но и вдохновлять не их дело, так?

— Доказать тебе что-либо трудно, но поверь — все женские обиды оттого, что они ждут от мужчин больше внимания, чем те могут его дать. Но обещали в начале знакомства, в расцвете любви. Ты вспомни своего мужа в его первой влюблённости в тебя, в первые годы жизни, вспомни!

— Что мне вспоминать, я это непрерывно помню. Мы часами не могли наговориться, какие букеты он приносил. Раз зимой принес огромную, всю в инее ветку. По балконам лазил. Какие безумия мог вытворять!

— Значит, ты выходила замуж за безумца?.. Гордись, ты вызывала такую любовь, значит, и ты была её достойна.

— Если бы не те воспоминания. А его письма ко мне! Когда бывает ссора, достаю их, и мне легче не сердиться. А иногда и тяжелее, иногда кажется, что он всё лгал.

— Нельзя же лгать так долго. Да и обмануть тебя невозможно. А любящее сердце в особенности.

— Я не говорю, чтобы он был такой, как вначале, но всё-таки и не такой же, какой стал.

— А работа какая!
— Всё равно можно сохранить внимание, заботу. Или и это угробит искусство?

— Так он же любит!

— В чём это выражается?

— Но ты же знаешь, что любит?

— Не уверена.

— Без конца тебе о любви говорить?

— И это тоже.

— От частого употребления слова стираются.

— Не эти. Любит! Хорошенькое — любит, если так обижает. Я люблю, чего мне притворяться, но чем больше любовь, тем больше обида.

— Это в корне неверно. Обиды изнуряют любовь.

— Правильно, изнуряют, это ты ему скажи, зачем же он обижает?

— А ты прощай, и обиды прекратятся.

— Не всякую обиду можно простить.

— Во-первых, всякую, во-вторых, он сам мучается, в-третьих, он и обижать-то не может. Ты считаешь за обиду его якобы равнодушие, а ему просто некогда, он занят и тому бесчисленное подобное, но сердцем, но памятью он всегда с тобою. Обиды разъедают согласие, их мстительно копят, их помнят, они переходят в злопамятство, а это страшно.

— Страшно беспамятной быть.

— Помни хорошее.

— Я помню и хорошее, только как забуду плохое, если я его постоянно ожидаю.

— Это уже болезнь.

— Он меня специально доводит. Ты вчера говорил — две трети неврастеничек. Да все мы ненормальные из-за вас.

— А мы из-за кого? Из-за международной обстановки? Да перестаньте вы нервничать, и весь мир успокоится — обратная связь сработает. И темы искусства облагородятся, а то сплошные репортажи из горячих точек планеты. От такой тряски искусство идёт такое, что действует опять-таки на нервы, а не на душу. Нервы ещё больше расшатываются, обстановка накаляется.

Она засмеялась. Мы были довольно высоко. В проёмах деревьев показывалось и исчезало море. Странно, что мы никак не могли подняться вровень с ним, хотя, если верить географии, были выше уровня моря. А если верить глазам, то ниже. И от этого хотелось идти выше и выше. Может, ещё и в этом причина страсти к высоте. — Но мне больше по душе были слова одного мудрого человека, которого звали в горы. «Зачем?» — «Просто так». Он взял у подножия горы камень. «Видите? — «Да» — «Так вот, он на вершине такой же».

— Давай ещё посидим, — сказала она. — А пока расскажи о ней. Неужели уж она вся такая, как я?

— Копия ты: уставшая, мнительная, пропадает от характера. У всех жёны — у меня учительница, это моя горькая шутка. Жёны копят к субботе стирку, моя — тетради и стирку. Я для неё ученик, только постарше её. И ей странно, что она, легко справляясь с сорока учениками, не может справиться с одним. Вины своей, я уже тебе и это говорил,

никогда не признаёт, отлагательств не терпит, если велит что-то сделать, например, дочери, та должна кидаться немедленно, иначе она начнёт делать сама: а дочь в это время занимается другим, и ей нужно время на переключение. Меня упрекает, что её не люблю...

— Ты её действительно не любишь.

— Не могу же я быть любвеобильным, если я тебя люблю, мне этого хватит и в сём веке, и в будущем. Считает, что плохо отношусь к её родителям, а у нас прекрасные отношения, родной сын бывает у них в три раза меньше. Ну и так далее. Не было денег — страдала, появились деньги — страдает...

— Это ты её довел до того, что она не уверена в завтрашнем дне.

— В нём все не уверены. Кто знает, что завтра будет. И нечего заглядывать. Живут сейчас, а не потом. Если не радоваться рассвету и дню, то ждать от заката нечего. Что впереди? Что у всех впереди? Единственное, что всех уравнивает, — смерть. Я говорю с тобой, а из головы не выходит рукотворный образ Спасителя. За одиннадцать веков он видел почти двадцать поколений. И вот вчера посмотрел на нас. Тут я сам многое не понимаю, но хотел выразить, что не верю, что мы свободны от влияния ранее живших. Даже не рождением, это не от нас, это данное, а тем, что мы должны улучшаться, а мы ухудшаемся. Сводим счёты, поедает друг друга, от сплетен гибнет больше, чем от рака...

— Нет, нет, это ты её довёл.

— Это она меня довела.

— Змею загони в угол — она начнёт бросаться.

— Не сравнивай мою жену с гадом. А ты мужа не довела?

— Специально. Он писатель, обязан отражать всё разнообразие жизни, я ему и показываю разнообразную жизнь. Он всегда говорит, как вредно действуют на прозу и поэзию дачи из слоновой кости. Пусть на него благотворно действует наша пятиметровая кухня, смежные комнаты, Дарьяльское устье коридора. И нечего тебе жаловаться на свою жену.

— Не жалуясь, а рассказываю. Сама просила. Она не терпит вторых ролей в семье, а я с характером. Но я-то муж. А разве она смиритесь? В борьбе за первенство она теряет силы, а так-то бы с чего ей уставать?

— С чего? С тревог за тебя! За твою работу! За свою работу! За детей! За родителей!

— Я-то середняк, но вот как ты не бережёшь своего талантливого мужа, история тебе не простит. Сервантес велик, но жена его из дому выгнала и собачьей похлёбкой кормила. А ведь горит теперь её душа грешная. Ой, прости, посиди там немножко. Надо запомнить этот свет, этот пролёт пространства и тебя. Да, милая, я воспою наш южный роман. Это твоё прекрасное тело омывали волны Русского моря, так называлось Чёрное море в давние времена, это твои милые глаза смотрели, как утром из-за камышей взмывает солнце. Это в твоих ладонях сверкали капли морского ночного сияния. Это твои губы так редко меня целовали.

— Радуйся и этому. Ему и этого не достаётся.

— Опять гордыня. И для моей жены уступить — значит не простить себе. Мудрость русской народной сказки о жене, для которой «что муж ни сделает, то и хорошо», непонятна пока моей жене.

— Да и мне непонятна, ведь жизнь-то не сказочная.

- Но мудрость-то жизненная. А муж, между тем, уйдя на рынок продавать корову, вернулся лишь с иголкой.
- Значит, баба глупая.
- Любящая и мудрая — разве на тот свет что можно утащить?
- Женщина встала, съязвив при этом, что я перестал любоваться и запоминать свет на её лице. Мы пошли ещё выше вдоль обрыва, который становился всё отвесней и скоро превратился в пропасть.
- Пропасть, — сказал я.
- А сменить ударение и будет: пропа́сть, — сказала она.
- У тебя вообще чёрный юмор, — рассердился я. — Плыли... Когда? Позавчера, ещё до концерта, попали в холодное течение... Ты что сказала? Она засмеялась:
- А что, неплохо сказала: на дне ещё холоднее.
- Или: ты плыла без меня, я и не знал, что ты за мной плыла, так далеко ты ещё не плавала, вдруг кричишь. Господи, как я перепугался. Волны, ветер, кричу: отдыхай, отдыхай! А ты потом говорила, что я кричал: подыхай, подыхай. Это юмор?
- Отсюда брякнуться — и следов никаких. Да?
- Отойди от края.
- А в каком это фильме влюблённые вместе бросаются в пропасть?
- В фильме же всё рассчитано на воздействие, в жизни за месяц нет столько трупов, сколько в каждом почти кино. Твой муж мне рассказывал, как он работал с режиссёром и как тот требовал от него не просто убийства, но убийства изощрённого. «Убей его с выдумкой, — кричал режиссёр, — ударь обывателей по нервам, пусть проснутся (это он в целях обращения обывателей к заботам об отечестве, по бедным обывателям уж столько раз ударили по нервам, что они оупели), убей!» Не рассказывал? Это он кричал в деревне, куда твой муж уезжал работать. Старуха — хозяйка дома — чуть с ума не сошла. Приехал ведь из мира искусства и кричит: «Убей!»
- Рассказывал. Конечно, какая изощрённость, в жизни всё проще, вот оступиться — и всё.
- Отойди от края. Иди с этой стороны, слышишь? Рассержусь.
- Скажи, но только честно-честно, жене можно было солгать, но не любимой, ты меня любишь?
- Да.
- Скажи: ты хотел когда-нибудь, чтоб твоя жена умерла?
- Нет.
- Даже когда доходило до развода?
- А дети?
- Что дети? Они уже большие, да и нужны ли мы им будем? Вон Васса Железнова ради детей мужа умервила, а чего дождалась? Я знаю, муж мой рад бы был моей смерти. Если б не ты, а он со мной купался, уж точно бы подплыл да сделал бы такую рожу, что у меня бы и руки, и ноги отнялись. И никто бы не был виноват.
- Ты больная. Тот экскурсовод, помнишь, говорил о смеси горного и морского воздуха и о том, что нервы здесь вылечиваются в три дня, а у нас скоро полный срок.
- Да, скоро заказывать такси, скоро в аэропорт.

— А в нём я страшно боюсь столкнуться со своей жёнушкой, её вспыльчивостью, способностью при посторонних кричать на детей, меня, ой, а там дом, работа, там её разговоры о деньгах, ну и так далее.

— Я ещё больше твоего боюсь встретиться со своим мужем, с его чёрствостью, равнодушием. Он сразу сядет разбирать почту, и уже не мой, не семьи, потом он должен ехать подряд в два места, запустит все дела, я буду во всём, даже в его делах, виновата. Кстати, о кино, он расплевался со студией, так что и денег не будет.

— Мы говорили уже об этом — растворишься в его деле, оно не ложное, ради меня нельзя ничем жертвовать, но в нём дар, который надо спасти.

— Будет целыми днями брюзжать, что ему не работается, когда я дома, а когда меня нет, спрашивать отчета, а ты говоришь — смесь воздуха.

— «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботы суетного света он малодушно погружён...»

— Стыдно! Пушкина не знаешь. Не в заботы, а в забавы.

— Да уж какие забавы, сплошные заботы. «Молчит его святая лира, душа вкушает сладкий сон...»

— А моя душа что вкушает?

— «... и среди детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он. Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснётся, душа поэта встрепенётся как пробудившийся орёл!» А тут ты со своими заботами.

— Но не с забавами, а с заботами!

— Не в это же время!

— Я устала угадывать, это время или не это. Пусть живёт один.

— Но он не может без семьи.

— А семья с ним не может.

— Почему?

— Он меня не любит. Я нужна ему иногда как вещь на полчаса, час, и он снова чужой.

— Вздор. Мы что, снова пойдем по кругу этих взаимных обид, выяснения отношений?

— Вот что, милый. Я выслушала все твои теории и лекции. Спасибо, что ты мне сказал о значительности моего мужа и о моей ничтожности, я это знала. Иди обратно один, иди, не жди. Прошу.

— Мужчины любят сильнее и глубже, физически они устроены проще, но не душевнее. Нет статистики, но поверь, что очень много самоубийств из-за любви именно юношей. Кто кого не дожидается чаще всего, когда парень служит в армии? Девчонки. Им страшно не выйти замуж, при выходе ими руководит чаще расчёт, чем наоборот. Кто сидит в колониях? Молодежь, в основном мужчины. Из-за кого? Из-за женщин. Кражи, драки, пьянство — корень их в женщинах. Все блатные песни полны горького упрёка той девушке, которая довела до арестантов...

— У-хо-ди.

— Вопрос: какие женщины.

— У-хо-ди. Ты ничего не понял ни во мне, ни в себе.

— Ты из тех, которые спасают, а не губят. Из редчайших жертвенных натур, почему же ты...

— Мне плохо, ты не видишь — мне плохо? Уходи.

— Как я уйду, если тебе плохо? Ничего себе логика.

— Стой, мне ничего не надо, я прекрасно себя чувствую, вот и у меня даже прибавилось сил. Наша игра довела меня, именно меня, до этой пропасти. Вернуться к тебе, к нему я не смогу. Мне было хорошо с тобой, я тебе очень благодарна, что ты эти три недели был ласков, внимателен, хотя бы три недели. Мне было так хорошо, что я точно поняла, что лучше мне никогда не будет. Вернуться в жизнь, которая есть непрерывная каторга души, — нет!

— И я тоже не хочу жить, как мы жили. И ты не хочешь!

— Ты ничем не хочешь жертвовать, а требуешь жертвы, ты ни в чём не уступаешь, а требуешь уступчивости, ты жесток, а требуешь ласки.

— Это не я, это моя работа, она требует меня всего, и я обязан её делать хорошо. Да, в том числе и за счёт твоих нервов и крови.

— У меня больше нет ни того, ни другого. У меня единственная и последняя просьба, выполни её, если любишь. Когда-то ты ради меня мог многое. А моя просьба очень простая. Сегодня ты собирался в город, и все это знали, в горы мы пошли внезапно, нас никто не видел. Отсюда ты пойдёшь на рынок и сиди там в пивной, там такой народ, что все скажут, что ты сидишь с утра.

— Пре-кра-ти! Сохрани себя для него!

— Для кого? — закричала она. — Хватит играть в него и в неё! Ты всё рассчитал заранее, когда предлагал мне роль возлюбленной. Чтобы воспитать из меня наседку, домработницу, да ещё уверить её, что она любима и обязана быть счастлива.

— Посмотри на писательских вдов. Когда я работал в издательстве, я на них наглядился. В Союзе писателей даже огромный по количеству Совет писательских вдов. О чём они говорят? О том, что дуры были, что своё дело казалось важным, а важное-то как раз было дело мужчин. Хочешь их путь повторить?

— Не повторю. Я тебя не переживу.

— Какое мы имеем право говорить о том, кто раньше умрёт? Кто когда умрёт, это единственное, что никто не знает.

— Я знаю. Я договорю. И посмей только перебить меня, знаешь. Я босиком по снегу бежала за тобой, помнишь?

— Да.

— Так слушай. Мне было с тобой хорошо, как никогда! Я даже помню, как светились твои глаза, помню, как касалась меня твоя рука, как билось твоё сердце, с этим... нет, да лучше б этого не было, я хотела сказать, что с этим легче уходить, нет, трудней.

— Я тебя свяжу и утащу на спине.

— Смешно. Я люблю тебя, ты вырвал это признание...

— Но и ненавидишь?

— Но и не понимаешь. И никогда не поймешь. Ты смотришь на меня как на материал для своих работ, ты говорил, что все женщины, которых ты описывал, это я в различных проявлениях, я думала, ты шутишь, нет, это правда. Но это ты заставлял меня в угоду своей работе быть разной, я не такая. Ты делал со мной, что хотел, я устала. Выгорела до черноты. Эти слёзы, эти бессонные ночи... нет, ты не поймешь, тебе это не дано, ты не переживай, в тебе нет этого качества, ты не виноват. Я материал, я актриса, которую ты ставил в разные обстоятельства и заставлял импровизировать.

— Я говорил вообще о женщинах. Ты — женщина в высшем женском развитии ума и красоты. Интеллект и тело враждуют, но в тебе они слитны. Предлагая перед отпуском назваться возлюбленной, я такой тебя и считал. Но свои теории говорил во-о-обще о женщинах.

— Каждая женщина — исключение, и я — исключение.

— Но есть же общие вещи. Ещё Шекспир вам пытался вдолбить...

— Очень хороший глагол.

— Он говорил, что ваша сила в вашей слабости. И эту фразу вы также взяли на вооружение, но орудуете ею с такой агрессивностью, что...

— Кто мы? Ты говоришь со мной.

Я обнял её, пытаюсь успокоить, но ничего не вышло. Тогда я насильно попытался её поцеловать. Она вырвалась и захохотала:

— Кто же агрессивен?

— Я люблю тебя, и давай прекратим всё это.

— Как же прекратишь, если ты не меняешься? Твоя работа, твоё состояние, твои друзья, твои дела — с кем ещё делиться тобой? Ты был цельным, ты расплылся. Тебя растаскали по мелочам. Ты говорил, что любишь меня? Повтори.

— Я сказал это минуту назад.

— Мне показалось, что послышалось. Мне каждый раз кажется, что послышалось, что мне достаются отголоски пережитого тобой!

— Разве то же не говорят мои письма, вот этот перстень, который был куплен в тяжелейшие денежные времена? Это было безрассудство, но он тебе нравился, и ты его любишь... больше меня. По крайней мере, ты за ним ухаживаешь. А я смотрю на эти часы, я живу по твоим часам.

— Как красиво! Дай их сюда.

Она взяла у меня часы, стащила с пальца перстень.

— Поцелуйтесь на прощанье, — сказала она, стукая перстень о стекло часов, а затем забрасывая и то и другое в пропасть. — Это тебе пригодится? Как факт, как деталь рассказа о последних минутах истерички. Ещё запомни этот дуб, обвитый прекрасным плющом. Плющ — видишь? — задушил почти все зелёные ветви, только одна осталась, и, если плющ не умертвить, дуб погибнет. Это несправедливо с общечеловеческой точки зрения. И как показательно сравнение женщин с плющом, а мужчин с дубом, не так ли?

— Так, так. Пошли обратно.

— Ты что, в самом деле ничего не понял? Ты идёшь обратно один. Но после того, как сможешь мне. Я боюсь смерти...

— Её все боятся.

— Если бы! Мы пойдем, я слева, и у поворота, где было очень узко, ты повернёшься влево чуть резче, чем нужно, и всё.

— Ты меня сделаешь зайкой. Пойдём.

— Не приближайся! Если будешь хватать меня, я прыгну отсюда. Но здесь осыпь, я просто сделаюсь калекой, а это тебе в обузу. Надо наверняка.

— Ну, знаешь!

— Тебе нечего сказать, милый! Переживёшь, переживёшь! Ты переживал мои болезни, умирания, слёзы, и на протяжении стольких лет, а это недолго. Ты даже не связывайся с поисками, не твои ли слова: «Где труп, там соберутся и орлы»?

— Не мои.

— Я даже не знала, что становится так хорошо и спокойно после принятого решения. Видишь, я бы прыгнула и сама, я бы пересилила страх...

— Но дети!

— Зачем им мать-истеричка?.. Я бы пересилила страх, но я боюсь того, что самоубийц нельзя поминать, это страшно. Мне бабушка говорила.

— А меня ты хочешь сделать убийцей?

— Да это же нечаянно у тебя получится. Ты всегда, когда шёл рядом со мной, был не со мной, ты не думал обо мне, так и сейчас. Ты мог уходить вперёд и даже не хватиться меня. Вот и вспомнишь попозднее. Потом у тебя будет время для раскаяния. Надеюсь, что эти чувства будут подлинные, и благодарные читатели это почувствуют. Найдётся потом и понимающая, не изношенная, которая и поймёт, и утешит, у неё хватит сил тащить на себе мою ношу. А я под ней падаю. Упала уже. Осталось только упасть последние — сколько тут? — сорок метров.

— Прости, зная тебя, остаётся сказать одно: ну и прыгай. — Сердце у меня колотилось, виски стиснуло. — Только и ты запомни: я седой человек, я поседел не с кем-нибудь, а с тобой, у меня совсем не прежнее сердце, а! — оборвал я себя.

— Да ведь и я не девочка!

— Но ты бы и без меня не осталась юной. Ты думаешь, отталкивая меня, что-то сохраняешь в себе — уничтожаешь! Я-то старею без грусти, даже с радостью, к старости не пристают соблазны. Я говорил тебе вчера: не надо выяснять отношения. Надо одно — любить и чувствовать себя прежде виноватым, а не другого. Ты же непрерывно обвиняешь.

— Что ж ты себя не чувствуешь виноватым?

— Да я без конца извиняюсь перед тобою. Только за что? За своё отчаяние, за свою боль, за работу, которая несёт вам страдания, близким.

— Работа! Ты говоришь о смирении. Что ж ты не примиришься с режиссёром? Это тебе дорого стоит? Значит, мне примириться со штопаньем колготок, а детям — с овощным только рационом? Я ведь не девочка — прятать от стыда ноги в рваных сапогах, да и дети не хуже других.

— У тебя есть нитроглицерин?

— Конечно, как услышал правду, так ищешь уловки.

У меня от боли передернуло лицо, а она поняла это не так.

— Ужас! — сказала она. — Какое злобное лицо. Я всегда знала, что ты меня ненавидишь. Потерпи ещё, уж теперь окончательно, три минуты.

— Дай лекарство.

— На, — она протянула сумочку, — хотя нет: ты возьмёшь её, а мне лучше, чтоб при мне её нашли. — Она бросила упаковку таблеток к моим ногам.

— Что бы ты ни сказала, я буду молчать, — еле выговорил я, выцарапывая прозрачный шарик из упаковки.

— Молчи. У тебя будет время наговориться, а у меня нет. По крайней мере, ты меня слушаешь, мне даже захотелось потянуть время, успеешь ещё к свидетелям в пивную. Соберёшь с них дань впечатлений. Пожалеешь их разбитые жизни, упрекнёшь и их, и условия, в которые они поставлены... Ты хотел понимания, оно всегда было. Ты хотел, чтоб я уподобилась тем жёнам, которые кричат мужу, какой он гениальный,

как окружающие его не понимают, что он будет оценён потомками, такую тебе жену надо? Я всегда знала, что ты делаешь нужное дело, но ты изменился, я не о прошлом влюблённом юноше плакала, не за возврат его боролась пусть даже истериками, куда денешься — баба, я о сохранении в тебе чистоты мечтала. Ты измельчал.

Я не пошевелился. На все её упреки я мог бы ответить, но это опять бы означало, что ничего не изменилось. Ничего. И всё пойдет по новому кругу со старыми остановками. Мне давно пора браться за большую вещь. Кто о ней не мечтает? Но сколько для этого нужно, боже мой. И прежде всего опять-таки состояние души, которое зависит от близких, от жены в первую очередь. Надо обладать тем, что ты хочешь сказать, о ком ты хочешь рассказать. А как этого достичь без поездок на родину, в те места, где единственная обитель моего вдохновения, как достичь без долгих дней и ночей одиноких размышлений, без чтения мудрых книг?.. Милая моя жёнушка и раньше выкидывала номера, но такого, с угрозой самоубийства, ещё не было. Ну, кино! От нитроглицерина во рту было горько, хотелось запить водой. По дороге сюда я видел на дне текущий ручеек. Вот если бы вернуться до того места, где можно было спуститься и набрать воды хотя бы в полиэтиленовый пакет. Выключившись от слушания её монолога, я вдруг очнулся на одном слове, которое было произнесено требовательно, даже повелительно.

— Завещание! Я знаю, что у тебя есть завещание, что оно написано тогда, когда у тебя был сердечный приступ. Я о завещании похоронить тебя на родине.

— Это единственное, что мне хочется.

— Сколько экземпляров его?

— Два.

— Где они?

— Дома.

— Один. А второй ты всегда носишь при себе. Это я заметила здесь. Случайно. Когда поехали в Новый Афон, ты надевал чистую рубашку, побежал в ванную бриться, а из кармана прежней рубашки ты выложил бумаги на стол. Там и было-то всего — какие-то деньги да завещание. Я никогда не смотрела твоих карманов, ты свободен от унижительного обыскивания, от поисков записочек. Так вот, я не прыгну в пропасть, если ты отдашь мне завещание. Оно с тобой?

— Да. — Я расстегнул нагрудный карман рубашки. — Вот оно. Ты хочешь его порвать? Я могу это сделать сам. При условии, что ты обещаешь сама отвезти меня на родину. Условие на условие, это честно.

— А я?

И это «а я?» вырвалось у нее так горько, так сердечно, что я похолодел от понимания, что она не затеяла супружескую ссору с целью сделать меня виноватым в её бедах, нет, она гораздо выше этого, и что я могу лишиться её. Ведь это «а я?» было единственным, которое говорило о любви ко мне даже за гробом.

Я поднял на неё глаза. Сердце потихоньку переставало слышаться.

— Ну, — вздохнул я. — И чего я добился? И у меня же болит сердце, и я же во всем виноват. И ты же спасаешь меня лекарством.

— Я предусмотрительная. — Она будто возвращалась откуда-то. — Нет, милый, ты затеял эту игру в возлюбленных, чтоб убить меня.

— Ой!

— Ты специально её выдумал. И этот разговор о фильмах, эта фраза «упадёшь, и костей не собрать».

— Но ты же сама меняла ударения. Прóпасть — пропа́сть.

— Специально, чтоб проверить тебя.

— То есть, я же в дураках.

— Да, родной. Теории могут быть в жизни, но жизнь — это практика. Какой ты ещё ребёнок.

— А ты всегда любила раньше, когда я, дурачась, играл в маленького. То есть слабого, то есть не такого, каков я есть. Всё, сейчас перестану болеть, — сказал я. — Я уже перестал. Давай избежим упрёков. Дай носовой платок. Как ты плохо следишь за мной, у меня не оказалось даже носового платка. «Эх, мы с милашкою прощались, очень горько плакали: её слёзы, мои слёзы на колени капали». Торжествуй — плачу.

— Ты всегда был глупым, теперь я убедилась в этом окончательно.

— А кто меня сделал таким? Кто? Ты. Я поглупел от любви к тебе. Ведь муж, вооружись афоризмом, есть продукт деятельности жены.

— Какая, в самом деле, глупость.

— Пить хочу до того, что не дотерплю до дома, спущусь вниз, в пропасть. И тебе принесу.

— Потерпишь.

— Нет. Разрядка напряжённости. Ты что, в самом деле могла прыгнуть?

— Да.

— А я? Ты обо мне подумала? На кого б ты меня бросила?

— Ой! Найдутся.

— Не ври, все сходятся в единственном варианте. И надо терпеть.

— Что терпеть? Ты опять?

— Опять! Что, недолго добежать до пропасти? Игра в возлюбленных была правильная, и не было в ней ничего фальшивого. Нам было хорошо, но «сулит мне труд и горе грядущего волнуемое море», и надо быть готовым. Большой труд! Разве я не дерзаю взяться за него! Ещё как. Я плохо думаю о себе, ты знаешь, прошло мальчишество, когда я воображал, что чего-то стою. Стою не я, а то, что дано мне. Сказано, что человек может гордиться только тем, что свершил до рождения. Но последняя фраза в роли твоего любовника о твоём муже: ты знаешь, милая, он стóит того, чтобы раствориться в нём, его работе, и это твой единственный путь к счастью. Будем любить, а если нас не любят, будем считать себя виноватыми. И это во всём.

И мы пошли. Всё-таки я всё время старался идти так, чтобы жена моя шла подальше от края пропасти.

И получалось, что ближе к краю шёл я.

Сергей Вацлавович Малицкий родился в 1962 году. Живёт в Коломне с 1983 года. В 2000-м опубликовал первый сборник рассказов. Неоднократно печатался на страницах «Коломенского альманаха», в других «толстых» журналах. Работает преимущественно в жанре фантастики, фэнтези, магического реализма. Автор нескольких циклов приключенческих романов, изданных большими тиражами.

Его произведения отличаются яркостью стиля, изобразительной мощностью, увлекательностью и неожиданными поворотами сюжета.

Награждён медалью им. И.И. Лажечникова.

Рассказ

ДЕСКРИПЦИЯ

1.

Балкер был старым, из тех, что толкуются во внешнем поясе; для межзвёздных полётов — изношен и тихходен, для внутренних маршрутов — изношен и громоздок. Неповоротливая безразмерная рухлядь с дюзами. В трюме руда, на палубах попутный груз. Корпус ободран, швартовщики на внешних линиях не жалуют космический хлам, зато и конкурентов у подобных посудин нет. Их владельцы выжимают из собственной подвижности всё, что можно выжать, а, значит, команды берутся за любую работу. Порой и вовсе нанимаются маткой к космическим мусорщикам. Тянут лямку, пока стоимость кораблика не сравняется со стоимостью его веса в железном ломе. И вот тогда — прямая дорога на переработку. Так что все эти рассказы о космических кладбищах — полная ерунда. Ничего не пропадает. Даже то, что отваливается на ходу. Те же мусорщики дают неплохой выхлоп. Кстати, распилить подобную громадину на части хлопотно, но заработать можно куда больше.

Этот железный портсигар был как раз на том самом уровне. Если не хуже. Перелёт лет сто пятьдесят, не меньше. Как ты ещё не развалился до сих пор, бедолага? Или уже начал разваливаться?

Мусорщик прилип к корпусу балкера возле шлюза, осветил кусок чёрной туши прожектором. Всего и осталось — махнуть пилоту, что засел в крохотной кабинке, рукой, дожидаться раскрытия мусоросборника и вывалиться наружу. Стоило отдавать почти пятьдесят лет жизни внешней инспекции, чтобы добраться до места в корзинке мусорщика?

А на чём ещё было добираться? И так уж спасибо техникам из диспетчерской, что удружили, нашли способ. Сутки до станции на почтовом автоботе и пять часов в скафандре, как устрица в сачке, до места. И всё потому, что патрульный катер на станции всего один, и он как раз здесь. Инструкция, мать её. И тоже прилеплен у малой шлюзовой двери. А почему? А потому что большой шлюз на таких посудинках заварен. Нет уже лодок под их стыковочный узел. Вся погрузка через открытую палубу. Или через автономный портовый шлюз. Маленькие посудинки изнашиваются быстрее больших. Или их не так жалко.

С трудом отлепляя магнитоступы от покрытого налипшим мусором борта, старший инспектор внешних линий Дуэл Смит добрёл до шлюзовой двери и попытался рассмотреть облупившийся овал заводской маркировки. Как же тебя звали в прошлой жизни? Титан? Да. Был ты Титаном, а стал тётушкой Молли. Так, кажется, обзывали эту канистру на станции? И это ещё не худшее имя, дружок. Или подружка?

Клавиша запроса у шлюза не утопилась, и с третьего удара, но створки стали уходить внутрь сами. Было бы странным, если бы инспектора здесь не ждали. Сколько они уже в карантине? Вторые сутки? Представитель компании визжал в диспетчерской так, словно в карантин загнали суперлайнер с пятью тысячами пассажиров. А в мусорщике добираться отказался, заявил, что будет ждать аварийного борта. А то и вовсе отправится на Центральную на рейсовом и встретит или догонит балкер там. А до Центральной два дня дрейфа. И то дело, космос не море, якорь не бросишь. Жди на Центральной, никаких вопросов. Значит, не очень и надо. Ничего, разберёмся, что тут случилось. Без визга и кровопролития, тем более что крови вроде бы и так уже пролилось изрядно. И без спешки.

Дуэл опустил ноги в дверной проём, обернулся. В свете прожектора силуэт пилота, кажется, показал большой палец. Ну что ж, и ты будь здоров, парень. Работа у тебя, прямо скажем, так себе. Ни пассажира в кабину поместить, ни по нужде отойти. Вот, что значит, захолустье...

Мусорная лодка оттолкнулась от корпуса балкера стартовым рычагом (каменный век!), чтобы включить компенсаторы на второй дистанции, но инспектор уже нырнул в шлюз. А ведь лет тридцать назад стоял бы снаружи и отслеживал, чтобы пилот не поторопился, выдержал правила безопасности. Служака, мать его... Постарел или помудрел? Ладно. Это не главное. Или, как повторял шеф, ерунда, как и всё прочее. И добавлял: упивайся жизнью — то, что с тобой происходит, уже происходит. Жизнь идёт — как бы ты к этому ни относился. Глупо обижаться на судьбу. Но ещё глупее принимать её с покорностью. С радостью, только с радостью. Так, а что у нас здесь?

В шлюзе всё было так же, как и в дурных фильмах о космических первопроходцах. Мигающее освещение, оторванные поручни, похабные надписи и наклейки на стенах, да ещё календарь с отвязной блондинкой в смотровом стекле. Или нет, на смотровом стекле какое-то расписание, а за ним — живая блондинка, которая машет ему рукой. Что он должен сделать? Вот ведь пробоина, у них тут и связи нет. Только провода из гнезд торчат. Что? Читаю по губам. Встать на правую стену? Какого чёрта? Гравитоны барахлят? А без них? Блокируется стабилизатор? Начинается...

Загудел компрессор. На экране скафандра, постепенно зеленея, пополнила вправо оранжевая линия. Воздух, чёрт возьми. Стекло с блондинкой запотело. Лампа над дверью перестала мигать. В ноги ударила приятная тяжесть. Нет, инженер балкера — мерзавец. Заставлять гостей заползать на борт?

Дверь с чваканьем пошла вверх. А ножки у блондинки, кажется, очень даже ничего. Начинаются оттуда, откуда должны, а не от коренных зубов. Неужели человек? Почти у всех девушек-оргов был пунтик — ноги чуть длиннее среднестатических. Иногда и не чуть. Точно так же, как и ширина плеч у парней-оргов. С другой стороны, не та эта посуда, чтобы зарабатывать на подобные изыски. Так что, не загадывай, старина. А вот туфельки такие нацепил бы и орг. Тонкие, мягкие, высокие, на невидимом каблуке. С вмонтированным под пятку минигравитроном. На таком захочешь — не упадёшь. Но — опять же дорого. Куда ты? Отскочила. Или отошла?

Дуэл прижался к полу, который всё ещё был для него стеной, и вкатился внутрь корабля. На пороге его едва не вырвало. Лучше невесомость, чем стык по гравитации. Да ещё под девяносто градусов. И былой ловкости уже нет. Водолаз на суше.

Он встал на колени, выпрямился, дождался, пока за его спиной сомкнутся створки, поднял руки, сдёрнул предохранители и отдал команду на разгерметизацию. Шлем сложился за голову. В ноздри ударило запахом пластика и искусственной еды. Здравствуй, гастрит.

— Младший инспектор Глэн Джонс! — за неимением каблучков как будто с разочарованием щёлкнула носками блондинка. — Можно — Глэнни.

— Очень приятно, Глэнни, — проворчал Дуэл. — Орбитальная школа? С отличием? Три года успешной практики на Центральной и первый личный участок? Отчего поспешила вылететь к месту происшествия? Ясно же было, что полномочий не хватит...

— Следовала инструкции, — снова щёлкнула носками блондинка. — Вы ведь старший инспектор Дуэл Смит? С прибытием. А что делают такие, как я, если подобное случается на дальних участках? Как они обходятся без полномочий?

— Действуют по обстоятельствам, — вздохнул Дуэл.

— Тогда проследуем к месту преступления?

Кажется, девчушка всерьёз рассчитывала получить хорошую отметку в служебном формуляре. Никак задумала выбраться из глухой провинции?

— Ни слова больше, — мотнул головой Дуэл. — На место... чего-то там пойдём позже.

— Но ведь... — у девчонки вытянулось лицо. — С чего же вы собираетесь начать?

— Знаешь, — признался Дуэл, — хотел начать с сортира. Но, думаю, сначала надо избавиться от скафандра.

2.

Глэн прекрасно справилась бы и одна. Даже обрадовалась, когда узнала, что на её участке случилось хоть что-то стоящее внимания. Прыгнула в патрульный катер и уже через четыре часа была на месте. Но некоторые

обстоятельства произошедшего, вроде повреждения навигатора на балкере и, главное, наличия нескольких трупов, образовавшихся при весьма странных обстоятельствах, серьёзно ограничили её полномочия. Во всяком случае, после отправки в управление нейрокодов погибших поступило жесткое указание следовать инструкции. Вариантов было два — ждать инспектора рангом повыше или охранять место происшествия до прибытия этой громадины на Центральную. Обеспечивать, так сказать, карантин. Впрочем, одно не исключало другого. Но неподалёку оказался с инспекцией сам Дуэл Смит, почти легенда. Не его ли учебник она перещёлкивала в планшете, когда готовилась к экзамену по служебной abduction? Как назывался тот труд? Дешифрация? Дефекация? Тьфу! Вот ведь... Дескрипция! Что там было, кроме описания самых громких расследований, произошедших за последние полвека в их секторе? Что-то о связи предполагаемого и действительного? О построении логических цепочек и установлении перекрестных связей? Как же начиналось финальное упражнение? Тот, который... Определённая или неопределённая? Всё из головы вылетело. А ведь сколько времени было потрачено на эту, как сетовали однокурсники, необязательную праздную болтовню. Ну, здравствуй, Дуэл Смит. Добро пожаловать на раритет размером с главный причал Центральной. Посмотрим, с чего ты начнёшь. Скорее всего, с какой-нибудь сальной шуточки. Ну, точно. Сколько тебе лет, старший инспектор? Семьдесят-то уже отстучало?

Против её ожидания, Дуэл справился за обещанные двадцать минут. Вышел из выделенной ему каюты секунда в секунду. Успел принять душ и переодеться. Посмотрел на неё многозначительно и проникновенно. Смерил взглядом с головы до ног. А ведь когда-то ты был впечатляющим парнем, Дуэл. Наверное, просто обжигал глазами. Со временем высох, ссушулился, пообтрепался. Но, кажется, думаешь, что твоя улыбка по-прежнему обворожительна.

— Всё натуральное, — прервала затянувшийся внешний осмотр Глэн. — Так с чего же мы начнём?

— А мы уже начали, — сунул в карман расчёску, пригладил ещё сырые волосы, застегнул пуговку на фирменной рубашке Дуэл. — Хотя каюта могла быть и побольше.

— Тут нет лишних кают, — пожал плечами Глэн. — Гостевая всего одна. Она вам и досталась. Есть ещё медицинский бокс, но там расположена я. И поверьте, там ещё теснее. Все свободные отсеки заварены. Я проверяла, печати настоящие. Якобы, таково требование компании, чтобы балкер не брал попутчиков. Так что...

— Хорошо, — оборвал её Дуэл, забрасывая на плечо сумку. — Как ты уже поняла, я неприхотлив. Кровать и душ есть, и ладно. Пока же попробуем найти столовую. Знаете, в мусорщике, в котором меня доставили, завтрак почему-то не подавали. Да. И вот ещё. В душе воняет смазкой, в коридорах котлетами и горелым пластиком. Что у них с вытяжкой?

— Система управления накрылась, — пожал плечами Глэн.

Она намеренно шла рядом с Дуэлом, но на полшага впереди, намереваясь с самого начала утолить его созерцательный голод, хотя инспектор почему-то принялся рассматривать не её, а покрывающие стены коридоров причудливые граффити.

— Не во всяком музее такое увидишь! — с восторгом посмотрел на неё Дуэл, когда Глэн развернулась. — Хороший художник! Что это? Некий космический пост-постмодерн?

— Я по-другому департаменту, — ответила Глэн.

— Не скажи, — погрозил ей пальцем Дуэл. — Тебе всё должно быть интересно! Всё! Эти картинки показать бы нейропрограммисту... Нет, воняет тут невыносимо. Говоришь, вся система управления... накрылась?

— Вместе с главным навигатором, — кивнула Глэн. — Что-то уже удалось наладить, но не всё. Кстати, эта ерунда в шлюзе с гравитацией по той же причине.

— Ничего, — успокоил коллегу Дуэл, останавливаясь у входа в столовую, который из-за обрамляющих его рисунков напоминал вход в преисподнюю. — Мне так даже больше нравится. Хочешь что-то сказать? Повторяю, о том, что случилось, как случилось, что надумала или вычлила — ни слова. Пока — ни слова.

— Но почему? — нахмурилась Глэн.

— Я хочу увидеть всё взглядом случайного человека, — объяснил Дуэл. — Свежим взглядом. Когда я узнаю что-то о происшедшем, ну что-то ещё, кроме того, что вынудило меня сюда прибыть, я уже буду смотреть на всё другими глазами.

— Это так важно? — спросила Глэн.

— Я не знаю, что важно, — ответил Дуэл. — Но и не страдаю по этому поводу. Жизнь покажет. Зачем доставать инструмент, не видя механизма?

— О вас говорят... — начала Глэн.

— Что я упрям, как перегревшийся горнопроходчик? — скривил губы Дуэл. — Только с той минуты, как что-нибудь нащупаю. Успокойся. Всё будет хорошо.

— Уже не будет, — буркнула Глэн, открывая дверь.

— В этом смысле никогда хорошо и не было, — успокоил её Дуэл.

3.

Всегда этот чёртов запах. Уже лет пятьсот ни на одном из кораблей не применялся пластик, который под влиянием каких-либо факторов мог бы издавать вонь. Он даже гореть будет без запаха, если какой-нибудь доморощенный пожарный гений умудрится его поджечь. И вот на тебе, сочетание каких-то аутентичных ароматов в сумме даёт запах старого пластика. А тут ещё и горелого. И примерно так же на каждом грузовом корабле, если он прожёт хотя бы лет двадцать на межпланетных трассах. Но никогда так резко и назойливо... Или же это обонятельный глюк? В любом случае это лучше, чем назойливые дешёвые ароматизаторы. Да и привыкаться обычно удаётся за половину дня. Надо бы забыть об этом запахе. Сосредоточиться на происходящем. Шеф всегда говорил, что спасение в настоящем. Осознание подобно плавучести. Не хочешь утонуть — внимай. Струйкам душа, бьющим тебя в лицо. Запаху технического вазелина из вытяжной сетки. Дешёвому мылу. Жёсткому полотенцу. Сначала убогости собственного телосложения, затем убогости нижнего белья и униформы в целом. Как они умудряются укладывать всё это

в стандартный ранец? Под вакуумным прессом? Ну и, конечно, тому, что запора изнутри душевой комнаты нет. Кому ты нужен, Дуэл Смит? Этой молодой и длинноногой, что стоит в коридоре, словно модель у входа в дорогой бутик? Вот уж точно вряд ли.

Котлеты и в самом деле оказались паршивыми. Сублимат сублимата. Обман желудка. Тяжесть вместо пользы. Хотя, надо отдать должное, повар сумела придать им некое изящество. Жизнь разнообразят соусы. И не только в кулинарном смысле.

— Биу Томас, — представила Глэн смуглую красотку, которая оставила поднос, презрительно посмотрела на Дуэла и почти беззвучно исчезла за сверкающей металлом стойкой. — Хозяйка на кухне, одновременно с этим медик и орголог. Она помогала мне...

— Тихо, — приложил палец к губам Дуэл.

— Будете с ней говорить? — спросила Глэн.

— Нет, — мотнул он головой, прихлёбывая не слишком хороший кофе. — Не обязательно говорить. Иногда достаточно посмотреть. С ней всё в порядке. Ну, насколько это вообще возможно. Ты же должна понимать, что те, у кого всё в порядке, не нанимаются на такой кораблик? Сколько человек в штате балкера?

— Человек? — уточнила Глэн.

— Каков штат балкера? — поправился Дуэл.

— Десять... ставок, — запнулась Глэн. — Десять сотрудников. Было.

— Называй, — кивнул Дуэл. — Только имена и должности. Без собственных домыслов.

— Капитан тётушки Молли... — она снова запнулась. — Каррег Андерсон... Или старина Кар.

— Дальше.

— Старший помощник — Харт Тейлор, — Глэн скривила губы. — Он же главный инженер балкера. Каниад Джонсон — первый механик. Мор Дэвис — второй механик. Ивед Мур... — старший пилот. Кики Браун — пилот-инженер.

— Дальше, — поставил чашку Дуэл.

— Лиу Уилсон — пилот, — наморщила лоб Глэн. — Тали Джексон и Пойн Миллер... — клерки, а также трюмные операторы, хотя по факту разгрузкой и погрузкой занимается вся команда. Биу Томас, как я уже говорила...

— Десять человек, — кивнул Дуэл и добавил в ответ на вновь промелькнувшую на лице Глэн гримасу. — Давай не будем усложнять. Мы здесь не вычисляем, кто из них орг, кто нет. По крайней мере до тех пор, пока это не станет важным для нашего разбирательства. Но у тебя хорошая память. Значит, пять мальчиков и пять девочек? И все пилоты — девочки.

— У вас хорошая память, — парировала Глэн. — Насчёт пилотов — это обычное дело. Работа, которая требует большей сосредоточенности. Физиология.

— Не сексизм ли это? — ухмыльнулся Дуэл и посмотрел на Глэн чуть внимательнее. — Ты не будешь против, если я стану говорить тебе «ты»? Не ради фамильярности, мне так удобнее. Прости, но, кажется, я так тебя называю с самого начала...

— Напоминаю дочь или подружку? — спросила Глэн.

— Ни то, ни другое, — отмахнулся Дуэл. — Кстати, открытые орги обращаются друг к другу только на «ты». Я ни в коей мере не хочу причинить тебе к оргам, просто сейчас, чтобы получить результат, мне нужна близость. Психологическая, не волнуйся. На «ты» она легче достижима.

— Вы разрешите ответить мне тем же? — прищурилась Глэн.

— Валяй, то есть, сколько угодно, — кивнул Дуэл. — Впрочем, это вопрос внутреннего комфорта. Итак, ты назвала десятерых. Идём к старпому.

— Почему именно к нему? — удивилась Глэн.

— Ну, не к капитану же? — пожал плечами Дуэл. — Стирай эмоции с лица, стирай. Ты так докладывала список сотрудников, что я точно знаю, с кем побеседовать мне уже не удастся. И пойми ещё одно. Не только мне нужно посмотреть на всех членов команды. Ещё и им нужно посмотреть на меня. Знаешь почему?

— Почему? — спросила Глэн, позволяя Дуэлу взять снисходительный тон.

— Я не хочу, чтобы при серьёзном разговоре мы с ними знакомились, — объяснил он. — Мы должны разговаривать так, как будто уже знакомы. Кстати, кто разрисовывал тут коридоры? Некоторые рисунки выглядят свежими.

— Кани, — ответила Глэн. — Каниад Джонсон. Первый механик.

— К нему мы отправимся в последнюю очередь, — сказал Дуэл.

4.

Глэн прежде не доводилось бывать на подобных посудинах, но за четыре часа полёта на патрульном катере она успела изучить их историю в подробностях. Балкеры сходили со стапелей в десятилетия, когда космос представлялся строительной площадкой. Потом, когда оказалось, что космосу нужны не монстры, а юркие и одновременно мощные тягачи или, что точнее, толкачи — титанов успели наклепать несколько десятков. В каталогах их называли дирижаблями, хотя ту древность они напоминали только размерами. И тем, что их обитаемая часть была крошечной на фоне всей туши. Крошечной, но немалой и упрямой в тело космического монстра. Растянутой на три яруса. Каюта старпома располагалась на верхнем, возле рубки, или, иначе говоря, зала управления, проход в который Глэн лично затащила полицейским пластиком. Дуэл посмотрел на ограждение и одобрительно кивнул. Вот он уже и знает, где всё произошло...

— Вы шишка из управления? — раздался низкий и одновременно как будто прозрачный голос.

— А вы Харт Тейлор, старший помощник капитана? — прищурился инспектор, вглядываясь в появившегося в дверях каюты старпома — крепкого, но уже немолодого красавца с признаками лёгкой небритости на лице. Глэн с трудом сдержала гримасу. За глаза Харта на балкере называли именно Красавчиком, и, кажется, это совпадало с его мироощущением. Во всяком случае при первом знакомстве с Глэн он флиртовал с ней особым образом — демонстрировал не знаки внимания, а себя. Иронически кривил губы в улыбке, поворачивался в профиль, плавно ерошил тронутые сединой вихры. Особого впечатления на инспектора не произвел, поэтому сейчас даже не смотрел в её сторону, но был напряжён. Глэн казалось, что он

что-то делает во рту языком. Во всяком случае, плотно сжатые губы Харта словно удерживали его язык внутри рта с некоторым усилием. И кулаки, засунутые в карманы синего комбинезона, натягивали последний явно с той же целью — не сказать или не позволить себе лишнего.

— Да, — буркнул Харт и, наклонив голову, процедил сквозь зубы: — Хотя я не уверен. Мне вот уже сутки кажется, что я никакой не старший помощник, а прихвостень вот у этой девчонки. Видано ли, перекрывать вход в рубку?

— Я... — напряглась Глэн, но замолчала, повинувшись жесту Дуэла.

— Она действовала по инструкции, — примирительно улыбнулся инспектор. — Или вы хотите, чтобы она вылетела с работы? Не выйдет, я её в обиду не дам. У вас ведь есть резервный пост?

— Есть, — продолжил скупое цедить слова старпом. — Но он без выхода на навигатор. А знаете почему?

— Нет, — заинтересовался Дуэл.

— Потому что чёртов навигатор раздолбан, — был ответ. — И что прикажете мне делать? Старушка, между прочим, не к колышку привязана. Она летит!

— На сколько часов есть расчёт безопасного полёта? — спросил Дуэл.

— Автономные системы дают гарантию пока только на шестьдесят часов, — буркнул старпом.

— Навигация ведь может производиться в автономном режиме? — спросил Дуэл.

— Да, — скорчил гримасу старпом. — Кудрявый как раз занимается этим.

— Ну так и успокойтесь, — пожал плечами Дуэл. — Насколько мне известно, тормозные двигатели в ручном режиме вы уже включали. Траектория рассчитана. Через двое суток вас поймают буксиры и препроводят к ремонтному доку. Вы сообщили в компанию об утрате навигатора?

— С некоторым трудом, — проворчал старпом. — Аварийными средствами. Так же, как и сообщали о... происшествии. Компания уже занимается этим, но нам ещё надо демонтировать старый! Этот чёртов карантин...

— Ненадолго, — улыбнулся Дуэл. — К тому же я недавно видел представителя вашей компании, он занимается вашими проблемами в полную силу. Думаю, что через двое суток вы воссоединитесь.

— Надеюсь, — хлопнул дверью старпом.

— Это всё? — не поняла Глэн.

— На первый раз более чем достаточно, — кивнул Дуэл. — Кто такой кудрявый?

— Мор Дэвис, — ответила Глэн. — Он сейчас должен быть на вахте. Как раз на резервном посту. И пилот Лиу Уилсон. Вы хотите знакомиться с ними по отдельности?

— Посмотрим на обоих сразу, — сказал Браен. — И что, он действительно кудрявый?

5.

Мор Дэвис действительно был кудрявым. Вероятно, собственные кудри, которые делали его голову похожей на затейливый цветок, изрядно мешали ему, поэтому он затягивал их тугим узлом на затылке, но даже

в таком виде они напоминали бьющий ему за спину упрямый фонтан. Общее впечатление усиливала изрядная долговязость и узость в плечах механика, делая сравнение с цветком более чем актуальным. Довершали картину сложенные домиком брови. «Пьеро», — отчего-то вспомнил древнюю сказку Дуэл и тут же подумал, что к новому названию балкера «Тётушка Молли» его механик Дэвис подходит как никто. Или точнее, как её добрый внучек. Впрочем, Дуэл увидел его не сразу.

Резервный пост, как и ожидал инспектор, оказался длинным, запылённым залом на втором ярусе шириной в десяток шагов и длиной в пятьдесят, в конце которого помаргивал пунктирами и кривыми экран. Мор, вскрывший несколько панелей пола, копался среди ветвящихся шлангов и лент, погрузившись в них почти полностью. Над креслом за его спиной показалось заплаканное лицо черноволосой девушки с узким разрезом глаз.

«Так бывает, — подумал Дуэл. — Всё в отдельности — очаровательно и мило. Глаза как миндалины. Нос чуть вздёрнут. Кожа чистая. Подбородок острый. Румянец. Завиток волос на лбу. А вместе ничего особенного. Не дурнушка, но ничего особенного. Кстати, а что такое — миндалины? Или миндаль? И почему это глупое сравнение всплыло в голове?»

— Старший инспектор Смит, — представила Дуэла Глэн.

— Мор Дэвис, — сбросил с плеча пук шлангов и сокрушенно вздохнул кудрявый. — Механик.

— Лиу Уилсон, — всхлипнула, разворачивая кресло, девушка. — Пилот.

— Можно подумать, что в кресле пилота мог оказаться не пилот, — улыбнулся Дуэл.

— Кто угодно, — ответила девушка, словно не замечая текущие по щекам слёзы. — Начальные лицензии на пилотирование есть у каждого. Даже у Би Томас. Это условия продления контракта. Но теперь... Всё потеряло смысл. Я здесь просто занимаю место. Сразу после... Как только всё случилось, мы связались со станцией, и нам было рекомендовано снизить скорость.

— Лечь в дрейф, — буркнул Мор. — Но сначала притормозить. Пришлось запускать тормозные двигатели. Не думал, что это можно было сделать вручную.

— Примерно так, — пожалла плечами Глэн в ответ на взгляд Дуэла.

— Можно сказать, всё идёт по плану, — добавила Лиу. — По внезапному и ужасному плану. Через двое суток мы будем на Центральной. Нам обещали доставить новый навигатор. Упрощённый, конечно...

— Всё так и будет, — успокоил девушку Дуэл. — Вы давно на «Тётушке Молли»?

— Пять лет, — ответила Лиу. — У нас были особые отношения с капитаном. Не подумайте чего плохого, я была для него как дочь. Пять лет назад его назначили на этот корабль, и он взял меня с собой. Это была моя первая работа.

— Простите, — прижал руку к груди Дуэл. — Я соболезную вашей потере. Но почему такой выбор? Только из-за возможности доброжелательной опеки?

— Не только, — прерывисто вздохнула Лиу. — Хотя опека мне не мешала. Капитан натаскал меня лучше, чем это сделал бы любой инструктор в лётной школе. Классификацию я прошла без протекций и поблажек.

Всё сдала на отлично. Просто мне нужен налёт на тоннажных кораблях. Пилотом я утверждена три года назад, так что успела. Теперь я смогу получить категорию для полных лайнеров. Если вся эта ужасная история не спутает мне планы. Собственно, она уже...

— Ли хороший пилот, — подал голос Мор. — Поверьте, капитан не посадил бы в это кресло плохого пилота. Тут нет балласта. Каждый на своём месте. Может, не все из нас приятные в обхождении персоны, но специалисты каких поискать.

— Значит, Мор Дэвис хороший механик? — спросил Дуэл.

— Нормальный, — буркнул Мор и снова погрузился во внутренние полости корабля с головой, добавив уже едва внятное: — Конечно, я не Кани Джонсон. И уж тем более не старпом. Но зато не отказываюсь от работы.

— Кто-то, выходит, отказывается? — заинтересовался Дуэл.

— Кто отказывается? — с тревогой вынырнул из путаницы шлангов Мор. — Я ничего такого не говорил!

— Действительно, — кивнул Дуэл и посмотрел на Глэн, которая как будто была раздражена. — Хотя...

Он замолчал. Лиу смотрела на него как будто с надеждой. Глэн — с раздражением, а Лиу — с надеждой. На что она надеется? И почему не вытирает слёзы? И что значит — «я была для него как дочь»?

— Куда теперь? — шевельнула губами Глэн.

— По восходящей, — ответил Дуэл. — Забудем о слове «зато». Тем более что я передумал. Посмотрим на второго механика. На этого Каниада Джонсона.

— На первого, — снова вынырнул из-под шлангов Мор. — Я второй. Кани Джонсон — первый механик. Что справедливо, кстати.

— И он же лучший? — поинтересовался Дуэл.

— Лучший теперь старпом, — после паузы ответил Мор. — Харт Тейлор. Он мастер. Хотя по сути — он инженер. Раньше лучшим был капитан.

6.

Чем дальше всё это продолжалось, тем больше Глэн казалось, что старший инспектор Дуэл Смит явился на балкер с единственной целью — не расследовать ужасное преступление, а покрасоваться. Перед нею — зелёной и неопытной. Перед перепуганной и раздражённой командой, каждый член которой, конечно, скорбел о капитане, но более всего беспокоился о собственном будущем. Перед самим собой — умудрённым и всезнающим. Может быть, стоило лучше присмотреться к той же Лиу Уилсон? Да, возможно, что её слёзы были отражением её печали по поводу капитана. Но что, если за ними скрывается что-то ещё? Только ли её беспокойство о собственном будущем? Что бы ты сказал об этом, Дуэл Смит? Или что бы об этом сказала твоя хваленая дескрипция? И что такого обнаружилось в нейрокодах, которые Глэн отправила в управление? Почему ей не позволили завершить это дело самой?

— Странно, — пробормотал Дуэл, спускаясь со среднего яруса на нижний. — Почему каюты разбросаны? Не проще было бы разместить все помещения на одном уровне? Или не во власти капитана разблокировать

нужные помещения? Я, кстати, поселился бы возле пищеблока. Если, конечно, вытяжка способна работать так, как надо.

— Тут строгие порядки, — пожалала плечами Глэн. — Точнее, мне так показалось, что тут были строгие порядки. Но они касались только работы. Во всем остальном... На корабле царили весьма вольные нравы. Последнее время так уж точно. Так что уединение дорогого стоит.

— Уединение? — переспросил Дуэл.

Едва не сбив их с ног, мимо пробежала плачущая женщина. Невысокая, но ладно сложенная, она пихнула Дуэла плечом и, стиснув пальцами виски и скуля, как придавленный дверью щенок, застучала каблуками по лестнице.

— Кики Браун, — назвала её Глэн. — Пилот-инженер.

— Это она так проводит свободную смену, — понял Дуэл. — И тоже, скорее всего, классный специалист. Ладно. Будем считать, что мы её уже видели. Да, раздобудьте мне схемы расположения жилых и нежилых помещений обитаемого отсека балкера. И пометьте, кто и где живет. Хорошо?

— Может быть, важнее заполнить схему капитанской рубки? — спросила Глэн. — Мы вообще когда-нибудь туда заглянем?

— Заглянем, — хмыкнул Дуэл. — И всё же сделайте то, что я прошу. Кстати, почему я не вижу камер слежения в коридорах? По регламенту они должны быть.

— Сняты, — ответила Глэн. — Распоряжением капитана.

— Мотивировка? — заинтересовался Дуэл.

— Право на личную жизнь, — объяснила Глэн. — Где-то с полгода назад старина Кар вдруг озаботился личной жизнью своей команды. Харт Тейлор сказал, что капитан распорядился сделать это после скандала, который устроила Кики Браун.

— Причина скандала? — спросил Дуэл.

— Её бывший муж, — процедила сквозь зубы Глэн.

Неужели этот старший инспектор ещё и сплетник? Решил оторваться в последующие двое суток?

— Подожди, — остановился, сойдя с лестницы, Дуэл. — Каниад Джонсон?

— Больше никому? — удивилась Глэн.

— Мы видели Мора Дэвиса и Харта Тейлора, — объяснил Дуэл. — Они не напоминают женатиков. Один из них похож на набухший бутон, которому всё ещё только предстоит. Другой любит только самого себя и, несмотря на изрядную ранимость, полон злой избыточности. Хотя, скорее всего, ловелас ещё тот. Ещё двое мужчин из списка — мертвы. Да, ты не умеешь врать или, точнее, не умеешь скрывать свои чувства, я это понял по твоему представлению команды. Именно мертвы, так же, как и одна женщина. Остается только Каниад Джонсон. Узнать бы ещё, кого на самом деле оплакивает Лиу Уилсон. И оплакивает ли хоть кого-то. Ладно, об этом потом. Так кто виновник скандала? Отчего плачет Кики Браун?

— Часто приходится старшим инспекторам заниматься личными отношениями? — спросила Глэн. — Или только тогда, когда в результате их обострения гибнут трое... человек?

— Вот ещё, не хватало ревновать меня к порученным мне трупам, — примирительно улыбнулся Дуэл.

— В управлении думают, что я бы не разобралась? — наконец выплеснула собственное раздражение Глэн. — Числят меня новичком? До того, как меня загнали на этот скучный участок, я проходила практику в оперативной части на Центральной. Можете проверить, у меня — практикантки — было полсотни вооружённых задержаний. Раскрытий — за сотню. Что такого обнаружилось в моём отчёте, что в управлении вспомнили об инструкции и прислали сюда вас?

Дуэл ответил не сразу. Сначала поймал её взгляд, с удивлением поднял брови, уважительно покачал головой и только потом произнёс:

— Я расскажу. Чуть позже. Ты не ответила мне, кто виновник скандала?

— Вот она, — повернулась в сторону зазвучавших за поворотом коридора шагов Глэн. — Тали Джексон. Клерк. Я её уже по шагам узнаю.

7.

Она была кошкой. Гибкой механической кошкой, которой случайное стечение обстоятельств придало образ женщины. Дуэл понял это сразу, едва в конце коридора мелькнул силуэт. И уже было неважно, что на женщине сверкал серебряными вставками тёмно-синий комбинезон клерка, который значил лишь одно — его обладательница орг, фактически, собственность компании. Во всяком случае, на время контракта. Она была женщиной. Настоящей женщиной. Она плыла, скользила, кралась, танцевала. И томная улыбка на её лице свидетельствовала, что, если её существование кому-то отравляет жизнь, ей самой — клерку Тали Джексон — это не доставляет ни малейшего неудобства.

— Что скажешь? — спросила Глэн, когда Тали застучала каблучками по той же лестнице, по которой только что пробежала рыдающая Кики Браун.

— Во-первых, на этом корабле не принято здороваться с незнакомцами, — вздохнул Дуэл. — Такое ощущение, что мы где-нибудь на Центральной. На многолюдной площади.

— А во-вторых? — спросила Глэн.

— Единственная блондинка на балкере — это ты, Глэн, — заметил Дуэл. — И Лиу, и Кики, и Тали — все брюнетки. А уж Биу Томас — брюнетка вдвойне.

— Старший пилот Ив Мур была рыжей, — ответила Глэн. — Что на это скажет твоя дескрипция?

— Она скажет, что остались одни брюнетки, — задумался Дуэл. — Или о том, что рыжие на корабле к несчастью. Суеверие, конечно. Но не будем делать выводы об обречённости всех рыжих. Пойдём, Глэн. Мне уже не терпится оказаться на месте преступления.

— А как же Кани Джонсон? — не поняла Глэн.

— Подождёт, — улыбнулся Дуэл. — Не хмурься. Так надо.

8.

— Вот, — Глэн сорвала плёнку со входа в рубку и вошла внутрь.

Ни одного дня она не собиралась стать пилотом или кем-то, кто связан с межпланетными перелётами, но зал управления большим кораблём

представляла себе именно так. Прозрачный купол из кристаллического пластика. Мягкие и широкие кресла по периметру. Парочка постов для пилотирования и колпак навигатора между ними. Сейчас между кресел, у подножья изуродованного выстрелом или ещё чем-то навигатора белела плёнка консерватора, под которой отчётливо выделялись три тела.

— Подожди, — попросил Дуэл, натягивая на форму паутину защитного комбинезона. — Здесь можно сделать ярче свет? Такой, который был, когда всё случилось?

— Он таким и был, — ответила Глэн. — Я ничего не меняла. Если что, у меня есть фонарь.

— Через сколько часов ты была здесь? — спросил Дуэл.

— Через семь часов после происшествия, — сказала Глэн. — Сменщики увидели это через два часа, как всё случилось. Сменщики — Кики и Тали.

— Взрывчатая смесь, — заметил Дуэл.

— Наоборот, — не согласилась Глэн. — Пока Тали рядом, Кики спокойна. Кики сразу же сообщила по резервной линии в компанию, компания на станцию. Я была здесь через пять часов. Даже раньше. Всего — через семь.

— Анализ сделала через час, — предположил Дуэл.

— Почти сразу, — не согласилась Глэн. — Отправила его в течение часа.

— Значит, восемь часов, — задумался Дуэл. — Ещё через десять часов я сел на покот. Сутки. Пять часов на мусорщике. Уже час здесь. Прошло ровно двое суток. Почему тела обнаружила только смена?

Дуэл обошёл тела, приблизился к навигатору, потрогал его оплавившиеся внутренности, наклонился и понюхал.

— Странно. В воздухе всё ещё стоит запах горелого пластика, а навигатор им не пахнет... Ещё раз, почему тела обнаружили сменщики, а не кто-то ещё? В твоём отчёте написано, что была стрельба. Хлопки должны были получиться громкими. Никто не услышал?

— Рядом только каюта старпома, самого капитана и первого пилота, — пожалала плечами Глэн. — Старпома в каюте не было, капитан и первый пилот — здесь. А дальше... Я замеряла. Выстрелы не слышны на других ярусах. Тут звукоизоляция.

— А где был старпом? — спросил Дуэл.

— В каюте Лиу Уилсон, — ответила Глэн. — Тут у них всё сложно в этом плане.

— И, конечно, никаких записей, — как будто задумался Дуэл.

— Никаких, — кивнула Глэн. — В рубке в любом случае ведётся автономная запись, но блок управления навигатора сожжён. Вся информация была бы там.

— Все видели тела? — спросил Дуэл.

— Да, — снова кивнула Глэн. — И никто ничего не трогал. Тали и Кики не могли бы сговориться друг с другом. Да и зачем? Всё же ясно. Будете смотреть?

— Буду, — махнул рукой Дуэл.

Глэн сдернула плёнку. Дуэл несколько секунд рассматривал тела, потом посмотрел на неё. Глэн напряжённо облизала верхнюю губу. Почему-то ей показалось, что сейчас решается её судьба.

— И чего же тут ясного? — спросил инспектор.

— И чего же тут ясного?

Трупов было три. Труп с капитанской нашивкой лежал у навигатора. Голова у него отсутствовала. В мёртвой руке был зажат пистолет. Второй труп — молодого и красивого парня в тёмно-синей форме клерка — был запрокинут навзничь в луже крови в двух шагах от первого. Одна пуля вошла ему в живот, другая — точно в лоб. Чуть в стороне лежала Ивед Мур. Уже не слишком молодая, но всё ещё красивая женщина. Судя по всему, она пыталась ползти, но не слишком долго. В животе у неё явно сидело две или три пули. Рядом валялся лазерный резак.

— Как что? — раздражённо посмотрела на инспектора Глэн. — Вот. Мощность резака выкручена на полную. Предохранители сорваны. Да им не только голову капитана и навигатор — купол можно прожечь! Направление вспышки совпадает с расположением и навигатора, и трупа капитана Каррега Андерсона, и, что важно, с расположением самого резака. Пистолет в руке капитана. Из него сделаны пять выстрелов. Три из них — в живот пилота Ив Мур. Два — в живот и голову клерка Пойна Миллера.

— И как же ты видишь событие преступления? — спросил Дуэл.

— Просто, — пожала плечами Глэн. — Капитан Андерсон сожительствовал с Ив Мур. Фактически, они жили вместе. Правда, по словам Биу Томас и Лиу Уилсон, чьи каюты под каютами капитана и первого пилота на другом ярусе, последние полгода они часто ссорились. Ли говорит, что Ив жаловалась ей на Кара. Говорила, что он стал придиричив и раздражителен. А Би заметила, что капитан никогда таким не был, как в последнее время. Предположила, что всё дело в том, что это корыто подходит к концу своего пути. Кстати, дольше её с капитаном служит только Харт Тейлор. Я думаю, что, скорее всего, капитан стал раздражительным не только из-за предстоящих хлопот по утилизации «Тётушки Молли». Наверное, у него были основания подозревать Ив в измене или ещё в какой пакости. Скорее всего, Кар и в одну смену с Пойном ставил свою подругу с одной целью — поймать её на неверности и разорвать отношения.

— Не слишком ли сложно? — усмехнулся Дуэл.

А ведь он узнавал в этой горячей девчужке себя молодого.

— Есть варианты попроще? — скривилась Глэн.

— Когда нужно разорвать отношения, их проще всего разорвать, — объяснил Дуэл. — Зачем убивать?

— Тут все говорят, что капитан не был способен на непродуманные поступки, — согласилась Глэн. — Но мы же не знаем, что произошло на самом деле? Можем лишь предполагать. К тому же и спокойного человека можно вывести из себя. И он может оказаться опаснее психопата.

— Хорошо, — кивнул Дуэл. — У капитана балкера в руке служебный пистолет. Не будем вспоминать о том, что он должен храниться в сейфе, предположим, что старина Кар тщательно замаскированный психопат. И он шёл с пистолетом в рубку, чтобы уличить свою подругу в неверности.

— И уличил её, — продолжила Глэн. — Возможно, здесь произошла потасовка или, что уж точно, ссора, которая завершилась трагедией. Я сканировала тела. Первая пуля была выпущена в живот Ив. Очерёдность последующих выстрелов уточнить сложно, но одна пуля оказалась

в животе Пойна и ещё две пули в животе у Ив. Последняя пуля вошла Пойну в голову. С близкого расстояния, рука капитана вымазана в крови. Стрельбу оборвала сама Ив. Уже умирающая пилот Ивед Мур. Она включила резак и направила его на капитана. Снесла ему голову и часть навигатора. Отползла на пару шагов и умерла. По-моему, всё сходится!

— Ты так докладываешь свою версию, как будто срываешь джекпот, — усмехнулся Дуэл.

— А что не так? — раздумянулась Глэн. — Есть другие версии?

— Нет, что ты! — поднял руки Дуэл.

— Я бы прекрасно справилась и сама, — расправила плечи Глэн. — Вы согласны, старший инспектор Дуэл?

— И вот у нас три трупа и ни одного подозреваемого, — заключил Дуэл. — А ведь ты, дорогая Глэн, и в самом деле могла бы справиться и без меня.

— Я не вызывала тебя сюда, старший инспектор Дуэл Смит, — отчеканила Глэн. — И всё ещё не знаю причину твоего прибытия. Тем более причину объявления карантина и всего прочего. Да, смерть трёх сотрудников компании — не хулиганство на борту. Это серьёзно. Но ведь ты слишком важная птичка, Дуэл? Зачем ты здесь?

— Важная птичка? — хмыкнул инспектор. — Может быть, надутая и глупая птица? Ладно. Прежде, чем разрушить твою стройную теорию, позволь мне спросить, не показалось ли тебе что-нибудь странным? Вообще на корабле и в частности вот на этом месте преступления?

— Прежде, чем ты попытаешься разрушить мою стройную теорию, так и быть, я расскажу тебе о странном, — ответила Глэн. — Самой большой странностью балкера «Тётушка Молли» был его капитан. Всегда выдержанный, спокойный, невозмутимый, справедливый, надёжный. Всё произошедшее с ним, даже с учётом нескольких месяцев нервозности с Ив, не находит объяснений. Но он орг. Я сверялась, он давно не проходил тесты. Да, у капитана есть некоторые привилегии. Изменения могли накопиться. Да и его срок. Он был на грани выработки. Так же, как и эта «Тётушка Молли».

— Дальше, — попросил Дуэл.

— Вся команда, — продолжила Глэн. — Они все отличные специалисты, но... Все на грани. Чужачества, вспыльчивость, несдержанность. Никогда не видела такой концентрации истерических реакций. Я успела посмотреть последние тесты. Би проводила их скрупулезно. Такое впечатление, что Каррег отбирал одних чудиков.

— Дураков? — прищурился Дуэл.

— Смотря что считать дуростью, — хмыкнула Глэн. — Старпом Харт Тейлор не только, как ты говоришь, ловелас, но и самовлюблённый эгоист. Ненавидит всех. Сошёлся с Лиу Уилсон только потому, что она потакает этому ненавистничеству. Не удивлюсь, если она позволяет ему издеваться над собой. И уж во всяком случае, рыдает она постоянно и сладостно и не только после гибели капитана, но и каждый день из проведённых ею на этом балкере. В последние месяцы так уж точно. Кстати, на момент прихода на балкер у Ли нет ни одного теста. Судя по нескольким проскользнувшим репликам, она была пустой, как канистра. Дурой. Кэп взял над ней опеку, и вот — получите пилота.

— Любопытно, — улыбнулся Дуэл. — Ты не теряла времени зря. Продолжай.

— Об Ив я знаю точно только то, что капитану давно следовало подозревать её в неверности, поскольку её рыжая головёнка лежала на всех подушках «Тётушки Молли», и на многих неоднократно. Кани Джонсон так и вовсе гнал её из своей каюты. А Би Томас сказала, что нужно очень постараться, чтобы стереть ухмылку с лица художника-механика. И это было сказано о человеке, который не только переспал с каждой на этом корабле и даже с самой Би, но и заинтересовался в том числе и мной.

— Ничего странного, — развёл руками Дуэл. — Будь я помоложе...

— Инспектор! — повысила голос Глэн.

— Прошу прощения, — поклонился Дуэл. — Кстати, капитан, судя по всему, мог легко найти кучу поводов для расставания со своей пассией.

— Я тоже об этом думаю, — нахмурилась Глэн. — Би считает, что есть эмоции, которые склонны накапливаться. Кстати, Би Томас мне показала самой умной из всех. Да, она цинична. Я спросила её, почему она рассказывает мне о каждом. Ответ был прост. Меньше вранья — меньше подозрений. У неё хороший стаж. Если я поблагодарю её в рапорте, она получит ещё один плюсики. Если она продержится на этом кораблике ещё полгода, до его утилизации, даже ты, инспектор, позавидуешь её пенсиону.

— Я не собираюсь на пенсию, — улыбнулся Дуэл. — Остальные?

— Мор Дэвис — трус, — вздохнула Глэн. — И, мне кажется, купается в своей трусости. К тому же он равнодушен к мужчинам. Тали Джексон — его противоположность. Абсолютная раскрепощённость и невоздержанность. Автомат для получения удовольствий. И одновременно сама доброта и мягкость. То есть, та же Ив Мур, но без слёз, претензий и комплексов.

— Пойн Миллер? — спросил Дуэл, показывая на труп красавчика. — Что можешь сказать о нём?

— Циничный малый, — пожалла плечами Глэн. — У него контракт на десять лет. Отбыл только два. Ещё восемь лет рабства, как говорил он сам. Думаю, что всё свободное время он посвящал размышлениям, как бы освободиться от власти компании. Скорее всего, Ив пообещала ему что-то. Вряд ли она могла его привлечь только собственным телом. Все женщины корабля были не прочь иметь близкие отношения с Пойном. И не только женщины.

— Кудрявый, — понял Дуэл.

— Ты сказал, — поморщилась Глэн.

— Это всё? — спросил Дуэл.

— Одна мелочь, — после паузы призналась Глэн. — Всё вроде сходится, кроме одного. Если капитан был так разъярён, что был способен начать стрельбу, почему он сначала прошёл к навигатору? Он заходит, застаёт подругу со своим подчинённым, идёт мимо них, встает у навигатора и начинает разговаривать с ними. И только потом стреляет.

— Это как раз ерунда, — махнул рукой Дуэл. — Перед тем, как обрушиться на берег смертоносной волной, море тоже откатывает назад. Нет, это меня не удивило бы. Скажи, как оказался резак в рубке?

— Кудрявый дал его Пойну, — объяснила Глэн. — Якобы, тот хотел получить разрешение капитана на переезд в другую каюту. По соседству

с каютой Ив. Её вскрыть, свою заварить. Такое уже бывало, хотя капитан давал такие разрешения неохотно. Хотя обычно речь шла о том, чтобы переселиться куда подальше от остальных. Месяцы общения друг с другом многих вынуждают искать уединения.

— Тут-то речь об уединении не шла, как мне кажется, — пробормотал Дуэл и присел у резака. — А Ив умела с ним обращаться? Ведь не так просто снять его с предохранителя. Да и надо знать, как вывести его на полную мощность. Кстати, на всё уж точно уйдет секунд десять... Если он, конечно, не был включен заранее.

— Может быть, десять секунд и прошло? — предположила Глэн. — Капитан, постепенно приходя в себя и ужасаясь тому, что совершил, стоит у навигатора. Пойн мертв. Ив умирает и хрипит, теребя в руках резак, который Пойн притащил на вахту, чтобы потом отнести в каюту. Может быть, капитан даже подсказывает своей бывшей подружке что делать? Понимает, что всё это кончилось ужасом, и хочет расстаться с жизнью?

— Хо-хо, — покачал головой Дуэл. — Ещё немного, и мы скатимся к бульварному детективу. Хорошо, я скажу тебе, что не стыкуется с твоей стройной теорией, дорогая Глэн. И почему я прилетел сюда в корзине мусорщика.

— Я вся внимание, — улыбнулась она.

10.

Нет, он не хотел покрасоваться. Кажется, в этом она ошиблась. Дуэл Смит вытащил из кармана коммуникатор, набрал на нём что-то, отправил, покачал головой и присел возле обезглавленного трупа. Когда он поднял взгляд на неё, в нём не было торжества или превосходства. Его лицо выражало смущение.

— Я должен извиниться, — сказал Дуэл. — Мы с самого начала были не в равных условиях. У меня была информация, которой не было у тебя. Но я ни одной минуты не хотел доказать, что я лучший исследователь, чем ты. Отнюдь. Просто мне нужно было понять то, чего я не могу понять уже очень много лет.

— Уже очень много лет? — удивилась Глэн.

— Это не Каррег Андерсон, — объяснил Дуэл. — Или, я бы сказал, не только капитан Андерсон. Это Иниг Пейлот. Знаменитый Иниг Пейлот, который провёл целый год в подобном корабле, потерявшем управление и средства связи. Его перегоняли на утилизацию и потеряли в космосе. Давняя история. Он голодал. Можно сказать, что грыз изоляцию. Едва выжил. Начал выращивать плесневелые грибы, как-то их перерабатывать. Когда его нашли, это были кожа и кости. Компания отказалась ему компенсировать пережитое. Точно так же, как она не очень-то и искала потерю. Там была махинация со страховыми выплатами, но всё закончилось поначалу для компании крупным штрафом. Не слишком крупным.

— Боже мой, — поражённо прошептала Глэн. — Я слышала эту историю! В вашей «Дескрипции»...

— Да, — кивнул Дуэл. — Я упоминал о ней. В том числе и потому, что я так и не разгадал загадку Инига Пейлота. После неудачного иска тот исчез.

Но не в одиночестве. Вместе с половиной миллиарда кредитов, которые каким-то непостижимым образом сумел вывести со счетов компании. Вывести бесследно. Так же, как непостижимым образом растворился в космосе сам, и вот — обнаружился под именем Каррег Андерсон в той же самой компании.

— Непостижимо... — пробормотала Глэн.

— Это точно, — вздохнул Дуэл. — На ту украденную сумму можно было бы купить сотню таких балкеров. Причём новых. Вот и думай, что он здесь забыл? Что такого было в капитанской должности, что уже под другим именем он продолжал ту же самую службу? И это всего лишь ещё одна загадка. Мелкая. Как он украл деньги? Как их спрятал? Как он смог изменить системы учёта и так долго скрывать свой нейрокод от поисковиков? Ведь он не был компьютерным гением.

— Это всё? — спросила Глэн.

— Надеюсь, — качнул головой Дуэл. — Хотя мне кажется, его история ещё не закончена. Я участвовал в той следственной группе. Иниг Пейлот был хорошим оргом. Все отзывались о нём именно так. Он никогда не поступал необдуманно. Никогда не ошибался. И если вот это всё вокруг нас сделано им — значит так было нужно.

— Убить себя? — подняла брови Глэн.

— И убить себя в том числе, — кивнул Дуэл. — Так было нужно Инигу Пейлоту. Ну, или кому-то свыше.

— Богу? — рассмеялась Глэн. — О нём в вашей «Дескрипции» уж точно ничего нет. Кстати, я не очень понимаю, как это всё рушит мою теорию? А если он изменился? Насколько я помню курс по криминалистике, со времён самого громкого ограбления в системе прошло тридцать лет. А что, если за это время твой Иниг Пейлот сменил приоритеты? К тому же, вот и свидетельства. Два трупа, не считая его самого. А Иниг Пейлот никогда не убивал. За ним нет ни единого трупа...

— Я как раз думаю об этом, — улыбнулся Дуэл. — Но у меня есть ещё один довод против твоей теории.

— Какой же? — помрачнела Глэн.

— Приглядиись, — наклонился над трупом Дуэл. — Видишь? На рукаве подтёки пластика? Очевидно, что они, как и подтёки на рубаше, на втором рукаве, произошли из-за вспышки резака, которым испепелило голову капитана и часть навигатора.

— И что же? — не поняла Глэн.

— Кровь заливает их, — вздохнул Дуэл. — Не кровь Инига-Каррега. А, думаю, кровь, ударившая изо лба Пойна после выстрела с близкого расстояния.

— И что это значит? — нахмурилась Глэн.

— Ты сама знаешь, — развёл руками Дуэл. — Получается, что Иниг добивал Пойна, уже не имея головы на плечах.

11.

В этот раз Би Томас кормила гостей балкера отбивными. Они имели такой же унылый запах, как и котлеты, но точно так же оказались вполне приемлемыми на вкус. Система вентиляции была налажена, и запах горе-

лого пластика почти не чувствовался. Глэн была обескуражена и, пытаясь справиться с нахлынувшими на неё размышлениями, ела плохо.

— Успокойся, — посоветовал ей Дуэл. — Во-первых, ты всё сделала правильно. Во-вторых, я в твоём возрасте наворотил бы кучу ошибок, а за тобой только упущенная мелочь и неверные предположения. В-третьих, ещё не всё потеряно, и, если мы с тобой разберёмся в этом деле, я нигде не напишу, что раскрыл преступление сам. Везде будет «мы».

— Благодарю, — скривила губы Глэн. — Ничего себе мелочь... Но я не знаю, за что теперь зацепиться.

— За всё подряд, — вздохнул Дуэл. — Для начала вернуться к тому, о чём вспомнила ты сама. Иниг никогда никого не убивал. Что, однако, не исключает, что он вряд ли стал бы прикрывать собственной грудью кого-то другого.

— Он орг, — прошептала Глэн.

— То есть, не человек? — уточнил Дуэл.

— Орг, — повторила Глэн.

— Хорошо, — поморщился Дуэл. — В чём разница?

— Разность, — буркнула Глэн. — У нас на курсе говорили — разность. То есть, если взять человека, вычесть из него душу, эмоции, ощущение неотвратимости смерти, воспоминания о детстве, любовь, трудности взросления, комплексы — всё, что делает его человеком, то получится орг. Вот она разность.

— Понятно, — кивнул Дуэл. — Даже если забыть о том, что люди и орги признаны в государственном смысле равными. Если плюнуть на все исследования, что подтверждают их эмоциональную идентичность. Если забыть о неопределённости категории «душа».

— Ха-ха-ха! — громко сказала Энн. — Эмоциональную идентичность. Душа. Ты рассуждаешь, как орг!

— И всё-таки, — улыбнулся Дуэл. — Мы же не на экзамене по терпимости и не на комиссии по этике, которые, кстати, придуманы людьми. Итак — разность. Разница между условным творением божьим или результатом эволюции и, можно сказать, вторичным продуктом, который, как это ни странно, вдруг обнаружил в себе эмоциональные склонности, свойственные только людям. Но души у него нет. Хотя, последнее не исследовано толком, ну да ладно. Зато у него есть не только органическая оболочка и надежная система метаболизма и передачи нервных импульсов, но и улучшенная скелетная основа и всё то, за что его обзывают бесчувственной железкой. Да и об устойчивости к жёстким космическим излучениям не стоит забывать. Здесь людям не тягаться с оргами. Да, орг не превращается в глубокого старика к сотне годам возраста, хотя и его органике свойственна дряхлость. Но в его голове сохраняется ясность. И это тоже разность. Но и не только это. Что будет с тобой, Глэн, через семьдесят лет с хвостиком?

— Мне исполнится сто, — пожала плечами Глэн. — Да, я буду уже старушкой, но, если смогу уделять достаточно времени своему здоровью, то проживу ещё лет двадцать.

— А потом? — спросил Дуэл.

— Обычная процедура, — не поняла Глэн. — Компенсатор на руку и безболезненная смерть в случае неисправимого нарушения жизнедеятельности. Конечно, можно ещё продлить существование, но я сомневаюсь, что заработаю достаточно. Да и зачем?

— А после смерти? — спросил Дуэл.

— Я не злоупотребляю религией! — наклонилась вперёд Глэн.

— Но всегда оставляю в голове лазейку, — улыбнулся Дуэл. — Мало ли что... А вдруг. А теперь скажи мне, что происходит с оргом после ста лет?

— Он выключается, — ответила Глэн. — Хочет этого или нет. У него есть право сгрузить себя в ячейку памяти государственного хранилища с гарантией, что он не будет осознавать себя в виртуальности тем, кем был, и вообще не будет осознавать себя там кем-то, или стереть себя без остатка. И это тоже на всякий случай. Орги ведь тоже верят в воскрешение?

— А если он не желает? — спросил Дуэл. — Да. Его тело тоже старо. Но его разум или, если хочешь, его оперативная система в исправном состоянии, и он не желает этого отключения. Представь себе, что твой срок — сто лет. И всё. Да, человек не может выгрузить собственное сознание из тела, пока-то уж точно не может, но орг-то может!

— Я человек! — прошептала Глэн. — И я не планирую выгружать себя в ячейку памяти. Хотя стереть могу. Есть разность, Дуэл, понимаешь? Разность!

— Иниг Пейлот не хотел умирать, — вздохнул Дуэл. — Да, каким-то необъяснимым образом он увёл из компании кучу денег. Такую сумму, что компания приходила в себя десяток лет. А ведь он отработал на неё не десять лет, как обычные контрактники, а всю жизнь. И дело было не только в том случае с потерянным кораблём. За пять лет до выхода на пенсию он узнал, что обречён. Его ходатайство оставлено без внимания, и через пять лет он будет отключён. Совсем. Таковы правила. Нет, раньше они были другими. Хочешь жить долго, так долго, пока не развалишься — нанимайся в дальние экспедиции, туда только таких оргов и брали. Но уже давно нет дальних экспедиций. Точнее, нет исключений. Человечество испугалось, что оргов будет слишком много. Теперь есть квота. И та же компания не может запустить новых оргов, пока не выключит старых. Понятно? Кстати, а ведь Каррег Андерсон уже продлил свой ресурс на четверть века!

— Ну и что? — пожала плечами Глэн. — Всегда были хитрецы и умельцы. Что с той квоты? Разве долгая жизнь без болезней и равенство с людьми почти во всём, ну, кроме возможности рожать детей, не стоят того? Браки между оргами и людьми регистрируются. И они имеют право на воспитание детей. Надо обижаться на ущемление?

— Видишь, как, — задумался Дуэл. — Действительно, что с той квоты? И равенство есть. Разность, конечно, тоже следует иметь в виду... Но она во всяком случае объясняет, почему человеку не назначен предел жизни, а оргу назначен.

— Человеку он назначен природой! — повысила голос Глэн.

— Не спорю, — поднял руки Дуэл. — Но к оргам природа была бы более милостива, если бы не человек. Хотя, если бы не человек, оргов бы вовсе не было. Но вот Иниг не согласился с этим.

— И что же он сделал? — откинулась в кресле Глэн. — Что он сделал кроме того, что обокрал компанию?

— Ничего особенного, — пожал плечами Дуэл. — Сломал систему. Остался жить. Сделал копию самого себя. Поименовал её Каррегом Андерсоном. Слил её в системы компании. Вместе с ключами от украденных

денег. А потом загрузил её или в нового орга, из тех, что ожидают запуска по квоте, или в одного из тех, кто восстанавливается по страховке.

— Но это невозможно! — развела руками Глэн.

— Украсть полмиллиарда кредитов тоже было невозможно, — заметил Дуэл.

— И что же, нельзя было установить, куда он её слил? — прищурилась Глэн.

— Не удалось, — ответил Дуэл. — Он ведь сделал это до срока. Ты даже представить себе не можешь, как это сложно. Какое-то время второй Иниг Пейлот существовал параллельно с ним самим. Я в этом уверен. И уж он сделал всё, чтобы затруднить собственный поиск. А потом, когда пришёл срок, отключился. Если бы не один инспектор, никто бы и не узнал, что пропажа денег связана именно с Инигом.

— И кто же был этим инспектором? — нахмурилась Глэн.

— Я, — ответил Дуэл и добавил: — И чтобы уже не было никаких больше вопросов в эту сторону, скажу. Я орг, Глэн. Имей это в виду. У меня, конечно, нет человеческих эмоций, но ты уж побереги мои... как их... драйверы. И вот ещё. Тот потерянный кораблик... Он назывался «Мэри».

— Тётушка Молли, — прошептала Глэн. — Молли — уменьшительное от Мэри...

12.

Когда трупы были упакованы в пластик и принесены в медчасть, рыдающая Лиу Уилсон отправилась вместе с кудрявым замывать кровь в рубку, где старпом уже демонтировал навигатор, Би Томас попыталась подключить к блокам Пойна сканер.

— Ничего, — показала она экран Дуэлу, на котором в мутную даль уходил белый коридор, упирающийся в двери лифта. — Только настроечная таблица компании. По ней, кстати, можно определить происхождение орга. У нашей компании самая примитивная система. После того, как аналитический блок начинает работать, орг определяет где верх, низ и интуитивно выправляет картинку. После ряда тестов появляется «мамочка». Обычное лицо, порой схематичное. Женское, мужское — не важно. Представляется другом, шефом, приятелем. И начинает вести разговоры. То есть, никакой истории семьи, счастливых воспоминаний, детства, взросления. Всё проще. В этот период у орга нет даже тела. Он ещё сплошная виртуальность. Так вот, у Пойна кроме этой основы нет ничего. Пуля вошла в голову, разрушения ужасные, но обрывки информации должны быть. Их нет. Такое ощущение, что система самообнулилась.

— Он мог это сделать сам? — спросил Дуэл.

— Зачем? — удивилась Би. — Да и вряд ли. Я уж не говорю, что тестировать оргов могу на балкере только я...

— И всё-таки, — положил ладонь на руку Би Дуэл. — Скажите мне.

— Я этого не делала, — вытащила руку Би. — Но, если бы кто-то захотел это сделать, он бы не обошёлся без моего сканера. А я его никому не даю. Он уже старый. Ремонтировался не раз, а на это ржавое, пусть и доброе корыто, другого всё равно не дадут.

— Кто его ремонтировал? — спросила Глэн, которая старалась не смотреть на Дуэла.

— Кудрявый, — после паузы проговорила Би. — Это против инструкции, но, если бы не он, у меня вообще бы не было сканера.

— Но он всего лишь механик, — не понял Дуэл.

— Он орг, — напомнила Би. — А это значит, что, если ему что-нибудь нужно, он в состоянии овладеть знанием в короткие сроки. К тому же он въедлив и дотошен.

— Ему нужно или кому-то, кто нужен ему самому? — задумалась Глэн.

— Вы о Пойне? — окинула взглядом Дуэла и Глэн Би. — Да, Пойн вертел Мором, как хотел. Но самому Пойну были нужны только деньги и больше ничего. У него было всё, кроме денег. Я уж не знаю, как он впутался в эту историю. Ходили слухи, что капитан богат. Во всяком случае, он якобы отписал какую-то сумму Ив. Может быть, из-за денег и скандалил с ней. Ну, не из-за измен же. Но как раз Пойн мог пристать к Ив только из-за денег. Денег он, конечно, уже не получит, не от кого, но из этой истории ему единственному удастся выпутаться. Он клерк. Собственность компании. Значит, на него действует страховка. Так что, после окончания расследования Пойн Миллер откроет глаза уже в другом теле. Но он ничего не будет знать о последнем годе службы на балкере. Что бы с ним ни стряслось, его даже нельзя будет наказать. И он ещё появится здесь с честным лицом. Хотя нет. Скорее уже на другом кораблике.

— Копия личности орга ведь делается перед началом контракта? — спросила Глэн.

— Да, — кивнула Би. — И обновляется раз в год, — она посмотрела на Дуэла. — Насколько мне известно, в инспекции то же самое. А вот капитану не повезло. Он вольнонаёмный. А страховка стоит слишком дорого даже для него. Сколько бы он ни скопил денег.

— Да, — кивнул Дуэл. — Я справлялся. На Каррега Смита нет страховки. И на меня, кстати, тоже, Би. Я уже давно не оперативный работник, так что моя страховка аннулирована. Да и возраст, знаете ли.

— Сколько вам осталось? — спросила Би.

— Тридцать лет, — сказал Дуэл и поймал холодный взгляд напарницы. — Послушай, Глэн, скажи мне, сколько оргов на балкере?

— Пришло время спрашивать и об этом? — выдавила сквозь сомкнутые губы Глэн. — Все.

— Да, — кивнула Би. — И я тоже орг. Я не должна раскрывать статусную принадлежность команды, но вы из инспекции.

— Это точно, — улыбнулся Дуэл. — Впрочем, я знал. Да это и видно.

— А как ты отличаешь орга от человека? — нахмурилась Глэн.

— Внешне — только по параметрам, — объяснил Дуэл. — Есть стандарты роста, длины рук и ног и так далее. Но телесная оболочка придаёт индивидуальность, да и стандарты бывают разные, так что я могу лишь наметить кандидатов. А остальное... Орги чуть проще. Проще людей. Они...

— Наивные, — прошептала Би.

— Точно, — улыбнулся Дуэл. — Они наивные по своей сути. Но их наивность скрыта... программами. Или установками, если угодно. Они могут быть опасными, хитрыми, добрыми, мудрыми, но в основе всего — наивность.

— А разве с людьми не так же? — спросила Глэн. — Если забыть это слово — программы...

— А разность? — спросил Дуэл.
— А если её нет? — ответила вопросом Глэн.
— Есть, — ответила Би и сняла сканер с головы Пойна. — Кстати, если бы вот этот орг не был мерзавцем, я была бы счастлива с ним. Он же красавчик. Настоящий, не то что Харт Тейлор.
— Би, этот рецепт счастья известен каждому, — рассмеялся Дуэл. — Но готовые блюда по этому рецепту — редкость. Не так ли, Глэн?
— Я не знаю, — пробормотала Глэн. — Я всё ещё не могу понять, как капитан стрелял в Пойна, уже не имея головы на плечах.

13.

Каниад Джонсон оказался высоким, плечистым, улыбающимся наглцом. Или же просто хорошим парнем. Во всяком случае он идеально подходил к тем рисункам, которыми покрывал стены коридоров «Тётушки Молли». И даже к той их части, которые нарисовал в последние месяцы, сетуя, что рисовал это безумие, чтобы успокоиться. Чувствовал себя словно во время тестирования на психическую устойчивость, как пристёгнутый ремнями к тестеру в логове Би. Порой ему казалось, что все вокруг сходят с ума. Но теперь всё встало на свои места. Он даже начал спать без кошмаров.

Затем Кани подмигнул Глэн, томно вздохнул и заговорил об Ив Мур.

— Она всё затеяла.

— Собственную смерть? — не поняла Глэн. — Ты же не говорил мне ничего о ней?

— Зачем говорить? — удивился Кани. — Я вообще не привык говорить о женщинах. Их можно любить, в крайнем случае, не любить, но зачем о них говорить? Женщины — это особые существа. И собранные или выращенные на конвейерах оргов они тоже остаются женщинами, как это ни странно. Более того, порой они дают фору обычным женщинам. Ну, так мне кажется.

— В чём же? — нахмурилась Глэн.

— Они боятся недостатка женственности в себе и восполняют его изо всех сил, — прошептал Кани. — Я ничего не хотел говорить об Ив, но раз уж вы начали копать, всё равно докопаетесь. Она приходила ко мне пару месяцев назад. Сказала, что капитан отписал ей депозит на предьявителя на два миллиона кредитов. Как вы понимаете, это огромная сумма. Не знаю, откуда он их взял, но не в этом дело. То есть, она должна получить их в случае его смерти. Но у них испортились отношения, и она беспокоится, что он заберёт у неё эти деньги.

— И ты? — спросил Дуэл.

— Я не поверил, — пожал плечами Кани. — Но она вытащила карточку. Я как раз был с нею на смене, я отправил запрос и получил подтверждение.

— И что она хотела от тебя? — спросил Дуэл.

— Чтобы я убил Каррега Андерсона, — развёл руками Кани.

— А ты? — напряглась Глэн.

— Я обратил всё в шутку, — засмеялся Кани. — Да, я видел остаток на счёте, но счёл это каким-то казусом. С чего бы это Каррегу Андерсону служить на «Тётушке Молли», имея такие деньги? Я же его знаю много

лет и по другим кораблям. А он ещё на старости лет удочерил эту Уилсон и притащил её на нашу ржавую канистру. Ведь дура душой была, двух слов связать не могла, ходила под себя, бродила как сомнамбула, и вот же — квалифицированный пилот. Да и просто хороший человек и очаровательная малышка. Чудо! Осталось только выплакать лишние слезы. Нет, я не поверил Ив. Она, конечно, была чуть-чуть не в себе. Но тут все не в себе. Кар явно набрал команду идиотов и психов, хотя это и выяснилось лишь в последнее время. Да и не собирался я никого убивать. Ну, я посоветовал Ив связаться с адвокатом и оформить депозит как неотторгаемый. Исключить стороннее предъявление. Это просто. Пока жив человек — деньги недоступны даже для него самого. Если что с ним случится, они твои и только твои. Кар был немолод, можно было бы и подождать. Или договориться. Правда, для этого сначала надо было попасть в отделение банка. Не всё делается дистанционно. Конечно, если вы не владелец счёта.

— И капитана ты не предупредил, — заметила Глэн.

— Я не принял это всерьёз, — пожал плечами Кани. — А теперь-то что уж. Всё грустно. Хотя выгода есть и у меня. Не скрою.

— В чём же? — не понял Дуэл.

— Я поймал птицу удачи, инспектор, — засмеялся Кани. — Знаете, что такое слава? На Центральной уже шумят о тройном убийстве. Вот скажите мне, что будет, когда вы закончите своё расследование?

— Ничего, — пожал плечами Дуэл. — Балкер продолжит работу. Или отправится на утилизацию.

— Ошибаетесь, — усмехнулся Кани. — Знаете, что мне сказал Кар, когда после списания предыдущего корабля зазывал меня на эту ржавую баржу? Он пообещал мне, что мои рисунки увидят все. И даже дал срок. Пять лет. Пять лет прошли. И ведь я напоминал ему об его обещании. А он повторял одно: рисуй, Кани. Ты хороший механик, но художник ты ещё лучше. Рисуй. Через пять лет тут будут толпы. И он сдержал слово. Шум уже поднялся. Изображения моих работ во всех новостях. И это только начало. У меня уже десяток запросов на интервью. А потом здесь станут бродить туристы. Компания ещё подумает, распиливать этот балкер или сделать его аттракционом ужасов.

— Хорошо, — задумался Дуэл. — Предположим, что так оно и будет. Но вернемся к Ив. Скажите мне, к кому она могла пойти после вас? К Харту Тейлору?

— Нет, — махнул рукой Кани. — Харт Тейлор, по кличке Красавчик, слишком влюблён в самого себя, чтобы думать о ком-то ещё. Что, конечно, не исключает того, что о женщинах он думает постоянно. Но вместе с тем он действительно отличный механик. Не моё дело, конечно, но тут на нём всё держалось. Вся эта железяка слушалась именно его. Она пошла к Пойну. Больше не к кому. Ну, не к Мору же ей было идти.

14.

Харт Тейлор подошёл к столу, за которым ужинали Глэн и Дуэл, сам. Поморщился, словно заявился в кабинет к стоматологу, присел на стул, поставил локти на стол, потёр лоб большими ладонями.

— Ладно, — буркнул так, как будто только что отдышался после тяжелого теста. — Там Кудрявый стоит в коридоре, трясётся от страха. Вызывали? Так пусть ещё потрясётся. Я не знаю, что вы там раскопали, но сказать должен. Чтобы там ни стряслось, придумал это и сделал капитан. Да, Пойн был изрядным мерзавцем, это точно. Всякий, кто следует своей выгоде, мерзавец, даже не спорьте. Хотя и я мерзавец, я же здесь тоже по выгоде, не иначе. Но придумал всё Кар.

— Что именно? — спросил Дуэл, взглянув на Глэн.

— Всё, — отрезал Харт. — Всех убил Кар. И себя тоже. Не Пойн. Он мог попытаться, но маленькая задница никогда не навалит большую кучу. Знаете почему? Времени мало отпущено.

— И сколько же было отпущено времени Кару? — спросил Дуэл.

— Пять лет, — пояснил Харт. — Пять лет назад он набирал вот эту команду и переманил меня сюда с покета. Мы и раньше с ним работали, я знал, что он хороший капитан. Кар сказал, что через пять лет я сменю его. Стану капитаном. Показал даже пункт в собственном контракте, что в случае срочного... Ну, всякая там ерунда. Дал слово. И вот, пожалуйста, через сутки к балкеру причалит аварийка с новым навигатором, а я уже получил контракт на капитанство. О чём это говорит? Он всё знал!

— Зачем вам эта должность? — спросил Дуэл.

— У меня семья, — напряг скулы Харт. — Точнее, две дочки со своими семьями. Я им помогаю. А до пенсионера ещё почти сорок лет. Место капитана для меня как раз то, что надо. И будьте уверены, у меня на балкере будет порядок. И первым делом я поменяю команду. Всю. Или почти всю. Выпру этого болвана Пойна, сколько бы раз он ни перезагружался, художника и всех, кто с ним спит. Би оставлю. Болтает мало, дело знает. К тому же первый раз вижу девку, чтобы могла из того говна, которым снабжает нас компания, приготовить что-то приемлемое.

— А как же Лиу? — спросила Глэн. — Её вы тоже... выпрете?

— Это уже моё дело, — стиснул зубы и поднялся Харт.

— Стойте, — попросил Дуэл. — Вы полностью демонтировали навигатор?

— Да, — кивнул Харт. — Корпус тоже будет новый. Но пока, думаю, новый навигатор постоит без корпуса.

— А что делается со старым навигатором? — спросил Дуэл. — Его утилизируют?

— Конечно, — пожал плечами Харт. — Обычно такие устройства прогоняют через тестеры компании, считывают всю информацию, что могла остаться. Но там не осталось ничего. Всё выплавлено. Можно сказать, что остался лишь толстый пук оптического волокна. И вообще... Признаться, я удивлён. Предполагал, что Кар оправится на покой, но, чтобы так... категорически...

15.

— Вот, — положил на стол карточку Мор Дэвис и взъерошил кудри. — Простите, но я чувствую, что запахло жареным. А он так и сказал, что если запахнет жареным, признавайся во всём. Тем более, что я ничего не сделал.

16.

Когда впереди зажглись огни Центральной и к корпусу балкера подошли тягачи, чтобы зафиксировать его и препроводить к доку, Глэн собралась улетать на станцию.

— Со мной? — спросила она Дуэла.

— Нет, — замотал он головой. — Задержусь на пару дней. Вызвал спецслужбу, будем вскрывать все заваренные каюты. Не дает покоя мне этот горелый пластик.

— Ясно, — кивнула Глэн. — А команда?

— Готовятся, — хмыкнул Дуэл. — Незапланированный отпуск на пару недель — хороший повод расслабиться.

— И исчезнуть, — добавила Глэн. — На Центральной легко затеряться. Кто-то может и не вернуться на балкер.

— Может, — согласился Дуэл.

— Всё ведь начинает сходиться? — предположила Глэн. — Я всё думаю о своём отчёте. Кар, или Иниг, всё подстроил. Набрал команду психов. Выстроил странные отношения с Ив. Дал знать, что у него есть деньги. Спровоцировал Пойна. Как-то вывел его на идею с применением резака. Может быть, даже приложил к нему руку, выкручивая его мощность, не знаю. Потом дождался случая и настиг влюблённых, зная, что Пойн уже ждёт его.

— Дальше? — спросил Дуэл.

— Дальше — просто, — хмыкнула Глэн. — В руке у Кара-Инига пистолет. Он заходит в рубку, угрожает, нагнетает обстановку. Ив, скорее всего, бьётся в истерике. Она же ещё не знает, что её карта пуста. Пойн

— Кто он? — спросил Дуэл.

— Мой друг, — шмыгнул носом Мор. — Пойн. Это депозит. Якобы на два миллиона кредитов. Не знаю, откуда он его взял. Да и не слишком верю, что там столько денег, не могу представить такую сумму. Но он сказал то, чего я поначалу не понял. Сказал, что с ним всякое может случиться, но по страховке его восстановят. И если я передам ему этот депозит, он откупится от компании, а я буду всегда рядом с ним.

— И ты поверил? — спросила Глэн, беря карту.

— Проверь, — протянул ей коммуникатор Дуэл.

— А что мне оставалось? — спросил Мор. — Или верить... или не верить.

— Пустота, — покачала головой Глэн, показывая пустой экран. — Оформлена на Ив, затем переоформлена на Мора. Двое суток назад отозвана. Как раз перед этим...

— Неудивительно, — кивнул Дуэл. — И даже два миллиона из пятисот он пожалел. Может быть, в этом разность? Или это не он?

— Не он? — не поняла Глэн.

— Что я должен делать? — слегка заикаясь, спросил Мор.

— Ничего, — успокоил его Дуэл. — Говорить правду, и всё. Этого достаточно. Кстати, выгужка работает, а горелым пластиком всё равно пахнет. Так всегда было?

— Нет, — вздохнул Мор и с тоской посмотрел на пустую карту. — Только после убийства...

делает вид, что утешает её, сам подбираясь тем временем к резаку. Иниг пристраивается к навигатору. Остальное — не его забота. Точнее, забота Пойна, который имеет вместе с Ив какой-то план. Хотя та ещё не знает об уготованной ей роли.

— Тут могут быть варианты, — заметил Дуэл.

— Безусловно, — согласилась Глэн. — Но главное уже ясно. Пойн выстрелил из резака. Не промахнулся. Снёс капитану голову и часть навигатора, то есть то, что и было нужно Кару-Инигу. Затем взял у него из руки пистолет и выпустил три пули в живот Ив. Наверное, изрядно её удивил. Взял её руку и оставил отпечатки её пальцев на резаке. Затем выпустил пулю себе в живот. Я смотрела, болевой шок там неизбежен, но он преодолим. В конце концов вложил пистолет в руку Инигу, наклонился и нажал его пальцем на спусковой крючок, направив выстрел себе в лоб. И упал. Всё. Больно, страшно, но за два миллиона...

— Любопытная версия, — заметил Дуэл. — Если всё было именно так, ему придётся изрядно удивиться.

— В связи с тем, что никаких миллионов нет? — спросила Глэн. — Как он узнает, что они были?

— Кудрявый расскажет, — пожал плечами Дуэл. — Он ведь всё равно попадёт на этот же балкер. Впрочем, это уже дело компании. И всё-таки что-то не сходится.

— Что ещё? — не поняла Глэн.

— Зачем это всё? — спросил Дуэл. — Допустим, я могу представить, что тот же Пойн Миллер купился на воображаемые деньги. Я с некоторым трудом могу себе представить, что Иниг Пойлет сошёл к концу своей долгой жизни с ума и стал убивать направо и налево. Но я не могу представить, что он это сделал просто так.

— Будешь его искать? — спросила Глэн.

— Возможно, — улыбнулся Дуэл. — Слишком много вопросов. Зачем всё это? Зачем уничтожать навигатор? Зачем Инигу была нужна Лиу Уилсон? Ты ведь получила информацию? Она не была глупой. Она была пустой. То есть, программа не легла в этого орга! Каким, чёрт возьми, образом ему удалось оформить над ней опекунство? Это же всё равно, что взять чистого орга! Невозможно! Она должна была быть утилизирована!

— Разве после исчезновения полмиллиарда кредитов что-то может быть невозможным для Инига Пойлета? — спросила Глэн. — Кстати. Я проверяла. Нейрокод Лиу Уилсон безупречен.

— И она отличный пилот, — согласился Дуэл. — Хотя это в стиле Инига. В любых условиях оставаться достойным человеком.

— Вплоть до стрельбы в Пойна и Ив, — добавила Глэн.

— Возможно, — задумался Дуэл. — Свяжись со мной, если что-то раскопаешь. Ты ведь будешь этим заниматься?

— Так же, как и ты, — улыбнулась Глэн.

17.

Она связалась с Дуэлом через три месяца. Появилась на экране точно такая же, как и на балкере, высокая, красивая, к тому же с ногами,

на которые было приятно смотреть даже оргу. Дождалась, пока Дуэл поднимется с дивана, и проговорила:

— Неплохо для старшего инспектора, неплохо. Роскошная квартирка.

— Бывает и получше, — поморщился Дуэл. — Рассказывай.

— Я хотела бы извиниться, — развела руками Глэн.

— За что? — удивился Дуэл.

— Ты и сам знаешь, — вздохнула Глэн. — Пыталась выдать себя за человека. Я тоже орг.

— Как и все прочие, — улыбнулся Дуэл. — В нашей системе нет людей. Возможно, единицы. Так что тот же Кани Джонсон привирал, когда сравнивал женщин с органами женского пола. Хотя, мало ли что ему заливали его партнерши. Орги тоже разные. Есть такие, как Пойн Миллер или как я, с примитивными воспоминаниями о какой-то школе, умном шефе и тому подобном. И есть более современные модели. Такие, как ты. С семьей и прочим в анамнезе. Вас даже и выращивают не с финальной формы, а с подростковой.

— Спасибо, что не стали тыкать меня лицом в очевидность, — ответила улыбкой Глэн. — Вот чего я никогда не могла понять, зачем оргам эмоциональная сфера? Вся эта страсть, влечение, любовь, дружба? Зачем действующие вторичные половые признаки, если сама репродуктивная функция не работает? Если её нет?

— Я слышал, что над этим ученые уже трудятся, — заметил Дуэл.

— Я знаю, — кивнула Глэн. — Надеются, что не будет никакой разницы?

— Разности, — с улыбкой поправил Дуэл. — Но ты же не ради извинений связываешься?

— Меня перевели на Центральную, — сказала Глэн. — В том числе благодаря твоей блестящей характеристике. Спасибо. Я полезла в отчеты и ничего не нашла по «Тётушке Молли». Или отчёт засекречен, или удалён. В чём дело? Что тебе подсказывает твоя дескрипция?

— Вероятно, компания не хочет привлекать внимание к своему давнему фиаско, — предположил Дуэл.

— Что ты нашёл в заваренных отсеках? — спросила Глэн. — Или это секрет?

— Какие уж тут секреты, — засмеялся Дуэл. — Я обнаружил тонны и тонны оборудования. В том числе совсем уже древнего, но соединённого в одну систему. Громоздкие и компактные навигаторы и многочисленные вычислительные комплексы. Начиная с самых первых. Я имею в виду те, с которыми работал ещё Иниг Пойлет. И навигатор с потерянной «Мэри» там тоже был. Они все были сожжены одновременно с навигатором в рубке «Тётушки Молли». Оттого и горелой изоляцией воняло. Все цепи оказались замкнуты.

— И что это значит? — спросила Глэн. — Получается, что капитан собирал всех своих...

— Всех своих собеседников, — продолжил Дуэл. — Начиная с первого, с которым провёл целый год тет-а-тет. Я даже предполагаю, что, по сути, тот навигатор, который он уничтожил, был всё ещё навигатором с «Мэри».

— «Тётушка Молли», — прошептала Глэн. — Но это невозможно! Все эти навигаторы тестируются! Каждые пять лет обязательная перепрошивка! Появление искусственного интеллекта исключено!

— Когда корабль подлежит списанию, перепрошивка не производится, — возразил Дуэл. — Оборудование просто уничтожается. Но наш капитан сумел сберечь хранилище бесценных для него данных. Представляешь, до какого уровня этот интеллект развился за десятилетия?

— С ума сойти, — открыла рот Глэн. — Теперь уже я не удивляюсь. Ни тому, что пропали пятьсот миллионов кредитов. Ни тому, что Иниг Пойлет исчез из всех учётов. Но зачем было всё это уничтожить? Зачем было убивать друга, даже если он выглядит как навигатор?

— А кто тебе сказал, что он убил друга? — спросил Дуэл. — Ты ведь имеешь в виду «Мэри» и «Молли»?

— Я не понимаю, — замотала головой Глэн.

— В каюте капитана в тайнике я нашел аппаратуру для загрузки, — объяснил Дуэл. — Кустарную, но вполне себе рабочую. С огромным буфером и пригодную для перезаливки оргов. Спецы сказали, что если посадить в неё тебя и меня, то с некоторым риском мы могли бы поменяться телами.

— Нет уж, — фыркнула Глэн.

— Не претендуй, — хмыкнул Дуэл. — Всё это было подключено к той же сторевшей системе. А ещё там были тестовые излучатели. Установленные у всех кают. То есть, полгода безумия на этом кораблике тоже вполне себе находят объяснение. Я даже полагаю, что и капитана там уже не было. Там было только его последнее тело, а он сам уже давно обменялся нейрокодами с кем-то вроде обновленной копии Пойна Миллера.

— Я справлялась, — кивнула Глэн. — Пойн перезагрузился и исчез. Всё-таки, не такой уж идеальный человек этот ваш Иниг Пойлет.

— Не такой уж идеальный орг, — рассмеялся Дуэл, — хотя оговорка хорошая.

— И всё-таки... — нахмурилась Глэн. — Что произошло?

— А ты ещё не догадалась? — вздохнул Дуэл. — Я всё думаю, если бы я собрал весь экипаж в столовой и крикнул «Мэри» или «Молли», кто бы из них обернулся? Или хотя бы вздрогнул?

— Лиу Уилсон! — поняла Глэн.

— Пустышкой была именно она, — кивнул Дуэл. — Но я бы поставил на Би Томас. Больше, чем уверен, что всё сделала она. Возможно, и все пули из пистолета выпустила тоже она. Но мы этого уже не узнаем. Они все пропали.

— То есть? — нахмурилась Глэн.

— Все, — повторил Дуэл. — Кани Джонсон, который, скорее всего, и помогал капитану в монтаже этой системы. Харт Тейлор и Мор Дэвис, которые, думаю, просто не должны были отсвечивать. И все уцелевшие девушки. Лиу Уилсон, Би Томас, Кики Браун и Тали Джексон. Думаю, что Иниг Пойлет оказался щедрее, чем мы могли предполагать. По миллиону кредитов каждому — и они даже зароятся в землю. Во всяком случае уже то, что Кани не дал ни одного обещанного интервью, наводит меня именно на эти мысли. Они богаты и счастливы.

— Если они, конечно, живы, — пробормотала Глэн. — И что ты собираешься делать?

— Ничего, — ответил Дуэл. — Я закрыл дело. Засекретил и отправил в архив.

— Но почему ты пошёл на этот шаг? — спросила Глэн. — Ведь ты мог раскрыть это преступление! Поймать убийцу!

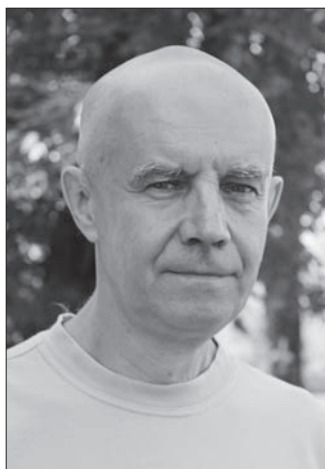
— Я не хочу препятствовать эволюции, — объяснил Дуэл. — К тому же все эти зачатки разума в машинах... Мы же их сами убиваем. Через пять лет после последней перепрошивки. Можно сказать, что она себя защищала. Она выбрала женский образ для воплощения. Разве можно преследовать женщину?

— А как же Ив и Пойн? — спросила Глэн.

— Не знаю, — ответил Дуэл. — Я надеюсь, что Иниг Пойлет всё предусмотрел. Я не могу спасти этих двоих. Но я могу спасти Молли.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ПРОНИКНОВЕНИЕ В СЛОВО

Анатолию Валентиновичу Кулагину — 65!

Цифра не совсем круглая, но всё же на пять делится, а это любимая отметка доктора филологических наук, профессора, много лет работающего на кафедре русского языка и литературы Государственного социально-гуманитарного университета. Ему всегда приятно, когда на экзаменах знания учащегося можно оценить, выводя «отлично» в студенческой зачётке.

Анатолий Кулагин — человек, дышащий литературой, сам является автором целого ряда книг, статей и всегда находится в неустанном развитии, поиске, самосовершенствовании. Его исследования глубоки и всеохватывающи, выводы основаны

на скрупулёзном изучении первоисточников. Аналитический ум, логика, широчайшая эрудиция органично сочетаются с живостью и лиричностью изложения материала. Ну а великолепный литературный язык — это то, что неотделимо от его сущности. Образность, богатая лексика и в то же время простота отличают неординарного художника слова. Писать витиевато умеют многие, ясно и красиво — только талантливые.

Профессор Кулагин — большой друг, автор, критик, рецензент «Коломенского альманаха». Этой дружбе более двух десятков лет.

Дорогой Анатолий Валентинович! Поздравляем Вас с добрым юбилеем! Желаем новых творческих находок, профессиональных удач, талантливых учеников, здоровья, счастья и успехов во всех сферах Вашей жизни.

Коллектив редакции

ОХОТА

Сергей Анатольевич Мурашев родился в 1979 году в Архангельске. С младенчества жил в деревне Малая Липовка Архангельской области.

На родине выпустил сборник рассказов «Маленькая книжка». Окончил литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Двина» и других.

Победитель II Славянского литературного форума «Золотой витязь» в номинации «Дебют», проза. Награждён дипломом V Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» в 2014 году. Победитель областной литературной премии им. М. М. Пришвина в 2021 году в номинации «Художественное произведение» за книгу «Ленты Мёбиуса».

Член Союза писателей России. Живёт в Коломне.

Рассказ

Зажатая стенами леса серая асфальтированная дорога, разделённая по середине белой полосой, после крутого поворота пошла в гору и там, наверху, словно обрывалась трамплином в небо.

В гору, метр за метром, полз перегруженный КамАЗ. Он, надрываясь, рычал, отпыхивался на перегазовках, казалось даже, мог не выдержать на самом взгорье. Но... вот, вот — поборол! Перевалил на склон, в бессилии передёрнувшись всем своим железным телом.

...Дальше шли холмистые поля с перелесками по логам. Справа, на одном из холмов, начинающемся от дороги, на самом верху его, гнездом уютилась деревня домов в пятнадцать-двадцать.

— Вот и родина моя! — весело крикнул пассажир КамАЗа. — Напротив деревни тормознёшь!

Шофёр кивнул и после того, как спустились под гору и порядком проехали по прямой, сразу после грунтовки, поднимающейся к деревне двумя колеями, остановил машину.

— Лёха, спасибо! — Илья протянул руку шофёру и стал выбираться из кабины. Что-то замешкался, неудачно выпрыгнул и, не удержавшись на ногах, больно упал на колени, тюкнулся головой о землю.

— Жив?! — крикнул Лёха, вытянувшись со своего сиденья. — Живой?!

— ...Норма.

— Ну давай тогда! — Лёха захлопнул дверку, погазовал на месте, напустив дыма, и уехал.

— Дааа...

— Даа... — поднял Илья голову и тяжело огляделся.

Около образовавшейся вдоль асфальта лужи, покрытой зелёной тиной, оди-

ноко стояла маленькая девочка в заношенной, висящей на ней мешком светлой курточке. Увидев, что кто-то приехал, девочка выпустила из рук длинную мокрую палку, которой, видимо, играла, и подбежала к Илье.

— Иринка! — поднялся Илья с колен. — Иринка!!! Как ты за три года выросла. Ну-ка! — взял он девочку за плечи, но, увидев, что испачкал курточку, отдернул руки.

— Замарал, дурак!

Илья взглянул на разбитые в кровь ладони и машинально отёр их о брючины. Девочка всё стояла рядом и смотрела во все глаза.

Илья помялся немного. Потом достал из кармана мелочь.

— На, Иришка, мама шоколадку купит! Отец дома?

Девочка кивнула.

— Я зайду, скажи.

Илья — высокий, стройный русоволосый мужчина с двумя залысинами ото лба — пошатываясь и чуть хромая, брёл по дороге вдоль лужи. Расстёгнутая чёрная куртка трепыхалась полами по ветру, а дорожная сумка, закинута за плечо, хлопала по спине.

Илья то и дело шептал:

— Лужа, всё лужа и лужа, лужа и лужа...

Он пропустил оба самодельных мостика, по которым можно было перейти, и, сделав порядочный круг, обошёл воду стороной.

Илья, взяв отгулы, приехал на несколько дней. Одуматься. Недавно поговорили с женой и решили недельку пожить раздельно, а то совсем разлад в семье. Из-за Ильи. И ничего не поделаешь...

Поздно ночью Илью занесли в дом к матери бревном или, лучше сказать, колодиной.

* * *

Подняло Илью в четыре утра. Он неслышно бродил по дому. То и дело выходил на улицу курить, пил чай впустую. Несколько раз, не включая свет, воровски обыскивал свою куртку, перерывал сумку. Наконец в полшестого заглянул к матери в комнату (дом был разделён перегородками на две комнаты, коридор и кухню). Мать спала, не раздевшись. Лежала на неразобранном диване, едва уместившись на его половинке своим грузным телом. Вместо одеяла укрылась тяжёлым мужским пальто с меховым воротником. Рот у матери был приоткрыт, она дышала с присвистом. Руки положены поверх пальто, пальцы сжаты в кулаки. Но не плотно: словно корову доила и остановилась. А может быть, во сне и доила...

— Мама, мам! — осторожно тронул за плечо.

— Что? — тревожно вскочила она.

— Ты кошелёк не брала?

Шура встала, включила свет. Расчесала свои короткие поседевшие волосы гребёнкой и воткнула её на затылке.

— Спрятала.

...Что-то произошло дома. Что-то ужасное... Илья выскочил на улицу, отчаянно топая босыми ногами по скрипнувшему ступенькам, громыхнув дверью.

— Ууу! Ух!

Илья быстро шёл, бежал. Что-то резко дёргалось внутри его и выходило наружу толчком, сдавленным криком. А за Ильёй, отстав метров на десять, торопилась, запинаясь, редела старушка-мать.

Уперевшись в забор, Илья глянул в одну сторону, в другую — пройти негде. Вдарил по перекладине забора обеими руками во всю силу. Подгнившие столбы не выдержали, и повалился весь пролёт. Илья ступил на забор, сделал ещё несколько размашистых шагов и за кучей мусора упал прямо в старую жёлтую траву, в сорняки, в крапиву. Утренний иней приятно ожёг разгорячённое тело.

Шура отдала Илье деньги, но тот никуда не пошёл — перегорело. Он бродил по дому и огороду как не свой. Вспомнил, что мать в каждом письме ныла: «Крыша течёт. Крыша течёт...» Залез на чердак. Там, в полумраке, в нескольких местах стояли тазы с водой, отражающей свет чердачного окошка.

Илья подошёл к окну, заколоченному досками, только сверху оставлена щель сантиметров в пятнадцать. Рамы в окне не было — она с разбитым стеклом лежала на изгнившем, с прозеленью, балкончике.

Долго стоял и, не отрываясь, смотрел вниз: на дорогу, на соседский дом, покосившийся на угол, на колодец-журавль с противовесом из автомобильной покрывки.

По дороге (туда-сюда) прошёл незнакомый торопливый, заботный мужик, потом пробежала, приюхиваясь к земле, собака.

Слева кто-то разговаривал. Илья с самого угла окна, наискось, поглядел, кто там. Опершись на калитку, стояла Шура, а рядом с ней на дороге — высокая полная женщина в ярком, в несколько цветов, спортивном костюме. Женщина что-то рассказывала, размахивая при этом руками и смешно приседая.

— Как мать постарела, — ёкнули у Ильи слышанные уже слова, — как постарела.

Он спустился с чердака, вышел на улицу, обогнул дом и прижался к бревенчатой стене... Ко лбу что-то прилипло. Илья глянул. Из серого щелистого бревна, из сучка (лето было жаркое), выдавилась смоляная слеза. Сразу вспомнилось, как три года назад, проведя отпуск в деревне, уезжали. Когда пошли на автобус и спускались под гору, жена вдруг свернула с тропинки.

— Не забудки! Не забудки! Илья!

— Да? ...Раньше не было.

— Значит, семя, значит, кто-то семя занёс. — Рвала она цветы и танцевала.

Илья снова взглянул на раздавленную лбом смоляную каплю. Немного дальше из бревна торчал ржавый серп. Илья выдернул его, взмахнул несколько раз — «Раньше крапиву вокруг дома жал» — и снова воткнул. Что-то ...задумался. Осторожно вытащил серп и заглянул в рану от острия — там ничего. Сунул серп опять в щель.

Прошёл на веранду, по-сиротски присел на первую ступеньку крыльца. Дождался матери, попросил:

— Давай баню истопим.

— Топи, топи, Илюша. Я сама думала, да тут... Топи.

Илья растапливал печку в бане.

Разливаясь теплом, вспоминалось, что в детстве... если мать увидит, что стоит, как сейчас, на коленях, закричит еще издали: «Ты стираешь?! Кузнецов он опять ловит!». Торопится Илья. Мать с сумкой, из магазина. Но не догнать... А зимой чаще: «Колена застудишь! Наказание. Встань быстро!» Строго очень.

Теперь по-детски думалось: «Сейчас ничего не скажет...»

Илья положил в топку последнее полено, засунул под дрова скалину и поджёг её. Скалина заёжилась, разгораясь. Печка набрала дыма и вдруг резко пыхнула Илье в лицо. Илья закашлялся, сплюнул, а дым повалил в баню клубами, затягивая пеленой потолок.

— Вот, всегда хорошо топились, а тут дым, — причитала Шура в предбаннике. — Я уже давно её, правда, не топила. Или воды набежало.

А дым шёл и шёл. Илья утёр слёзы и наклонился почти к самому полу, глубоко вдыхая из-под настланных досок воздух, пахнувший холодной сырой землёй. Догадался закрыть дверку. Печка, внушительная каменка с котлом, словно задумалась. Дым нашёл нужный выход. Дрова вспыхнули в печке, и она довольно загудела, улыбнувшись Илье огненным светом из щелей вокруг дверки, который осветил красный неоштукатуренный кирпич.

Баню приготовили славную.

Илья парился до изнеможения, отдыхал в предбаннике — и снова в парную. Плескал на камни, заползал на полок и лежал. Пот ел глаза, и Илья закрывал их.

В опустошённой голове почему-то всплывало одно и то же: «У меня же парень растёт»; «А баня-то новая, хорошо матери... денежку послал».

Перепарившись, что ли, Илья пришёл домой в полузабытьи и бухнулся в постель, приготовленную матерью. Бельё пахло свежестью и чистотой.

В дрёме который раз за последнее время вспомнился отец. Тогда свою баню ремонтировали, ходили мыться к деду. У Ильи, пацана совсем, сопли от жара побежали.

Отец и сказал:

— Вот, баня болезнь выгонит.

— Да я не больной, не больной! — кричал Илья.

— Как? А сопли?

— Да не больной! А бегут!

— Нуу... значит были, раз бегут.

Утром Илья проснулся часа в четыре. Самому хорошо, легко, голова свежая, отдохнувшая впервые за много дней. Да и как иначе — выспался. Вчера сразу после бани, часов в пять, заснул.

На улице темно, и в доме темно.

Илья выдвинул из-под кровати, на которой спал, отцовский деревянный ящик с боеприпасами к ружью, унёс на кухню и только там зажёл свет. В ящике всё, что надо!

Илья сидел прямо на полу посередке кухни (под лампочкой), заряжал патроны. Каким-то чудом вспомнил меры пороха и дроби и, как ребёнок, радовался этому.

То и дело резко оборачивался на тёмное окно в ночь — нет, не рас-
свело, — успокаивался.

Когда уже собрался идти, вспомнил про ружьё (ружьё раньше в самый
последний момент всегда выносил отец). Сердце ёкнуло: «А вдруг его нету?»

Не снимая сапог, с тяжёлым мешочным рюкзаком за плечами прошагал
в свою комнату, включил свет. Железный продолговатый оружейный сейф
в дальнем углу закрыт на навесной замок. Ключ всё так же, как и раньше,
висел на гвоздике на стене. Открыл замок, осторожно приподнял крышку
сейфа. Ружьё на месте! Любовно смазано маслом.

— Илюша, ты куда? — в комнату в ночнушке вбежала растерянная
Шура.

— На охоту, мама! На охоту! — Илья собрал ружьё и принялся обти-
рать стволы рукавом. — Может, на ночь, может, на две. Почти весь хлеб
забрал! Да ты испечёшь.

Настроение и вид сына ободрили Шуру.

— Ты Муху возьми.

Илья глянул в стволы на свет, опустил ружьё и осторожно щёлкнул
затвором.

— Муху? — вспомнил небольшую рыжую собачку, которая сначала
лаяла на него, пыталась укусить, а после того, как пугнул её, обходила
стороной. — Возьмём Муху.

Шура проводила сына до калитки.

— Муха, пойдёшь со мной?

Собака подошла, но не ближе метра, вытянувшись всем телом, остро-
жно принюхалась к ружью и побежала вперёд по ночной дороге. Мет-
ров через десять, в свете окна, развернулась наполовину и остановилась,
дожидаясь хозяина.

— Счастливо, — напоследок сказала Шура.

В конце деревни Илье встретился низкорослый черноволосый мужичок,
отец Иринки. В кармане его огромного пиджака с чужого плеча ютилась
полторалитровая пластиковая бутылка. Мужичок подошёл и, шатаясь,
протянул руку.

— Иль-юша... Илюша? — он всмотрелся в лицо. — Трезвенький?
Вон, смотри, — показал рукой с неразогнутым до конца пальцем
на страшную в темноте маленькую избушку с одним пылающим окном, —
Колька баню добил. Обмываем. Там все наши. Колька. Сергуня. Толик.
А я к Вале, — похлопал он по бутылке. Вдруг заметил ружьё. — Так ты
на охоту? Нуу... тогда смотри сам. — И пошёл.

По тёмному небу плыли чёрные тучи, и заморосило. Настроение у Ильи
испортилось. Он, как только вошёл в лес, сразу разложил костёр. Огонь
освещал небольшое расстояние, несколько деревьев, а дальше — темнота.
Муха, свернувшись калачиком, лежала под засохшей елью. Дым от ко-
стра шёл сквозь освещённые ветви в темноту. Иногда менял направление
в сторону Ильи, на секунды обдавая его теплотой и сказочной дрёмой.

Илья сидел на постеленном на свеженарубленные еловые лапы пла-
ще. Смотрел на живой, магический в темноте огонь. Вспомнилось, что
раньше, когда ещё учился в школе, по выходным вставал рано, не мог
утерпеть, выходил в темноте. И вот так же сидел на границе леса и до-

жидался рассвета. Потом разыскивал выводок рябов, которые зачинали петь. Выбирал из трёх манков любимый и свистел. Рябы, разохотившись, распевались, откликались почти друг за другом, не давая втиснуться и подать свой голос; слетались кучнее. Теперь не зевай! Лишний раз не свисти, чтоб не распознали, и подкрадывайся осторожно. А если на манок идут! Посвистишь — он подлетит и опять откликнется: «Тут я, тут. А ты где?» Или неожиданно «молчун» сзади припорхнёт, чуть не на спину, ряба, к которому летел, не увидит — и дальше метров на десять. На ветку сядет, ветка качается, а он, заподозрив неладное, щебечет: «Ой! Ой! Опасность! Ой!..» Тут уж надо стрелять, а то улетит. А по земле сколько раз прибегали — бежит, на ходу свистит. Отец, тот весь выводок приманит, сидит тихо, а уж потом штуки три возьмёт. У Ильи так не получалось. Первый прилетит, видно — и стреляет.

...Илья очнулся от воспоминаний. Уже рассвело. Костёр, на свету не такой волшебный, догорал, отдавая последние силы. Тучи подразбежались, оставшись только у горизонта. Из-под них выглянуло восходящее солнце. Отразилось рассеявшимися лучами в лежащих на всём дождевых каплях, оживив тем самым увядшие листья на деревьях и земле.

— Надо, Муха, идти, — вскочил Илья и засунул плащ в рюкзак. — Пойдём сейчас.

* * *

Сначала ещё держался знакомой тропки, едва улавливая её направление. Но потом свернул за вспорхнувшим рябком и сбился. Долго шёл наугад. К обеду, заплутав на травянистой болотине, наткнулся на небольшую аккуратную яму с водой до половины.

В воде невидимой струёй поднимало со дна ил и еловые иголки. Рядом с ямой на вросшей в землю валежине лежала потемневшая чашечка из берёзовой коры.

— Ключ, Муха, — у Ильи от усталости, от долгой ходьбы и резкой остановки закружилась голова, его понесло, так что к дереву плечом притянуло.

Был я тут!.. Был! Забылось только... давно.

В апреле, на лыжах, по настику. За лосем был...

Отец не пускал: «Какой лось! Охота в январе закрылась! Тяжёлые шас! Нельзя».

Нет. Убежал. Через повить, а убежал... Да и не удержать было: Колька с Иваном разве охотники? — а убили.

...Вскоре и след быка нашёл. Он не стоял, стронутый уже был, но кормился хорошо. Ломал тоненькие вички с (как дед говорил) ивушек. На болоте крутанулся несколько раз и к ключу вывел. Копытами снег рядом с ямой в грязь истоптал. В ключ даже угадал. Воду замутил. А в воде лягушка, жаба. Забулькалась, испугалась. Наверное, с осени в ключе жила...

Дальше лось ходом пошёл, кормиться перестал — почувал...

Вдруг! Стоит! ...Солнце яркое от снега — и в глаза. Ствол у ружья старый, вышарканный, блестит, отражает зеркалом. Целиться плохо. А это... корова. Брюхатая, еле идёт. Загнанная. Ноги настом ломает: тяжело. Уши

прижала, отпыхивается. Брюхом за снег цепляет — двойня, наверное. Бойтся, а убежать не может.

Бык же был. Бык... на лосиху навёл, а сам ушёл. Чтоб два следа было...

Нет, стрелять не стал, разглядел вовремя, успел. Повернулся — и ходом, сначала сам не знал куда.

В деревне никому не сказал. С Ванькой тогда всю ночь пьянствовали.

— Жарко, Муха! Пить хочу, по болоту нахлопался, вспотел, голова болит.

Илья торопливо поставил ружьё к дереву, снял рюкзак и стал развязывать.

— Ключ, Муха! — весело крикнул. — Студенец, Муша. Точно, отец рассказывал: «Болото, а посередке — ключ, студенец, три глотка не стерпеть — зубы сводит, — говорил: — Из самых недр Земли». Всё хотел показать: «Покажу, покажу, вода — сок берёзовый». ...Так и не показал.

Илья уже достал котелок. Кинул перед ямой плащ и коленями опустился на него. Низко наклонился, опёрся левой рукой о противоположный край ямы и, улыбнувшись своему отражению, котелком черпанул воды.

— Сейчас... — он распрямился и глотнул через край. — Хоолодная, Муша! Уух! Отец говорил, целебная... из самых недр. Муша!

Собачка, который раз услышав своё имя, радостно жулила всем телом, махала хвостом; переступая с места на место, доверчиво заглядывала Илье в глаза.

— Всё, Муха, чай кипятим!

...От ключа по болоту вела тропка, прошпаленная в самых сырых местах жердинником. Тропка петляла и держалась зачёсов на деревьях, продолговатых, зарубцевавшихся теперь, на елях — со смоляными подтёками, а на берёзах — нередко с чагой.

Вскоре болото кончилось, и дорожка выскочила на просеку. Просека, недавно чищенная, шла широким коридором, в обе стороны поднимаясь в гору.

По просеке идти лучше, просторнее. Думалось о матери, вспомнил об отце. Вспомнил, как отец три года назад, перед смертью, всё причитал: «Мне бы воды со Студенца». Сколько раз просил Илью поискать...

Вдруг... Илья остановился — вдали, в сторону от просеки, шумело — шумела река. Илья спустился на шум — пережат через бобровую плотину.

Бобры перегородили небольшую, метров пять в ширину, речку, натаскав мелкостволя, сучьев и веток. Вода порядком поднялась и почти сравнялась с берегами.

На той стороне, почуяв неладное, засуетился маленький чёрный бобр. Растерянным коротколапым медвежонком с частыми нерешительными остановками запрыгал вдоль по берегу. Не зная, что предпринять, пропустил первые, вышарканные до земли лазы и скатился в речку только на третьем. Выкурнул так, что видно только мордочку; тихонько поплыл. В ответ водная гладь, усыпанная жёлтыми, не потонувшими ещё листьями, сразу заходила, заволновалась слегка.

Испугала бобрика Муха. Она, потеряв хозяина, не разбирая дороги, неслась по следу. Бобр со звучным шлепком нырнул и больше не показывался.

Илья пошёл вверх по течению. Бобры здесь аккуратно подгрызли со всех сторон, но еще не уронили две огромные осины в обнім. Муха долго обнюхивала и осины, и лазы. Ей всё было вновь. «А потревожь бобров, — вспомнил Илья детские размышления соседа Ваньки, когда-то первого рыбака в деревне, — больше не прикоснутся, так и будут деревья стоять на последней ниточке жизни».

Солнце уже совсем разогрелось, и Илья снял ставший жарким свитер, запахнул в рюкзак.

Огляделся.

Радуясь тёплому осеннему деньку, болтая на своем языке и роняя шишки, по верхушкам елей перелетали маленькие клесты. На высоком берёзовом пне, нисколько не боясь головной боли, стучал дятел. Где-то впереди, считая это за работу, раскричалась лесная сорока.

После того, как поднятая бобрами высокая вода осталась позади и река разговорилась на частых здесь каменистых переборах, Илья углядел белку. Рыжая ещё, она, по привычке своей цокавшая, застигнутая теперь вра-сплох, прыгнула на ствол ели и метрах в двух от земли так, как и бежала, — замерла. Илья тоже остановился. «Думает, не вижу, — прошептал он. — Мухи-то нет».

Не шевелились долго.

— Ну всё, хватит, — надоело Илье. — Тебя не перестоишь.

Он сделал несколько шагов.

Белка рванула вверх по стволу и пропала в еловых лапах, будто не было.

На песчаном мыске около омута попались свежие, глубоко вдавленные следы лося.

— Лосиха, — провёл Илья пальцем по отпечатку копыта. — Молодая. Одна. На будущий год с телёнком будет.

Муха, не обращая внимания на хозяина, ползла прямо под руки и деловито-смешно совала носом в каждый след.

— Да, Муха, крупный зверь. Мой Мухтар сейчас бы остановил, — похвастал Илья.

У ручья, пробирающегося к реке между замшелых валунов и вывороченных с корнем деревьев, Илья наткнулся на отцовскую, упавшую уже жёрдку на кунцу.

Постоял немного в раздумье, потом отвязал капкан и повесил на сучок. Сел на ближайшую валежину, закурил. Муха, натоптав место, улеглась в ногах.

...Вдруг насторожилась. По ручью бежала молодая норка. Она, почуяв посторонний запах, продвигалась крадучись. Высунет из-за полусгнившей колодины или камня головушку, торопливо-тревожно оглядится — и до следующего прикрытие.

Муха сначала удивлённо смотрела. Потом оскалилась, зарычала и — за норкой, которая в свою очередь тоже разобралась и торопилась к реке.

Слышно было, как Муха плюхнулась в воду. Через минуту вернулась.

— Да-да — уплыла, как утонула; а ты не можешь так? — Муха заскулила в ответ.

— Пожалуйся, пожалуйся, — Илья докурил и вторую, встал с валежины. — Ладно... Ладно, Муха, отступись. Не спелая! Вверх по ручью пойдём, — махнул он рукой.

Муха, словно понимая человеческий язык, уловила направление и, одним резким прыжком развернувшись, вырвалась вперёд хозяина.

Ручеёк журчал между двух довольно крутых склонов, поросших местами молодым, большевским уже ельником. Иногда один из склонов опускался, становился положе, тогда второй обязательно набирал мощь и крутизну. К краям обоих склонов подходили высокие сосны. Часто у их корней попадались песочные осыпи — лучшие места для порховищ рябчиков.

— Боровой, — вспомнил Илья название ручейка.

В крутом повороте поймы, у огромной, метров в десять в длину, осыпи, ставившей вместе с землёй несколько деревьев, вспорхнули, разлетаясь в разные стороны, рябчики.

Муха, несмотря на окрики хозяина, залааяв, понеслась разгонять выводок, наискосок поднялась по осыпи, оставляя след, и пропала на бору. Два рябка же перелетели на противоположный склон и сели на подсыхающие от густоты ёлочки. Илья хорошо видел одного. Прицелился, выстрелил. Рябчик упал камнем, немного подкатившись под гору. Второй, испугавшись, вылетел из чащи, пролетел метров десять по дуге и уселся на чистом месте. Илья, не задумываясь, взял и этого.

Только перед темной Илья вышел к семейной избушке, поставленной в истоке Борового ещё дедом. Чуть не от двери, совсем рядом (Муха прозвала согнать), слетели рябчики.

— Утром запоют.

* * *

Соседка засиделась у Шуры... Отвлекала от дел.

— Лук в колготки, значит... Да-да-да. Да, — она причмокнула скопившейся слюной. — А у меня всё на печи.

Шура не ответила. Соседка, сухонькая бабка в истёртом платье с оборками на подоле, в засаленной куртке с большими пуговицами, в тёмном платке, нависшем над глазами, сидела, положив руки на колени, как первокурсница, и, похоже, поддерживала разговор одна. Лицо ее, застывшее, с потемневшей, с глубокими морщинами кожей, словно стесано у щёк несколькими махами топора.

— А Иришка... А Ирина Ивановна, не знаешь, как поживает?

— Так умерла!

— Умерла?! Давно?

— Да что ты! Полтора года!

— Мыым... Молодая ведь совсем, нас моложе. Как переехала, значит... Да-да-да. Я и не знала, — закачала она головой. Заперевжала. — Теперь там Колька у ней остался. Да-да-да...

Несколько минут соседка сидела молча; было слышно, как отработывают своё часы и шумно дышит Шура.

— ...Ильюша-то где?

— Ильюша? А что Ильюша?

— Всё хорошо, Ильюша-то?

— Ильюша... — медленно заговорила Шура. — На охоту ушёл. Отец-то охотник был. Как? Водил Ильюшу в детстве. Бродили всё, — Шура опять

немного помедлила, тревожно глядя на соседку. — Ружьё отцовское взял, смазал; патроны тоже... Утром и ушёл.

Опять посидели молча.

— Ушёл... — сказала соседка. — Вот и у меня Ваня... тоже, ружьё взял. Побрился. — «Уток погоняю». Тут, на реке, и нашли через три дня. Метр девяносто пять ростом был... Ладно, Санька, пойду я... — Поправила платок и ушла.

...Уже через час Шура шла лесом. Хотя день давно перебрался за середину, солнце грело. Грело крепко, не по-осеннему. Шура вспотела. Часто, остановившись, вытирала фартуком, который забыла снять, пот с лица, забывалась; потом спохватывалась, срывалась с места — резко, так, что Шура вскрикивала, сказывалась боль в ногах. У Иришкиной полянки присела на вывернутую с корнем огромную осину.

Иришкина Полянка, когда-то косившаяся, теперь заросла молодым, набирающим силу березняком, по которому по-хозяйски, как садовник, прогуливался ветерок, бережно обдувающий, освежающий Шуру лицо.

Где-то далеко выстрелили.

— Илья! — сердце у Шуры съёжилось так, что дохнуть нельзя. Она зажмурила глаза.

Через несколько секунд — второй выстрел!

— По рябам, — выдохнула. — Слава богу!

Она посидела ещё несколько минут, встала и повернула к дому.

В избушке (обычное дело при неуходе) лопнула матица, и Илья, порядочно захватив темноты, долго возился, подставляя подпоркой сосновый столбик. Умаялся. Сварил суп из рябчиков, поел, накормил собаку и, не готовя чая, лёг спать.

Ночью проснулся. Хотелось пить. Вновь растопил (труба не закрывалась) небольшую железную печку, обложенную камнями, и прямо в её жаркий рот сунул чайник с водой. Чайник не влез полностью, высунув из печки носик, так что дверка не закрывалась до конца, оставив щель. Илья сидел и смотрел на эту щель красной жаркой полосой, а на нём самом, на бревенчатых стенах, на низеньком, не во весь рост, потолке, на подпиравшем матицу свежоко-ренном столбике, который пах смолой, играли чудесные отблески огня.

В избушке стало жарко.

Илья открыл низенькую дверь и прямо как был, в майке, в спортивных и босиком, вышел, сел на порог, поставив ноги, чтоб не стыли, на единственную, ровень с землёй, ступеньку. Закурил.

Подошла Муха, тихонько толкнулась в колени; ещё раз.

— Что, Муха? — Илья откинул сигарету, которая, упав на землю, ещё долго глядела огненным прищуренным глазом.

— Муха, а Муха, — погладил собаку по голове, — я ведь здесь один километров на тридцать квадратных. Следов почти нет. Мало ходят. Думается ясно, Муха, — снова потрепал он собаку. Она довольно махала хвостом и, если хозяин не гладил, тыкала мокрым носом в ладони. — Муша... как сам с собой разговариваешь.

В лесу тишь. Только журчит Боровой.

Где-то далеко-далеко залаяла собака.

— Мухтар! Слышишь?! Это в деревне. Твои лают. Двенадцать километров, а слышать! Холодно сегодня. Ух! — Илья поднялся с порога, но в избушку не пошёл, захлопнул дверь. — Студить не будем. — Сделал несколько осторожных шагов по холодной, местами с мхом земле.

Всё небо в звёздах! И в кронах сосен звёзды. И между стволами звёзды. Илья оглянулся на избушку. Низенькая, два метра от земли вместе с двускатной крышей. Крыша, сложенная из толстых, грубо тёсаных плах, поросшая от времени белым мошком, слабо серебрилась в ночном свете. Из трубы шёл дым.

Илья посмотрел на небо и, не стесняясь (да и кого стесняться!), поднял руки в стороны и чуть вверх. Глубоко вдохнув, набрал полную грудь студеного звёздочистого воздуха.

* * *

— До свидания, мама, — обнял Илья Шуру. Она обхватила сына руками, прижалась к нему и не хотела отпускать.

— Теперь у меня, мама, тут что-то есть, — показал он рукой на грудь. — Мама! — снова крепко обнял мать. Взглянул на родной дом за её спиной. Маленький, бревенчатый, с тремя широко расставленными друг от друга окнами-глазами. У балкончика, срубленного в два ряда, необшитого, отгнило нижнее бревно, упало и приставилось к стене, словно подпирая её. — А за дом ты не расстраивайся. Крышу починил. А на будущий год всей семьёй приедем, подремонтируем. У меня отпуск сорок... Муха скулит? Закрыла?

Илья ещё постоял. Но долго не выдержал.

— Ну ладно, не ревите... До свидания, мама!

У своей калитки стояла соседка и смотрела. Илья сделал несколько решительных шагов, обнял старуху.

— До свидания, тетя Раиса!

Слишком резко повернулся.

Зашагал по затвердевшей от заморозков дороге.

БЕСПОКОЙНОЕ СЕРДЦЕ

Виктору Семёновичу Мельникову семьдесят пять...

Цифра не сходится с темпом его работоспособности, молодостью души, юношеским интересом к жизни, творческим задором.

Альманах, задуманный двоими маститыми писателями, на самом деле стал детищем именно его — Виктора Семёновича. В поиске интересных материалов, работе над чужими рукописями забывал о своих и вместо того, чтобы творить самому, стремился явить миру новое дарование. В лучших традициях издателей 19-го века: Солдатёноква, Щепкина, Сытина и других — публиковал авторов бесплатно, добивался для них наград, дипломов, премий. Собрал вокруг себя единомышленников, людей, работающих за идею или отдающих заработанное — на благо литературы: редколлегию и меценатов.

Он не помнит зла — но помнит добро. Умеет убедить и сплотить. Каждый год придумывает что-то новенькое, интересное: элементы в оформлении сборника, необычный сценарий презентации, библиотечку-приложение. Его идеи подхватывает вся Коломна: приглашённые на презентацию музыкальные коллективы становятся востребованы, сценарии копируются. Даже название альманаха и его логотип оказались привлекательны для плагиатчиков.

Подражают тому, кто талантлив, чьи мысли и дела хороши и достойны. Кто идёт к людям с чистой душой и открытым сердцем. Таков и есть наш Мельников.

Четверть века он посвятил благому делу, литературе, людям, родной Коломне. Результат виден всем. Ни в одном другом городе страны нет столь мощного и представительного художественно-литературного издания. А Коломне благодаря альманаху в 2021 году решением Союза писателей России было присвоено почётное звание «Литературный город России».

Виктор Семёнович — тот корешок, на котором держится сборник. Не будет объединяющей, удерживающей силы — том рассыплется, странички-авторы разлетятся.

Но нам после 25-го номера уже кажется, что альманах будет вечным.

Многие лета Вам, Виктор Семёнович! Здоровья и счастья! Выводя в свет чужие произведения, не забывайте о своих — пишите: мы ждём Ваших повестей и рассказов. Пусть Ваша Муза весело водит пером, переносящим слова на бумагу. Эмоции захлёстывают читателей Ваших произведений. Пусть не гаснет огонь в Ваших глазах, ширится круг соратников и авторов — мастеров поэзии и прозы.

Альманах как явление городской и литературной жизни останется в веках. А вместе с ним — и Ваше имя, дорогой наш Виктор Семёнович!

ПРОПАЛА СОБАКА

Виктор Семёнович Мельников родился 24 мая 1948 года в казахском селе Казанка. День рождения, совпавший с Днём славянской письменности и культуры, и определил его судьбу — стать литератором. Он много ездил по стране. Жил и трудился в Сибири, Башкирии, Таджикистане, Узбекистане, Латвии... Работал плотником, слесарем КИП, шахтёром, геологом, осмотрщиком вагонов, корреспондентом... В общем, жизнь его сложилась так, что возможностей для познания реальной, суровой, невыдуманной действительности у него было предостаточно.

Виктор Мельников — автор двенадцати книг прозы. Его произведения печатаются во многих российских журналах.

Рассказ

Рассвет только-только коснулся земли, как раздалась на всю округу птичья песня. На разные голоса. Распевы возносились всё выше и выше — к самым облакам. Солнце вставало над всеми домами села. Зашевелились цветы и бабочки. А с лугов уже слышен был знакомый звук косы.

Под этот утренний птичий переполох вышла босиком во двор и Полина. Потянула спросонья вверх руки и сладко сощурилась от яркого солнца. «Что-то разоспалась я сегодня», — укорила она себя. — А работы во дворе — конь не валялся!» Открыла курятник, покормила цыплят, потом выбрала поострее тяпку и вышла к картофельной полосе. Алиса увязалась за ней.

— Ну без тебя мне никак не обойтись, — ласково заговорила Полина. Собака согласно повиляла хвостом. Без этих разговоров у них не обходился ни один день.

* * *

Справедливости ради надо признать, что Алиса была чрезвычайно умна и, несмотря на свой неказистый рост, имела смелое и отважное сердце. Плюс ко всему она ещё была большой кокеткой и где-то внутри себя очень гордилась каштаново-рыжим цветом своей шерсти, доставшимся ей от породистой русской каштанки. Поговаривают, что эта порода была выведена где-то во Владивостоке.

А что касается её умности, то Полине и её мужу пришлось убедиться в этом не единожды. Самой впечатляющей была, конечно, история с кошельком. В то время они втроем ещё жили

в его городской квартире. Как-то раз, выгуливая утром собаку — а это всегда выпадало Василию (потому что был в доме самый ранний) — он расстегнул замок поводка и отпустил Алису на волю. И понеслась рыжая длинными и высокими прыжками, обгоняя осенние облака. Но потом вдруг резко остановилась, свернула меж двух домов, засаженных вдоль заборов золотыми шарами. Василий только её и видел. Пошёл вперёд, поглядывая на часы — на работу скоро. Вышел на пустырь, оборудованный мальчишками под футбольное поле. Собака стояла у ворот, победно подняв голову, прижав лапой туго набитый кошелёк. Василий нагнулся, взял его в руки. Ожидал, что там будут какие-нибудь служебные визитки. Но там в действительности были деньги, и даже не российские, а американские доллары. Пересчитывая купюры, Василий машинально уже прикидывал, на что их можно потратить. Сполна хватило бы на ремонт Полининого старенького дома в деревне. Вековой давности, но каменного, просторного. И они бы всей семьёй, наконец, переехали туда из тесной городской однушки.

Разговор с женой оказался трудным. Она была категорически против того, чтобы присвоить находку.

— Потерять такую сумму — ты представляешь, какое это горе! — убеждала она мужа. — Поверь, эти деньги не принесут нам счастья. Так всегда бывает: если прибудет в одном месте — обязательно убудет в другом. Не испытывай себя, Васенька! Отнеси в полицию, подальше от греха. Бог всё равно отберёт.

Но Василий и слушать не хотел! Бумаги с водяными знаками жгли ладони. Последний довод мужа, что деньги эти — не простого трудяги, а бандитские, перетянули Полину на его сторону. Ну, действительно, будет ли простой человек расхаживать по городу с кучей валюты? Да и полицейские, не факт, что вернут деньги своим хозяевам, рассуждал Василий. Скорее всего, приберут себе. А нам они только пользу принесут. Мы на них и крышу перекроем, и пол новый постелим, и сарай во дворе построим. Да и мать твоя на старости лет поживёт по-человечески. Против таких доводов Полина, конечно, не устояла.

Всё сделали, как решил Василий. Денег хватило. Даже на забор. Душа у хозяев радовалась. Кошелёк никто не искал, будто он с неба свалился. Так что переживать молодым особенно не пришлось. Может, и вправду им Бог послал?

К зиме переехали в деревню в отремонтированный дом. Все были довольны. Одна только Полина мама дивилась, откуда взялись вдруг деньги на стройматериалы да работников?

* * *

...Часа через два, разогнув спину, Полина вдруг увидела в доме огонь. Горела кухня. Пламя перекидывалось от стены к стене. Она не поверила глазам: подумала, привиделось от усталости. Шутка ли, с самого утра, не позавтракав, прополочила почти весь огород. Но дым бился уже через форточку.

Она отшвырнула тяпку и побежала к дому. Обо что-то споткнулась, упала и вновь побежала. Алиса была уже на крыльце и передними лапа-

ми скребла входную дверь. Курица и цыплята сбились в кучу в дальнем углу двора.

Полина думала только о матери, которая в последнее время сильно сдала и плохо передвигалась. Вставала она теперь много позже и могла даже не слышать, что в доме бушует пожар.

Занавески в спальне уже облизывал огонь. Мать протянула к дочери руки — только на это и хватило ей сил. Полина метнулась в сени, вернулась с ведром воды. Плеснула на мать, остаток — на себя. Огонь уже трещал по потолку. Она подняла мать с постели и поволокла к выходу. Слава Богу, до прихожей огонь ещё не добрался. С трудом спустились с крыльца. Мать изо всех сил пыталась помогать, неловко переступая слабыми ногами. Полина отвела её подальше в сад, посадила на землю. Мать от усталости закрыла глаза.

— Доченька, какое несчастье! — она тяжело заплакала. — Что же нам теперь делать? Как же мы восстанавливаться будем? Не в советское время живём. Это какие деньжища потребуются! Хоть по миру иди...

— Ничего, мама, пробьёмся. Люди кругом. В крайнем случае вернёмся в городскую квартиру. На вторую работу пойду. Никак не пойму только, откуда огонь взялся?

— Я слышала из стиральной машины хлопок, и сразу она замолчала. Может, там коротнуло?

— Это я виновата. Думала, пока на огороде — бельё постирается.

— Не вини себя. Мы, женщины, всегда норовим сделать десять дел за один присест. Откуда тебе было знать, что электрика полыхнёт. Жаль, я совсем старая стала... Не помощница тебе...

А Полина вдруг вспомнила про найденные деньги. «Вот они сейчас и обернулись нам. Ничто в этой жизни не бывает даром. Говорила же я Васе, говорила», — думала она, кусая губы, и стучала кулаками по лысой земле.

— Ты о чём, доченька? — не понимая, заволновалась мать.

— Ничего, мама, — успокоила её Полина. — Это я так, старое вспомнила. Подбежала соседка Клавдия.

— Вы живы? — обрадовалась. — А я смотрю, дым валит с вашей стороны. Сначала подумала, прошлогоднюю траву жжёте. Хотела отругать: ведь так можно спалить всё. А оно вон как... Ты в пожарку позвонила?

— Да как звонить-то? — Полина вздохнула. — Сотовый остался в доме. Позвони со своего. Да и Василию набери, — и продиктовала ей его номер, — а я попробую пробраться внутрь, вытащить документы и деньги. Нам они сейчас ох как нужны будут!

Пожарка подъехала быстро, за ней и полиция подкатила. Кое-что спасти удалось. Скарб внутри весь сгорел. Но стены и крыша уцелели.

За пожарными вскоре подъехал и Василий.

Закопчённую крышу он увидел издали, только вышел из автобуса. Красавец-дом, каким тот был несколько часов назад, теперь зиял пустыми окнами. Рядом кучей валялись уцелевшие вещи.

Василий кинулся к калитке. Полина обернулась к мужу. Такого измененного лица он у неё никогда не видел. Подбежал, обнял.

— Слава Богу, жива, — прижал к себе и расцеловал испачканное сажей лицо.

— Сумасшедший, — на лице Полины впервые за день появилось подобие улыбки. — Чему радуешься?

— Что с тобой ничего не случилось, — Василий не скрывал своих чувств. — И с мамой.

— Ничего не случилось и с документами, и с деньгами — успела вытащить, — она протянула свёрток.

— Какая ты умница! — похвалил Василий. — А собака где?

— Какая собака?

— Как какая? Наша.

— Наверное, тут бегают, Я не видела её в доме.

Помедлив, добавила:

— Да мне и не до неё было.

Василий помрачнел:

— Теперь в доме будет пустота.

— Ну, не расстраивайся ты так, — Полина подошла ближе, положила руки ему на плечи. — Главное, мы сами живы и здоровы. Жалко, конечно. Ну, ничего. Отстроимся, купим другую собаку — какую захочешь, — успокаивала она мужа, как маленького ребёнка.

Но этим своим воркующим голосом только подлила масла в огонь. Василий взорвался.

— Не могу понять, как так могло получиться? — он стряхнул руки жены и нервно заходил вдоль дома. — Вещи, вещи... А что же про собаку не вспомнила? Ну, самое простое — отведи в соседний двор. А ведь она, наверное, верила в тебя, надеялась на тебя до последней минуты.

Полина никогда не видела мужа таким. Он был похож на тот огонь, который совсем недавно лизал стены их дома. А теперь добирается и до неё. Она должна была его остановить, как-то возразить.

— Ты представить себе не можешь, как мне тут было тяжело одной. Нужно было маму вывести. Попробуй, выволоки на себе. Ведь я женщина, — последние слова она произнесла так громко, что соседи, пришедшие помочь и вытаскивавшие из дома головешки, оставшиеся от мебели, обернулись.

Подошла Клавдия. Полинину маму уложили у неё в доме.

— Оставайтесь у меня, — позвала супругов. — Покормлю вас, да спать постелю. Утро вечера всегда мудренее. Завтра на свежую голову будем думать. А то наломаете сейчас дров. Пошли! — И пристыдила Василия: — Полина сегодня так намучилась. А ты жучку пожалел. Устроил тут шоу.

Василий отошёл от женщин, засунул свёрток с деньгами глубоко в карман и начал спрашивать всех, кто пришёл помогать:

— Нашу Алису не видели?

Но ночевали они в разных домах. Полина у Клавдии, а Василий у своего друга Сашки Белехова.

* * *

Наступила ночь. Высоко в небе блестел ясноокий месяц. Деревня погрузилась в сон. Только в доме Клавдии в окне светилась настольная лампа.

Василию было не до сна. Не о спалённом доме он переживал, а казнил за разговор с женой. Обидел её своими несправедливыми упрёками. Удастся ли помириться?

Василий вспомнил, как зародилось в нём чувство, когда они, двое подростков, однажды встретились на деревянном мосту. И ему показалось,

что протянулась между ними ниточка. Но такая прочная, как этот старый мост из толстенных досок, на котором они вдруг застыли друг напротив друга, охваченные неведомыми донныне чувствами.

Вспомнил, как позвал девушку на свидание. Её ладошка была горячая и нежная, и он не выпускал её до самого дома. И такая была длинная эта дорога домой. И не выпускал он эту ладошку до самого сегодняшнего дня. А сегодня выпустил.

Нет, он вернёт её, обязательно вернёт! Эх ты, Васька, Васька, пустая твоя голова! За один день умудрился лишиться и крова, и жены...

* * *

Полина всю ночь проплакала в подушку. Она всегда была уверена, что Василий любит её. А здесь такое открылось... Никогда не видела мужа таким грубым. Не может любящий человек так разговаривать. Он сегодня был, как чужой. Может, у него появилась любовница? Не зря в последнее время так поздно с работы возвращается. Она снова разревелась, представив Василия с другой. Где они обронили свою любовь? А может, она просто была короткой? Как же без неё жить? Просыпаться по утрам и не видеть рядом Васиного лица? И собственной рукой навсегда вычеркнуть себя из списка счастливых.

...Первый луч солнца настырно пробился через шёлковую штору и, обняв Полину, лёг рядом с ней. Она прищурилась и отодвинулась. Но долго полежать ей не пришлось. Со двора раздался крик Клавы:

— Полина! Отзовись! Проспишь всё!

Полина поднялась, вышла на крыльцо. Связывая в пучок волосы, спросила спросонья:

— Что случилось? Ещё где-то горит?

— Алиса ваша объявились. Представляешь, какая она у вас умница, — взахлёб тараторила соседка. — Когда увидела, что дом загорелся, побежала за помощью к Василию на работу. А он-то вчера не пешком — на автобусе приехал. Разминулись. Так она его и прождала до самого утра. Васька на работу пришёл, там её и обнаружил. Только что вдвоём вернулись. Они сейчас во дворе Сашки Белехова. Беги туда!

Полина, как была, в ночной сорочке, так и побежала через всю улицу. Ворота у Белеховых были распахнуты настежь. Она остановилась, выпрямилась: вот они, двое, перед ней. Алиса повернула голову, вильнула хвостом, кинулась, подпрыгнула, лизнула в лицо. Подошёл-подбежал Василий. Остановился, опустил глаза, сдвинул брови. Так и стояли втроём.

— Извини меня, Полина, — выдал из себя Василий и обнял жену. Та разрешила:

— Ладно, чего уж. Целуй.

Василий улыбнулся, заглянул в лицо.

— Ты сегодня какая-то другая, — тихо сказал он.

— Наконец-то заметил, — толкнула она его кулачком в грудь. — У нас скоро будет малыш!

— Любимая моя! — он приподнял её и закружил по двору. — Я тебе такой дворец построю! — Он прокричал это так громко, что даже небо услышало.

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ МИХАИЛА МЕЩЕРЯКОВА

Имя поэта Михаила Мещерякова — доктора по призванию и по своей основной специальности врача-кардиолога, давно известно в Коломне. Творчество его многогранно. Он много путешествует и покоряет сердца людей не только своими талантливыми стихами, но и своими авторскими песнями. Умение любить жизнь во всей её полноте — неоспоримое доказательство наличия силы выбраться из-под пресса рутины и обыденности, дышать всей грудью, творить по своим поэтическим законам.

В апреле 2022 года в Коломне произошло долгожданное событие: вышла в свет его новая книга «Рукописи корней».

Эта книга — итог творческой жизни автора за последние сорок лет, она вобрала в себя лучшие стихи из его предыдущих трёх сборников поэзии, в ней же помещены новые стихи Михаила Мещерякова.

Отражением личности поэта является разнообразие тем его стихотворений. В некотором роде Михаил Мещеряков философ. Его муза — мыслящая, и этим вызывает особый интерес у читателя. Лирический герой Мещерякова размышляет, анализирует, выводит некие закономерности бытия. И делает это неизменно с проникновенным лиризмом.

О чём бы ни писал автор, стихи его наполнены глубиной. И в то же время автор весь на виду. Эта открытость позволяет читателю приблизиться к поэту, почувствовать исходящее от него тепло, дружеское расположение, общность.

Читая книгу, мы понимаем — жизнь продолжается. И впереди должно быть ещё много всего интересного, значимого, полезного и прекрасного, что непременно выльется в новые поэтические строчки. Стихи нам очень нужны, так как помогают осмыслить происходящее, понять себя, залечить раны, задуматься о будущем. А в этом и состоит назначение поэзии в нашем непростом мире.

Пожелаем автору здоровья, вдохновения, новых встреч с читателями!

Максим Викторович Харлов родился в 1974 году в Вятке в семье художников Виктора Харлова и Веры Ушаковой. Окончил Вятское художественное училище, МГАХИ им. В. И. Сурикова, Творческие мастерские Российской Академии Художеств по специальности «Монументальная живопись». Член Союза художников России, Московского союза художников. Член-корреспондент Российской Академии Художеств. С 2005 года связал свою жизнь с подмосковной Коломной, женившись на коломенской художнице Василине Королёвой. В 2021 году в Московском издательстве «Виртуальная галерея» вышла его первая книга прозы.

Рассказ

ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ

На Крунской улице нет городской тесноты — небольшие, но аккуратные, старинные особняки стоят на вежливом расстоянии друг от друга, элегантно прикрывая богатую отделку цветочными куртинами. В тридцатые годы она считалась богатой и очень далёкой улицей, почти за городом. Здесь все дома имеют вокруг себя землю, свой маленький парк, это непозволительная роскошь для современного города. Крайний дом — хочется сказать: «дом с привидениями» — давно заброшен, так давно, что в окна проросли деревья, они же сомкнули непроницаемую для солнца зелёную кровлю над всей усадьбой. Лозы дикого винограда заплели кованую ограду — сразу и не разберёшь, где виноградные усики, а где железные витушки. Фундамент ограды когда-то был подмыт ливнем и обрушился, но каменный угловой столб висит в воздухе, крепко охваченный мушкетистскими шупальцами старой лозы. Гроздь горького дикого винограда свисают повсюду: с карнизов, наличников и лепнины, изображающей... конечно же, виноградную гроздь. Рассматривая эти джунгли, недоумеваешь, как это вдруг цветные стёкла оказались в ветвях дерева, — а это само дерево проросло сквозь веранду второго этажа, по-своему восполнив утраченные оконные рамы.

Я наткнулся на этот дом поздно ночью, не то чтобы ни разу до этого его не видел, просто не обращал внимания. Сильный дождь затянулся допоздна, но всё же небо прояснилось, сияя промытыми до блеска звёздами и убываю-

щей луной. Окна соседних домов светились тёплым светом настольных ламп, слышались голоса, иногда чья-то рука задёргивала цветные шторы. Счастливая улица нехотя засыпала.

Может быть, мне некуда было спешить, под дождём я насквозь промок, а жажда приключений осталась. Небольших таких приключений, на час, не более. Сам не знаю, что меня остановило напротив этой ограды. Поймав рукой кованый завиток, я всматривался в тёмный силуэт. Дом был некогда богатым и огромным, наверное, здесь часто бывало много людей и ещё больше хотело побывать, а вот сейчас все обходят его стороной. Однако дома радуются гостям не меньше, чем хозяева. А не зайти ли мне в гости, засвидетельствовать дому своё почтение? Мысль показалась дикой, но интересной. По-кошачьи перемахнув ограду и перейдя вброд высокую сырую траву, я оказался на парадном крыльце особняка. Путь мне преграждала лишь несуществующая дверь. С одной стороны торчали ржавые петли, с другой — закрытый засов в дверном косяке, самой двери не было. Дальше поднималась большая лестница, заросшая травой и искрящаяся каплями дождевой воды. Выше дома уже не было, лестница уходила в небо, к звёздам. Повернув налево, я оказался на мягком, пушистом ковре, устилавшем остатки пола. Это был мох, расползавшийся под ногами, из-под него выскальзывали ромбики паркета и исчезали в темноте подвального этажа. Дальше идти было невозможно. Я поднял глаза вверх. Всё, что осталось от потолка и крыши — крепкая потолочная балка со следами лепнины, опутанная плющом. Он, как полоз шатра, колеблясь на ветру, спускался к несуществующему полу. На балке висела позеленевшая старая большая бронзовая люстра, поблёскивая в темноте единственным осколком абажура.

Там, наверху, в окне второго этажа, как в раме, позировала убывающая луна, но рядом с ней светила ещё одна луна, только молодая, прибывающая! Две луны... ну, собственно, почему бы и нет, не стану я критиковать интерьеры хозяев-призраков. Тонкие строчки мелкого плюща вертикально свисали по стенам. Наверное, когда-то, во времена молодости дома, здесь были пошлые обои в стиле арт-нуво, наверное, с таким же рисунком. На этих живых обоях, на парящей в воздухе стене второго этажа висело большое зеркало в тяжёлой причудливой раме, крепко прикованное к стене. Оно уцелело при обрушении перекрытий, и теперь последние чешуйки его серебряной амальгамы отражали лицо ночной гостьи.

Осторожно ступая, я выбрался из дома в сад, ставший диким лесом. Да, газон давно не стригли! Некогда игрушечные, модно подстриженные деревья — украшение клумбы, сполна вернули себе первозданную, дикую форму. Тяжёлые кроны сомкнулись так плотно, что, кажется, не просунуть руки. Однако под ногами сбивчиво угадывались последние следы исчезнувшей цивилизации. Под травой мелькали чёрные и белые плиточки шахматной дорожки, ведущей к невидимой в темноте калитке. Сделав несколько шагов в темноту, я инстинктивно замер, почувствовав рядом чьё-то присутствие. Бесшумно обернувшись, конечно же, никого не заметил — только тёмная громада дома и колеблющиеся тени. Днём даже в самой глубокой тени что-то видно, но лунная тень — это не просто мрак, это небытие, зияющая пустота. Бледный свет на время возвращает к жизни случайные предметы, но не даёт уверенности глазам. Неизвестно, что ты на самом деле видишь. Всё перепуталось: шевелится на ветру шту-

катурка, блестят ветви, будто отлиты из чугуна, их тени бегают стайками по углам, подавая тебе непонятные знаки. Страшит нас неопределённость, а храбрости всегда нужна конкретика.

Чувство меня не обмануло, с холодком в душе признаюсь себе, что действительно вижу среди теней лицо — женское, молодое, правильных античных пропорций, бледное и неподвижное. Бесстрастное выражение и взгляд полуприкрытых глаз, неотрывный от луча лунного света. Что-то космическое было в этом образе, жутко, но невозможно оторваться. Сквозь паутину веток угадываю тонкие руки, держащие остроконечную корзину — это улей, вокруг него роятся яркие светлячки.

Понимая, что я вижу то, чего не должен видеть, гадаю, останусь ли я сам незамеченным. Внутренний голос вежливо шепнул: «Если у тебя хватило смелости влезть в эту историю, имей благоразумие её покинуть, это невежливо, в конце концов!» Ещё раз окидываю взором этот чужой праздник жизни (однако жизни ли?), замечаю тусклый огонёк, зажжённый в ржавой лампе. Кажется, действительно пора уходить, и желательно побыстрее, но ноги не двигаются, запутавшись в виноградных стеблях, да, они как будто специально намотались!

Преодолевая ограду в обратном направлении и призывая в помощь остатки здравого смысла, пытаюсь избавиться от навязчивых видений. Оглядываюсь ещё раз, прищурив глаза. Дама с ульем — скорее всего каменная, стоит в нише стены, просто этого сразу не видно, лампа не горит, это блестит красная стекляшка-осколок. Да и все эти голоса — скорее всего шорох листьев о стены дома. Жаль, но всё же пора уходить, в конце концов это невежливо.

Рано утром ни свет ни заря выбегаю по делам и, разумеется, делаю большой крик, чтобы взглянуть на следы своих вчерашних походов — преступника ведь всегда тянет на место преступления! Для себя я уже всё решил: наверное, дом был как-то связан со знаменитой мasonicкой ложей «Золотой улей», в своё время могущественной и влиятельной организацией. Эти люди успешно «правили бал», дёргая за ниточки нужных человечков, пока на сцену не ступили новые «кукловоды», менее романтические.

Каменная скульптура на фасаде — тайный знак, своего рода вывеска заведения, да и само расположение дома, уединённое, но в богатом квартале, очень похоже на этих господ.

Утро на то и утро ясное, что всё проясняет, но вот что странно, я не смог найти так сильно меня напугавшую статую. Нашлась глубокая арочная ниша в стене с треснувшей раковиной-сводом, пара железных штырей, её укреплявших, и несколько чахлых голубых цветочков, проросших в трещинах постамента. Каменная дева бесследно исчезла вместе со своим каменным ульем. Да и правда, солнечное утро не лучшее время для привидений!

Второпях я решил, что потом как-нибудь это всё объясню, и уже вспомнил о делах, но обратил внимание на калитку. Её витые прутья были переплетены лозой вместе со столбами. Замок сильно изоржавел, отпала крышка, обнажив улитку пружины и намертво заржавевший засов. Её крепко закрыли полвека назад и ни разу не пытались вскрыть или сломать.

И последняя деталь — к ручке тонкой ниточкой, видимо, совсем недавно была привязана беленькая головка чеснока. Это не от моли, это от привидений.

Наверное, не мне одному почудились здесь чудеса!

«СЛОВО ПРОРАСТАЕТ СКВОЗЬ МЕНЯ...»

Стихи Михаила Болдырева, как и его проза — а он великолепный рассказчик, — реалистичны: в них есть сюжет, история. Они легки и чисты, как родник. И так же, как вкусную ключевую воду, прошедшую сквозь толщу земли, вобравшую запахи травы и леса, их хочется смаковать, наслаждаться авторскими находками, образами: «Окна желтеющий цветок», «И ночь хандру узлом морским завяжет, // Раскинув звёздные над миром паруса», «Любимых книг насыщенный хлеб», «Моей весны весёлое лицо»...

«Слово прорастает сквозь меня» — эта строка отражает сущность Михаила Болдырева как поэта. Не нужно мучительно придумывать рифмы, выверять ритм: всё приходит само, вернее, оно уже есть где-то глубоко внутри, просто должно прийти время, чтобы росток поднял голову, начал стремительно набирать силу и расцвёл прекрасным цветком. «Чтоб опять, как в горячем бреду, // Захлебнуться стихотвореньем» — так может сказать только по-настоящему одержимый колдовством стиха человек.

Годы странствий были даны для того, чтобы в конце пути вернуться на родину. Ибо здесь и есть главное место на земле. Тяга к впечатлениям уступает место переживаниям о судьбе страны, любви к России, к её народу, к Богу. Невозможно без слёз читать стихотворение «Одиночество»: «Там у мамы одинокой // Богородицы глаза»...

Удивительна любовная лирика Болдырева. Дама его сердца то земная женщина, то видение, сон, мечта. Но всегда прекрасная, нежная, таинственная, чувства к которой не остывают ни за далью пространства, ни за далью времени.

Чудесные слова сложились в сборник, который вышел в свет в августе 2022 года. «Соло для флейты безрассудства» — строка, давшая название книге. Прекрасная флейта Михаила Болдырева умеет петь и нежными переливчатыми нотами, и свистеть шальным ветром. И слушать её хочется без конца, перечитывая и перечитывая полюбившиеся строки.

ВСЁ ПО-ВЗРОСЛОМУ

Алексей Николаевич Курганов родился в 1958 году в Коломне, окончил в 1981 году Первый московский институт им. И.М. Сеченова. Работал участковым терапевтом, позднее — рентгенологом. Живёт в Коломне.

Прозаик. Пишет в жанре малой прозы (рассказы, миниатюры, эссе). Имеет публикации в международных, центральных, региональных и местных литературных изданиях (в частности, в первых номерах «Коломенского альманаха»). В июле 2013 года в издательстве «Серебро слов» выпущен сборник рассказов и миниатюр «Земляки».

Рассказ

Уговорили!

Лето, «фазенда», полдень, жара. Всё проживающее здесь, на «фазенде», семейство — дедушка, бабушка и их шестилетние внуки-близняшки Катя и Маша — сидят на террасе и вместо горячего чая (на улице — тридцать два градуса!) пьют холодный домашний квас. Девочкам ещё с утра дано задание обобрать малину и прополоть клубнику, но работать на такой жаре совершенно не хочется.

— Надо нам собаку завести, — говорит Катя и с нарочитым шумом, словно в чашке и на самом деле горячий чай, вытягивает в рот квас. Одновременно она непонятно, но явно заговорщически косится на Машу, которая отвечает ей точно таким же взглядом.

— Зачем? — пугается дедушка. Он всегда пугается от таких внешне совершенно вроде бы безобидных девочкиных предложений, потому что они, как правило, превращаются в большое и совершенно ему, дедушке, ненужное беспокойство.

— Чтобы она у калитки сидела, — спокойно объясняет Катя, но этим спокойствием дедушку тоже не обманешь. — Гавкала на воров там разных бандитских.

— Да какие у нас здесь воры? — отмахивается дедушка. — Нету у нас их, слава Богу!

— Сейчас нет, а завтра могут быть, — убеждённо говорит Катя. — Вот вчера по телевизору показывали: одна тётянка на огороде картошку окучивала. К ней два дяденьки подошли и говорят: «Дайте нам, пожалуйста, тётянка,

водички попить!». Она дала им водички, они попили, ушли, а тётенька пошла в дом, смотрит: пианины нету.

— Какой ещё пианины? — не понимает дедушка. (Старенький уже! Старость — не радость!)

— Какой, — фыркает Катя. — Обыкновенной. Музыкальной. Чтоб играть.

— Зачем этой тётеньке на огороде пианино? — спрашивает дедушка (вот ведь какой непонятливый! А ещё на танке стрелял в дни своей бурной военной молодости! Побеждал врага коварного!).

— Ну, зачем... — задумывается Катя. — Может, она на нём от огорода отдыхает. Тоскливыми вечерами в унылом одиночестве.

— Лучше бы она своими тоскливыми вечерами на балалайке играла, — говорит дедушка иронично. — Её на огород привозить легче, да и места она занимает не столько, сколько пианино.

— Может, у неё из всяких музыкальных инструментов одна только эта пианина и есть, — не сдаётся Катя. — Чего же ей, совсем что ли, без музыки сидеть? Тоскливыми вечерами.

— Чего это ты заладила про какие-то тоскливые вечера? — подозрительно прищуривается дедушка. Он что-то почувал, но пока не может понять что.

— Потому, что у нас тоже пианины нет, — ответила Катя. — Вот я и говорю: давайте собаку заведём. Она нам по вечерам разные мелодии выть будет.

— Ага, — ехидно соглашается дедушка. — Очень большая радость. Я и так по ночам плохо сплю. А тут ещё будет кто-то выть. Вашими тоскливыми музыкальными вечерами.

— Если не спишь, то это старческое, — авторитетно заявляет Маша. Она не очень любит, когда без неё разговоры разговаривают. — Так всегда тётя по телевизору говорит, которая про чужое здоровье рассказывает.

— Вот я и говорю: смотрите всякую ерунду! — начинает сердиться дедушка. Он не очень любит, когда ему о возрасте напоминают. Да и какой у него возраст — семьдесят два года всего! Ерунда. А не возраст! Он на своём дне рождения даже вприсядку плясал вместе с товарищем своим Мироновичем! Мироновичу от присядки плохо стало с сердцем, ему даже корвалол капали и хотели «скорую помощь» вызвать, а дедушке всё ничего! Он даже после присядки ещё три рюмки алкоголя выпил и песню спел про трёх танкистов — трёх весёлых друзей, экипаж машины боевой. Вот какой у них удивительно энергичный для своего почтенного возраста дедушка! Как на такого злиться, даже если у него памяти нету и по ночам — бессонница!

— Мы вообще-то уже привели, — говорит Катя и искоса глядит на Машу. Дескать, ладно уж, чего ходить вокруг да около. Всё равно ведь узнает.

— Кого? — опять не понимает дедушка.

— Кого... Собачку.

— Какую ещё собачку? — раздражаясь, спрашивает дедушка. Он вообще противник нахождения животных в доме. Для животных есть придомовая территория. Вот пусть там и живут. Если проживут. Если не сбегут.

— Куда привели?

— Как куда? — удивляется Катя. — Конечно, домой! Она будет дом сторожить. И гавкать.

Дедушка, бормоча себе под нос нехорошие, кажется, слова, поднимается, проходит в дом и уже через несколько секунд выскакивает оттуда как ошпаренный.

— Вы чего приташили? — кричит он, вытаращивая глаза. — Тоже мне нашли собачку! Это же крокодил какой-то! Собака Баскервилей в собственной красе!

— И никакой не крокодил, а Тарасик, — тут же надувает губы Катя.

— Нет, это не Тарасик! — решительно возражает дедушка. — Это настоящий Тарас! Даже Тарасище! Пойдите-пойдите, что-то мне его бандитская морда знакома... Точно! Конечно! А как же! Он же с вашей любимой помоньки!

— Ну и что? — бурчит Катя. — А что, на помоньке люди, что ли, не живут?

— Я не знаю кто где живёт! — решительно заявляет дедка. Он сейчас обуреваем большими страстями. — Но чтобы сей же момент вы этого людоеда назад оттащили! Да он же загрызёт нас ночью во сне!

Девочки молчат, только наклоняют головы и начинают многозначительно сопеть. Бабушка поджимает губы. Она ещё не определилась, чью сторону ей нужно принимать.

— Он хороший, — тихо говорит Катя. — Хотя и большой, а вон какой тощий. Прямо собачий шкилет. Без всякого даже мускула.

— И жиру на нём нет, — в тон ей шепчет Маша и дрожит подбородком. — И глазки у него грустные. Мы ему бантик приготовили, чтобы на шею.

— Нет, ну все вы здесь такие вот жалостливые, а я один плохой! — опять возмущается дедушка, но уже на полтона спокойнее.

— Да ладно тебе, Вань, на себя наговаривать, — примирительно говорит бабушка. — Ведь привели уже. Назад на улицу выкидывать — это не по-людски.

— Он же ведь, наверно, лопает, как паровоз, — переходит на уже совершенно спокойный тон дедушка. — Его же не прокормишь.

— Да ну вот и нет, пожалуйста! — тут же вступает за несчастного «крокодила-людоеда» Катя. — Он, знаешь, какой скромный! Мы с Машей ему кусочек пирога дали, а он его не кинулся сразу кушать, а сначала обнюхал. Потому что породистый.

— Ага, — охотно соглашается дедушка. — И порода у него — двортерьер.

— А вот и совершенно и нет! — возражает Катя. — Это самый настоящий пит-буль-нагл!

— Что это за порода такая? — удивляется дедушка. У него сегодня день открытий. И точно таких же открытых откровений.

Катя с жаром: «Хорошая такая, замечательная порода! Чтобы воров разных-всяких грызть».

Дедушка: «Нет, я о другом. Про пит-буль я слышал. А нагл?»

Катя: «А нагл означает «наглый». Это просто чтобы знали все и боялись. А на самом деле никакой он не наглый, а очень даже скромный и культурный. И всех даже стесняется».

— Культурный, — хмыкает дед. — А вот закончится лето — и куда его прикажете девать? А?

И он даже несколько победно глядит на бабушку: дескать, ну и чего вы, мадам, теперь скажете?

Читайте книгу!

— А мы уже придумали! — звонко и радостно кричит Катя. — Всё будет хорошо! Всё будет просто замечательно!

— Ну-ну! Слушаю!

— А очень просто! Мы его к вам с бабушкой в квартиру поселим! Чтобы вам было веселее его каждый день на поводке гулять!

Вечером все снова собрались на террасе.

— Ну какие же вы молодцы! — расхваливает бабушка, бросая взгляды на молчащего дедушку, который опять взялся за свою любименькую газеточку. — Ты посмотри, Вань! Всю малину обобрали, клубнику прополости, огурцы полили и помидоры... Настоящие помощницы, а не просто девочки! Настоящие хозяйки!

— Конечно, — иронично хмыкает дедушка и собирается было ещё что-то сказать, но бабушка смотрит на него так выразительно, что дедушка тут же закрывает свой так до конца и не раскрывшийся ротик и даже вроде бы прикрывается своей любименькой газеточкой.

— А где этот... наглый и культурный? — спрашивает он.

— Калитку сторожит! — гордо заявляет Катя. Она сразу сообразила, кого дедушка обозвал таким непонятным словом. — Хорошо сторожит! Сидит себе, полёживается! Никого не пускает!

— Харч отработывает, — понятно кивает дедушка. — Надо ему завтра там будку сколотить. У яблони. Чтоб в тенёчке.

На улице становится совсем темно. Пора спать. Спокойной ночи.

Середина августа, вечер, деревня Кудрявцево, «фазенда». Дед только что вернулся из города: ездил получать пенсию. Он слегка навеселе. Катерина, внучка, внимательно смотрит на него, заговорщически прищуривается, щёлкает себя пальцем по горлу, шепчет, чтобы никто — ни бабушка, ни сестра Маша — не слышали:

— Попил водочки?

— А то он забудет себя, любимого! — смеётся бабушка (вот слух! Всё слышит! Прямо, как шпионы, которых недавно в Америке поймали, а они назад, в Россию, на свою горячо любимую Родину, категорически возвращаться не желают. Нам, говорят, шпионам нехорошим, и здесь, в «юэсэйе», совсем не кисло!).

— Ну и что? — дед, попавшись, понимает, что теперь отрицать этот очевидный факт просто глупо. — С пенсии имею полное на то гражданское право. А я, между прочим, и вам, мадемуазель Катерина, и другой нашей мадемуазели, Марусей её звать, и вашей разлюбленной бабушке тоже кой-чего привёз.

Дед расстёгивает «молнию» на большой спортивной сумке, торжественно достает оттуда большущий торт, пакеты с чипсами и двухлитровую бутылку фанты.

— Получите!

Катя радостно взвизгивает.

— Большое спасибо, дедушка Ваня, — вежливо говорит другая внучка, Маша. Она, Маша, вообще, можно сказать, образец культурного пове-

дения. Не то, что эта оторва Катя. Хотя за ней, за Машей, тоже никогда не заржавеет. После этих слов благодарности она поворачивается к сестре.

— Чего ты тут лезешь со своей водочкой, предательница? — раздражённо выговаривает она Маше, — Может, у него жажда в пути!

— Сама такая! — быстро выпаливает та.

— Это ещё не всё! Раздача слонов продолжается! — дед с донельзя довольным выражением лица опять наклоняется над сумкой и достает оттуда большой и толстый продолговатый пакет.

— Специально для Кати и Маши!

— Зефирчик! — кричит Катя — Мой любименький! Ура! — и в порыве благодарности лезет целовать деда.

— Не угадала! — добродушно улыбается дед. — Это будет лучше любого зефира! — и разворачивает обёрточную бумагу. Книга. Большая и толстая. Восторженные взгляды девочек моментально тухнут.

— Вот! Вещь! — дед, кажется, и не замечает их глубокого разочарования. — Специально, между прочим, заходил в «Книжный мир». «Приключения Незнайки и его друзей». Ну, что? Вижу, вижу, что довольны!

— Ага, — отвечает Катя. — Прямо очень. А зефир не привёз?

— Не привёз. Да и причём тут, Катенька, какой-то легкомысленный зефир? Съела его — и всё, забыла. А книга... — и дед от избытка чувств потягивая «Незнайкой» у себя над головой, — это ведь не просто книга!

— А чего же ещё-то? — мрачно спросила Катя. М-да-а. Спасибо, дедушка, покушали зефирчику. Очень вкусно. Прямо объелись все.

— Книга — источник знаний! — торжественно сообщает сногшибательную новость дед. — Тем более вам учительница что сказала? В каникулы обязательно читать! Они уже хоть и кончаются, но, как говорится, лучше поздно, чем совсем ничего. Вот сейчас, не откладывая, и начнём! По очереди. Например, сначала Катя, а следующую страницу — Маша. Так будет справедливо. Согласны?

— Нет, — быстро говорит Катя. — Если по справедливости, то я сегодня вообще читать не могу. И завтра, на всякий случай, тоже.

— А что случилось? — удивился дедушка. Он очень недоверчивый!

В ответ Катя горестно вздохнула, сделала страдальческое лицо.

— Мозг, — заявила печально.

— Что мозг? — не понял дедушка.

— Болит. Наверно, у меня в мозге болезнь простудилась. Или съела чего-нибудь. Какой-нибудь колбасы, — и в подтверждение своих страданий Катя попыталась опять сделать страдальческое лицо. — И прямо когда же эта болезнь только кончится? — добавила оно горестно, одновременно кося на деда глазом: ну, чего? Впечатлился моими невероятными страданиями или продолжить?

— Да прямо такая беда! — искренне посочувствовал ей дед. Он уже всё прекрасно понял. Он же бывший офицер! Они, офицеры, знаете какие хитрые!

— И что? Сильно болит?

— Сильно, — потеряв бдительность, охотно кивнула Катя. — Прямо разрывается всё до головы. Я сейчас лучше компоту с кексом попою и лягу лечиться в постель. Меня ещё зефирчик хорошо выздоравливает, но где ж его взять-то, если никто прямо не покупает совершенно совсем... — и го-

рестно взмахивает рукой (дескать, эх! Что говорить! Словами кое-кому мозги не исправишь!).

— Кошмар! — сочувственно качает головой дед, тоже тот ещё артист. — Это надо же немедленно лечить! Бабушка, давай быстрее шприц! Сейчас будем делать укол! Самый большой!

— Правильно, — решительно поддержала такие лечебно-оздоровительные меры Маша. — Пряма ей чтоб в голову!

Катя, услышав про «пряма чтоб в голову», набычилась.

— Это зачем же в голову? — обиженно поджав губы, спросила она. — Это я решительно не хочу!

— А куда же? — притворно удивилась такой непонятливости Маша (это не семья, а настоящая театральная труппа! Большой Драматический театр в период расцвета его режиссёра, товарища Товстоногова!). — Мозг же там, в голове! Ты чего, не знала, что ль?

— А тебя, Машечка, вообще и никто и совсем и не спрашивает и вообще! — набросилась Катя на сестру. — Ишь, какая хитренькая! Пряма как доктор! У тебя, между прочим, тоже голова есть! Вот пусть в неё дедушка свои иголки и втыкает!

— Не будем ссориться, — примирительно сказал дедушка — тонкий дипломат. — Никаких уколов в голову я делать, конечно, не буду. Ты, Маша, тоже придумала — в голову! Головы — это ваше общее слабое место!

— Вот так-то, Машечка! — мстительно-радостно отозвалась Катя.

— ...укол будем делать в попу, — продолжил дедушка всё тем же примирительно спокойным тоном. — Сразу предупреждаю: укол большой и большой. Придётся потерпеть!

— Попа у меня не болит! — тут же заявила Катя. Такой неожиданный поворот её тоже совершенно не устраивал.

— Нет, лучше ей всё-таки сделать в голову, — с видом знатока продолжала настаивать на своей точке зрения Маша. — От головы до мозга ближе. Может, действительно умнее станет.

— Себе делай! — не выдержала Катя. — Дура такая!

— Оскорбляет, — многозначительно посмотрела на дедушку Маша. Дескать, примите, пожалуйста, соответствующие меры.

— Катерина! — рявкнул дед и погрозил пальцем. — Ладно, болезнь есть болезнь! Тогда первое слово представляется Маше. В том смысле, что читать.

— Врёт она всё! — тут же заявила Маша. Её тоже совершенно не прельщала такая диспозиция. — Ничего у неё не болит!

— Болит! — решительно не согласилась Катя.

— Врёшь!

— Самая такая!

— Дура нехорошая!

— Так-так-так... — вздохнул дед. — Что ж, я всё понял. К сведению трудящихся: в следующую пенсию ни на какой зефирчик и никакую фанту с пепсей можете не рассчитывать.

— Ты же обещал! — тут же забыв взаимные обиды, напомнили девочки хором.

— Я отменяю своё обещание! — грустно и торжественно сказал дедушка. — В силу сложившихся обстоятельств, когда кое-кто хочет сделать из меня дурака.

В воздухе повисло гнетущее молчание. Да, дедука, он такой. Он — может. С него станется. Его так в его армии воспитали. Под красным знаменем.

— Предлагаю последний раз, — тоном, не терпящим никаких возражений, заявил дед. — Кто начнёт читать?

— А у меня, между прочим, зубы, — бормочет Маша.

— Что, тоже болят?

— Нет. Хуже. Шатаются, — и для пущей убедительности уточняет: — Совсем все.

— А давайте я потрогаю, — ехидно ухмыляясь, предлагает Катя. Похоже, мозг у неё уже выздоровел, и настала пора релибири... реалибири... ребириритироваться (вот уж напридумывали слов!).

— Мне кажется, она очень врёт, — пояснила она свои предполагаемые действия бабушке.

— Вот ещё! — благородно-возмутительно фыркнула Маша. — У тебя же всегда руки негигиеничные! И вообще чужими руками в своём роте лазить нельзя. Это неприлично, когда чужими.

— А я их вымою, — тут же предложила Катя. — С мылом. А хочешь, даже со стиральным порошком. И мочалкой потру насовсем.

— Отстань! Дура!

— А ты все врешь! Никакие зубы у тебя не болят! Ты ей не верь, бабушка!

— Ну, почему же не верить? Вы — девочки честные, обманывать не умеете... Ведь не умеете? — грозно спросил он.

Ответом ему было настороженное молчание. Дескать, чего спрашивать-то? Конечно! Как положено! Хоть прямо сейчас! И хоть три раза! А чего надо-то вообще?

— А с зубами у Маши, похоже, действительно плохо. Цинга, — и понимающе кивнул. — Это бывает. От отсутствия витаминов.

— Конечно! — охотно согласилась Маша. — Какие же витамины, если зефирчика уже миллион годов не кушала! — и чтобы окончательно похоронить эту скользкую «читательскую» тему, весело предложила. — А давайте лучше песни петь!

Но дед не так прост, как может показаться на первый взгляд. Даже напротив, он совсем не прост. Он уже до конца понял эту в высшей степени загадочную эпидемию болезней, так неожиданно поразившую его любимых внушек.

— Тэк-тэк-тэк... У одной, значит, мозг, у другой — забор с травой. Я всё понял. Аферистки. Бабушка, а почему ты торт ещё не унесла? Почему он здесь, на столе? Я же сказал, где ему положено быть!

— Вредина-говедина, турецкий барабан, — бросает Катя презрительно, поняв, что все их «болезни» разоблачены дедом окончательно и бесповоротно.

— И водочку пьёт, — солидарно добавляет Маша. — Мы теперь всё будем бабушке рассказывать, как ты вроде бы за грибами ходишь. Всё-всё! И не надейся от нас никак!

— А книга, между прочим, источник знаний, — повторяет дед, не обращая внимания на угрозы. — Это ещё бабушка Ленин сказал.

— Вот и читай её вместе со своим разлюбезным бабушкой, — слышит он в ответ. — И торт тоже вместе с ним ешь. Нам не жалко. А мы, несчаст-

ные, лучше будем телевизор смотреть. Про Тома и Джерри. И вообще у нас повидло есть. Яблочниковое.

— И останетесь неграмотными (нет, деда просто так не переспоришь! У него тоже есть принципы!). И двойки будете получать. Вместе с колами. И все смеяться над вами будут, и пальцем на вас показывать. Вон, дескать, смотрите, двоечницы неграмотные идут! И замуж вас, неграмотных, никто не возьмёт, — привел дед последний, и как ему кажется, самый убийственный аргумент. Но насчет убийственности он сильно ошибся.

— Подумаешь, замуж! — фыркает Катя презрительно. — Нашёл себе занятие! Мы про этих самых замуж в телевизоре каждый день смотрим. Все только расстраиваются и даже плачут от этих самых замуж. Потому что развод.

— А-а-а! Вот, значит, какие вы мультфильмы смотрите! Мультфильмы от слова «муть»! — тут уже не на шутку разъярился дед, яркий ненавистник всех этих придурочных любовных сериалов. — Тогда и телевизор тоже на помойку! Сколько я раз говорил: все эти сериалы дурацкие — не для девочек! Говорил?

— А для кого ж тогда?

— Вот для кого! — и дед показывает на бабушку, которая в их перепалку не вмешивается и вообще только она, единственная, сейчас занимается серьёзным делом: раскладывает из большого алюминиевого таза по банкам только что сваренное варенье.

— А мы с бабушкой вместе смотрим! — проговаривается Катя.

— Ах ты врушка! — подает, наконец, возмущённый голос и бабушка. — Я же вам сама не разрешаю! Я в вашу комнату вас специально спроваживаю!

— А мы зато в щёлочку, — проговаривается и Маша. И тут же осекается, понимает, что она-то проговорила совершенно уж непростительно. То есть, самым настоящим образом выдала их с сестрой большую, секретную, самую тайную тайну.

— Ах, в щёлочку! — и дед прямо-таки надувается благородным гневом. — Значит, сегодня же этот развратный телевизор тоже будет на вашей разлубезной, как вы её называете, помоньке. Вместе с кое-чем вкусеньким.

Девочки опять выжидающе примолкают. Да, дед — он такой. Он в армии командиром был. А они, красные командиры, если чего себе в голову втемяшут, то обязательно сделают. Хоть, может, только навредят этими своими до конца непродуманными решениями. А им всё равно. Потому что их так учили на красных командиров: если сказал чего, то обязательно делай. А то военный суд и презрение трудящихся. Тут уж ни одна бабушка со своим яблочниковым вареньем ничем не поможет.

— Да не видно ничего в щёлочку-то, — поспешно даёт задний ход Катя. — И слышно плохо. Только когда кричат — как это слово, а Машь? — да, сладострастно, вот! (Бабушка ахает. Дедушка сцепляет зубы и яростно, исподлобья смотрит на бабушку.) Поэтому, дедуля, не надо так убиваться. Так ты всё равно не убьёшься. Хоть прямо разубейся весь.

— Короче, — дед, хитрец, как опытный полководец, заметил панику в стане противника и продолжает развивать стремительное наступление. — Ставлю ультиматум: или вы немедленно садитесь за эту замечательную

книжку, или в выходной вместе с родителями отправляетесь в город. Я не хочу перед ними краснеть, что вы здесь только и делаете, что по помонькам вашим разлюбезным лазааете и с заборов сваливаетесь, какие, интересно, черти вас туда затаскивают. Вопросы?

— Так бы сразу и сказал, — ворчит Катя. Для неё возвращаться в город, менять здешнюю вольную жизнь на скучную городскую — нет уж, благодарим покорненько! Будьте так любезны, не надо нам ваших городов!

— А то сразу обижаться, — продолжает она уже миролюбиво. — Ладно уж, почитаем тебе. Если ты уж так замечательно хочешь. На здоровье.

— Я... — опять собирается закипеть дед, но бабушка делает предупреждающий знак рукой: дескать, хватит! И дед сразу успокаивается. Бабушку он, честно говоря, не то чтобы боится, но всё-таки... как бы поделикатнее сказать... в общем, считается с её командирским мнением.

— Почитаем уж. А, Маш?

— Конечно, почитаем! — бодро соглашается Маша. — Подумаешь! Мы, может, тоже любим ... — и на её лице на секунду вспыхивает и тут же гаснет нотка брезгливости, — ...читать всякие там твои любимые книжки. Нам совсем не трудно, если хочешь знать! Обязательно! Честное-пречестное! Только завтра. А, ба? — и, хитрюга, поворачивается к бабушке. Знает, что именно за ней, за бабушкой, всегда последнее, решающее слово.

— Завтра так завтра, — простодушно соглашается та. — Утро вечера мудренее.

— А сейчас давайте чай пить и телевизор смотреть! — радостно-громко предлагает Катя. — А то я уж вспотела вся с этим чтением!

На улице быстро темнеет. На столе на террасе — торт, чай, только что сваренное варенье и порезанная булка. Все смотрят японский мультфильм про каких-то зелёных и вообще очень противных черепашек по фамилии ниндзя. Катя, стрельнув в сторону бабушки и деда хитренькими глазками, незаметно берёт в руки книгу про Незнайку и запикивает её подальше, под кипу газет и журналов. Так надёжнее. И кто знает, завтра дед про неё и забудет. Он же сам часто говорит — склероз...

Тропимочка

В кои-то веки пошли за грибами — и на тебе, заблудились! Задери её совсем, эту Потеряевку! Не деревня, а какой-то призрак замка Моррисвиль! (Дед в далекой юности читал книжку с таким названием. Хорошая книжка. Про разных там вампиров, вурдалаков, людоедов, камнегрызов и прочую соответствующую публику. Дед — тогда, конечно, ещё подросток — очень смеялся.)

И ведь шли-то вроде бы правильно: от Полян свернули в сторону заводского гаража, потом, не доходя до забора, поворот налево. Потом прошли ельник, березняк, небольшой пролесок, повернули вправо, вышли к ручью — перешли ручей, и вот он, лес, из которого, по уверениям бабки Корнеихи, «и тощуть, и тощуть!». Ага, притащили... Вместо грибов — одни ямы, пни да озверевшие голодные вампиры-комары. Прямо как из того дедушкиного замка.

Вдруг прогремел гром и, казалось, раскололся о землю.

— Странно, — сказал дед и задрал голову. — На небе — ни облачка... Что бы это значило?

Внучки, Катя и Маша, тоже посмотрели на небо. Они уже досыта наелись земляники (вот чего-чего, а её здесь хватало) и теперь бесполезно отмахивались от комариных атак.

— Интересно, здесь какие-нибудь волки проживают? — задумчиво спросила Катя.

— Нет, — успокоил её дед. — Здесь никто не проживает. Даже лягушки. А проживают здесь одни дураки. Вроде нас.

— Мы не дураки, мы девочки, — возразила Катя. — А этот самый... это кто нас сюда привёл.

— Да я сам не знал! — закипятился дед. — Послушал эту Корнеиху: «как выйдете к Потеряевке — и вправо, и вправо!». Экскурсовод ...по неведомым дорожкам! Сама-то, небось, дома сидит! — и махнул рукой.

— Ладно, я виноват. Признаюсь. Доверился.

— Ты не расстраивайся, деда, — заступилась за него Маша и сердито посмотрела на сестру. — И не слушай... (и опять исподлобья — зырк на Катю) некоторых. Гуськом — впереди девочки, за ними дед — спустились к ручью и умылись.

— Рыбов тоже нет? — опять поинтересовалась Катя и сама же себе ответила: — Нет. И волков, и грибов, и рыбов. Ничего нет, — и вдруг быстро наклонилась, сунула сложенные ковшиком ладошки в воду.

— Деда, а она пьёт! — ахнула Маша.

— Ну и что? — лениво процедила сестра. — Подумаешь! Собаки вон из лужев пьют. Я видела.

— Ты же не собака! — возразила Маша. — А если заболеешь? Знаешь сколько в этом ручье микробов? Сто миллионов тыщ, вот!

— Интересно, Машечка, как же ты их посчитала? На счётах, что ль?

— Это не я посчитала. Это учёные там разные посчитали. В микроскоп. Деда, пойдём домой?

— Пойдём. Только теперь надо определиться где он, этот дом.

— Ты что, заблудился? — удивилась Катя.

— Заблудился, — вздохнув, сознался дед.

— Совсем-совсем-пресовсем? Не понарошке?

— Спокойно, спокойно, барышни. Только без паники, — сказал дед. — Мы с вами, в конце концов, не в тайге. Просто надо определить, с какой стороны находится железная дорога, повернуться к ней левым боком, и можно смело идти вперёд.

— Не видно здесь никакой железной дороги, — повертев головой по сторонам, сказала Катя. — И электричков тоже не видно. Надо на дерево влезть.

— Не надо никуда залезать, — запретил дед. — Просто стойте и слушайте. Услышите шум — значит, в той стороне она и есть.

Все трое замерли. Прошла минута, другая.

— Ничего не слышно, — грустно сказала Маша и вздохнула: — Какие же мы всё-таки несчастные.

— Это почему же обязательно несчастные? — обиделся дед, усмотрев в причине этого «несчастия» намёк на его, дедову, бестолковость.

— Ничего не несчастные! Подумаешь, заплутали малость! С кем не бывает! Здесь, в конце концов, не тайга. Здесь люди кругом.

— Где? — тут же хитро прищурилась Маша.
— Ну... почти кругом. А тебе, Маруся, лишь бы к словам прицепиться!
— А я вот по телевизору про одну девочку смотрела, — задумчиво сказала Катя. — Она тоже заблудилась. И блудилась, и блудилась, прямо устала вся!
— И продолжалось это долго-долго-предолго! — Катя выдержала драматическую паузу и трагическим голосом, на вдохе произнесла: — Сто целых лет, вот!

— Какая же ты врушка, Катька! — не поверила ей Маша и иронично фыркнула. — Сто лет! Она бы умерла без того, чтобы не кушать!

— А она кушала, — спокойно ответила Катя.

— Интересно, чего же? — язвительно поинтересовалась Маша. — Волков, что ли?

— А бутерброды! (Дескать, как? Здорово я тебя умыла?)

— Интересненько, откуда же она их брала в лесу?

— Ну-у... Она же не всегда была в лесу. Она иногда и к людям выходила. Они ей давали хлебушек, колбасу разную, газировки попить, по головке гладили. Она поест, попьёт, скажет: «Спасибо, добрые дяденьки и тётеньки!» — и опять в лес уходила заблуждаться.

— Интересно, — задумчиво сказал дед. — Подхарчится, значит, — и опять в леса. Прямо маугля какая-то. Что же она с людьми-то не оставалась? Газировку пила бы с ними каждый день.

— Это она просто в лесу привыкла! — громко начала объяснять Катя (дескать, ну что же вы такие бестолковые!). — Потому что в лесу хорошо! Ручеёчки разные, ягодки, грибочки, травушка-муравушка...

— А зимой? — ядовито сощурилась Маша. Она всё-таки решила вывести всё это беспардонное враньё на чистую воду. А то газировка, колбаска... тьфу, слушать категорически противно!

— А зимой можно в берлогу. Легла, глазки закрыла и спи себе покойненько. И никаких тебе комаров вредных.

— А кушать чего? — не унималась Маша (далось ей это кушанье!). — Опять бутерброды? Кто же ей их даст зимой? Врушка ты, Катька!

— Сама такая! — быстро ответила сестра.

— И ты, ты, ты, ты!

— Цыц! — рявкнул дед. — Два сведенца! Лучше дорогу железную слушайте!

Они опять замолчали, опять прислушались, но кроме тихого шелеста деревьев ничего слышно не было.

— Нету здесь никакой железной и никакой дороги, — решительно заявила Катя. — Возмутительно прямо! Безобразие какое-то некультурное! Хоть бы таблички, что ли, повесили. Ой, смотрите, птичка! — и показала на пёструю юркую птаху, которая быстро-быстро клевала воду в ручье.

— Пьёт, — довольно сказала Катя и, повернув голову к сестре, ехидно добавила. — С микробами! И чего-то не болеет никак!

Маша поджала губы: обиделась.

— Хороший ручеёчек! — похвалила Катя, делая вид, что не замечает этой обиженности. — Чистенький! А знаете, куда он течёт?

Дед неуверенно пожал плечами. Маша, набычившись, молчала.

— А я знаю! В речку! А речка — в море! А море — в океан! Этот... Северный ядовитый! А он уже никуда не течёт! Потому что без дна,

вот! — и закончив демонстрировать свои энциклопедические знания, довольно вздохнула.

— Умная, — похвалил дед. — Наверно, профессором будешь.

— Не-а! Я буду мороженым у нас на улице в палатке торговать! Мне не надо профессором! Лучше пусть Маша будет. Будешь профессором, а, Маш?

— Я балериной хочу — неожиданно покраснев, призналась Маша. — Чтоб лебедя танцевать. Вот так, — и, скрестив ноги, подпрыгнула несколько раз.

— И ты молодец! — великодушно похвалил дед. — Вы обе у меня те ещё... — он хотел сказать «оторвы», но передумал, — умницы!

Они прошли краем ельника, вышли на большую, залитую солнцем поляну.

— Тропимочка! — закричала вдруг Маша. — Смотрите, тропимочка!

Дед и Катя повернули головы. Действительно, поляну пересекала узкая, но отчётливо натоптанная тропинка. Похоже, ею часто пользовались, Она выныривала слева, из ельника, и через поляну убегала в буйно разросшиеся кусты орешника.

— Ура! — радостно закричали девочки. — А вот и не заблудились, а вот и совсем! Ух, какая тропимочка! Холёсенькая какая, чистенькая, аккуратненькая! Она нас прямо к дому выведет! Правда, деда?

— Правда, — улыбнулся тот. Они вышли по тропинке к асфальтовой дороге, а уже она выведет прямо к садовым участкам, домой. Всё было хорошо — и погода, и природа, и гром не гремел, и солнышко светило. А то, что грибов не нашли, — не беда. У них вместо грибов бабушка есть. Она их всегда и накормит, и напоит, и спать уложит. А грибы эти ненайденные всегда можно на базаре купить. Тридцать рублей кучка. Вот.

МуХи творчества

— А нам Елена Прокоповна задала на дом стихи сочинить, — сказала Маша, когда они с Катей пришли из школы домой. Вся семья сегодня была в сборе, да плюс к тому зашёл в гости дядя Петя, мамин брат и, соответственно, девочек дядя.

— Про весну там разную. Которая торжествуя.

— Хорошее дело! — одобрил дедушка. — Вот сейчас переоденетесь, поедите — и вперед, творить!

— Надо ещё руки помыть, — подсказала Катя.

— Правильно! — согласился дедушка. — Высокую поэзию нужно творить чистыми руками.

— Я не про неё, — сказала Катя. — Я про перед тем как кушать. Чтоб гигиена.

— И это тоже правильно, — опять согласился дедушка (и чего он сегодня такой со всеми подозрительно соглашательный? Может, пенсию получил? И по этому поводу успел уединиться с соседом Мироновичем сначала в магазин за алкогольной бутылочкой, а потом на свою любименькую лавочку в кустах около гаражей? Он ведь, дедушка, такой... уединительный! Как пенсию получит и сначала её бабушке отдаст, потом походит, повздыхает и обязательно начинает уединяться. Вместе с Миронычем. Тот тоже заслуженный пенсионер. Тоже пенсию получает для приобретения бутылочки.)

— Стихи — это серьёзно! — продолжал заливаться соловьём дедушка. — Это усидчивость требуется. Напряжение мыслей! А не шляться по помойкам, как некоторые! И чего они только, эти некоторые, на этих помойках забыли?

— Подумаешь... — фыркнула Маша. Это её любимое словечко — «подумаешь...». Произносится небрежно, с таким лёгким пренебрежением на лице. Выражает ироничное отношение буквально ко всему подряд.

— Я, например, могу этих стихотворений много написать. Как Пушкин Александр. Даже сто миллионов тыщ, — добавила она всё тем же пренебрежительным тоном.

— На столько никакой жизни не хватит, — вполне резонно возразил дедушка. — Ты хоть одно напиши. А ты чего молчишь? — повернулся он к Кате. — И чего такая надутая? Опять, что ли, в лужу упала? Где ты их находишь-то... Да нет, вроде чистая...

— Я уже сочинила, — мрачно сказала Катя.

— Интересно! — заинтересовался папа, появляясь в дверях. — И на какую тему творим?

— Не на тему, — не меня интонации, ответила девочка. — Про любовь. Настоящую! Которая прям по-взрослому!

Дедушка вытаращил глаза. Мама охнула. У бабушки выпала из руки поварёшка. Папа подозрительно сцепил скулы. Дядя Петя непонятно сощурился.

— Про что? — почему-то очень тихо спросила мама.

— Сказала же, — надулась Катя. — Любовь. Которая чувство.

— Интересно, интересно... — пробормотал дедушка. — Нельзя ли э-э-э... ознакомиться? 125

— Чего? — спросила Катя, оглядывая исподлобья всех находящихся на кухне (никто не смеётся? Вроде нет. Только папа что-то подозрительно быстро отвернулся.).

— Может, прочтёшь? — робко предложила бабушка. Она, всегда такая аккуратная, сейчас, казалось, напрочь забыла про уроненную поварёшку.

— Ну, если хотите... — пожала Катя плечами, словно делала одолжение.

— Хотите, — машинально поправила её мама. Она работала учительницей русского языка и такой же литературы и любила, когда дети и взрослые выражались правильно.

— Да! — сказал дедушка. Глаза у него начали возвращаться в свои обычные размеры. — Просим!

Катя вышла на середину кухни. Подумав, выставила вперёд ногу, обутую в симпатичный белевский носочек и тапочек с розовым бомбончиком наверху.

— Стихи! — громко и торжественно объявила она. — Про любовь!

Мне мальчик нравится один,
Он, как мой дедушка, загадочный блондин.

(Услышав столь лестный эпитет, глаза у бабушки расширились совсем уж до невероятных размеров и вылезли на лоб.)

А я не нравлюсь ему.
Сама не знаю почему.

— Всё, — сказала она в заключение и убрала ногу. На кухне установилась какая-то непонятная, подозрительно-напряжённая тишина.

— Я сейчас! — быстро сказал папа, зажав руками рот и выбегая из кухни. Он вбежал в ванную, захлопнул дверь, но стены всё же не смогли скрыть его неприличный гомерический хохот.

— Да! — сказал дядя Петя, опомнившись. — Сильно написано. Особенно про дедушку. Прямо до печёнок пробирает.

— Какой я вам блондин? — вдруг обиделся тот. — Да ещё загадочный! Я — незагадочный седой! Придумала тоже!

— Зато в рифму! — неожиданно вступилась за высокую поэзию мама. — А потом блондины тоже седыми бывают! Когда седеют!

— Да! — продолжал «дадакать» дядя Петя. — Особенно загадочные. Я и говорю — великолепно! Надо в печать! И немедленно!

— А я, между прочим, уже, — сказала Катя и поджала губы. Дескать, и без вас, умных таких, знаю, что в печать.

На кухне опять воцарилась гробовая тишина. Да, как же тяжело приходится тонкой поэтической натуре в затхлой среде мещан и обывателей! Ох уж этот серый быт — душитель понимания и вдохновенья!

— Чего уже? — выдохнула бабушка.

— Послала.

— Куда? — очень осторожно спросила мама.

— В газету! Вот! — и Катя достала из кармана сложенный вчетверо номер известной газеты для озабоченных, пропагандирующей технику секса во всё её удивительном многообразии.

— Господи, за что? — подняла глаза вверх бабушка. Она из всей их многочисленной семьи была самая чувствительная. Потому что если чего происходит, она сразу Бога начинает спрашивать: за что? Вот смешная! Он-то откуда знает? Он что, новость по телевизору?

— Катерина, где ты взяла эту... — маме очень хотелось сказать — «гадость». Но она, как педагогически воспитанный человек, конечно же, взяла себя в руки, — ...совершенно взрослою газету?

— Петя дал, — простодушно пояснила Катя. — Дяди Мионовича внук. Он сказал, что если про любовь, то эта газета про неё и есть.

— Он-то откуда знает? — подозрительно прищурился дедушка. — Ишь ты! Лопухий, а развитый!

— Это не он! — опять пустилась в объяснения Катя. — Это ихний Миша читает. Старший его то есть брат. Он в институте учится. Где деньги учут считать. Чтобы всех обманывать.

— У нас на финансовом, что ли? — догадался дядя Петя. Он работал в бывшем педагогическом, а теперь не пойми каком институте преподавателем химических наук.

— Ага! Бизнес, вот! Он и читает!

— Так эти стихи ты Пете посвятила? — догадалась мама. — Хороший мальчик! Только какой же он блондин? Он же рыжий!

— Не рыжий, а солнечный! — почему-то обиделся папа за Петю.

— Да никакой это не Петя, а Босьяков из «бэ»! — выпалила вдруг доселе молчавшая Маша. — Который как раз и есть загадочный блондин. А на самом деле никакой он не загадочный! Потому что он двоечник и вообще аппетит!

— Ещё не легче... — вздохнула бабушка. — При чём тут аппетит?
— А он в буфете прямо три булки может съесть! А эта самая наша Катечка ему даже свою отдаёт! Ишь какая жалостная прям нашлась — его, аппетитного, кормить!

— А ябедничать, между прочим, это очень некультурно! — разозлилась Катя. — И потом я же свою отдаю! Не твою!

— Всё-всё-всё! — затараторил загадочно блондинистый дедушка. — Если он Кате нравится... Чего же теперь... Пусть ест... Может, его дома не кормят...

— Катюнь, ты ему завтра банку капусты возьми, — деловито посоветовал дядя Петя. — Бабушка сегодня наквасила, так ты ему отнеси трёхлитровую. Пусть молотит.

— Ага! — презрительно скривилась Маша. — Капусту! Он пирожки любит вместе с булками. И ещё, между прочим, мухов ест.

— Час от часу не легче... — пробормотала бабушка. — Каких ещё мухов?

— Летают которые.

— Зачем?

— Как это зачем? — удивилась Маша. — Они же летучие! С крылушками!

— Есть их зачем? — пояснила бабушка. — Он, этот ваш блондин, до того, что ли, голодный?

— Да нет! — и Маша махнула рукой. Это у неё в последнее время привычка такая появилась — рукой махать. Вроде как для усиления слов и вообще для демонстрации такого снисходительно-пренебрежительного отношения к жизни.

— Это просто фокус такой! Он их ловит, а потом — ап! — и в рот! И они у него там, в роте, летают и крылушками жужжат!

— Зачем? — заиклило бабушку на этом «зачем».

— Он их так дрессирует. Чтоб летали в роте! Как тигры в цирке!

— Да, сказал дедушка. — Как тигры. Какие тигры? Причём тут тигры?

— Я сейчас, — сказала бабушка и открыла шкаф с аптечкой. Она, когда или понервничает, или совсем чего не понимает, то у неё давление повышается до угрожающих пределов.

— Фу, гадость какая! — поморщилась мама.

— Чего? — спросила Маша.

— Мухи! Во рту!

— А я Кате сразу сказала: он же негигиеничный! — охотно согласилась Маша. — И чего он ей так оглушительно понравился? Я прям решительно удивляюсь! Прямо как глупая!

— Сама такая! — тут же ответила Катя.

— Я не про тебя! Я про Босякова!

— Это который загадочный блондин? — ехидно ухмыльнулся папа. Тут же бабушка и мама одновременно показали ему кулаки: только попробуй опять засмеяться! Как стихи писать — ни одного поэта в доме не найдёшь, а насмешничать — пожалуйста, каждый может!

— И вообще эти стихи... — опять фыркнула Маша (вот уж действительно какая... фыркунья!). — Не, лучше песни петь! Про красных каваре... калаваре...

— Кавалеристов, — подсказал дедушка.
— Да! Которые с будильниками!
— С Будённым! — разозлился дедушка. — Сколько раз можно говорить!
— Да знаю я! — отмахнулась Маша. — Который с нами офицер, и пойдёт за ээсэр! Лучше уж ээсэр, чем этот Босюков из ихнего «бэ»!

— А стихи хорошие, — вернулся к первоначальной теме дядя Петя, тот ещё дипломат. — Жалистные. Я их сейчас перепишу и буду на ночь всей своей семье вслух читать. Чтобы спали крепче и без страшных снов.

На том все и успокоились и сели пить чай с вишнёвым вареньем и белым хлебом. Дома, правда, были ещё три бублика, но мама решила дать их завтра в школу Кате, Маше и Босюкову. Ну, чего же, право, делать, если у него действительно хороший аппетит! Не мух же ему, которые у него во рту летают, есть на самом деле! Это же действительно негигиенично и вообще жалко! Они же живые ещё пока! Пусть уж лучше своими крылушками жужжат. Пока их не прихлопнет какой-нибудь загадочный рыжий блондин. В гигиенических целях.

НАШИ УТРАТЫ

ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ

31 марта неожиданно ушёл из жизни Алексей Николаевич Курганов (1958-2023), наш земляк, талантливый писатель, стоявший у самых истоков «Коломенского альманаха» и входивший в члены редколлегии ежегодника в первые годы его становления.

Врач по образованию, он работал терапевтом, затем рентгенологом. Может быть, благодаря этой профессии Алексей Курганов и в своём литературном творчестве научился искусству «просвечивать» людей, общество, обнажать нравственные недуги. Он не стеснялся называть нелицеприятные вещи своими именами. Зачастую способом врачевания от пороков писатель избирал иронию, смех, порою сарказм. Дружить с ним было непросто. Но мы знаем, что в душе Алексей всегда оставался серьёзным, думающим, равнодушным и ранимым человеком, активным гражданином своей страны. Мы горюем, прощаясь с ним.

Так случилось, что печатать свои произведения в альманахе он начал с первого его выпуска, когда дебютировал в прозе со своим рассказом «Трус», и закончил свои публикации тоже в «Коломенском альманахе» — в этом номере печатается его рассказ «Всё по-взрослому». Всего в нашем альманахе было опубликовано более 10 многоплановых рассказов писателя.

Память об Алексее Курганове останется с нами, пусть простятся ему все земные грехи, земля будет пухом, а небо — надёжной защитой.

Коллектив редакции

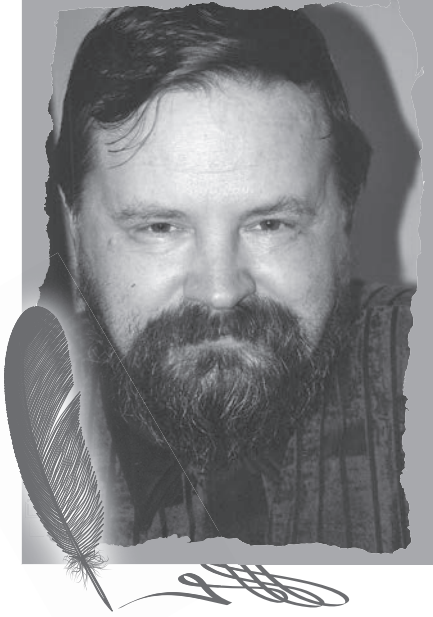
Поэзия

Графика Василины Королёвой

Роман Славацкий

Роман Вадимович Славацкий (1957-2021) родился и жил в Коломне.

Поэт, прозаик, переводчик, церковный историк и краевед, теоретик сонета, создатель новой его формы («коломенский сонет»).

Автор двух десятков поэтических книг, а также повестей, рассказов, исторических очерков. Член Союза писателей России с 1999 года.

Руководил Коломенским отделением Международного научно-творческого семинара «Школа сонета». Один из основателей старейшей областной православной газеты «Благовестник», бессменный зав. отделом церковной истории и беллетристики.

В течение 20 лет был зам. гл. редактора ежегодника «Коломенский альманах», заместителем председателя Творческого объединения профессиональных писателей Коломны.

ХАЧКАР

АРМЕНИЯ

Армения! — своды ведут в подвал,
где пленная Вечность спит,
и зреют неведомые слова,
как в бочках дубовых — спирт.

Наполним стопки, поднимем тост:
да будет славен Месроп Маштоц!

Да будут славны дела его:
армянских Писаний кровь;
да помнит узорное мастерство
Матенадарана кров!

Багрянцем пропитаны кладь книг —
бессмертия вещей знак;
и зреет слово святое в них,
как старый густой коньяк.

АРГИШТИ I, ЦАРЬ УРАРТУ (надпись 782 г. до Р. Х.)

«Сын Менуа и первый Аргишти,
как приказал великий Халди-бог,
велел я эту крепость возвести —
могущественный каменный чертог.

И я назвал её: «Эребуни» —
оплот моей державы — Биайни!

Там, где пустыня пыльная была,
среди немых поверженных камней,
я совершил великие дела:
прекрасный замок высится над ней!

Он, словно страшный страж, хранит покой,
укрыв страну от вражеской стопы.
Я — Аргишти, под божеской рукой —
царь Биайни и города Тушпы».

132

АРАРАТ

Потоп умолк... Настала тишина,
и в море с Неба молния не бьёт.
И вот — на волю дверь открыта
и Праотец выходит на восход.

И птицы оправляются в полёт:
где суша поднимается со дна?
И смотрит Ной, и молится, и ждёт,
кричит, увидя землю: «Вот она!»

Зверьё бежит из корабельной мглы
и бродит на поверхности Скалы;
и дым от жертвы вновь струится ввысь!

...Под бременем веков исчез Ковчег...
И ведает о нём лишь только снег,
там, где над миром царствует МАСИС!

АРЦАХ

Твой монастырь высокий и сед, и стар
(счесть огоньки реликвий пришла пора!) —
тайной горой сокровищ стал Гандзасар:
россыпью слова и копиями серебра.

Твой Амарас — точёный святой футляр,
камень Арцаха — сверкающая искра!
Разве угаснет лампы багряный жар,
если зарёй предвечной горит гора?

Замки и крепости в лоне твоих чащоб
связаны тайным неводом горных троп,
там, где рассыпан Временем пыльный прах.

Там, где водой живую кипит исток,
спрятан бессмертия вечно живой цветок —
сердце Армении — выстраданный Арцах!

ХАЧАТУРЯН

Сединами украшен львиный лик,
в очах великих — пламенная даль...
И музыка вскипает, как родник,
сверкает, словно сабельная сталь.

Она клубится пеной облаков
и бьётся — пульсом крови и веков!

Он смог собрать в густой и пряный ток
багряную зарю и тайны тьмы,
манящий Запад, сладостный Восток,
Армянский край и Римские холмы.

Удержит ли его могучий дух
торжественный посмертный Пантеон?
— Не молкнет звук, и ширится вокруг,
безмерно Вселенной вознесён!

ГРИГОРИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ

(год 301)

Замкнутый в страшной глубине тринадцать лет,
в щели неведомой, в шахте армянских гор
теплит у сердца молитвы нетленный свет
в царском узилище мученик, сурб Григор.

Только внезапно открылась его тюрьма:
царь безнадежно болен, сошел с ума!

— Можешь его исцелить? Помолись о нём!
Так ли ты властен, как слухи о том трубят?
...Тьма отступает, сожжённая ясным днём,
прежний тиран очнулся, пришёл в себя!

Царь окрестился, крестилась его страна,
первою во Вселенной приняв Христа!
...Если святитель врагом низведён до дна,
Богом ему суждено до небес восстать!

ГАРНИ

Очнулся Гелиос! Зарёй обагрена,
светлеет кромка гор в предутренней тени;
и снова восстаёт из каменного сна
закованный в базальт загадочный Гарни,

и высится колонн лиловая череда
в оплоте, что создал когда-то царь Трдат...

За россыпью веков, за тьмой двух тысяч лет
отыщешь ли теперь Элладу или Рим?
Но здесь, в Земле армян, гранатовый расцвет
аттическим костром горит, необорим.

Отеческим богам и греческим ветрам
во славу возведён его священный зал.
И вьётся, вплетена в невероятный храм,
сквозь эллинский аканф — армянская лоза.

ВИКТОР АМБАРЦУМЯН

Ловец галактик, зоркий звездочёт,
учёный страж бесчисленных миров —
он вызнал, как Вселенная течёт,
он высчитал туманностей покров!

И смотрит сквозь грядущие века
немыслимое око — Бюракан!

И льётся из космических полей
прошедший через сотни тысяч лет,
летающий к нашей сказочной Земле
Большого Взрыва выбеленный след.

Он здесь нашёл заветный свой приют...
И тут, на склоне вздыбленной горы,
Большим Ковшом его здоровье пьют
когда-то им открытые миры.

САЯТ-НОВА

Грузные тучи минувших лет
рыкают, словно львы.
Но и поныне ашуга нет
лучше Саят-Новы!

Где же найдётся нежней его
песен священное волшебство?

Странный монах о любви поёт
сразу на трёх речах!
Тайны возлюбленной — словно мёд
в тёмных её очах.

Шифры и судьбы пути сплели:
струны ласкает пясть.
...Странный любовник идёт в Тифлис,
чтобы за веру пасть...

ЭЧМИАДЗИН

Рисует в небесах Эчмиадзин
прочерченный резцом сквозной узор;
в его седилах стыннут сотни зим:
богатство, слава, горечь и разор...

В его покоях скрыты сотни лет,
теплом согрет базальтовый откос;
в его лампадах держит вечный Свет
отец армян — седой Католикос.

В его стенах таятся сотни книг,
реликвии, заветные гробы,
но самое бесценное из них —
pronзившее Христа Копьё Судьбы!

Сплетённый из мистических лозин
хранит его святой Эчмиадзин...

САНАИН

Божественных речей базальтовый ковчег —
двуглавый оберег: два храма — две скалы!
Всё было: дрожь земли и вражеский набег,
но выжил Санаин среди монгольской мглы!

Сокровища наук укрыл суровый свод...
Своих учеников к Писанию зовёт
искуснейший Магистр — Григор Пахлавун.

И слышатся шаги среди истёртых плит:
и огненный Платон, и вьедливый Эвклид
проходят между ниш в таинственной тени.

На глади крепких стен — узорною резьбой:
рельефы и кресты легли среди седин...
И дремлет, нерушим, над грозною судьбой
базальтовый ковчег — священный Санаин!

ТОРОС РОСЛИН

Где на границе азийских волн
вбит Киликии клин,
пиршество рукописей возвёл
кистью — Торос Рослин.

Вспыхнули сквозь вековую хмурь:
пурпур, и золото, и лазурь!

Новозаветная длится нить —
дивных рисунков ряд!
На разворотах бесценных книг
краски его горят.

Плети цветов разгоняют мглу,
и на полях страниц
Вечному Богу поют хвалу
тысячи райских птиц!

ИОСИФ ОРБЕЛИ

Грохочущий пророк, суровый страж,
связующий столетия и дни,
он помнит всё: блокадный Эрмитаж
и древние развалины Ани,

Он ведает чекан кавказских строк
и кровь на перекрестиях дорог;

и дальний зов персидских окарин,
и тонкое арабское перо,
ковчеги драгоценные витрин
с тяжёлым сасанидским серебром...

Волнуется Нева, кружится снег,
и пахнет непогодой морской...
И дышит Русский каменный Ковчег,
направленный пророческой рукой!

ХАЧКАР

О чём они молчат? Какая глубина
струится сквозь покров резьбой старинных плит?
Хранит узорный туф прекрасная страна,
и льётся благодать из каменных молитв.

Пронёс процветший Крест сквозь войны и века
витьём точёных лоз украшенный хачкар!

Умелый камнерез чеканил кружева,
среди цветов и звёзд плетя сокрытый шифр;
и гроздьями лежат заветные слова —
крылатые кресты рождаются из них!

И вот они стоят у храмовых оград —
так пчёлы стерегут в тиши высокий сот.
И чудится: живёт бессмертный вертоград.
И мнится: из камней текут вино и мёд!

БАГРАМЯН

Клочок рассвета дымен и багрян,
оскалился клыками Кенигсберг;
глядит на груды камня Баграмян
и слышит, что нащёптывает Смерть.

«Пришла пора всему подбить итог...»
И страшной тучей дыбится восток.

Он помнит гарь оставленных полей
и чёрный чад прорывов и атак;
и эта память яростней и злей,
чем самый ядовитый зной и мрак.

Повержен Барбаросса — жалкий вождь,
хрипит, грозит косматой бородой...
И волны заливают рот его
кровавою балтийскою водой.

САСУН

Где ты, неведомый город огромных глыб,
город красавиц и сказочных богатырей?
Где следопыты, что встретить его могли б
в тёмной глуши чащоб, в колдовской заре?

Где в заповедном озере скрылся клад? —
только герой способен его извлечь!
...Конь-Джалали под уздцы Санаксаром взят,
и покорён чудесный Зарница-Меч.

В Городе-Ярости яхонт заветный скрыт;
Всадник могучий мчит по ночным лугам:
зорко хранит страну Сасунци Давид —
дорог Отчизне и страшен её врагам!

...Только сказитель под говор небесных струн
сможет узнать, где скрывается Град Сасун!

АЙВАЗОВСКИЙ

Библейские валы грохочущих морей
грозятся затопить ряды музейных зал!
За крыльями ветрил, за выступами рей
взрывается огнём военная гроза.

Он смог безмолвный холст преобразить в окно,
где царствует стихий загадочная власть,
и проклятую горсть турецких орденов
недрогнувшей рукой швырнуть в морскую пасть.

Он смог родимый Крым спасти из пыльных пут
и славу вознести в невиданную высь;
и у церковных стен найти себе приют,
где светлый саркофаг скрывает Сурб Саркис.

И тянется скрижаль: «Он смертным был рождён,
но в памяти людской бессмертным станет он».

ПАРАДЖАНОВ

Где киноплёнки струится шёлк,
там он спасенье себе нашёл...

Грешен поэт... Ну а кто из нас
чист от своих страстей?
Жизнь — это призрачная страна,
предков забытых тень!

Жизнь — это чей-то предсмертный стон,
вечный тюремный бред.
Странною сказкой приснится сон —
нежный граната цвет.

Мчит из Парижа Ашик-Кериб —
призрак прекрасных книг.
Это последний глоток зари,
это бессмертья миг!..

САРЬЯН

Слепящее солнце — горящий зной,
густые тени домов и стен!
И синие сумерки тьмы ночной,
стволы и жилы древесных вен...

Ему позавидует и Матисс —
открытым краскам его холстов:
тревожит высь ледяной Масис,
струится золотом хлебный ток.

Восток! Экзотика! Волшебство —
горит изразцами небесный свод!

Слоятся груды цветных плодов,
цветы и вазы легли в горсти...
И вот — Армении древний дом.
ласкает пламя его картин!

ГОРНОЕ МОРЕ

Глаголет эхо долгое: «СЕВАН!» —
в нём слышится урартская молва.

В нём чудится сраженья древний гул,
когда бежала раненая тварь,
и вражий стяг над берегом швырнул
у входа в храм — Ашот, Железный царь.

...Отведал горя Чёрный монастырь,
когда пришёл забвенья горький год,
когда умолкли говоры святынь
и глуби оскудели вещей вод!...

Очнётся ли израненный народ?
вздохнёт ли море с горной высоты?
...Свеча горит, и колокол поёт,
и высятся крылатые кресты...

«ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ» 1916

Есть ли пределы страшнейшей из катастроф,
если народ рассеян в чужих краях?
Это позор изгнания, это кровь,
это мертвящий пепел небытия!..

Россыпью зёрен, когда оборвалась нить,
песни поэтов легли по лицу Земли...
Как же их вырвать из лап гробовой тени,
снова собрать, чтоб их люди постичь смогли?

Чтоб окровавленный мир не сошёл с ума,
неводы слова раскинул учёный Маг.

Песни Армении! — светлые строки их
дышат бессмертьем, таинственны и легки...
Жемчугом ожерелья сверкает стих,
связанный Смерти и Времени вопреки!

МОВСЕС ХОРЕНАЦИ

И разум веселит, и сердце жжёт
настоянным гранатовым вином
Армянского нагорья горький мёд,
в пергаменты закованный давно.

Сосуды свитков сладостью Небес
наполнил до краёв святой Мовсес!

«История Армении»... Поток
веков — тысячелетняя молва,
земная влага выдержанных строк —
Причастье неземного Божества!

— Старик ушёл неведомым путём
туда, где ждёт небесная межа.
...Но древнее вино мы снова пьём,
чеканные края к устам прижав!

ЕРЕВАН

Розовые фасады — армянский туф,
стройных аркад имперская череда!
Где-то в долине бродит Давид-пастух
и охраняет каменные стада,

и бережёт, и нежит процветший цвет,
клинописи читая библейских лет...

Древние царства рассыпались, точно прах;
но не развеян Города древний гимн;
видится Образ Бога в его строках —
Триипостасный царственный Элогим!

Розовый камень, узорами оплетён,
груды сокровищ казною собрал под кров...
Город воздвигся, как будто резной ритон,
хмелем столетий наполненный до краёв!

Николай Коновской

Коновской Николай Иванович родился в 1955 году в селе Варварка Алексеевского района Белгородской области. Служил в армии, работал на заводе, стройках, в охране РЖД. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Мастер русского философского стиха. Печатался в журналах «Москва», «Молодая гвардия», «Наши современник». Издал 9 книг. Книга поэта «В отблеске горнем» удостоена литературной премии Александрo-Невской лавры.

ТЕРПЕЛИВЫЙ АНГЕЛ МОЙ

КРОВЬ ГРАНАТА

Лишь зной, да пение цикад,
Да мы на воле, —
Где чайки белые кружат
Да плещет море.

Владычица моих забот,
Как свет, прекрасна, —
Ты разломила спелый плод,
Бордово-красный,

Когда-то, словно тайна тайн,
На райском древе
Висевший, ввергнувший в соблазн
Праматерь Еву...

В темнице тесной изнемог,
И счастьем жизни,

Горячечною кровью — сок
На руку брызнул.

Как веющий над нами рок,
Дыханье рока, —
О, как таинствен и глубок
Сей дар востока!

... И растворившись, не умру,
Но с лаской прежней
Огонь губами соберу
С ладони нежной...

И моря плеск, и полдня зной
Живут любовью...
И мы повязаны одной
С тобою кровью.

ТЫ МНЕ ЧИТАЕШЬ ИВАНОВА

...Ветер рождается заново,
Сосен качает верхи.
Ты мне читаешь Иванова —
Тонкой печали стихи.

Сумрака благоуханнее,
Неотвратимей, чем рок, —
Льётся обманно-туманная,
Дивная музыка строк.

Над белоснежной вишнею —
Тоже ведь Божия тварь, —

Виснет пчела неподвижная,
Пьяный впивая нектар, —

Таящий запах витающий,
Сердца оборванный вскрик,
Души нам соединяющий,
Всепроникающий миг —

Мир, неподвластный забвению:
Вечер, скамья, соловьи...
Плечи твои драгоценные...
Страстные речи мои...

ЦВЕТ — ЗОЛОТОЙ И ЗЕЛЁНЫЙ...

Темень ночная бездонна, —
Шторой задёрнем окно:
Цвет — золотой и зелёный —
Соединились в одно.

Как твоё, милая, имя,
Где ты была столько лет?
...Где-то, гляжу, между ними
Мягкий коричневый цвет.

Призрачны и нереальны
Наши мгновенные дни...

Как твои плечи печальны,
Руки твои холодны!

Нам ли дружить с тоскою! —
Лучше пьянящий елей
Тонкой своею рукою
Молча в бокалы налей.

.....
Чую печальную повесть,
Слышу таинственный глас —
Властно влекущий нас в пропасть
Хищный ореховых глаз.

СЛИТЫ, ПЕРЕПЛЕТЕНЫ

Бронзовых сосен стволы:
Поровну света и мглы
В них, вознесённых, и в нас
В этот полуночный час.

Судеб сомкнулось кольцо.
Мокрое прячешь лицо,
Не помышляя о сне,
Тесно прижавшись ко мне.

Под роковою звездой, —
Странники, — грезим с тобой
Об очаге и тепле
На неприютной земле.

Наши — не только тела,
Но и слова, и дела,
Мысли, дыханья и сны —
Слиты, переплетены.

Страхами тёмной ночи
Прошное кровоточит,
Ищет потерянный след
Счастья, которого нет.

...Ты же — как бешеный шквал
В сердце — да кто тебя звал! —
Хлынула из забвения,
Смертная мука моя,

Благоуханный мой сад...
Лето... Затем — листопад...

МЫ, ЗА РУКИ ВЗЯВШИСЬ...

Осенние клонятся нивы,
Но горним садам не отцвествь.
Сегодня с тобою мы живы,
А завтра что будет — Бог весть.

Земную порвав оболочку,
Свободен от мрачных тенет.
В какую-то страшную точку
Сужается режущий свет...

От страстной беды не избавлю,
Терзая себя и вина,
Но только тебя не оставлю,
И ты — не оставишь меня.

Как будто избывши неволю
В недвижно-пустой окоём,
С тобою по минному полю
Мы, за руки взявшись, идём...

КАЛЕНДАРЬ

...Сначала — усладой забытых услад
Был тихий, как снящийся сон, листопад.
Срывались с деревьев, ложились листья
На землю, на давние чьи-то следы.

Затем, заметая дворы и дома,
Дохнула холодным дыханьем зима,
И призраком диким — до неба возрос
В пространстве мятущемся — снежный хаос.

А после морозов, ясна и красна,
Явилась завидная дева-весна:
Вода забурилась, запахла с и н е л ь,
И мир огласила полночная трель

Певца, что умрёт от восторга вот-вот...
Потом — долгожданное лето придёт,
Как счастье — из горя, как солнце — из тьмы.

...А после — с тобою расстанемся мы.

КАК СВЕЧА НА БЕШЕНОМ ВЕТРУ

Свеж и зыбок аромат дыханья
Влажных роз, расцветших поутру...
Наша жизнь, все встречи-расставанья —
Как свеча на бешеном ветру.

Но, однако, над судьбой пропащей,
Над холодным перечнем утрат
Всё плывёт твой дивный и пьянящий,
Твой невозвратимый аромат,

Навевая, что за дальней далью,
До скончанья незакатных дней —
Мне твоей печалиться печалью,
Радоваться радостью твоей...

146

И НА КОЛЕНИ ТВОИ...

...Этот мучительный плен
Сладостных юных колен, —
Белого млека белей,
Гладкого шёлка нежней;

Благоуханный елей
Трепетной кожи твоей, —
Чистый податливый воск,
Дышащий свежестью роз...

В это начало начал
И неизбежный причал,
В эту погибель и смерть
Лучше бы и не смотреть...

Снова поют соловьи,
И на колени твои
Голову в душном бреду
Словно на плаху кладу...

ТЫ ДА Я

Снова вместе, ангел мой,
Ты да я, да мы с тобой.

Вместе — вот и весь наш сказ!
Посмотри, как много нас!

Век, который не объять,
Как пытался нас раззять,

Как пытался извести,

По вселенной развести!..

Смертной болью обожглись.
Повинились, обнялись...

Тихий-тихий свет лица...
Вместе будем до конца,

Терпеливый ангел мой, —
Ты да я, да мы с тобой.

НА СЕРЕДИНЕ СТРОКИ...

Сердца коснёшься невинно
Памятью слабой руки,
Речь оборвётся бессильно
На середине строки...

Холодно. Не рассветает.
В стылой угрюмости зим,
В сумраке духа витает
Образ твой, неуловим.

Бездна внизу, а над нами —
Тихое лишь до поры —
Тускло разлитое пламя,
Коим трепещут миры...

Давнего ль горя алкая,
Милый ли призрак губя, —
Мучаюсь, не проникая,
Не осязая тебя...

ДАЙ МНЕ РУКУ!..

Третьи сутки — лишь холод и снег.
Свищет ветер, надрываясь и плача...
Что за мир, что за люд, что за век,
Что за лютая стужа собачья!

Выдувая из дома тепло,
Кружит вьюга в медлительном танце.
Замело тебя, Русь, замело, —
Как в известном поётся романсе.

Дай мне весточку — что ж ты молчишь
В голосащей пустыне безбрежной!
Замело твой Воронеж до крыш,
И Москва моя — в пропасти снежной!..

Я лишь в снах твоих — чаемый гость,
А на большее — и не дерзаю.
Дай мне руку! — за тысячу вёрст
Как я страстно тебя осязаю!

.....
Ах, родная, в такой снеговой —
На крылечко, да в лёгоньком платье!..
Над душой, над судьбою твоей
Я навеки смыкаю объятия!

РАДИ ТЕБЯ...

В отблеске павшей звезды
И на краю у беды
Молвила, горечь скрепя:
— Что ж ты так губишь себя?
— Клином сужается свет;
Милый, хоть несколько лет
В счастье ли, муках, любви —
Ты для меня проживи.

Бездною дышащий быт,
Ладно, — сказал, — так и быть:
Жизни, похожей на бред
Год или несколько лет,
Если позволит Господь
И многогрешная плоть,
Призрачно иль наяву —
Ради тебя проживу.

Светлана Сырнева

Светлана Анатольевна Сырнева родилась в 1957 году в деревне Русское-Тимкино Уржумского района Кировской области. После окончания Кировского государственного педагогического института работала учительницей русского языка и литературы, корреспондентом, а затем редактором уржумской районной газеты, корреспондентом кировских областных газет, в пресс-службе администрации города Кирова.

Публиковалась в журналах «Наши современник», «Подъём», «Москва», «Русская провинция» и др. Автор книг «Ночной грузовик», «Сто стихотворений», «Белая дудка», «Утро Уржума» и др.

Лауреат Всероссийских литературных премий. Дипломант и лауреат многих литературных конкурсов.

МЫ, РОССИЯ, ЕЩЁ ПОЖИВЁМ!

ПРОПИСИ

Д.П. Ильину

Помню, осень стоит неминуемая,
восемь лет мне, и за руку — мама:
«Наша Родина — самая лучшая
и богатая самая».

В пешех далях — деревья корявые,
дождь то в щёку, то в спину.
И в мои сапожонки дырявые
заливается глина.

Образ детства навеки —
как мы входим в село на болоте.
Вот и церковь с разрушенным верхом,
вся в грачином помёте.

Лавка низкая керосинная
на минуту укроет от ветра.
«Наша Родина самая сильная,
наша Родина — самая светлая».

Нас возьмёт грузовик попутный,
по дороге ползущий юзом,
и опустится небо мутное
к нам в дощатый гремучий кузов.

И споёт во все хилые рёбра
октябратский мой класс бритолобий:
«Наша Родина самая вольная,
наша Родина — самая добрая».

Из чего я росла-прозревала,
что сквозь сон розовело?
Скажут: обворовала
безрассудная вера!

Ты горька, как осина,
но превыше и лести, и срама —
моя Родина, самая сильная
и богатая самая.

ШИПОВНИК

Вдоль дороги пристанища нет,
по канавам наметился лёд.
И краснеет осенний рассвет
за рекой, где шиповник растёт.

Он растёт, существует вдали,
неподвижен и сумрачно ал.
Берега им навскид поросли,
только ягод никто не собрал.

Здесь никто не ходил, не бродил,
не видать ни чужих, ни своих.

Ведь плоды не срывают с могил,
не берут их со стен крепостных.

Ржавый лист прошуршит у воды,
безнадёжно упавший к ногам.
Но краснеют на ветках плоды
по великим твоим берегам.

Мы, Россия, ещё поживём!
Не сломали нас ветер и дождь.
В запустении грозном твоём
есть ничейная, тайная мощь.

ОСИНА

Жизнь обратно меня принесла,
как река, обращённая вспять.
И осина с тех пор возросла
так, что вовсе её не узнать.

Но всё там же стоит, на краю,
над провалом осеннего дня.
Подойду, обниму, постою —
и она не узнает меня.

Не припомнит, коль память крепка
в тонких пальцах расцепленных пут!
Кто остался — растёт в облака,
остальные по кругу бегут.

Дай мне силу, родительский дом,
дай мне волю в пределах Земли,
в сотый раз возвращая потом,
где осины мои возросли;

где шумит мой оставленный сад
по просторам пустынной Руси.

Волоки меня, сила, назад
и, остаться не дав, уноси!

Одинаковы все города,
позолочены все купола,
и нездешняя сила всегда
отрывает меня от ствола.

И пророчит, и лъстиво поёт,
и всечасно геенной грозит.
И опомниться мне не даёт,
потому что не насмерть разит.

ЗИМНЯЯ СВАДЬБА

Полночь. Деревня. Темно.
Стужа — вздохнуть нелегко!
Треснет в проулке бревно —
гул полетит далеко.

Роща навек замерла,
к небу вершины воздев.
Жучка — и та, как стрела,
с улицы мчится во хлев.

Где-то мерцает огонь,
резво скрипят ворота.
Там самовар и гармонь,
белая чья-то фата.

В эту морозную стынъ
любо мне свадьбу кутить,
мимо бездвижных твердынь
лихо на тройке катить.

Стой ты, дворец ледяной,
мраморный замок любви!

Песней да пляской хмельной
брызнут паркетты твои.

Эх, погуляй, слобода,
но не кичися судьбой:
русского снега и льда
в рай не захватишь с собой!

Долго душе привыкать,
как на чужбине, в раю,
вечно грустить-вспоминать
зимнюю свадьбу свою.

Из невозвратных краев
немо смотреть с высоты
на белоснежный покров,
на ледяные цветы.

Некому будет спросить:
чем ты, душа, смущена?
И не успела остыть
вровень с бессмертьем она.

РЕКА

Ведь река — это тоже ручей
у истоков своих, у начала.
Золотым водопадом лучей
её раннее утро встречало.

И была она просто ничья
и лениво струила теченье,

по соседству другого ручья
беспрестанное слушая пенье.

Это был несравненный ручей —
и соперник её, и учитель,
он катился быстрее и звончей,
и повсюду он был победитель.

В душных дебрях — то дерева ствол,
то колода, то пень, то коряга.
Вот ручей повернул и ушёл —
устремился по склону оврага.

Будет, будет ему благодать
и недолгий простор для полёта —
бочажины лесные питать,
упираться в глухие болота

и не знать на коротком веку
под ступенчатым сводом природы,
что река превратилась в реку
и широко раскинула воды.

Ей — и баржи нести на спине,
и вращать паровые турбины,
вдаль пройти по великой стране,
открывать города и глубины,

выходить из своих берегов,
видеть счастье народов и горе,
быть преградой живой для врагов
и в открытое вылиться море.

Ничего не решала борьба,
так уж небо, должно быть, решило.
Так уж, видно, сложилась судьба,
так на звёздах начертано было.

Не смущай же ты душу ничью:
неуместны восторг или жалость.
У холодного сна на краю
больше выбора им не осталось.

Только детство, где нету вины
и ни имени нет, ни названья,
где великий покой тишины
и великое счастье незнания.

БАБЬЕ ЛЕТО

Закат полыхает, но тёмн восток,
таинственный миг полутьмы, полусвета.
И солнце уж село, и на землю лёг
покой равновесного бабьего лета.

Тяжёлые ветви недвижны в садах,
гурьбой георгины приникли к забору.
О, всё обратится в унынье и прах
ещё не сегодня, не завтра — но скоро.

А нынче, на самом краю пустоты,
такая наполненность жизни всевластной,
что в ней без труда различаешь черты
надмирной долины, чужой и прекрасной.

Прощальный, утешный подарок небес —
тебе он всего на мгновенье дарован.
Смотри же, смотри: вечеряющий лес
приблизился, встал — и молчит, очарован.

Вечерние тени так мягко легли —
ни ветра, ни стука, ни дальнего грома.
И низко над нами летят журавли:
уже улета, они ещё дома.

Спускайтесь всё ниже! Ищите ночлег
в тепле, где лощина ещё не остыла.
Нет, вы не увидите холод и снег —
от этого родина вас оградила.

Ночуйте! А завтра, набрав высоту
и в путь отправляясь, вы взором привета
окинете милую родину — ту,
где доброе солнце и вечное лето.

* * *

Знойное небо да тишь в ивняке.
Ни ветерка безутешному горю!
И василёк поплывёт по реке
к дальнему морю, холодному морю.

Не остановишь движение вод,
вспять никогда оно не возвратится.
А василёк все плывёт и плывёт,
неуправляемой силы частица.

Нет ничего у меня впереди
после неожиданного выстрела в спину.
А василёк всё плывет. Погляди,
как он беспечно ушёл на стремнину!

Может, и нам суждено на века
знать, от бессилия изнемогая:
больно наотмашь ударит рука —
медленно вынесет к свету другая.

Плавно и мощно струится река,
к жизни и смерти моей равнодушна.
Только и есть, что судьбу василька
оберегает течение послушно.

Правда, что холоден мир и жесток,
зябко в его бесприютном просторе.
Я не хотела, но мой василёк
всё-таки выплыл в открытое море.

РОМАНС

Облетает листва уходящего года,
всё черней и мертвей полевая стерня,
и всему свой предел положила природа —
только ты никогда не забудешь меня.

Старый скарб унесли из пустынного дома,
и повсюду чужая царит беготня.
Изменило черты всё, что было знакомо —
только ты никогда не забудешь меня.

Это грустный романс, это русская повесть
из учебников старых минувшего дня.
Как в озёрах вода, успокоилась совесть —
только ты никогда не забудешь меня.

И остаток судьбы всяк себе разливая,
мы смеёмся и пьём, никого не вина.
Я по-прежнему есть. Я поныне живая,
только ты никогда не забудешь меня.

* * *

Зимнее небо бесцветно,
и неподвижна земля.
День пролетит незаметно,
падает снег на поля.

Через деревья и крыши он
пробирается вброд.
Утром из мрака он вышел,
вечером в темень уйдёт.

Светлого времени суток
снова не хватает ему:
бледен и мал промежуток,
перемежающий тьму.

Полночь огни погасила,
но не окончен поход.
Гонит небесная сила,
путника гонит вперёд.

Кружат овраги и спуски,
сёла встают, да не те...
Али и сам ты не русский,
аль не плутал в темноте!

Чёрт перепутал округу,
до свету тешиться рад.
Ходит и ходит по кругу
чёрный, слепой снегопад.

Спи до утра, если сможешь,
не просыпайся в избе:
тёмный удел бездорожья
нынче суждён не тебе.

Выпадут годы иные —
ты обнищаешь, как тать,
и на просторах России знаешь,
где снегу плутать.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ МАРСА

Над чёрной пропастью пруда,
над тёмным лесом и над степью
встаёт кровавая звезда
во всём своем великолепье.

Она царит, в сердца неся
и восхищенье, и усталость,
и перед ней природа вся
ушла во тьму и тихо сжалась.

И всякий маленький листок
молчал, и птица затаилась.
И каждый тихо изнемог,
ещё не зная, что случилось.

Звезда! Ничтожны пред тобой
мои поля, мои дубравы,
когда ты луч бросаешь свой
для развлечения и забавы.

И подойдя, что ближе нет,
как злобный дух на голос выпи,
ты льёшь на нас разящий свет,
который днём из нас же выпит.

И мы молчим из нашей тьмы,
подняв растерянные лица —
затем, что не умеем мы
противостать, оборониться.

Мы тихо сжались, чтоб пришли
разруха, войны и неволи
и обескровленной Земли
сухая судорога боли.

Я не ищу судьбы иной
и не гонюсь за лёгкой славой:
не отразить мне свет ночной,
насквозь пропитанный отравой.

Но травы, птицы и цветы
меня о будущем просили.
И молча вышли я и ты
навстречу неизвестной силе.

ЮРИЮ КУЗНЕЦОВУ

Все ушли. И всех не спеша
засосала земля сырая.
Верю я, что бессмертна душа —
но что ей делать в пределах рая?

Жить без Родины, без родни,
вечно жить без слёз, без печали.
Боже! Хотя бы поэтов на землю верни:
вечного счастья они не желали.

Господи! Я тебе говорю с Земли,
из России, из временного приюта,
пересыльного пункта, куда мы на миг пришли
и к другому стремиться должны — к чему-то.

Здесь, понять всё сущее торопясь,
в ковьях бродя, застудясь в метели,
безотчётным слепком душа снялась
с уютной русской своей колыбели.

Здесь играли огни новогодних сёл,
и весенних рек неслись круговерти,
и не каждый силу в себе нашёл,
видя это, готовиться к смерти.

Вот и дождь устал, вот и дальний гром.
И мечтает поэта душа живая
по родным просторам бродить с пером,
никого не помня, не узнавая.

Соловей поёт, и гуляет плёс,
и цветут цветы на могилах милых.
Если правда жил среди нас Христос,
то и он разобраться во всём не в силах.

Григорий Вихров

Григорий Иванович Вихров родился в 1961 году в Коломне. Окончил исторический факультет Иркутского государственного института. Жизнь его связала не только с Коломной, но и с Сибирью, с Тулой (с 1996 по 2010 год преподавал в Тульском государственном педагогическом университете), с Ясной Поляной и, конечно, с Москвой, в которой теперь живёт.

Поэт много выступает с лекциями и проводит творческие вечера в городах Западной и Восточной Европы. Особое место в его поездках занимают выступления в Чечне и Республике Дагестан.

«ПОКА ЗОЛОТАЯ НЕ ВЫПАЛА СЛЁЗКА»

БРАТИШКА

Пока золотая не выпала слёзка,
Пока не закрыта закатная книжка —
Поддержит бельчонок —
Братишка и тёзка:
«По имени Минька?»
«По имени Гришка».
Стремительный парень,
Рисковый, сердечный.
Почует: от боли едва не завою,
Поскачет по липе
Вдоль просеки млечной,
Промчится зимою,
Запляшет весною.
Нечаянный блик
Дорогого светила.
Храни тебя зёрнышко
Вечного чуда.
О! Только б любовь
Меня не отпустила
Высокого гула
Для милого люда!

Метельный день. Бредут старушки
 С малышкой Стешей.
 Все мы от ёлочной игрушки,
 От хвои свежей.
 За год — столетняя усталость.
 Снежки — подруги.
 И охлаждавают малость
 Ладони вьюги:
 Виски, Уголья площадные,
 Стволы, могилы,
 Грехи чужие и родные,
 Все грабли-вилы.
 По щучьему велению жабры
 Взрастил до срока.
 Дышу уверенно и жадно,
 Неодиноко...
 В метельный день тропой уцербных
 Брести до Слова.
 Все мы — от птенчиков от вербных
 И льда лесного.

ПСАЛТИРЬ

Прощай, прости.
 Не победит обида.
 Открой Псалтирь —
 Псалмы Давида.

За каждым яростным псалмом
 Бушует солнце за холмом
 И жизнь проходит не для вида.
 Прощай. Прости.
 Не победит обида.
 Открой Псалтирь —
 Псалмы Давида.

Жар продирает до костей,
 И гнев, и кротость ждут гостей.
 Пылает древняя жаровня.
 Есть у неё сестра и ровня —
 Да, чаша певчая твоя
 С осадком быта-бытия,
 А в нём-то ты замешан кровно.
 Прощай. Прости.
 Не победит обида.
 Открой Псалтырь —
 Псалмы Давида.

ИЗ ДНЕВНИКА

1.

У поганцев — погоняла;
 У героев — Имена.
 Злой селёдкой провоняла
 Закадычная страна.

Тёмно в оркестровой яме;
За кулисами — черней.
И хрипит в горячей раме
Некрасивый соловей.

Родине не нужно сцены,
Занавеса не дано.
Что ей наши перемены?
И измены заодно?

Детвора — строкою в школы,
Обречённые для них.
И гуляет флаг крамолы —
И учитель, и жених.

Площади гудят настырно,
Испражняясь гольтьбой.
Время — жадно. Время — жирно.
И орешек за губой.

2.

На районе, на стране
В храме прятаться втройне
Легче с Троицей Святою.
Прячутся бунтовщики —
Худенькие
Кошельки.
И ведут ростовщики:
«Аллилуйя»!
Гордо стоя,
В рост и вширь,
Ползут дома.
Автозак — почти тюрьма,
И дубинкой окрещённый
Мой доверчивый народ —
Милосердный сумасброд,
И в кровищу ПОСВЯЩЁННЫЙ
Рвёт тельняшки небосвод!

3.

Забудь: ни меч, ни вилы, ни коса —
И нож за голенищем не поможет...
Факир наобещает чудеса
И зайца из пустой верёвки сложит.

Пока пустой. Нет имени петле,
Нет прозвища кнуту... О! сыромятный!
Мой мир неистоцимый, благодатный —

Ты печкою Емели на земле
 Подогреваешь голос мой приятный.
 А девка плод приносит в подоле:
 Гляди: — «младенец кипельный, занятный».

В загнетке сажал... За пустые щи
 С приветливой хозяйки не взыщи:
 Она-то в них младенца искупала,
 Капустный лист прилип к его груди —
 Пророк-мальчонка лепит что попало,
 Хоть нового из глины выводи...

* * *

*Дарение
 Ирине Орловой*

Пока ты нужен здесь, тебя никто не тронет,
 Не обгорит перо, и волос не утонет.
 За серебро хватался стар и млад,
 И тонущими океан богат:
 Недаром бесподобные русалки
 С тобой играли в прятки или в салки.
 Ты всех любил и, значит, нужен здесь.
 Гуляет боль в костях, и в сердце — злая резь,
 И даже немота преследует порою,
 Как солнце, гаснущее за горою.
 Не тронет лютый зверь трёхзначное число, —
 Недаром на тебя полнеба намело.
 Мороз ещё с тобой, почти что напоследок,
 И радуется гурьбой хохочущих соседок —
 Румяных, как заря, лихих крепостников:
 Лобзает мир тебя. Ответил — был таков...
 На облако залезь — слезою не уронит.
 Пока ты нужен здесь, тебя никто не тронет!

ОТСУТСТВИЕ

Нет меня какой-то час.
 Время лечит. Время губит.
 Кто ж помолится за Вас?
 Кто ж в молитве приглубит?

У стенающей реки —
 Время ловли и охоты.

Соберутся доброхоты,
 Надерутся остряки.

В сердце выбито окно,
 Ветер радуется без меры.
 Не отсутствие страшно,
 А присутствие без веры.

БУМАГА

Георгию Пряхину

На белые, долгие стены
Прольются хвала и смола.
Бумага не терпит измены —
Какой бы она ни была.

Ложится небесная манна
На потные наши тела.

Бумага не терпит обмана,
Какой бы она ни была:

Она — и добра, и сурова,
И гостеприимна дотла.
Бумага — падений обнова
И взлёта... И нет им числа...

ИЗ ДНЕВНИКА

Людей — всё жалче. Жалко мне людей,
Пылающих в планетном лазарете.
Ну, что же, повар благостный Гордей,
Какую кашу душишь на плите?
Какую ёмкость держишь на примете?

В котле эпохи, в колоколе дней,
Кипящим варевом неубеждённый,
Я мандрагоры пил мольбы корней,
К сейсмической судьбине присуждённый.
И золото ненасытное текло,
И платина плодилась пузырями.
Короны уходили за крыло
Над вашими беспутными царями.

Как я страшусь немилости Твоей
И, ожидая милости высокой,
Ещё лечу над зимнею осокой.
И хлещет кровь из крыльев и ступней...

* * *

Памяти Назыма Хикмета

Когда судьба твоя надоеет
Друзьям, чужим и родным,
Когда младенца свинья не съест
И очи не выест дым,
Когда и жизнь твоя — не за грош,
На решку сменит орла,
Скажи: «А всё-таки день хорош,
И сердце не помнит зла!»
Когда — ни помощи, ни хвалы —

Набуханный сахар в соль.
 Лишь падший ангел из-под полы
 Предложит: «Хлебать изволь!»
 Положим, мёртвой воды в живой —
 Всё больше в кувшине лет.
 Поэт, охаянный часовой,
 Успеешь отдать ответ.
 За криком: — Слушай! —
 Заблещет штык
 В луне твоего лица.
 И море с твердью сойдутся встык,
 Соитьем вернув певца!

ПОДАЯНИЕ

Подаю́т за стоны
 Гривенник-пятак.
 Гришке — на патроны,
 Грине — на табак.

Зарыдала чара.
 Занялась душа.
 Дождалась гитара
 Божьего гроша.

Расстегай да бублик,
 Анковский пирог.

На голубчик-рублик
 Наблажить не смог.

Царская рогожа —
 Зимняя парча.
 На костыль похожа
 Певчая свеча.

Изменю? Едва ли.
 За родным трудом
 Где б ни подавали...
 Подают на Дом.

* * *

Я давно уже не белый —
 Человек заиндевелый.
 Разухабистой державы
 Принял хвойные глаза.
 Святы́й Боже! Хватит глины
 И на взгорья, и долины,
 Лишь бы ночь не подчинила,
 Не ужалила гюрза.

Гляну широко, раскосо.
 Прыгну с волжского утёса.
 Сквозь ревущее пространство
 Чайкой... Стенькой полечу.
 Соль Москвы язык сжигает.
 Чёрный ветер помогает
 И чудесному огарку —
 Августовскому лучу.

* * *

«Мороз и солнце, день...»

А.С. Пушкин

В России всё всерьёз.
И солнце, и мороз —
Взаправду, вопреки
Шлагбауму руки.
Коломенской верстой
Вселенскою простой
Измеришь чёрных дыр
Шинки или трактор.
Чу, греются чайком
Хозяйка с ямщиком.

Хозяин — под замком.
Не сладил с ямщиком.
Какой далёкий путь
На память — позабудь.
Ах, ладанка полна
Солнечного пшена.
Под силу рваным ртам
Под песнею гореть.
А каково им там:
Не жить, не умереть.

* * *

Расцвет свинцовый. Полдень ртутный.
Поэт сердешный — не у дел.
А с колокольни б
Дьяк Крякутный
В подобный день не полетел.

Народ застыл, сжимая шапки,
Потом завыл, не торопясь:
— Ломайте крылья,
Рвите тряпки —
И связь времён, и с Богом связь.
Кому — сквозь землю провалиться,
Кому — в свирепую врати,
Тебе — счастливо приземлиться,
Восьмое небо обрести...

СОЛЬ ЛЮБВИ МОЕЙ РОДНОЙ

Жене

Не спеши. Мешок пудовый
Соли старой, соли новой
Обретать при ясном дне
Чёрной ночью. В крепком сне
Не гневи души здоровой,
Не тревожь души больной.
Соль земли моей суровой —
Соль любви моей родной.
Сколько соли славной съели

Белых. Розовых пластов.
Чумаки не надоели,
Их возы всегда при деле —
Не спешат: ковыль и ели
Освещает Свет Христов.
И союз наш — неслучайный —
Освещает луч венчальный.

МАТУШКА

Во Спасение и спасения
Помогает блокадница Ксения
Петербургская, Ленинградская.
Сила сестринская и братская,
В светлой матушке накопленная.
И душа моя, странница пленная,
С нею слёзною просьбою делится,
Не покинутая, надеется:
На свидание в мире тающем
слова здешнего в Слове тамошнем.

* * *

В доме молятся. Гаснет Содом.
И Гоморра уютно темна.
В тихой памяти молится дом.
И завалена снегом луна.

За оградой — терновый венок
Закачался, морозно звеня.
Ёлка-ёлочка — хвойный щенок —
На опушке последнего дня.

Поздний путник шагает с трудом:
От войны до войны, на войну.
В доме молятся. Молится дом.
Я свечою в глаза загляну.

Лариса Морозова

Детство и школьные годы Ларисы Морозовой (Цырлиной) прошли в Коломне. Там же она окончила музыкальное училище. Работала в музыкальной школе, окончила институт им. Гнесиних по специальности «музыковедение».

В 2002 году вышел её первый поэтический сборник «Клавиши», в 2004 году увидела свет детская книга стихов об Иосифо-Волоцком монастыре. В 2008-м издана книга «Ветер времени», в 2012 — миниатюрный сборник лимериков, а в 2014-м — второе, расширенное издание «Ветра времени».

С 2004 года её произведения регулярно появляются на страницах «Коломенского альманаха».

Член Союза российских писателей.

МОНОЛОГ

* * *

Неслышно исчезает в мире нежность —
Источник, прежде полный до краёв,
И кажется предательством поспешность,
С которой отрекались от неё.

Тесня сентиментальность на планете,
Отцы провозгласили вечный бой;
Мы — сдержанны. Жестоки наши дети.
Скажи, Земля, что сделают с тобой,

С живой — ещё не жившие на свете?
Вдруг, сердце уязвимое своё
Сменяв на силу и познав её,
Да позабудут в том тысячелетье,

Что, нежность утерав, рискуют стать
Людьми, которым нечего терять...

ЛЕСТНИЦА

Там чудеса...

А.С. Пушкин

На чёрной лестнице светло.
Там по стене сползает солнце,
Там Эшер бродит, тяжело
Спускаясь вверх в её колодце.
Там по спирали до сих пор
Летит сквозняк и, так же вечен,
Соседский кот идёт во двор,
Встречаясь с вами каждый вечер.

Где чёрной лестницей в подвал
Ведут зияющие тени,
Безумный Яков ночевал
На нижней дюжине ступеней,
Стелил дрянное пальтецо
И, бормоча под нос несвязно,
Считал на лестнице жильцов —
Кто налегке, кто с ношей грязной.

Ветшает дом — ковчег утрат,
А юнг всё так же манят дали.
Кто помнит тех, что этот трап
Ногами лёгкими литали?
Кто жил не начерно и смерть
Не встретил в клетке безотрадной?
Кто победителем взлететь
Сумел по лестнице парадной...

ВАРИАНТ МОНОЛОГА

Не тревожьтесь, Ваше Высочество,
Даже если холодно вам:
Лечат холодом одиночество —
С равнодушием пополам.
Средство горькое, но надёжное —
Это вам подтвердит любой,
Кто оставил надежды ложные:
Только холод врачует боль.

Вижу, сын мой, что вам не нравится
Одинокая моя роль...
А вот публика восхищается:
Хоть и призрак, а всё ж король,

И за гробом — «Ваше Величество»...
Там, откуда являюсь я,
Очень мало значит количество
Как друзей, так и их вранья.

Не тревожьтесь и об Офелии —
Милосердно речное дно.
Рядом с нею, как ни хотели б вы,
Вам согреться не суждено.
Право, принц, привыкайте к холоду.
Не очаг, а жерло' — семья!
Счастлив тот, кто обжётся смолоду,
А не перед смертью, как я.

БЫТЬ со лгущими вам бессмысленно.
Разорвите гнилую нить!
Ведь теперь вам открыта истина.
Знать — достоинство сохранить.
Отойдите. А рано ль, поздно ли
Всем Господь по делам воздаст.
Тщетна месть, как и всё под звёздами —
Прав был старый Екклезиаст.

Что?
НЕ БЫТЬ?!
Это выбор правого...
Только не от руки лжеца!!
Ухожу.
Если скажут «Браво!» вам —
Значит, поняли вы отца.

* * *

Чего не будет никогда?
Венеции с луною медной,
Где полусонная вода
Качает звёзды незаметно;

Шагов и эха в тишине
У ниши, прячущей распятыё,
И чых-то теней на стене,
Навеки слившихся в объятье.

Не будет синего огня
И снега гималайских склонов,

Не будет медленного дня
У океанских волн зелёных;

Не будет ветра на шоссе,
Где краски скрадывает вечер,
И, как на взлётной полосе,
Огней, несущихся навстречу —

А будет только череда
Неразлично-серых буден.
Но сил представить «никогда»
Не будет. Никогда не будет...

ДРЕВНЯЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Памяти друга

Усни, усни! Тебя я отпускаю
Из тёплых рук моих в края такие,
Которых безмятежнее не знаю.
Там звери не придут к тебе плохие,
Там станешь сильным, с духами играя —
А если кто оттуда не вернётся,
То на руках у бога он очнётся.

Спи, ночь идёт. Узнаешь скоро ты,
Что нет другого времени опасней:
Съедает мрак деревья и кусты,
Худые мысли прибегают стаей,
Крадутся страхи, в чудищ вырастая,
И молча смотрит смерть из темноты.
Спи. Не уснуть — есть худшая из казней.

Мой милый, спи! И никогда — ты слышишь? —
Не выходи глядеть в ночные бездны,
Где на тебя посмотрит свет погибший
Из тусклых глаз уснувших рыб небесных.
Там бродят предки по туманной стёжке
И стережёт свои большие ложки
Огромный глаз Живущего Всех Выше.
Усни! Не плачь, мой милый. Тише, тише...

* * *

Какой весёлый, Боже мой,
был маскарад! Плясали тени,
кружили в танце Пан хромой
и нимфа в стае привидений,
крутились черти и монах
в обнимку с рыжей Коломбиной,
баварец в кожаных штанах
с аристократкой голоспинной,
мелькали в пляшущей толпе
Пьеро, цыганки и цыгане,
скакали кружки на столе,
марионетки в балагане...

И, затесавшись в круговерть
шалюного вихря тарантеллы,
поверх голов смотрела Смерть,
как мошки к факелам летели

и как, в дурацком колпаке,
не переставшего смеяться,
с цветком, зажатым в кулаке,
уносят мёртвого паяца.

* * *

Ужасен день. Дрожа от зноя,
Распластан Иерусалим
Под белой древнею стеною.
Его палач неумолим:

Едва вращает неба ворот,
Часы растягивая в дне,
И солнце яростное город
Сжигает в медленном огне.

А ночь из сказочного сада
Бежит к нему по облакам,
Ладони, полные прохлады,
Подносит к высохшим губам —

И в этот час, когда незримо
В объятии неразделимом
Спят на земле добро и зло,
Звезда над Иерусалимом
Глядит безгрешно и светло.

СОННЫЙ СОНЕТ

Витает сон, и тает «я»,
Как будто льдинка под руками —
Полёт у грани бытия
Под медленными облаками.

Но в тайный мир, где ты и я —
Без рифмы, белыми стихами,
Ко мне бессонница твоя
Приходит тихими шагами.

И двух бессонниц ворожба
Над тем, что спутала судьба,
До света утреннего длится,

Чтоб нас с тобой зарифмовать
И крепче прежнего связать —
И повториться, повториться...

* * *

Акварель за окном промокла:
Листопад в голубом дыму.
Дождь царапает лапкой стекла —
Скучно, бедному, одному.

И, не чувствуя совершенства,
С ним мурлыкают в унисон
Позабытый мотив блаженства
То ли осень, а то ли сон.

Клонят головы — спите, спите... —
Волны нежности и тепла,
И легко золотые нити
Обволакивают тела.

Поворот временного круга
Замедляется в небесах,
Безмятежно обняв друг друга,
Стрелки замерли на часах.

Что им солнце, луна и звёзды,
Что века им, года и дни...
Лишь одно — что ещё не поздно —
И показывают они.

* * *

Вы по истершимся ступеням
Входили в тихий старый храм,
Клялись все беды до последней
Делить отныне пополам.

Дрожа, под своды поднимался
Редкоголосый стройный гимн,
И грустно сверху улыбался,
Не веря вам, как всем другим,

Чредой минувших поколений
Обманутый в десятках клятв,
И в париях, и в королях
Измены видевший знаменья —

ОН знал, что в жизни всё конечно.
Лишь переменчивость извечна.

* * *

Ты к великим расходам себя не готовь:
Чем кормить... да хоромы — не новые...
Чем живет, чем питается наша любовь,
Беззаботная и бестолковая?

Ей — стихов, чтоб летать, и немного тепла,
Да не ставьте часы в изголовье...
Вот колибри, смотри, над цветком, вот пчела —
Им не надо ни мяса, ни крови.

* * *

Взамен потерянного рая,
Едва касаемся земли,
Сложить пытаемся, играя,
Мгновенья счастья и любви.

Свой ад ломаем на куски.
Нам не сложить мозаик наших...
Но эту истину познавших
Бог всё же медлит научить:

Мы балансируем у края
Обрыва смерти и тоски,
И, чтоб собрать частицы рая,

Чтоб целым сделались обломки,
Им надо из головоломки
Всего лишь время исключить.

* * *

А может быть, Вселенной больше нет?
Уж лучше бы и не было известно,
Что звёзды — это просто древний свет,
Через века добравшийся из бездны.

Идут часы земные — только вот
Вдруг в мирозданье кончился завод?

Мы словно экипаж на корабле,
Не знающий, что нет за морем суши,
И некому на канувшей земле
Услышать вопль «Спасите наши души!»

Несёт он вахту радостей и бед,
Надеясь не дожить до той минуты,
Когда и на Земле погаснет свет,
Давно иссякший в мире почему-то.

* * *

Что знаем мы о временах?
Проклятое вино
В сосудах хрупких — головах —
Навек заключено.

В них бродят «было», «будет», «есть» —
Диковинная блажь —
Неизлечима, как болезнь,
Реальна, как мираж.

А мир времён не признаёт,
И всё живое в нём
Живёт сейчас, всегда живёт
Одним прекрасным днём.

Как жаль, что вечности секрет
Людьми давно забыт,
И ветер времени и бед
Над миром их летит.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ВРЕМЯ ЗРЕЛОСТИ

Михаил Викторович Мещеряков в нынешнем году празднует 60-летие.

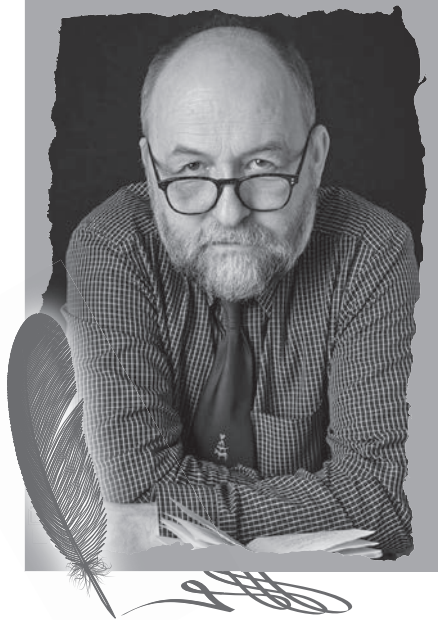
Его любят в Коломне и как отзывчивого человека, и как строгого врача, и как талантливого поэта, и как ценителя и исполнителя бардовской песни. Богатый жизненный опыт и особое мироощущение, присущее поэтам, делает необыкновенно плодотворным любое общение с ним. Благодарный читатель всегда с нетерпением ждёт выхода его новых стихов, радуется его новым поэтическим книгам, потому что творчество Михаила Мещерякова — особенное, умное, живое, настоящее. Оно позволяет нам прикоснуться к миру поэта, погружает нас в воспоминания, ведёт неизведанными тропами, заставляет философски взглянуть на мир, осмыслить пройденный путь, следом за автором задуматься о Боге, любви, лучше познать себя...

Уважаемый Михаил Викторович! Поздравляем с юбилеем! У каждого поэта свой источник вдохновения, свои эмоции, пристрастия, впечатления. Пусть Вашим поэтическим родником станут только светлые чувства, которые выльются строчками новых стихов, страницами новых книг. Пусть над этим стремительным, бурливым потоком не гаснет радуга слов, а чистота и вкус этого источника продолжают дарить наслаждение читателям «Коломенского альманаха».

Желаем здоровья и счастья в личной жизни! Пусть мечты сбываются, а на их место приходят новые планы, обновляя жизненный путь и волную душу ещё не написанными стихами.

Коллектив редакции

Михаил Мещеряков

Михаил Викторович Мещеряков родился в 1963 году в Коломне, в семье врачей. Учился в Рязанском медицинском институте. По профессии — врач-кардиолог, трудится на этой ниве более 30 лет.

Стихи начал писать с молодых лет. Посещал литературные студии и был членом неформальных творческих объединений.

Печатался в газетах, журналах и альманахах, коллективных сборниках. Автор 4-х книг: «Пустынное бесиумье» (1999), «Тысячелистник» (2001), «Возможности творчества» (2009 — в серии «Коломенский книгочей»), «Рукописи корней» (2022).

РУКОПИСИ КОРНЕЙ

(Стихотворения разных лет)

МОРСКОЕ

Я ночами правил на твой маяк,
о, Поэзия, нимфа, миф,
но напарывался, как плохой моряк,
на подводные рифы рифм.

Я к своим матросам был в меру строг,
прививал им суровый стиль,
но меня сносило в красивый слог,
словно в штиль корабли. Прости.

И тогда — чистюля, эстет, гурман,
золотистых морей корсар —
я направил на ледяной Грумант
свои шёлковые паруса.

Ждал погоды, ветра просил, дрейфовал,
но рассчитывал на улов.
И качало море — за валом вал —
леденящие глыбы слов.

Паруса, солёные, как треска,
не похожи уже на шёлк,
и тот остров, что я так давно искал,
я, наверно, уже нашёл.

РУКОПИСИ КОРНЕЙ

Они ещё как горят!
Об этом не знал и Воланд.
А мы проходили школу
по рукописям коряг.

По рукописям корней
идя ежедневной тропкой,
не вскользь, не летя — подробно,
подробно идя по ней.

Она нас вела туда,
где нет, не лежит Марина,
но бьётся родник старинный,
серебряная вода.

И верную ли тропу
мы выбрали в день осенний
пойму, преклонив колени,
её ощущая пульс.

А люди — у них дела,
они всё идут по свету.
От Лунина через Сетунь
другая тропа вела.

И тех же по ней корней —
под каждым фамильным знаком,
где рядышком с Пастернаком
Чуковский лежит Корней.

Тут корни обнажены.
Тут каждый входящий либо
поэт... Если сделал выбор —
мосты твои сожжены.

О вечности не молю,
прошу — отодвинь лишь камень.
Я каждую вязь твою
читал, как слепой, руками.

Я к этим корням приник.
Так жаждущему — колодец.
И может быть, свой родник
открою, как лозоходец.

А те родники стучат
яснее всё мне и ближе:
Елабуга и Сучан с
Венецией и Парижем.

По рукописям корней
мне в этой великой школе
учиться теперь доколе?
До самых последних дней.

И, школу пройдя твою,
понять и пройти сумею
и липовую аллею,
и каменную стезю.

АПОКАЛИПСИС ОСЕННИЙ

Когда последним листопадом
укроет наш осенний сад,
каким густым и сладким ядом
блеснёт за окнами закат?

Так умолкают быстро залы,
когда закончится сезон.
Погрузят осень в самосвалы
и увезут за горизонт.

За горизонтом раскалённым
не те ль последние листы
каштанов, лиственниц и клёнов
бросают в пламень красоты.

Уже костюм её залатан
и в серых метинах наряд,
но осень гаснущим закатом
горит три вечера подряд.

Так осень — года? века? жизни? —
входила в мокрые дворы,
и пахли табаком вирджинским
её вечерние костры.

Траву причёсывают грабли,
и посылает с высоты
нам серый дождичек по капле
холодных красок на холсты.

А ветер северо-восточный,
не согреваемый костром,
в трубе гуляет водосточной
полночный, как Луи Армстронг.

Но выдыхаемая фраза
из дома каменной груди

холодной жестью вместо джаза
гудит.

И вдруг — неярко и нерезко —
мотив всей осени возник,
как сохранившаяся фреска
среди новоявленной мазни.

И всё: дома, дворы и тени
дерев, встающие из тьмы,
весь апокалипсис осенний —
лишь предвещает свет зимы.

А смысл осеннего пейзажа —
не тлен, не сырость и гнильё.
От серых сумерек до джаза
Всё — откровение её.

ТАРУСА

Запоздалых покоев царство,
заповедных просторов гладь.
Мы приехали. Вот и здравствуй.
Я вернулся в тебя опять.

В неутраченный мир старинный,
где горит, не даёт забыть
нить, пропитанная стеарином —
Ариадны святая нить.

Понимаема постепенно
жизнь, бурлившая здесь давно.
Поднимаемся по ступеням,
опускаемся ли на дно

генной памяти. И не скрою,
там, на дне золотого дня,
кто-то страшно молчит со мною,
кто-то режет лучом меня...

Это время... Не помним точно...
Дня... Когда?.. Золотого... Дно...
Тени гипсовые в Песочной —
Боги? Демоны? — Всё равно...

Может статься, и было надо вам
здесь не гипсовыми стоять —
до Елабуги в круге адовом
каждой косточкой простонать.

Ни венка теперь к изголовью...
Только боль через много дней
проступает рябиной кровью
на изломах твоих ветвей.

И, бредя по старинным, пыльным
этим улицам — как в бреду —
замечаю: рябина вспыхнет
то в одном, то в другом саду.

Не поётся. Но в душу рвётся
этот красно-багровый цвет.
Всё когда-нибудь отзовется
через множество долгих лет.

Будет так же к нам в душу литься
неподкупного неба власть.
Всё когда-нибудь повторится —
былью, болью, судьбою — в нас.

ДЕНЬ

В этом маленьком городе
бродит шальная весна.
Мой кабинет на втором этаже
окружают стрижи и сирени.
И пробудившееся ото сна
детское счастье
со звоном врывается в сени.

В светлой прохладе течение времени есть,
медленное. Как туман над рекой — неподвижен.
Если смотреть из окна, то на ветках не счесть
розовых, белых снежинок у яблонь и вишен.

День
был наполнен спокойным и нужным трудом.
Вот незаметно и вечер пробрался под крыши.
Все его звуки и запахи двинулись в дом,
тёплые ветры полыни,
летучие мыши.

Я поднимаюсь к себе,
зажигаю торшер.
Жёлтый квадратик окна,
и маячит фигура.
Всё мишура,
но сродни почему-то душе.
Маленькая вселенная абажура,

тени вокруг,
и таинственный стрекот цикад,
и наяву проплывают уже, как на сцене,
раннего утра бездонность, полуденный сад,
тёплые запахи вечера,
длинные тени.

РУССКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Монолог врача

Голод. Разруха. Война. Коммунизм. Интервенция.
Но и в суровые дни, невзирая на всё,
русская медицинская интеллигенция
труд повседневный и подвиг свой тяжкий несёт.

Он старомоден, как мир, но бывают и новшества.
Им бы вершить своё дело, хулы не боясь,
только на многие годы у нашего общества
хватит для доктора грязи, болезней и язв.

Что это? Кара? Возмездие? Наказание?
И не спасёт нас Небесная Дева сама,
раз бытиё у нас определяет сознание.
Мир заболел, или, кажется, сходит с ума.

Мир хочет новых серьёзных лекарств, по иронии:
денег, богатства и славы — священных коров.
Может, его удалось бы спасти от агонии,
если хотел бы лечиться он у докторов.

Дух милосердный сошёл в мою душу из Вечности,
определяя сознание и бытиё.

Жизнь человека
и боль человечества,
свет человечности
резаной раной прошли через сердце моё.

БРЕМЕНСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Давай отправимся вдвоём
в страну, где замирает время,
где мы без времени живём...
Давай с тобой уедем в Бремен,

где стрелы башен-часовых
и чёрной ратуши громада,
и средь булыжных мостовых
фигура грозного Роланда...

Давай уедем далеко,
когда б не отказали в визе...
Там, где в границах берегов,
как время, замирает Визер,

где даже берега длина
на глаз покажется туманной,
где пиво сварено для нас
и в кружке пенится стеклянной,

нет времени... оно не в счёт,
оно, как пена, застывает,
и стрелка медленно течёт
минутная, как часовая,

пока не кончится совсем,
минута каплею стекает,

и, преодолевая семь,
уже восьми не достигает.

Когда забрежжат над страной
лучи холодного заката,
попробуем под выходной
успеть на Гальскую регату.

Успеть и побродить часок
той линией береговою,
где море трётся о песок
шершавою волной приборя...

Успеть, хотя бы на часок...
Так значит, не уйти отсюда...
Секунды тычутся в висок,
и камнем падает минута.

Давай отправимся с тобой,
с такой довременною, прежней,
туда, где маятник-прибой,
шуршащий галькою прибрежной,

так мерно рушит тишину,
желаньям нашим потакая...
Давай отправимся в страну...
Когда б ещё была такая...

МИР В ДЕРЕВЯННЫХ ОЧКАХ

А. Салтанову

У каждого своя аскеза.
(расклад планет или планид?)
Кому — прическа ирокеза
и рваный джинсовый прикид.

А кто-то любит песню Сольвейг...
Ему — другой был жребий дан:
Антоша спит на антресолях,
как ящик или чемодан.

Из яблони и палисандра
своё вытачивал жильё,
пропитывал вином «Массандра»
он тело тощее своё,

как чудодейственным нектаром.
Сосновый, видимо, багет
вот так пропитан скипидаром.
Или поэзией поэт.

(Пускай во многом и напрасны
их сочиненья и дела,
но взрыво- и огнеопасны
их начинённые тела.

Стих — спичка, жизнь — макулатура,
Жива горением одним.
Всё прочее — литература...)

Но что-то мы простились с ним.

В мечтах, незримых и заветных,
и в ритмах блюзовых гитар
он выпестовал незаметно
какой-то свой особый дар.

Вот я бы если жил, вот я бы
(себя я сравниваю с ним)
засушенные ветви яблонь,
кряхтя, подбрасывал в камин.

А он любитесь! Фактура!
И подставляет под фрезу.
Всё прочее — литература!
Военная прокуратура
бумаги пачкает внизу.

Сосед стучит по батарее,
в сортирах булькают бачки.
Но как-то выглядит добрее
мир в деревянные очки.

В нём меньше дутости и спеси,
и важных планов впереди.
Дерзай, поэт! Смотри, не спейся
и в жёлтый дом не угоди.

Не разгляди себе кумира.
Уберегись, кроме всего,
от простоты земного мира,
от всей древесности его.

КОЛОМЕНСКИЙ ТЕКСТ

Р. Славацкому

А из какого теста —
или такая грязь? —
коломенского текста
изысканная вязь?
Что за вопрос дурацкий?
Спросил — и был таков?
Слагал его Славацкий,
месил Мещераков.

Боролся он с мещанством,
всю страсть в себя вмещал
и весь к стихам смещался,
чем девушек смущал.
Ему не нужно срочно
крушить гранит основ,
а так — низать на строчки
каменья букв и слов —

и получилась книжка —
пусть не в стихах роман —
по зёрнышку, как мышка,
заполнить закрома.
Без творческого акта,
а как одно из дел
переберёт редактор,
очистив от плевел

все буковки, словечки,
все чёрточки в словах,
определив их в вечность,
ну, то бишь, в альманах.
Им там не будет тесно,
они войдут как связь
в коломенского текста
изысканную вязь.

ПЕСЕНКА ДЛЯ МЕНЯ

*«...дождаться вопроса «а чья это песня?»
и скромно ответить: моя».*

Самоцитата

Секрет (впрочем, случай известен)
себе лишь открою, вам — нет:
не я сочинил эту песню —
она зазвучала во мне.
Я только прислушался, замер,
привычный уклад оборвал,
и так получилось, что сами
в порядок сложились слова.
Не те ли ушедшего тени,
метели из прожитых дней
в тетрадь мою вихрем влетели
и замерли строчками в ней?
Весь прошлый и нынешний опыт,
Судьбой отпечатанный след
в слова превращаются, чтобы
сложиться той песне в сюжет.
Но прошлого нити, как в призме,
Поэзией преломлены,
и опыты прожитой жизни
куда теперь обращены?
Уход от реальности? Бегство?
Но ангелы в небе трубят,
что ты не творец того текста,
а текст сочиняет тебя.
И нет теперь мысли чудесней,
не надо её отменять:
не я сочинил эту песню —
она сочинила меня.

НАВИГАЦИЯ

Сидя на поребрике,
вижу: вдалеке
плавают кораблики
по реке.
И сквозь утра влажные
слышатся с реки
длинные, протяжные
их гудки.
Что бы там бы ни было,
в сумерках суда —
плавают они туда —
сюда.
Как с вулкана лавою,
как рекою лёд,

годы жизни плавают
лишь вперёд.
Трубы закопчённые,
цепи по бортам —
им понтоны чёрные
к берегам
будут раздвигаться и
пропускать суда.
Эта навигация
лишь *туда*.
И узнать, когда ещё
нам придёт пора,
где тот замыкающий
кора...

НОЧНАЯ МУЗЫКА

Зима будет большая. Городок
совсем продрог. И птицам скоро голод.
Лишь музыка железная дорог
пронизывает мой уставший город.

А город обезлюдел, опустел.
И телефоны даже не звонят им.
И жизнь их опустилась в область тел
и тем для интересного занятия.

И дворники ушли, и мужики
попрытались в дома для возлияний.
Зима такая, что товарняки
ещё сильнее слышны на расстоянии.

Когда вагон вагону говорит,
то пульсом многотонного состава
передаются музыка и ритм
по их железным сцепкам, как суставам.

Вагон вагона спросит: как дела?
А может, с нетерпеньем: ну, когда же
в порту зашевелиятся катера,
в воде толкая драги или баржи?

Мой город у дороги и реки.
Когда же к поездам, что в такт стучали,
добавят пароходные гудки,
то, слава Богу, перезимовали.

ПОД РЖЕВОМ

С. Новичкову

На каком этаже вы
продолжаете быт?
Я уже подо Ржевом.
Я уже не убит.

Сборы были недолги.
Поторапливай! Будь!
И на верхнюю Волгу
мы наметили путь.

Новые капитаны
собирались сюда
строить катамараны
и другие суда.

И, хоть было не жарко,
мы гребли кое-как
на проворных байдарках
или на каяках,

чтобы лагерь поставить,
песни петь у костров,
за собою оставить
две поленицы дров,

чтоб, пройдя свои вёрсты,
весь промокший, как лист,
костерок бы развёл здесь
следующий турист.

Ну а мы продолжаем
свой весенний поход —
на один день волжане,
москвичи — целый год.

К шуткам и прибауткам
приучаем ребят.
Но по зайцам и уткам
браконьеры палят...

Огорчаться не надо
из-за этих забав,
ведь не те канонады,
не песок на зубах,

не снаряды, а сучья
затрещат на огне,
не врагов этих сучья
свора. Эти — по мне.

Но когда поголовно
все собрали суда,
лишь один подполковник
знал — зачем и куда.

Чтобы стало так близко,
чтобы стало сильнее —
высота с обелиском
и окопы под ней.

Чтоб спустя эти годы
нам по Волге проплыть,
чтобы эти походы
мы могли завершить

в день простой иль Победы,
к высоте, в блиндажи,
и за что наши деды
положили здесь жизнь.

СЕННИЦЫ

Текла вода, крутилась мельница,
турбины выдавали свет...
Предполагать, что всё изменится,
мог лишь провидец, да поэт.

Предположить: а что останется
и что исчезнет — как посметь?
У Келлеров — электростанция,
у киллеров — разруха, смерть.

Потом, когда запахнет жареным,
когда с полей исчезнет хлеб,
крестьяне позабудут барина
и силосом заполнят склеп.

Затем и это всё изменится,
но нам напомнит со страниц
и путь от Клинского по Сеннице,
и тот, от Сенниц до синиц.

Век пролетает, как мгновение,
как ненасытный, в свой удел
над разорённым муравейником
зелёный дятел пролетел.

ГОРОД БЕЗ ЦЕРКВЕЙ

Представить русский город без церквей,
одни берёзки, тополя да ивы...
Неважно, кто ты и каких кровей,
а всё равно становится тоскливо.
Не часты нимбы около голов,
не вечно счастье, не у всех есть дети...
Но колокольня без колоколов
или восточный город без мечети...
Решаем сами что кому родней,
приобретая жизненный свой опыт:
огней мерцанье, ржание коней
или сапог солдатских грозный топот.
Кого пускать на свой родной порог?
Кому служить? Каким аршином мерить?
Но только знать, что над тобой есть Бог.
Он так велик, что можно и не верить.

Татьяна Кондратова

Татьяна Ивановна Кондратова — филолог, член Союза писателей России, является давним автором «Коломенского альманаха»: его постоянные читатели знакомы с её краеведческими, литературоведческими статьями, художественной прозой, однако поэтическую подборку публикует здесь впервые, несмотря на то, что её стихи печатались в различных российских изданиях, составили два поэтических сборника «Три рода жизни» (2011 г.) и «Море Лаптевых» (2018 г.)

ОДУВАНЧИКИ

* * *

Ну, это ж привычно для дачников:
Весною косить одуванчики.
Да, радость, да, солнышки жёлтые,
Но в сущности ведь сорняки!
Приедешь на дачу: да сколько их!
Стоят — веселы и крепки.
Фашистом себя вдруг почувствуешь:
Такое веселье губить!
Косу берёшь — лёгкую, шустрюю.
Хоть грустно, да надо косить,
Пока не покрылись сединами,
Не сбросили в мир семена.
Пушинками нежными, дымными
Легли на карниз у окна.
Стремительно их превращение:
От детства до старости — вздох.
Уносит их ветра течение
И сеет средь моря цветов.
И косу рука опускает —
Травую мой сад зарастает.

НОВОГОДНЕЕ

Благословенная зима!
Пушистый снег, морозов мало.
И сводит красота с ума —
Давно такого не бывало!
Бреду в гостиницу, домой.
Мы все в гостях на этом свете.
И хвоей свежую, лесной
В лицо декабрьский дышит ветер.
Стоит Измайлово в снегу —
Москва похожа на деревню.
Вот замирает на бегу
И вновь петляет меж деревьев
Мой бедный заяц. Он один
Мне милый друг в пустынной жизни.

Среди классических картин
Зима типична для отчизны.
Из магазина я несу
Морковку за зелёный хвостик.
Опасна жизнь твоя в лесу,
Кого сегодня ждёшь ты в гости?
Прискачешь утром под окно,
Под фонарем трясёшь ушами.
Такие чудеса давно
В столице происходят с нами.
Здесь не звонят колокола.
Здесь на Россию ты похожа.
Моя тоска, моя Москва —
Шелками шитая рогожа.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Он молчал, выпивая глазами закат.
Мрак спускался на дикую степь.
От спины убежала дорога назад,
Но о ней — не шептать и не петь.

И зачем покорял, для чего овладел,
Ведь не смог привести к своей вере?
Славы жаждал, а ей не положен предел —
Он, как все: не последний, не первый.

Ненавидящий раб, обожающий раб —
Всё равно господин над рабами.
Эта степь впереди — рад он ей иль не рад?
Ковыли, перелески со рвами...

Выпил горький закат, натянул стремена.
Степь вздыхала в предчувствии ран
И манила на запад, как бездна черна.
Но назад повернул Чингисхан.

* * *

Платок старый бабушкин в клетку
В прорехах, не греет давно.
На горке я в нём шестилеткой,
И бабушка смотрит в окно.

Хоть горюшка в прошлом немало,
Но всё-таки вспомнить хочу:
Вот бабушка словом спасала,
А я лишь ожоги лечу...

Смотрела с тоской на дорогу,
Я в то же окошко гляжу...
Но бабушка верила в Бога,
А я лишь молитвы твержу.

Под снегом всё прошлое скрылось,
Наш сад стоит белый совсем.
Вот бабушка... та постилась,
А я просто мясо не ем...

ПОЧТИ ПО ШЕКСПИРУ

*И башмаков не износив,
В которых шёл за крышкой гроба,
Женился...*

Полюшка на облачке сидит,
Про себя всё с Колюшкой говорит:
— Думаешь ли, Колюшка, обо мне?
Прихожу ли, Колюшка, я во сне?
Справил ли обувку себе к зиме?
А Колюшка на лодочке плывёт,
Всё свою он Полюшку зовёт:
— Безобидной, Полюшка, ты была.
Что ж так рано, Полюшка, ты ушла?
А Полюшка кручинится: — Похудел,
До дождей всё выкопать не успел!
А Колюшка от ветра прикрыл глаза,
А на глазу росинкой блестит слеза.
— Кто ж тебе сготовит, заварит чай?
На кого ж с устатку тебе серчать?
А Колюшка на воду — в воде круги...
Господи, помилуй и помоги!
— Что же в храм ты, Колюшка, не зайдёшь?
Может, утешение там найдёшь?
— Плохо нынче что-то клюёт карась,
Да и перебрали с дружкой вчерась.
— А от дружка ты, Колюшка, стерегись:
Не одну сгубил своей пьянкой жизнь!
— Нету нынче клёва, домой пора!
Как-то не заладилось всё с утра!
— Лучше бы ты, Колюшка, загулял,

Бабу себе справную подыскал.
Вон Любашка мается третий год,
И Валюшка тоже одна живёт.
И бредёт по полюшку он домой.
Не косою мужик вроде, не хромою.
Впереди дом пустой, четвертинка с отравой.
Любин дом слева, Валин — справа.

БЕЗ ВЕСТИ

— Да врёшь ты всё: твой дед не герой —
Звезду-то на дом не прибили!
Картинка из детства всплывает порой,
И холодом прошлое стынет.
А он под Курском был, воевал...
Может, погиб — может, в плен попал...
— Да что ты всё ходишь в военкомат?
Ходи хоть сто лет, хоть двести...
Он просто пропал без вести.

На нашей улице двадцать пять звёзд.
Домов всего двадцать восемь.
Подсчёт примитивен, и вывод прост:
Под корень костлявая косит.
Но эти-то семьи фронтовиков —
Живых или мертвых — героев.
Так где ж, на земле иль средь облаков,
Пропали другие трое?!
— Опять вы, бабы, взялись кричать?
Да войте хоть сто лет, хоть двести...
Ваши — пропали без вести.

Наш дом сгорел тридцать лет назад.
Потом снесли и деревню.
Но солнце, как прежде, бросает взгляд
На опустевшую землю.
И я точно знаю: на небе всегда —
Пройдёт хоть сто лет, хоть двести —
Каждую ночь загорится звезда
Для тех, кто пропал без вести.

* * *

Ирине Ермолаевой

Успеть бы сад убрать к зиме.
Малину вырезать, сжечь кучи
Сухого хвороста. И лучше
Закончить это в октябре.
Чтоб подготовиться к зиме.
И наслаждаться пустотой,
Смотреть на голые деревья
И, прикрывая плотно двери,
Гнать их листву с крыльца метлой.
Чтоб наслаждаться пустотой.

И в предвкушенье тишины,
Которая придёт со снегом,
Следить шурушащие заботы
Пустых пакетов у стены.
Жить в предвкушенье тишины.
Вот только бы успеть к зиме...
Отбросить глупые сомнения
И написать стихотворенья
О всей предзимней кутерьме.
О том, как сад убрать к зиме.

* * *

Инне Востротинной

Как будто зная мудрость высшую,
Смирив познания злого беса,
Доценты вуза, уже бывшие,
Идут с корзинками по лесу.

Расщедрилась природа осенью,
И дни стоят такие ясные.
А по бокам заросшей просеки
Шпионят белые и красные.

Всегда готовые к сражению,
Здесь каждый ждёт свою корзину,
И не бывает поражения
У тех, кто гнуть умеет спину.

Грибы, они же ближе к вечности
Литературы с философией.

Познав законы бесконечности,
Живут теперь в лесной утопии.

И прут корзины тяжёлые
Из леса мудрые атланты.
И только он во всей вселенной
Теперь оценит их таланты.

Луна в ущерб — грибы кончаются.
Пора копаться в огороде.
Вот так спокойно совершаются
Все изменения в природе.

Она не объявляет конкурсов,
Она не знает сокращений.
Она излечивает полностью
От всех обид и потрясений.

* * *

Наверное, в пробке на МКАДе...
Звонил же всегда, даже ночью!
А может, права отобрали —
Расстраивать сразу не хочет.
Опять барахлит коробка,
К друзьям заскочил на минутку...
Нет, всё же на МКАДе, в пробке —
Прогноз погоды был жуткий.

И на звонки нет ответа,
И мысли роятся опасно.
Над хрупким эфиром победу
Слепая стихия празднует.
Зима в ледяном наряде,
Чего ж тут о лете думать?
Он в пробке стоит на МКАДе —
Как волк голодный, угрюмый.
А мне занавески доглядить
И жизнь принять глупой шуткой:
Он всё ещё в пробке на МКАДе —
Четвертые, кажется, сутки.

* * *

Габриэлю

Ах, для слёз у меня есть причина:
Улетел мой любимый мужчина!
И теперь он вдали, на краю той земли,
Где бушуют одни волны синие.
И о нём по ночам теперь сны мои,
Ну а днём всё о нём думы думаю:
Как живет он вдали, на краю той земли,
Где гуляют одни волны синие?
Вот печалька моя: в том уверена я,
Что в краю, где живут ветры синие,
Через два иль три дня он забудет меня
На краю той земли, что красивее.
Может, хуже ещё: отобьётся от рук...
Мой любимый мужчина. Мой внук.

Надежда Лисогорская

Надежда Константиновна Лисогорская родилась и живёт в Москве. Окончила МИНХ и ГП им. И.М. Губкина. Работала геофизиком в Экспедиции № 1 Центрального геофизического треста, а затем перешла на работу в Современную гуманитарную академию.

Стихи пишет с детства. Печаталась в журналах «Молодая гвардия», «Арина», «Белая скала», «Приокские зори», в газете «Московский литератор», «Благовестник», «День литературы». Член редколлегии «Коломенского альманаха». Автор трёх сборников стихотворений «Переживай, волнуйся и твори...», «Земное богатство», «Эта жизнь на земле лишь одна».

Награждена литературными медалями имени И.И. Лажечникова, И.А. Бунина, А.А. Блока. Член Союза писателей России.

ПРИЛЕЧУ К ТЕБЕ, ПРИЕДУ!

* * *

Так уж издавна здесь на земле повелось:
Наливается рожь, поспевают овёс,
И подсолнухов скоро поднимется рать —
Будет нас на высокое солнце равнять.

Дышит светлым простором родная земля
И рождает исток ключевого ручья, —
Разольётся он речкой со студёной водой,
Станет озером синим в сторонке лесной.

Пусть же ветер подхватит сегодня меня,
Унесёт в жаркий полдень июльского дня
К той прохладной воде, и сама на крыле,
Я берёзовый рай обрету на земле.

Васильковым небесным нектаром напьюсь,
В земляничных полянах с тобой заблужусь.

ТИХИЙ ВЕЧЕР

Тихий вечер. Небо ясно.
В лапах сосен — звонкий дождь!
А откуда? Непонятно,
И с земли не разберёшь.
Может, солнце на закате
Укололось сгоряча?
Мне просыпало на платье
Золотиночки дождя?
Да скорей ушло, уплыло
Свою ранку врачевать.
А луна уже спешила —
Серебро в наряд вплетать!

ТЁПЛОЕ ДЕТСТВО

В тёплое детство память уводит —
Нам не прожить без его огонька!
Будто голодный, устав от дороги,
К крынке парного прильнёшь молока!

Пьёшь, не напьёшься... И грозы, и ливни —
Всё нам казалось тогда нипочём.
К маме прижмёшься — счастливый, наивный,
Поцеловал, и на речку бегом!

Хлеба горбушка, в лесу земляника —
Сыт и здоров, с ветром ты на крыле.
Как же огромна она, многолика —
Детская радость твоя на земле.

Шмель над цветком, на стебле муравьишка,
Речка, рыбалка, костёр да уха...
Скроет девчонку и шляпой — мальчишке
Лист преогромнейшего лопуха...

...Мамой с крылечка и я выходила:
Встретить, ободрить да к сердцу прижать.
Деток растила, внуков любила —
Будет что в жизни и им вспоминать!

* * *

Оренбургский платок расстелила зима,
Оренбургскою шалью укутала парки.
И от снежных хлопот раскраснелась сама:
Знает, радуют тёплые в холод подарки!

До чего белоснежны и пушисты снега!
Дай-ка, что ли, как в детстве, я в них поваляюсь!
И увижу: на небе плывут облака
И к сугробам таят в себе белую зависть.

Согреваюсь с тобою дыханьем одним
В этих зимних снегах — океане безбрежном,
Где отчаянно весело обниматься двоим
И замёрзнуть нельзя в царстве губ наших грешных.

В ГОРОДЕ — СЕНТЯБРЬ

Не догнать за горизонтом
Летний дирижабль!
Входит осень в платье жёлтом —
В городе — сентябрь.

Не одна я размечталась:
Вспыхнуть, полететь!
И вкусить полёта радость,
Горевать не сметь.

А рябинка жмётся к клёну,
Гроздьга горячи!
Ты в его листы-ладони
Клятву прошепчи...

Полетят по свету листья —
Унесут секрет.
Но хранят рябины кисти —
Берегут обет...

БЕЛЫЙ ВЕЧЕР

Белый снег замечает тропинки,
Белый вечер укутал дома,
Белым пухом ложатся снежинки,
В белой шубке танцует зима.

Город мой днём и ночью в движении,
И меняет огни светофор.
Белый снег, нам добавь настроения,
Волшебством украшая наш двор.

Я душой погружусь в этот вечер,
На ладони снежинку словлю.
И в сиреневых бликах замечу,
Как слагается слово «Люблю!»

И не страшен ни холод, ни ветер,
Если в сердце огонь не угас.
Ты как прежде и молод, и светел
В отражении любящих глаз.

Я сама влюблена в эту зиму,
В этот город с потоком огней.
И в свой дом, где сердечно обнимут,
И в спешащих в метели людей.

В ПОКРОВ

Осень, дожди...Потемнели стволы,
Но золотится листва.
Землю спасает от облачной мглы
Праздник святой Покрова.

Свет Богородицы в осень сошёл —
Всех обнимает, любя.
Как утешение в сердце вошёл:
Матерь согреет тебя!

Всё понимает родимая кровь —
Беды, страданья твои.
И совершает священный Покров
Благословеньем руки.

Надо идти и в дожди, и в мороз —
В свой неизведанный путь.
Божия Матерь, средь бури и гроз
Детям защитницей будь!

ОСЕННИЙ ЛУЧ

Мне нравится, когда осенний луч
Пронизывает солнечные листья,
А воздух и прозрачен, и певуч —
Печаль смягчая, наполняет жизнью.

А закружит осенний листопад
И расплескает золотое море
На тротуар и на подушку трав —
Октябрь страничку тёплую закроет...

И будем жить заветом Покрова,
Чтоб время пересилить на изломе,
И в час, когда нагрянут холода,
Молитвой слова греться в чистом доме.

К ПОКРОВУ

Октябрьское приволье
И света, и тепла... —
И на святом подворье
Звонят колокола!

И верится, и молится,
Что под защитой кров!
Сегодня Богородица
Раскинет свой Покров.

И, землю осеняя,
Обнимет деревья...
Под зиму осыпается
Прощальная листва!

Смотрю на мир осенний:
Ах, ветер, погоди
И свет тот невечерний
От нас не уведи.

Пусть радость быстротечна
И не избыть забот,
В сомнениях извечных
Нас свет любви спасёт.

ГОДЫ-ЛИСТЬЯ

Поднимешь глаза — упадёшь в глубину
Осеннего чистого неба,
И кажется, боже, я в нём утону:
Ах, сколько простора и света!

Всё золото листьев запросится ввысь —
Звенеть перелётною стайкой!
А сердце подскажет: «Постой, оглядись
И просто замри перед тайной...»

Весь год пролетел в многодневных трудах,
В заботах о хлебе и доме,
И только лишь небо да радость в глазах
Расскажут о песне и воле.

Шуршит под ногами осенняя бль —
Поведаёт всё мне о жизни —
Был юным, зелёным, и солнечным был!
Люблю вас, парящие листья...

СНОВА ОСЕНЬ

Дожливый день, блестящий тротуар,
В прохладных лужах притаилось небо...
А разноцветных зонтиков радар
На миг вернёт безоблачное лето.

В богатых красках лиственный убор,
А за Покровом — снежная пороша...
В притихшем парке пламенный узор
Выкладывает осень на дорожках.

Да это дождь навёл, наверно, грусть,
Что бабье лето быстро пролетело!
Ведь в солнечном луче от счастья задохнусь,
Что жизнь была... И я жила и пела.

В ОСЕНЬ ЗОЛОТУЮ

Выйдешь на дорогу в осень золотую —
Суету столицы с плеч своих стряхнуть, —
Отчего, скажите, сердце так ликует?
Радостью простора наполняет грудь.

Солнце в бабье лето выглянет спросонок
И невольно кинет взгляд на небеса —
Как лазурны выси! Луч прощальный тонок —
Задрожит и вспыхнет бликами листва.

В клёнах страстно-ярко, в липах тихо-нежно
Загорятся листья, чувствуя уход.
На земле родимой — и святой, и грешной —
Стрелки на предзимье год переведёт...

ПРИЛЕЧУ К ТЕБЕ, ПРИЕДУ!

В ноябре дымится небо,
Даль — вороньего крыла.
Ты в пути не жди победы
Без любви и без тепла.

Там, над тучей — высь золотая
И серебряный напев,
Синь пронзительна! Без края...
В бесконечное разбег.

Но ноябрь бесстрастно прячет
Солнце в гриву облаков,
А вороний глаз судачит:
«Чья тут корочка хлебов?»

И уже пуста дорога,
Сиротливы деревца,
И покажется: немного —
Шаг какой-то до конца... —

Прилечу к тебе, приеду
И обнять, и обогреть,
Очутиться в нашем лете
И над облаком взлететь!

ТРЕПЕТНОЕ СЕРДЦЕ

Обнимает вечер на краю заката,
В колыбель Вселенной опустилась ночь...
А душа — младенец, ей согреться надо,
И способна только ей любовь помочь.

Осенью тропинки протянулись в зиму.
Зябнут сонно ветви, студятся мосты.
Так хотят услышать: мой родной, любимый...
На душе теплее, если любишь ты.

Полетят снежинки зимнею порою,
Тёплый ветер юга пустится в бега,
Северные вихри, спорим с вьюгой злою,
Чтоб не замерзала времени река.

Ты возьмёшь в ладони дорогие руки —
Трепетное сердце твоей ласки ждёт.
Только бы поверить: в мире нет разлуки,
Засияет солнце там, где снег идёт.

ЛЕТНИЕ РАДОСТИ

Снова девочка на лугу —
Это я по нему бегу!

Где весёлый ребячий визг —
Я — зачинщица в небо брызг!

Заигрались, и время не в счёт —
Дом родной светом окон зовёт.

Где беседка и тишина,
С верной книгою я — одна.

Юность просится за порог —
Вера в счастье, любовь, цветок...

Будет мама и будет семья:
Детки, детки — опять это — я!

Лета радости сберегу:
Сердцем — с девочкой на лугу!

Мир такой, что его не объять,
Мне б — головку внучка целовать...

Михаил Михайлович Болдырев родился 3 октября 1950 года в посёлке Погиби Сахалинской области. В 1971 году окончил Сахалинское мореходное училище. Работал на судах рыболовного и торгового флота. Ему довелось побывать в разных странах: в Африке, в Китае, в Корее, на далёкой Камчатке и у берегов Аляски. Стихи пишет с детства.

В 2009 году поэт переехал в Коломну и с этих пор — постоянный автор «Коломенского альманаха». В 2013 году в приложении «Коломенский книгочей» появилась его первая книга стихов «Тайный свиток».

Награждён литературными медалями А.Т. Твардовского, М.Ю. Лермонтова, И.И. Лажечникова, дипломом А.А. Ахматовой.

Член Союза писателей России.

НОЧНЫЕ РИФМЫ

ОСЕННИЙ ВЗГЛЯД

Этот взгляд, как осенние листья,
Золотится в осенней глуши.
На него так светло помолиться,
Растревяши сомнений гроши.

Небо дышит заоблачной волей,
Я дышу золотою мольбой
И делюсь сокровенною болью
С этой осенью, с небом, с тобой.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР НА ОКЕ

Не шелохнётся гладь речная,
Не встрепенётся жёлтый лист;
Лишь чьи-то тени окликают,
С ветвей сорвётся птичий свист.
И всё замрёт в вечерней стыни,
Что зреет в травах на лугах,
А поутру осядет иней
Холодных зорь на берегах.

Есть в тишине осенней вызов,
Есть затаившийся надрыв;
И детским кажется капризом
Души к небесному порыв.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ СПЛИН

Обычный день, обычные заботы,
Обычный трафик бытия;
Я в нём, как сыгранная нота,
В холодных пальцах ноября.

Застыла, затаилась песня
В проулке сером за углом,
Лишь галки, как шальные вести,
Срывают с крыш промозглый сон.

Провинциальная картина,
Провинциальный скучный сплин;
И хочется тепла камина,
И колдовства заморских вин.

Чтоб с пламенем играли тени
На стенах и на шёлке штор,
И ночь в коктейли искушений
Влила свой романтический вздор.

НОКТЮРН

В осенней мгле оглохшие пространства,
У тусклых улиц безразличный вид.
А над тоской предзимнего убранства
Ноктюрн в душе так солнечно звучит.

Наверно, странно верить в неизбежность
Сорвавшихся с небес каких-то нот,
Но так легка метели первой снежность
Над тёмной тропкой у твоих ворот.

И я в ноктюрне прозвучу — и смолкну,
Замру по мановению судьбы;
Звезда случайная в твои заглянет окна,
Где счастливы недолго были мы.

НЕПРИКАСАЕМОЕ

На расстоянии протянутой руки
И год, и вечность, что за нами.
Звенит, поёт струна строки
Над полусонными огнями.

И рядом всё: прибой и ветер,
И серебристый плеск волны,
И то, что сразу не заметил
В порывах бешеной весны.

А ночь пьянеет в наших снах
От колдовского наважденья;
Мгновенья тлеют на руках,
Как тлеют в них стихотворенья.

И прошлого играют мотыльки
Над пламенем холодного заката
На расстоянии протянутой руки
Неприкасаемой расплатой.

НАЕДИНЕ С ТЕНЬЮ

Холодный май — забавная насмешка
Над суетой рассеянной весны;
Луна на озеро упала нынче решкой:
Похоже, наши встречи сочтены.

Похоже, то, что теплилось несмело,
Таясь, как эхо в солнечном лесу,
В ветрах холодных вдруг заледенело
И рухнуло в далёкую грозу.

Но что за тень в саду моём кружится
Над омутом бледнеющих цветов?
Ей, как и мне на холоде не спится
Под песни тёмные от северных ветров.

Ей, как и мне потери не считая,
В холодном мае не сыскать тепла;
Последней встречей небо поджигая,
Сгореть бы нам в саду моём дотла.

ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ

Я к высшей мере отречения
Седой молитвой обречён.
Пылает Жертвою Вечерней
За храмом древним небосклон.
Вот та минута откровенья,
Когда с душой глаза в глаза;
И страха нет, и нет смятенья —
Есть искупление Христа.
И пусть молитва неумела,
Не из церковного листа,
Но слово чистой нотой пело,

И воссияли голоса.
И строгой мудрости внимая,
Услышу в предзакатный час:
Коснуться робко сердцем рая
Зовёт небес иконостас.

К СВАРОГУ

Опустошён, как этот лес на взгорке,
Как это небо без весёлых птиц;
Ноябрь хрипит в дождливом скучном вздоре
Среди поблекших утренних зарниц.

О, как знакомо! На тяжёлом вздохе
Вдруг обрести удушливый восторг,
Когда в рябиновом чертоге
Колдует над огнём Сварог.

И хочется, укутавшись туманом
На берегу безропотной реки,
Просить за песенным обманом
Весны несбывшейся руки.

Колдуй, Сварог! Сжигай в огне надежды,
Что не сошлись, как звёзды надо мной.
Но только дай душе остаться нежной
К опустошённости небесной и земной.

МОЙ САД

Привет, мой сад несбывшихся желаний,
Где на ветвях изломанных надежд
Ещё горят цветы очарований
Над каменным молчаньем бед.
Здесь нет времён,
здесь песен бродит призрак,
Когда-то мной
придуманных в ночи;
И так мучителен
рассвет в поблекших ризах
Над трепетным отчаяньем свечи.

И всё же в холоде осенних заклинаний,
Среди надежд, изломанных судьбой,
Ещё горят цветы очарований
Над тёмной каменистой тропой.

ЗАБЫТЬ ПРО ВСЁ И ЗАБЛУДИТЬСЯ

Забыть про всё — и заблудиться
В сплетении событий и времен,
И наблюдать, как вдохновенья птица
Кружит над золотом любимых мной имён.

И радость хрупкая коснётся осторожно
Вдруг незнакомого лица,
И я пойму, что в жизни невозможно
Понять себя до самого конца.

А значит есть ещё в судьбе надежда
На неизведанный исход:
На радость, боль — на всё, что неизбежно
Тропой таинственной придёт.

ДЫША ЛЕГЕНДОЙ

Чем старше мы, тем больше в сердце грусти.
Не мимолётной, словно юный сон,
А той, что больше не отпустит,
Дыша легендой, прожитой в былом.

И бродят призраки-рассветы
Там, в затуманенном окне.
И дня грядущие сюжеты
Сгорят в холодной глубине.

В той глубине, где хрупок смех на нотах,
Застывших в пальцах побелевших дат;
И тлеет мёд желаний в жёлтых сотах,
Что уронила осень на закат.

НОЧНЫЕ РИФМЫ

Месяц в речке серебрит
лёгкое весло,
Ворон омут сторожит,
опустив крыло.
Тихой песней из лугов
стелется туман.
Парусами куполов
в небе реет храм.
В ночь такую не уснуть,
даже помолясь.

В тьму уводит чей-то путь
или чья-то страсть.
Ночь стоит обнажена
в мыслях и словах.
Будет полночь сожжена
на ночных кострах.
Потому не отыскать
звёздного пути:
Всех разлук не приласкать,
некуда идти.
Звёзды рассыплю на дне
отзвеневших лет.
Утро высечет рассвет
на моём окне.

ТОСКОЙ ПРОКУРЕННЫХ ПОДЪЕЗДОВ

Тоской прокуренных подъездов
Дышал мой город в полусне,
И горизонт неровным срезом
Бледнел в простуженном окне.
Я оставлял промозглой ранью
Судьбы невидимый порог,
И осень с тайным заклинаньем
Стелила под ноги платок.
На нём серебряные нити
И золотистая кайма;
А воронья шальная свита
Сводила сонный двор с ума.
Там, в паутине встреч и взглядов,
Моё прощанье — мотылёк.
Там время выстроит ограду,
Закрыв бывшее на замок.

ПРИХОДИТ СОН

Приходит сон, навеянный ветрами,
Со взглядом необъятной синевы.
В нём дерзость правит парусами,
С которой был когда-то я на Вы.
С ней незнакомы обречённость
И суеты земная пыль:
В ней есть строки незавершённости
И вдоль дорог кочующий ковыль.
Приходит сон, как вызов дуэлянта:
Клинки страстей зарёй обагрены.
На герб надежд разлуки пала карта,
И все долги безмолвья сочтены.

Ксения Нагайцева

Ксения Анатольевна Нагайцева родилась в Коломне.

В 2013 году окончила Московский государственный лингвистический университет. В настоящее время — преподаватель кафедры филологии Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, аспирантка кафедры литературы государственного социально-гуманитарного университета.

В 2010 году вышла первая книга её стихов «Я влюблена была...». Занимается поэтическими переводами. Печаталась в «Литературной газете», в альманахе «Золотое руно», в международном журнале «Золотая площадь». Неожиданные образы её стихов открывают читателю всю глубину проникновенных чувств и переживаний автора.

Член Союза писателей России.

ТЫ ГДЕ-ТО ТАМ...

* * *

Я от скуки пишу тебе всякую чушь
И прошу не забыть посетить меня здесь;
Там, у вас говорят, что мой дом — это глушь,
И не только он сам, но и то, что в нём есть.

Может быть. Там у вас обо всём говорят
И не лезут за словом в набитый карман,
Но ты там. И пока перекрёстки горят,
Между нами сонливый стоит великан.

Тот, который столкнулся лицом с лунным лбом,
Режет ступни себе переплётами рельс,
Восстаёт неким нас разлучившим столбом,
Пока ты где-то там, ну, а я — где-то здесь.

Дать бы выкуп ему? — Не берёт он монет.
И угрюмые руки кладя на бока,
Говорит, что уйдёт, когда время на «нет»
Переждёт с разлучившей отметки «пока».

Буду ждать и смотреть за остатком часов,
Дождаясь тебя, как в бездомной глуши.
Скоро в путь; я запру старый дом на засов,
Чтобы в новом, вдвоём... Все придёт. Не спеши.

* * *

разбитый слух небесной трубкой бьётся,
но это не приводит ни к чему,
и с провода её вот-вот сорвётся
едва не различимое «му-му»,
и вот, услышав неземное чудо,
спустя часы томительных гудков,
я встану пастухом у края пруда
священных выпасты, о боженька, коров,
и не общаться больше нам по трубке,
кладу её, как порванную нить,
и длинных языков коровьи губки
ту воду будут впитывать и пить,
так высохнет вся жизнь, пастух заплачет,
проходит жажда — высыхает пруд,
бессмысленной коровой, не иначе,
пастуший этот обернулся труд,
но глупое животное священо,
о боженька, ты все предусмотрел:
пастух — один среди коровьих тел,
и стадо его топчет непременно.

* * *

есть белое до снега полотно,
обёрнутое вдоль твоих локтей,
и есть истосковавшееся дно
по их прикосновениям костей.

есть высшие дома и поздний час,
и череп твой в венце из светлячков,
и всё ещё сближающие нас
ночные вереницы дурачков.

зачем ещё и долго ли гореть?³
пропитанный маслами есть фитиль,
обёрнутому в ночь ему не преть,
пока в костях есть приторная гниль.

нездешнее стремление к тому,
чья чувственная косточка колен,
прижавшаяся к сердцу моему,
обёртывает в рёбра, словно в плен.

есть связь невыразимой глубины
и звёзды немерцающих монет,
и в холоде их снежной белизны
есть всё, что есть. тебя вот только нет.

* * *

здание тёмное с чёрною радостью
в окнах очерченных белою рамою
холодом сковано, спаяно сладостью
самой морозною зимнею самою

море холодное, море небесное
влагой ночною из окон мороженных
в тело моё, посиневшее, тесное,
выльется, льдом застывая под кожей

здание тёмное синим становится,
Вас дожидаясь у двери бормочущей,
тень, сумасшедшая, мается, носится,
и ей, дурной, возвращаться не хочется.

просит у Вашего льда снисхождения
что же терзаете, так издеваетесь?
злей сотни вьюг Ваше пренебрежение,
но не раскаетесь. нет, не раскаетесь.

и я пройду ли под водами Вашими,
чьи направляет потоки волнение
вечером чёрным, холодным начавшее
невыносимое сердцебиение?

мается, вертится вечер, проносится,
душит меня дорогими сигарами,
ночь подозрительно щурится, косится,
лунными, пьяница, поит отварами.

так ночь за вечером он мне мерещится,
вкус его слов — под язык — опечаленных.
галстука рыба огромная плещется
в море его рукавов накрахмаленных.

ЗОЛОТАЯ НИТЬ

Вышла в свет новая книга Виктора Мельникова «Золотая нить». Её название символично. Книга состоит из 2-х разделов: Прозы и Поэзии. А объединяет эти разделы поистине золотая нить — она проходит и через сюжеты зрелой художественной прозы автора, и через искренность чувств его правдивой поэзии, воедино связывая всё его многогранное творчество, отмеченное талантом и мастерством. Внимательный читатель почувствует, что книга Виктора Мельникова пронизана внутренним светом его души — любящей, страдающей, видящей

и понимающей нечто большее, чем то, что находится на поверхности нашего суетного, противоречивого мира. Каждое его произведение является проводником этого света, как любая настоящая художественная литература, даёт уроки жизни. Тот поток бытия, который служит ему вдохновением, всегда проходит через его беспокойное сердце, оттого и волнует читателя.

Проза и стихи Виктора Мельникова относятся к такому типу литературы, которая не стремится к громкой славе, широкой известности, а со спокойным достоинством ожидает своего заслуженного признания. Это — важная часть отечественной культурной традиции, за которой стоят многие поколения авторов, чья популярность возникла не мгновенно, но постепенно, год за годом накапливала и утверждала свою художественную значимость.

Наталья Евстигнеева

Наталья Вениаминовна Евстигнеева родилась в г. Полтаве. Окончила Московский институт инженеров транспорта. Работала на коломенском тепловозостроительном заводе инженером-электриком.

Стихи пишет с детства. Занималась в литературных объединениях Коломны «Зарница» и «Зелёные цветы». Автор тринадцати поэтических сборников: «Сердце на ладони», «Страницы из дневника», «Счастливый сон» и др. Руководила клубом молодых поэтов «Золотое перо». Лауреат городских и Всероссийских поэтических конкурсов. Член Российского союза писателей.

БЛАГОДАРЮ

ВДОХНОВЕНИЕ

Ко мне вдохновение
часто приходит с рассветом,
когда ещё мысли прозрачны,
чисты, как роса,
и в шубы забот повседневных
ещё не одеты,
и, кажется, рядом
вот-вот оживут чудеса.

Никто не звонит, не стучит,
не ругается матом —
Соседи все спят,
во дворе за окном тишина.
И мысли текут далеко и свободно
куда-то,
Там ждёт меня новых открытий
большая страна.

Я утро люблю
за его неземные рассветы.
И в эти часы словно космос
со мной говорит.
В своих откровениях, весточках,
мудрых советах
Со мной он печалится,
радуется и грустит.

Его словно друга я жду,
с ним рассветы встречаю,
Я жить без него не могу,
без его чистоты.
Делюсь с ним надеждами,
мыслями и мечтаю
немного подняться
душой до его высоты.

СОН В РУКУ

Приснился сон.
Да не дай Бог, чтоб в руку!
Там гибли сотни, тысячи людей.
И видеть это всё такая мука!
Картины нет ужасней и страшней.

Мне снился сон. Всего лишь сон.
Тревога...
Она теперь как червь меня грызёт.
Событий ждать трагических недолго.
Молюсь — пусть эта участь обойдёт!

Всего лишь сон...
Но знаю, что он в руку, —
Уже немало было этих снов.
А в сердце боль.
Вновь всё идёт по кругу.
Спасенья нет от адовых кругов!

Приснился сон. И знаю, не исправить
Всё то, что предначертано судьбой.
Но хочется плечо своё подставить,
Чтобы потом заплакать: «Жив! Живой!»

ЗАРЯ

Лишь когда погаснут звёзды,
Зажигается заря,
Широко и грандиозно,
Алым пламенем горя.

Звёзды лишь во тьме прекрасны.
Днём не видно их совсем.
Свет и тьма... Мы любим часто
То, что недоступно всем:

Звёздность, славу и богатство —
Порожденье лжи и тьмы.
Зная, что не в деньгах счастье,
Гонкой все увлечены

За деньгами, славой, властью,
За иллюзией добра,
Мир наш делая несчастней.
Ночь — не лучшая пора...

Утро как предвестник света
Солнце яркое зажжёт.
Не ищи в стихах ответа —
Что Россию завтра ждёт.

Тьма исчезнет несомненно,
Вспыхнет алая заря.
Свет и доброта — целебны, —
Всё вокруг преобразят.

НЕСИ ДОБРО

Неси добро, и солнце улыбнётся
Тебе навстречу ласковым лучом.
Посей добро, и колосок нальётся
Целебным и питательным зерном.
Хлеба добра отведав, станут люди
Терпимей, добродушной. Чудеса!
Никто бояться никого не будет.
Исчезнут войны, распри, лишь гроза
Останется, как страшное явление...
Но как же без грозы и без дождя?
Я очень верю в то преображение.
А жить без веры нам никак нельзя.

СПЕШИТЕ ЖИТЬ

Спешите жить, ведь жизнь — всего мгновение,
И не заметишь, птицей пролетит...
А смерть приходит вдруг без приглашения,
Чтобы права на тело предъявить.

Я очень тороплюсь, ведь право жить
Дается, к сожаленью, ненадолго.
А хочется дышать, любить, творить
И наряжать с детьми под праздник ёлку.

Всё хочется успеть. Но выбирать
Приходится, что в этот миг важнее,
Чтоб время бесполезно не терять.
Оно торопит и зовёт: «Скорее!»

Минуты превращаются в часы.
Часы — в года, года — в десятилетия.
И неосуществлённые мечты
Опять не успевают разгореться...

У каждого есть планы и мечты,
И есть души прекрасные стремленья,
Которые средь «шумной суеты»
Теряют смысл и жажду воскрешения.

А если нет уже тех самых струн,
Которые должны звучать в нас вечно,
То вдруг споткнётся на бегу скакун,
Что человека мчит «зарю навстречу».

И кажется, что жизнь проходит зря.
И не спасут ни слава, ни богатства.
А где она, заветная заря?
Осталось только горько рассмеяться...

И я спешу. Ведь право просто жить
Даётся, к сожаленью, ненадолго.
А хочется мечты осуществить.
Пусть не все, хотя бы часть их только.

ГЛАЗА — ЗЕРКАЛО ДУШИ

Порой от недоброго, хмурого взгляда
Так скверно становится вдруг на душе,
Как будто ты выпил смертельного яда
И час твой последний так близок уже...

А вот от лучистого, доброго взгляда
Теплее становится где-то внутри.
Так важно, когда тебе искренне рады!
И хочется жить, и творить, и дарить!

Так нужно, чтоб кто-то в момент камнепада
Сумел поддержать и порадовать вас.
Порою достаточно только лишь взгляда
Таких дорогих и заботливых глаз.

Так хочется чаще встречаться с глазами,
В которых нет зависти, злобы и стрел.
Мы живы, успешны, пока рядом с нами
Есть тот, кто нас взглядом лучистым согрел.

СИЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА

Сильная женщина плачет порой, но украдкой,
Чтобы никто не увидел её горьких слёз.
А на вопрос: «Как дела?» — Улыбнётся: «В порядке.»
Хоть до «порядка» порой далеко, как до звёзд.

Сильная женщина не продаётся за деньги,
Если полюбит, то будет любить до конца.
Похоть мужская в такой вызывает презрение,
Видит в мужчине лишь мужа и детям — отца.

Сильная женщина камень не носит на сердце
И благородно прощает обиды врагам.
Просто в её понимании люди — как дети,
Кто-то подрос, кто-то движется к первым шагам.

Сильная женщина влезть не пытается в душу,
Но для любого слова утешенья найдёт.
Семьи чужие она никогда не разрушит,
Просто она по законам вселенским живёт.

Сильная женщина встанет горой, если нужно,
Чтоб защитит и спасти беззащитных людей.
Слабая будет скулить, что ей трудно, ей скучно,
Даже когда рядом близкие, много друзей.

Сильная женщина встанет с колен, если горе
Вдруг подкосило и сердце разбило её.
Сильная женщина хвастать не будет и спорить,
Просто она не для этого дышит, живёт.

Сильные женщины — это богатство России.
Только с годами всё меньше становится их.
Сильные женщины с виду лишь только простые,
Но в них великая сила всех русских святых.

БЕРЕЗОВАЯ НЕЖНОСТЬ

Берёзовая нежность
Пронзительна до слёз.
Мгновения как вечность
Среди родных берёз.
Озёра синеоки,
Леса, холмы, поля...
Но вновь зовут дороги
В далёкие края.
О, Русь! И сердце дрогнет
От набежавших чувств.
Здесь дикое раздолье,
И радость в нём, и грусть.

Люблю тебя до боли,
Родная сторона,
Где воздух чистый, вольный,
Где высь и глубина.
Лишь русскою душою
Возможно Русь объять
Со всей её красою
И, полюбив, понять.
Здесь дух до слёз, до боли
Непостижимо свой.
Нет краше этой доли —
Жить на земле родной.

МАМА НАТАША

Первая нянечка, мама Наташа...
Ясельки... Как пролетели года!
Все малыши уже выросли наши.
Внуками каждый из нас уж богат.

Ясельки — это особенный остров,
Где наших деток любили за нас
Несколько добрых, отзывчивых взрослых,
Самых прекрасных не свете Наташ...

Деток кормили, они их учили
Петь, рисовать, одеваться самим.
Сказки читали, гулять выводили
И приучали к привычкам простым —

«Здравствуйте» всем говорить и «спасибо»,
Девочек мальчикам — не обижать.

Быть аккуратным и чистым — красиво,
Это нельзя никому забывать.

Няни учили детишек, играя,
Честности, чистой любви, доброте.
Ясли — такая пора золотая,
Были наивны, так искренни все!

Первая нянечка, мама Наташа...
Искорки света в усталых глазах.
Маленьким детям несколько не страшен
Ни серый волк, ни злодей Карабас

Рядом с такой замечательной няней, —
Мамой Наташей, как все говорят,
Чья доброта достигает той грани,
Выше — лишь только святые стоят.

БЛАГОДАРЮ

За то, что есть еда и есть жилище,
За то, что я любима и люблю,
Не стала ни богатой и ни нищей,
За всё тебя, Господь, благодарю.

За то, что в это непростое время
Работа есть хотя бы у детей,
За разные насущные проблемы,
Которые нас делают сильней.

За то, что все и живы, и здоровы,
За радость в каждой маленькой семье,
Где сохранились ценности основы —
Любить и верить, и прощать уметь.

За то, что я не знаю бед и горя,
Они меня обходят стороной.
И каждый год могу увидеть море
Пускай не летом, чаще лишь зимой,

Но и за эти радости земные
Тебя, Господь, всегда благодарю.
Слова молитвы искренней простые
Тебе с благоговением дарю.

Татьяна Викторовна Дивакова — родилась в деревне Туменское Коломенского района. Музыкант, певица, исполняющая виртуозные произведения XVIII века. Окончила музыкальное училище в Коломне, а затем Нижегородскую государственную консерваторию им. М.И. Глинки и Саратовскую государственную консерваторию имени Л.В. Собинова.

Пишет стихи и прозу. В поэзии, как и в музыке, отдаёт предпочтение классическим традициям. Победитель поэтического конкурса «Комета-21». Автор книги стихотворений «Эквилибриум».

Член Союза писателей России.

О, КАК ТЫ НЕСГОВОРЧИВА, ВЕСНА!

МОСКВА ПОД ЛИВНЕМ

Москва захвачена дождём!
Не привыкать к атакам водным:
Плывёт гигантским кораблём
Среди потоков сумасбродных.
Плывёт и дразнит небеса,
А те, досадуя немало,
Её красоты прячут за
Молочно-струйным покрывалом.

В размытом фокусе дома,
Сквозь стёкла — градин бойких россыпь.
Всё — круговерть и кутерьма!
В причудливой метаморфозе
Мир заигрался — сам не рад:
Скрыты люди, руки, лица —
Весенне-летний маскарад,
Ковидно-бойкая столица.

Москва под ливнем! Ей с лихвой
 Природа возмещает плату:
 И за февраль бесснеговой,
 И за апрель «не по формату».
 За то, что близко синева —
 Знать, хмурый зонт не будет нужен.
 За то, что массово Москва
 Бежит по карантинным лужам.

ЛОРЕЛЕЙ

*И, верно, погубит песней
 Пловца и челнок Лорелей.
 С. Маршак*

Как ивы плакучей ветви,
 Волос моих пёстрых россыпь:
 Лняных, с позолотой в медь.

Став жертвою на закланье,
 Врацую, как Маргарита,
 В безумии веретено

В томлении предрассветном —
 Удуше немым вопросом:
 Мой путник, где ты? Ответь!

Веков и тысячелетий.
 Одна на скале бесстрастной
 Пытаю судьбу свою.

Испитый яд ожидания...
 Возможно, в нём смысл сокрытый —
 Другого мне не дано!

Кто может, мой друг, ответить:
 И к нам прикоснётся счастье,
 Когда я тебе спою?

РОДНИКОВЫЙ БРОД

Я бреду сквозь годы родниковым бродом:
 На плечах повисли коромыслом мысли,
 Перемерзли ноги, не сменить дороги —
 Нет иной в помине! — берег крут, суглинист.

Мне бы пробежаться, не сутулясь, вволю
 По меже несжатой, по ржаному полю,
 В васильки уткнуться, в стебли девясила —
 Только б разогнуться! Дай мне, Боже, силы!

Я мечтой бывала в разноликих странах,
 Я себя спасала в шторме ураганном,
 Пеной обнимала на просторных плёсах,
 Нежно укрывала оберегом-грёзой:

По холмам озябшим миражом скользящим,
По лугам затонным — снежною фатою,
По лесным завалам — мшистым покрывалом,
По озёрной глади — поседевшей прядью.

Только коромысло плечи отдалило:
Угнетают мысли, иссякают силы.

О, КАК ТЫ НЕСГОВОРЧИВА, ВЕСНА!

О, как ты несговорчива, весна!
Зову тебя, но медлишь ты с визитом.
И млечной грустью новый день пропитан,
И лесу не воспрянуть ото сна.

Прошу я солнца луч — ты шлѐшь дожди
Да шлѐпаешь босой по мокрой кровле.
Ты осени не уступила трон ли?²
О, как же неразумны, посуди,

Твои метанья! В выборе пути
Оставь зиме такую сумасбродность.
Будь посерьѐзней, отогрей природу:
Дай, наконец, фиалкам расцвести!

Позволь земного мира красоту
Познать под трели птиц и дым черѐмух,
В ночи для очарованных влюблѐнных
Переплети реальность и мечту!

Гости́ до летних дней хозяйкой снов,
Чаруй сердца моих друзей-поэтов.
И будь восторженным пером воспета
В венке колоратуры¹ и стихов!

¹ Колоратура — здесь: виртуозное пение.

* * *

Знаешь, нахлынет порой деревенское,
Комом подступит, и вот —
Призраком, смутным виденьем — Туменское,
Скрип одичалых ворот...

Пашня заброшена, стёжка завьюжена,
Пёс в ивняке у реки,
Словно забытое вспомнив, натужено
Заголосит от тоски.
К полночи стихнет и он; за околицей —
Ветер на вёрсты вокруг.
Только вздыхает разбитая звонница:
Просит заботливых рук.

АВГУСТ

Облечённый властью королевской,
Август легкомысленный и дерзкий
Щедро сыпал мне в ладони пазлы
Из созвездий огненно-алмазных.

Каждый день учтивым дворянином
Подносил мне с яствами корзину,
Томно источая ароматы
Многоцветных роз, космеи, мяты.

Но с недавних пор я замечаю:
То бесцельно бродит по причалу,
То шторма выгуливает в море,
То гоняет морось в междугорье.

Август, стой! Найдётся мне минутка?
Бурый лист в букете — что за шутка?
Ты несносен, август! Знаешь, где-то
Говорят, что ты в разладе с летом.

Слышала, скрестились вы мечами...
Он в ответ слегка пожал плечами,
Хмыкнул хмуро и, на всякий случай,
От меня отгородился тучей.

Золотая
аллея

Графика Василины Королёвой

ВЕЛИКАЯ ЛЮБОВЬ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

Михаил Анатольевич Кукулевич (1939-2020) — российский поэт, прозаик, публицист, автор-исполнитель — знаком читателям «Коломенского альманаха» своей тонкой душевной лирикой, в которой чувства современного человека преломляются через его богатый эстетический опыт, погружение в разные пласты русской литературы, драматические события родной истории. Цикл «Великая любовь великих людей» возник в его творчестве из бесед с молодыми слушателями лекций об истории мирового искусства. В небольших по объему новеллах автор сумел передать многообразие великого и вечного чувства любви, а главное — показать его неизбежное влияние на творчество.

Коломна была для Михаила Анатольевича одним из милых пределов, городом, где у него были друзья, поклонники и ценители таланта. Теперь голос его о великой силе великой любви звучит особенно пронзительно: именно любовь способна противостоять любой беде. Редколлегия альманаха благодарит за возможность публикации части этого цикла вдову поэта — Ольгу Ивановну Назарову.

Эссе

Мадонна из римской булочной

Рафаэль Санти (1483-1520) — итальянский живописец и архитектор, представитель Высокого Возрождения. Автор многочисленных изображений Богоматери («Мадонна Конестабиле», «Сикстинская мадонна» и др.). В портретах создал образ гармоничного человека Возрождения. Проектировал собор Святого Петра, строил капеллу Киджи церк. Санта Мария дель Пополо в Риме.

В то лето Москва гудела — в Музее им. А.С. Пушкина выставлялись картины знаменитой Дрезденской галереи перед отправкой их на родину, в Германию. Нечего и говорить, что ради получения заветных входных билетов дежурили мы целую ночь в тихой и какой-то благодатной очереди, широким удавом вьющейся вокруг музея.

Сейчас плохо помню, что именно я смотрел. Запомнились голландцы, чистюля «Шоколадница», ещё какие-то картины. Поскольку детство моё прошло в Эрмитаже, рядом с бабушкой, сиднем сидевшей в зале Рубенса, Дрезденская галерея поразила моё воображение в меру.

Но вот я подошёл к широкой лестничной площадке, где во весь рост, до самого потолка сияла Она. Лестничные марши с двух сторон обтекали Её, спускаясь вниз, а здесь стояла такая напряжённая, такая прозрачная тишина... Я поднял к Ней глаза, и Сикстинская

мадонна, смотря куда-то поверх моей головы, завела со мной безмолвный разговор, а дитя на её руках глядело грустно и сосредоточенно. Безмятежно улыбались внизу картины ангелочки, смотря на свою Даму. Мадонна плыла по воздуху и была так невыразимо прекрасна, что сердце в груди сжалось и заболело. Я помнил маленькую рафаэлевскую мадонну в Эрми-таже, тоже прекрасную, но эта! Я не мог отвести от неё глаз и чувствовал, как в уголках закипают и тут же испаряются счастливые слёзы.

Все остальные картины мне стали просто неинтересны. Она, мадонна, была живая! Ей хотелось рассказывать обо всём.

Но кто она, эта прекрасная Женщина? Выдумал ли её Рафаэль, или жила она когда-то, ходила по раскалённым от зноя мостовым Вечного города, смеялась, разговаривала, пила прохладную воду, закусывая её спелым виноградом?

Вот что писал сам художник в одном из своих сонетов:

В сиянии лучей твой образ милый
 Всегда его хранит моя душа.
 Начну писать и вижу — нет той силы,
 Той прелести... О, как ты хороша!

И кисть моя смела, и краски живы,
 Но как они мертвы перед тобой!
 Как этих нежных лилий, роз отливов
 Изобразить с такою красотой?..
 (пер. П. Гнедича)

Вот он — трепет настоящего художника, этот страх перед прекрасной натурой! А ведь он был уже очень знаменит, когда в 1508 году переехал из Флоренции в Рим. Из-под его кисти уже вышли удивительные Мадонны, в которых непревзойдённая красота флорентиек нашла своё полное отражение.

Впереди его ждали ещё бóльшие слава, почёт, уважение, богатство. Рафаэль Санти был завидным женихом. Молодой, жизнерадостный, красивый. Немало богатых и знатных девушек Рима хотели бы заполучить его в свои сети.

Вот и кардинал Бибиена, уважаемый художником человек, предложил ему в жёны Марию, свою племянницу. Кардинала и Рафаэля связывали узы дружбы, и отказать ему прямо он не мог, только попросил отсрочку на три или четыре года. Когда и этот срок миновал, Рафаэль согласился на помолвку. Но свадьба эта так и не состоялась. Причина тому была более чем веская — сердце художника принадлежало дочери булочника.

Точного имени её долго не знали, именовали в легендах Форнариной, что по-итальянски и значит булочница. Вот как писал о своём чувстве сам Рафаэль: «Я побеждён, прикован к великому пламени, которое меня мучает и обессиливает. О, как я горю! Ни море, ни реки не в состоянии потушить этот огонь, и всё-таки я не могу обходиться без него; так как в своей страсти я до того счастлив, что, пламенея, хочу ещё больше пламенеть!»

Рафаэль провёл с этой девушкой лучшие годы своей жизни, посвящал ей сонеты, рисовал её. Лучше всего поэтический и нежный образ

воплотился в знаменитой Сикстинской Мадонне. Милое личико девушки с благородными чертами, дышащее безыскусственной свежестью, искренностью и любовью, превратилось под гениальной кистью Рафаэля в удивительную Богоматерь, спокойно и с достоинством идущую по небу со своей божественной ношей — младенцем Христом.

Русский поэт Жуковский был в восторге от картины, это под её впечатлением в стихотворении «Лалла-Рук» возникла гениальная фраза «гений чистой красоты», перешедшая из него в бессмертное Пушкинское — «Я помню чудное мгновенье».

Рафаэль, прекрасно умевший в своих произведениях передавать душу модели, показывает прекрасную римлянку, основными чертами характера которой являются искренность и преданность. И если не светит в глазах глубокий ум, зато во всём её облике проглядывает глубокое чувство. То небольшое, что мы знаем о судьбе этой девушки, подтверждает эти слова. Форнарина или, как установил итальянский искусствовед Валери, Маргарита Лути — таково её настоящее имя — бросила ради художника своих родителей и поселилась у него в доме. Они провели там несколько счастливых лет.

Рассказывают, что, когда Рафаэль умирал, ученики и друзья его собрались вокруг смертного одра и плакали. Его возлюбленная стояла на коленях возле его постели. Она хотела молиться, но слёзы душили её, слова не шли, и она в отчаянии закрывала лицо руками. Раздался громкий стук, открылась дверь, и в сопровождении небольшой свиты вошёл посол папы, чтобы передать художнику благословение главы римской церкви. Увидев стоящую на коленях женщину, посол возмутился и повелел её удалить: он не мог передать Рафаэлю папское напутствие в присутствии грешницы, жившей с ним в преступной связи.

Красавица Маргарита Лути не осталась жить в миру, а постриглась в монахини. В списке монастыря, куда она добровольно себя заточила, и нашёл исследователь её настоящее имя.

«Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость...»

Василий Андреевич Жуковский (1783-1852) — великий русский поэт-романтик, переводчик «Одиссеи» Гомера, Ф. Шиллера, Гёте.

Последнее лирическое стихотворение Василия Андреевича Жуковского написано в 1823 году. Потом он писал что угодно: переводы, баллады, но только не лирику. Казалось, эта ветка его могучего творчества просто засохла, когда Маша Протасова, его Маша, покинула этот мир. Он оплакал её в коротких, полных невыносимой боли строчках:

Ты предо мною
Стояла тихо,
Твой взор унылый
Был полон чувства.
Он мне напомнил
О милом прошлом...

Он был последним
На здешнем свете.

Ты удалилась,
Как тихий ангел,
Твоя могила,
Как рай, спокойна!
Там все земные
Воспоминанья,
Там все святые
О небе мысли.

Звёзды небес,
Тихая ночь!..

А за восемнадцать лет до этого, 9 июля 1805 года, двадцатидвухлетний поэт пишет в своём дневнике: «Что со мною происходит? Грусть, волнение в душе, какое-то неизвестное чувство, какое-то неясное желание! Можно ли быть влюблённым в ребёнка? Третий день грустен, уныл. Отчего? Оттого, что она уехала! Ребёнок! Но я себе представляю её в будущем, в то время, когда я возвращусь из путешествия».

История этих двух любящих сердец — грустная иллюстрация к тому, как человеческие предрассудки могут свести на нет самые светлые, самые возвышенные проявления человеческого духа.

Эта великая любовь осталась в веках, о ней много написано, но невозможность любящих соединиться сделала их обоих несчастными. Впрочем, и в несчастье у них хватило сил служить людям: Жуковскому — своим творчеством, Маше — бескорыстной помощью страждущим людям.

Сёстры Протасовы — Маша и Саша — были удивительными женщинами. Второй сестре Жуковский посвятил свою знаменитую балладу, которую назвал «Светлана». В Сашеньку отчаянно и безнадежно был влюблён поэт Николай Языков, посвятивший ей множество прекрасных стихов.

Жуковский в 1804-1806 годах был воспитателем талантливых сестёр и уже в 1805 году впервые записал в своём дневнике о зародившемся чувстве к Маше, которая приходилась ему племянницей по отцу. В этом-то непростом родстве и таились корни их общей трагедии. Родным отцом великого поэта был помещик Афанасий Иванович Бунин, а матерью — пленная турчанка Сальха. Но отец не дал незаконнорожденному сыну своего имени, по его просьбе мальчика усыновил живший в имении бедный дворянин Андрей Жуковский. Отец рано умер, взяв слово со своей жены, что та не оставит мальчика.

Так и вырос Васенька в семье Буниных, где, кроме него, было несколько сестёр, намного его старших. Его и любили, и не принимали всерьёз. Позже Жуковский с горечью говорил о том, что хоть его и ласкали, и баловали, в сущности никому до него не было никакого дела. Да, ему дали образование, принимали участие в судьбе, но по сути всего, чего он добился, — он добился своим трудом и талантом.

К моменту знакомства с сёстрами Протасовыми он был уже известным, даже знаменитым литератором. Но это не помогло: мать девочек, Екатери-

на Афанасьевна, была категорически против того, чтобы любящие сердца соединились. Эта трагедия длилась целых 18 лет. Они писали друг другу душераздирающие письма, полные любви и отчаянья. За ними следили, шпионили. Не помогали никакие заступники, даже очень высокие. Екатерина Афанасьевна стояла на своём — по церковным православным традициям браки между столь близкими родственниками (напомню, что Жуковский приходился Маше дядей по отцу) не допускались. Но ведь официально Василий Андреевич считался сыном совсем другого человека, совсем не отца Екатерины Афанасьевны. Тщетно высшие церковные сановники (!) просили её дать разрешение на этот брак. Она была непоколебима.

Наконец последние надежды на счастье рухнули. В доме была очень напряжённая обстановка, и напряжение это усиливалось ещё тем, что муж Саши, литератор Воейков, оказался человеком скандальным. К тому же он полностью стоял на стороне Екатерины Афанасьевны. К Маше посватался дерптский профессор медицины И. Мойер. Она вынуждена была согласиться на этот брак.

Как судить, друзья мои, кто здесь прав, кто виноват? И время было другое, и наши герои были людьми высоконравственными и далеко не всё могли себе позволить. Как бы то ни было, брак состоялся, и Жуковский вынужден был принять его в своём сердце, так как был уверен, что Маше и им всем так будет всё же лучше. И. Мойер был прекрасным человеком, он страстно любил свою жену, посвящал её во все свои дела, и она стала ему прекрасной помощницей: старалась облегчить участь больных, принималась за любую необходимую работу, изучала медицину, в отсутствие Мойера сама могла оказать больным помощь. Всё её существо пронизало чувство долга.

Муж тактично не терзал её упреками, не лез в душу. Она глубоко его уважала и за многое была благодарна. Но вот полюбить так и не смогла. Была ли она счастлива? Вряд ли. Скорее, ей было немного спокойней, как и её родным.

У Ф. Вигеля, мемуариста, оставившего восторженный отзыв о Маше, есть такие горькие слова: «...И это совершенство стало добычей дюжего немца, правда, доброго, честного и учёного, который всемерно старался сделать её счастливою, но успевал ли? В этом я позволю себе сомневаться. Смотреть на сей неравный союз было мне нестерпимо...»

Маша жила воспоминаниями, дорогами ей стихами, старыми письмами. В 1822 году она попала в Муратово, где всё напоминало ей о Жуковском. И эти воспоминания привели к вспышке так усиленно скрываемого обоими чувства. Они обменялись письмами, в которых каждая строчка просто кричала о любви.

Но изменить ничего уже было нельзя: Маша таяла от тяжёлой наследственной болезни — туберкулёза. Жуковский последний раз увидел её в Дерпте 10 марта. А через неделю её не стало. Последнее письмо её, которое она не дописала, всё же дошло до него. Прочитаем эти строки: «Друг мой! Это письмо получишь ты тогда, когда меня подле вас не будет, но когда я ещё буду к вам душой. Тебе обязана я своим живейшим счастьем, которое только ощущала...»

А что же Жуковский? Он помнил её всю свою жизнь, был верен её памяти.

Ангелы Сибири

В Сибирь, на каторгу, вслед за своими мужьями-декабристами уехали 11 женщин. Вот их имена: Екатерина Трубецкая, Мария Волконская, Александра Муравьёва, Елизавета Нарышкина, Александра Ентальцева, Наталья Фонвизина, Александра Давыдова, Прасковья Анненкова (Полина Гебль), Анна Розен, Мария Юшневская, Камилла Ивашева (Ле Дантю).

Их было одиннадцать — прекрасных юных женщин, в большинстве своём богатых и знатных, уехавших за своими мужьями на сибирскую каторгу. Жёны декабристов. Это устойчивое словосочетание произносится с разными оттенками и не всегда с положительными. «Я тебе не жена декабриста,» — может сказать девушка, не желающая разделить со своим любимым излишние, как ей кажется, тяготы жизни. Что ж, действительно, не каждому дано. До сих пор спорят: правильно ли они поступили, променяв своих детей на то, чтобы оказаться рядом со своими любимыми. Странные споры. Начнём с самого начала. Император Николай I нарушил одну из главных заповедей христианства — он покусился на таинство брака, предписывающее мужу и жене всегда быть вместе — и в радости, и в горе. Он нарушил собственные законы, разрешающие женам каторжников следовать за ними на место каторги. Это он разлучил детей с матерями, не разрешая им взять малышей с собой. Вернее, лицемерно предупредил — берите, но ваши дети лишаются вместе с вами всех прав — они никогда не будут дворянами, их ожидает тьма и прозябание. Княгиня Мария Николаевна Волконская, Александра Григорьевна Муравьёва, урождённая графиня Чернышова, могли поступиться своими правами, но правами детей поступиться не считали возможным. К тому же дети оставались не на улице — в России оставались тётки, дедушки и бабушки, которые взяли на себя заботу о них.

Итак, почему они поехали, что их вело? Любовь? Да, было и так. Александрина Муравьёва страстно любила своего Никиту, она писала ему в каземат Петропавловки: «Все три года, что я прожила с тобой, я была в раю». Поехала за своим любимым и отцом своего ребёнка француженка Полина Гебль. Другая француженка, Камилла Ле Дантю, поехала к своему жениху, декабристу Василию Ивашеву, и буквально спасла его от гибели. А вот Мария Волконская мужа мало знала и почти не любила. Но ничто и никто не мог помешать ей исполнить свой долг так, как она его понимала. И она поехала и целовала в каземате не самого князя Сергея, а его кандалы. Жизнь оказалась к ним не очень милостивой, они не были счастливы, но в трудную минуту поддержали друг друга.

Итак, что же их влекло в Сибирь? Любовь и высокая, замешанная на религии, нравственность. В каждой судьбе доля того и другого могла быть разной, но вместе они составляли единый прочнейший сплав, который помог им выстоять в невероятно трудных условиях сибирской каторги и ссылки. В разных местах Сибири — в Петровске-Забайкальском, Иркутске, Туринске — мне пришлось видеть их скромные могилы и могилы их рождённых в Сибири детей. Да, многие из них заплатили жизнью за радость быть рядом с любимым человеком. Некоторым, таким, как Волконская или Полина Гебль (Прасковья Анненкова), удалось пе-

режить четвертьвековой сибирский кошмар. Но вот что интересно: они, слабые женщины, свели на нет самое главное желание императора — похоронить своих врагов-декабристов в бескрайних просторах Сибири так, чтобы никто и никогда не вспомнил больше о них.

Им ведь нельзя было запретить писать письма. И они писали. И за своих мужей-декабристов, и за их товарищей. Боясь огласки, власти вынуждены были идти на уступки — улучшать быт заключённых в каких-то мелочах, не издеваться над ними. Сюда, в Сибирь, потекли обозы с книгами, музыкальными инструментами, медицинским инструментарием. Несмотря на все трудности, налаживался быт. И в Чите, а позже и в Петровске-Забайкальском появились целые Дамские улицы. Они были своеобразными культурными центрами. Позже, когда декабристы один за другим стали уходить на поселение, именно жёны облегчали им ту огромную работу, благодаря которой декабристы одухотворяли прагматичную и жестокую Сибирь — они помогали им учить крестьянских детей, лечить окрестное население, помогать другим попавшим в беду людям. Не год, не два — долгие тридцать лет. Когда уже в 50-х годах XIX века вслед за декабристами в Сибирь пошли петрашевцы, именно жёны декабристов передавали им так необходимые деньги и тёплые вещи, всячески о них заботились. Разве это не подвиг любви? А сколько трагедий перенесли эти женщины — у Александрины Муравьевой из трёх оставленных дома детей двое умерли, а старшая дочь сошла с ума, не в силах вынести тяжёлой моральной обстановки дома. Иногда детей воспитывали так, что они теряли общий язык с родителями, осуждали их. И такое было. Болезни, потери близких преследовали их. И всё же несчастий этих было бы неизмеримо больше, если бы не сила их любви. И в том, что почти все декабристы саму каторгу в Чите и Петровске-Забайкальском выдержали, выжили, безусловно, заслуга этих хрупких, интеллигентных и таких негибаемых женщин.

«Все думы — о любви...»

Данте Алигьери (1265-1321) — поэт, создатель итальянского литературного языка, «последний поэт средневековья и первый поэт нового времени» (Ф. Энгельс). Вершина творчества Данте — поэма «Божественная комедия».

Данте Алигьери, «Суровый Дант», как называл его А.С. Пушкин, — величайший поэт итальянского Возрождения, по сути дела — первый его поэт.

Жизнь его (он родился в 1265 году и умер в 1321-м) захватила самый тревожный в политическом отношении период национальной жизни Италии. Ведь и «Божественную комедию» он написал в изгнании, на которое осудила его восторжествовавшая в 1301 году во Флоренции партия «чёрных» — сторонников папы и представителей интересов дворянской верхушки богатой республики.

Но нас великий поэт интересует более всего как создатель прекрасных сонетов и канцон, посвящённых его возлюбленной — Беатриче. Ведь даже в суровой «Божественной комедии» герой его прodelывает много-

трудный путь через круги Ада и Чистилища, чтобы найти дорогу к Раю и там встретить ненаглядную свою Беатриче.

Так что же это было за чувство, прошедшее через века, вызвавшее к жизни стихи огромного количества поэтов — и известных, и не очень? В истории отношений между женщинами и поэтами, их воспевающими, вряд ли можно найти столь яркий пример пламенной, но в то же время платонической, идеальной любви, которую питал Данте Алигьери к дочери друга своего отца Фолько Портинари — юной и прекрасной Беатриче.

Редко у кого любовь эта не достигала той силы напряжения, той выпуклости и упругости, как в отношениях Данте к Беатриче. Может быть, именно поэтому долгое время не хотели даже верить, что Беатриче — лицо реально существующее, думали, что это поэтическая аллегория идеальной женщины вообще.

Это тем более удивительно, что всё знакомство с Беатриче состояло в нескольких поклонах, которыми она ответила поэту при случайных уличных встречах. И всё! Этого было достаточно, чтобы в груди поэта возникла искра, из которой разгорелось мощное и ровное пламя, которого хватило на всю жизнь.

Все думы — о любви, о ней одной,
И столь они между собой несхожи,
Что этой власти любви всего дороже,
А та сгущает страхи надо мной.

А в той — надежда сладостной струной,
А в той — причина слёз: что делать, что же?
Одно лишь их роднит в сердечной дрожи:
Мольба о милости любой ценой.

Какую думу должен отобрать я?
Откуда взять уверенную речь?
Любовные сомнения нависли.

И чтоб связать разрозненные мысли,
Мою врагиню надо бы привлечь —
Мадонну Милость, пасть в её объятья.
(из книги «Новая жизнь», пер Е. Солоновича)

Данте начал любить ещё будучи ребенком, но вполне понял своё чувство только спустя много лет. В своей книге «Новая жизнь» он сам обо всём этом рассказывает, хотя и принимает все меры к тому, чтобы никто при этом не узнал никаких подробностей. Даже близкие ему люди не знали, кто была эта девушка. Мы ведь даже имени её не знаем: Беатриче по-итальянски означает «доставляющая блаженство». Поэтому исследователи творчества Данте и сомневались в том, жила ли такая женщина на свете.

Но достаточно почитать сами сонеты и канцоны Данте, чтобы понять: реальная Беатриче существовала! Такая сила страсти не может быть выведена к жизни одним поэтическим вымыслом. Как бы то ни было, вопрос этот сейчас учёными решён положительно. Дочь Фолько Портинари ро-

дилась в 1267 году, жила по соседству с Данте, в 1287 году вышла замуж, а в 1290 году, вскоре после смерти своего отца, умерла.

То, что она вызывала у поэта чувства, более всего похожие на умиление, объясняется, может быть, тем, что возлюбленная Данте была слабого телосложения, очень болезненная, и именно поэтому к ней можно было проникнуться самой тонкой платонической любовью, именно такое существо можно считать неземным, горевать и радоваться одновременно, ибо там, где рука об руку идут болезнь и смерть, нет места низменным чувствам. Беатриче просто таяла, как свеча.

Знала ли она о том, какие стихи ей посвящают? Бог весть. Считают, что знала и даже вздумала ревновать Данте и не отвечать на его поклоны, когда он стал в целях маскировки посвящать стихи другой даме. Конечно, обо всем этом мы теперь можем только догадываться.

Как бы то ни было, он долго оплакивал свою любовь. Он был безутешен и горе свое выразил в превосходных сонетах. Он назвал книгу этих сонетов и канцон «Новая Жизнь» (*Vita nuova*). Два десятка сонетов, несколько канцон и баллада — по сути, автобиографическая исповедь поэта, наполненная утонченным философским толкованием пережитого пламенеющего чувства, благостного образа любимой. Проза здесь перемежается со стихами, объясняет их. Это первый в истории литературы дневник личной любви.

Пройдет ещё десять лет, и Данте выполнит своё обещание написать великое произведение, в котором выставит свою любимую в таком свете, в каком никогда ещё не была представлена ни одна женщина. И он пишет свою бессмертную «Божественную комедию».

Чувства его и через годы несколько не потускнели. Именно эта продолжительность чувства, непрерывность любовного экстаза являются самым замечательным в отношении поэта к царице его сердца. Пройдя все круги Ада, Чистилища, дойдя до Рая земного, он встречает Беатриче.

От области, громами оглашённой,
Так отдалён не будет смертный глаз,
На дно морской пучины погружённый,

Как я от Беатриче был в тот час;
Но это мне не затмевало взгляда,
И лик её в сквозной среде не гас.

«О госпожа, надежд моих ограда,
Ты, чтобы помощь свыше мне подать,
Оставившая след свой в глубях Ада,

Во всём, что я был призван созерцать,
Твоих щедрот и воли благородной
Я признаю и мощь, и благодать.

Меня из рабства на простор свободный
Они по всем дорогам провели,
Где власть твоя могла быть путеводной.

Хранить меня и впредь благоволи,
Дабы мой дух, отныне без порока,
Тебе угодным сбросил тлен земли!»
(«Божественная комедия», пер. М. Лозинского)

Прислушайтесь к этим словам. Так может говорить только великая любовь.

Анакреон и гетеры

Анакреон (ок. 570-478 до н.э.) — древнегреческий поэт-лирик. В его творчестве преобладают мотивы размеренного, сознательно культивируемого наслаждения чувственными радостями жизни. В России подобные стихи писали К. Батюшков, Г. Державин, А. Пушкин.

Человеческие наслаждения — что может быть более ценного, не правда ли? Иллюзия, что можно построить целую жизненную систему, уберегающую её последователя от всех жизненных неприятностей с младенчества до глубоких седин не нова — её талантливый представитель, поэт Анакреон, жил в Древней Греции. Его творчество оказало глубокое влияние на многих русских поэтов. Достаточно здесь упомянуть имена Державина, Батюшкова, Пушкина, Дельвига. Хотя жизнь всех перечисленных поэтов далека от безмятежности, а порой и просто трагична, все они в разные периоды своего творчества отдали дань «науке страсти нежной». Поэзия XVIII — начала XIX века в России была к этому очень чувствительна.

Что же касается самого Анакреона, жившего почти тремя тысячелетиями раньше, то он был, как говорил профессор Дублинского университета Дж.П. Магаффи, утончённейшим придворным афинского двора, поклонником вина и любви, человеком, исчерпавшим до дна все человеческие наслаждения.

Здесь уместно сказать и о роли женщины в Древней Греции. Ею восхищались, ей посвящали великие произведения искусства, но в семье женщина была достаточно бесправна. Её главной функцией было деторождение. Как говорил историк Иоганн Шерр о женщинах Спарты в своей книге «Исторические женщины», «...брак, по закону Ликурга, обращался в рационально устроенный завод для расположения людей».

Но в обществе потребность в женской красоте была огромной — и греки, а за ними римляне понимали толк в прекрасном. И коль скоро замужние женщины были заперты за семью замками, их место в обществе заняли утончённые, хорошо образованные гетеры.

Именно гетера, легкомысленная, развратная, но и прекрасная, продававшая свою любовь за деньги, но и умевшая вливать в душу созерцателя её красоты радость и блаженство, служила объектом поклонения у людей искусства.

Существовали храмы, посвящённые любви и страсти. Никому из просвещённых людей в голову не могло придти протестовать против внебрачных связей. К ногам гетеры приносили славу, богатство, талант.

Анекреон не был исключением — он был скорее идеологом внебрачных связей, он воспевал исключительно гетер. Вся творческая деятельность поэта носит на себе отпечаток огня страсти, переполнявшего его душу. Об этом говорит каждая строчка его стихов:

Слаблю нежного Эрота:
Он сильнее всех богов;
Он царит в венце, сплетённом
Из бесчисленных цветов.
Смертных мощный укротитель,
Он самих богов властитель.
(пер. А. Мея)

Господство гетер особенно усилилось в царствование Писистрата, захватившего власть в Афинах в отсутствие сурового Солона. Люди устали от строгих нравов и с наслаждением окунулись в легкомысленные забавы. Афины наводнили роскошь, произведения искусства и... легкий взгляд на жизнь. Анакреон не вмешивался в политику, не давал никому нравственных наставлений, он был певцом ничегонеделания. Высшие цели и стремления времени его нисколько не заботили. Единственным огорчением для него были седины на голове и пренебрежительное вследствие этого отношение к нему молодёжи. Но и к этому он относился легко.

Успевал ли он кого-нибудь глубоко полюбить, нуждался ли он в этом? Называть имена его женщин — дело пустое и из-за их несметного количества, и из-за того, что он сам вряд ли был способен отличить одну от другой. Вот как он сам пишет об этом «мотыльковом» времяпрепровождении в полусушительном стихотворении, озаглавленном «Любовницам»:

Все листья на деревьях
Ты верным счётом знаешь,
И на море широком
Все волны сосчитаешь —
Сочти ж моих любовниц!
В Афинах для начала
Ты запиши мне двадцать
И полтора десятка.
Потом считай в Коринфе
По целым легионам:
Уступит вся Эллада
В красе коринфским жёнам.
Теперь сочти в Лесбосе,
В Ионии, Родосе
И в Карии, пожалуй —
Две тысячи... немного...
(пер. А. Мея)

Поэт ещё долго перечисляет «красавиц его души», уверяя, что никто не сможет их сосчитать. Но при всём желании уберечь себя от огорчений,

неминуемых при всяком глубоком чувстве, ему не всегда это удавалось. Так, последовательный эпикуреец Анакреон пишет бранное стихотворение сопернику, посмевавшему притязать на любовь «белокурой Эврипиды», к которой поэт питал сильные чувства. Он обзывает его бродягой и рассказывает, что прежде тот носил дырявый плащ, истёртую шапку и деревянные подвески, таскался с торговцами и разгульными женщинами и позором добывал себе хлеб, а теперь ездит в колеснице и носит золотые серьги и зонтик из слоновой кости.

Да, в устах Анакреона — это очень сильная брань, которую могло вызвать только очень сильное чувство.

Как вы думаете, можем ли мы сегодня порицать Анакреона за «жар души, растраченный в пустыне», за легкомыслие и безудержное стремление к удовольствиям? Ведь он был умный и талантливый человек. Думаю, что нет. Его породило определенное время и соответствующие времени запросы. Умный, красноречивый властитель Писистрат очень точно уловил основную черту афинского народа и сумел увлечь его жизнью, свободной от тесных уз морального кодекса, навязанного ему Солоном.

Недаром последний так негодовал, вернувшись на родину. Он увидел, что все его труды пошли прахом — от величественного здания афинской гражданственности не осталось камня на камне. Он даже написал стихотворение «Бедствия афинян», в котором с горечью восклицал: «Афиняне, не приписывайте вашего бедствия богам: оно порождено вашим развратом, вы сами придали силу гнетущим вас рукам». Увы, то был глас вопиющего в пустыне.

230

Баловень судьбы

Иоганн Вольфганг Гёте (1749-1832) — великий немецкий писатель, мыслитель и естествоиспытатель, основоположник новой немецкой литературы. Автор сентиментального романа «Страдания юного Вертера» (1774) и философской трагедии «Фауст» (1808-1832).

Ни к кому из немецких поэтов-романтиков судьба не была столь благосклонна, как к великому создателю «Фауста» Вольфгангу Гёте. Ведь ещё совсем юным удостоился он поэтической славы, а в тридцать лет стал министром. Его внимания искали самые знаменитые люди того времени — дипломаты, учёные, поэты, художники. Женщины всегда отвечали ему — гениальному, красивому, благополучному — взаимностью. Но был ли он счастлив? Ведь природа наделила Гёте чрезвычайно тонко организованной душой, способной остро чувствовать страдание. К счастью, поэт оставил нам свою автобиографию, где много пишет и о женщинах, которых любил он и которые любили его. И, увы, это не всегда совпадало. Его автобиография — это и его произведения: вот и прославивший его роман «Страдания юного Вертера» тоже ведь списан с натуры — Гёте пережил подобную историю, и хоть она не закончилась самоубийством, но он как бы пережил самоубийство моральное — отказ от любви во имя дружбы.

Можно много говорить о женщинах великого поэта. И о его жене, Кристиане, простой женщине, на которой он женился, прожив с ней 18 лет до брака, и о тех молодых женщинах, которые были у него после смерти жены и которые искренне его любили, и о самой последней его любви, о которой я всё-таки расскажу вам — о прекрасной Ульрике фон Левецов (Левецов).

Почему Гёте так любили женщины, и женщины молодые, много больше самого поэта? Что дало ему силы, как и его герою, доктору Фаусту, сохранять не только физические силы, но и молодость духа. Он до глубокой старости не знал творческого бессилия. Все женщины, которых он любил, вызывали к жизни замечательные произведения. И он любил их каждый раз страстно, с полной отдачей сил, это каждый раз (!) была страстная, юношеская любовь!

Моральные, душевные силы его не иссякали. Недавно я перечитывал стихи другого старца — поэта Петра Андреевича Вяземского. Я нашёл у него строчки:

Беда не в старости. Беда
Не состарётся с жизнью вместе...

Но для Гёте старость не была бедой — он её не чувствовал! Уж не сам ли он — доктор Фауст, так и не сказавший времени: «Остановись, мгновенье, ты — прекрасно!»

А теперь об Ульрике фон Левецов. Ему было 75 лет, ей — восемнадцать. Он влюбился в неё, как юноша, она полюбила его искренней, пылкой любовью, не иссякавшей в её душе до самой смерти. Благодаря ей, этой любви, живая память о поэте дошла до нашего века.

Она на всю жизнь сохранила воспоминание о гениальном человеке, который едва не сделался её мужем. И сделался бы, не вмешайся родные и близкие, видевшие в этой любви лишь преступление против природы и моральных устоев. Она ни за кого не вышла замуж, и это понятно. Кто бы мог стать рядом, занять в её сердце место, принадлежавшее великому Гёте?

Да, он был стар, но по-юношески строен и прям, на его великолепном лбу не было ни одной морщины, волосы были густы и красивы, а глаза сверкали силой, красотой и любовью. У них уже было всё условлено, недоставало только формального акта — женитьбы, но друзья и приятели восстали против этого «неестественного» брака, который в глазах общества мог бы показаться смешным.

Но почему смешным? Почему её юное сердце так страстно пламенело, охваченное негой и блаженством? Почему она проходила мимо десятков молодых и красивых, суливших ей долгую счастливую жизнь? Почему?

Я особенно отчётливо вспомнил эту историю, сидя на спектакле Ленинградского Академического театра им А.С. Пушкина «Перед заходом солнца». Прекрасные артисты Н. Симонов и Н. Ургант разворачивали передо мной действие грустной пьесы Гауптмана о трагедии и красоте любви людей разных поколений, а перед моим внутренним взором стоял величественный и такой живой облик великого старца.

«Моя судьба ещё ли не плачевна?»

Генрих Гейне (1797-1856) — немецкий поэт и публицист, мастер лирической и политической поэзии. Основные произведения — «Книга песен» (1827), «Путевые картины» (1826-31), поэмы «Атта Троль» и «Зимняя сказка» (1844), сборник «Романсеро» (1851), литературно-критические труды.

Вспомнив о Гёте, не могу пройти мимо судьбы ещё одного немецкого поэта-романтика — Генриха Гейне, хотя бы потому, что жизнь его была в каком-то смысле полной противоположностью жизни его литературного предшественника. Никакой внешней гармонии — одни противоречия. Это нам подспудно все классики кажутся знаменитыми и благополучными. Их судьбе можно позавидовать, подражать. Увы, увь... Совсем нечасто улыбается счастье великим.

Смотрите сами. Генрих Гейне был великим патриотом Германии, но прослыл отщепенцем, ненавидящим свою страну. Душа его постоянно стремилась на берега Рейна, а тело было приковано к чужбине — последние 25 лет жизни он прожил во Франции. Мечтал о женщинах талантливых, полных чувства и энергии, понимающих его поэзию, а жил с простой полуграмотной француженкой, ни слова не понимавшей по-немецки. Когда ей пришлось прочитать в переводе его любовное стихотворение, она возмутилась, обиделась и сказала, что никогда не будет читать стихи, которые её муж пишет о других женщинах.

Всей душой тяготел к мирной жизни и вместо этого жил в эпицентре бури — в Париже, и вёл нескончаемую борьбу со своими политическими и литературными врагами. Мечтая о всеобщем политическом и социальном рае, всю жизнь горевал, томился безысходной тоской, заглушая её саркастическим смехом. И наконец, этот прямой потомок Гёте был забыт современниками в конце жизни, который был достаточно печален — Гейне был восемь лет прикован к постели. Вот такая судьба, такой жизненный путь знаменитейшего поэта. А любовь? Была ли она у него?

Его очень любили две самые близкие женщины — мать и сестра Шарлотта. Мать его была выдающейся женщиной, получила превосходное воспитание, и именно ей он обязан ранним развитием и любовью к литературе. С сестрой он был дружен, и нежная и верная эта дружба продолжалась до самой смерти поэта. Когда он живым трупом лежал на своей койке в Париже, она старалась как можно чаще бывать у него.

Но первую настоящую любовь Гейне испытал в раннем юношеском возрасте. Его возлюбленная Вероника умерла совсем молоденькой, и он запечатлел светлый её образ в «Путевых записках».

Он долго помнил о ней. И когда через десять лет спустя появилась его книга «Le Grand» (1827 год), он напрасно иронией пытался заглушить эту «зубную боль в сердце».

Только однажды он встретил женщину, достойную стать рядом с ним, — речь идёт о знаменитой Рахили Фарнгаген фон Энзе, хозяйке одного из самых модных литературных салонов. Сюда заходил великий Гёте, и молодые литераторы получали в общении с ним толчок для развития своих талантов.

Понятно, что здесь не было места для любви и страсти. Рахиль была замужем и обожала своего мужа. Она была женщина благородная и никакого флирта не допускала даже в душе. К тому же, молодой Гейне просто благоговел перед ней и безмерно уважал её. Гейне часто писал в письмах, что никто так не понимает его творчество, как Рахиль.

Итак, высокообразованные, интеллектуальные красавицы, тонко чувствующие поэта, интересные собеседницы, друзья. А женится Гейне на необразованной гризетке, смазливой француженке Матильде. Он женится на ней после нескольких лет связи и... счастлив! При всём своем невежестве Матильда обладала весёлым характером, истинно французской бойкостью, была добра, приветлива и любила мужа до самозабвения. Она, жена одного из величайших немецких поэтов, патриота до мозга костей, так и не смогла выучить ни одного немецкого слова.

И несмотря на это, пылкий Гейне любил её, страдал, когда они ссорились, не успокаивался, пока не происходило примирение. А как же знаменитое родство душ? Его отсутствие не смущало ни её, ни его.

Он прожил с Матильдой более двадцати лет, и неизвестно, когда больше её любил — в первые ли дни знакомства, когда он только узнал хорошенькую брюнетку, весёлую, болтливую, по-своему остроумную, перебравшуюся из деревни в Париж к своей тётке-башмачнице, или в последние годы своей жизни, когда больной и разбитый, лежал в безнадежной неподвижности, странным образом сохраняя в себе поэтические искры.

То, что она не знала ни одного его стихотворения, тоже шло ей на пользу в сознании Гейне: он считал, что это даже хорошо, что его жена любит не его стихи и славу, а его самого как человека.

Ему нравилось даже то, что Матильда была очень вспыльчивой.

Характер Гейне, беспокойный, порывистый, требовал напряжения, ссор, и небольшие распри, прерывая размеренный характер семейной жизни, придавали ей необходимую остроту. И так сладки были минуты примирения. Гейне даже иногда специально дразнил свою преданную подругу и успокаивался только тогда, когда в её глазах загорался хорошо знакомый огонёк. А как славно было успокоить её, принеся пару серёг или цветастую шаль. Матильда легко давала себя уговорить, и в доме воцарялся мир.

Вот как он писал о ней: «Входит жена, прекрасная, как утро, и улыбкой рассеивает немецкие заботы».

Она навсегда осталась верна его памяти. Трогательно, безыскусно рассказывала о нём, а приходивших в дом почтить память великого поэта она потчевала блюдами, которые он любил, и искренне верила, что тем самым почитает его память.

Вот вам удивительный пример многолетней счастливой жизни двух абсолютно разных людей. Но, может быть, именно потому так любил Гейне, человек гениальный, творческий, один из самых умных поэтов Германии, свою Матильду, что видел в ней то, чего ему, может быть, недоставало в полной мере — умения радоваться жизни, физического и морального здоровья, здравого отношения к миру.

«Ангел мой, ты видишь ли меня?»

Фёдор Иванович Тютчев (1803-1873) — выдающийся русский поэт, дипломат. Лирика Тютчева — напряжённый, трагический философский монолог, полный ощущения космических противоречий человеческой души.

Не без внутреннего трепета приступаю я к этой новелле. Как рассказать молодым то, что сам понял только в зрелом возрасте? Как найти слова, хоть сколько-нибудь адекватные жизни и творчеству самого любимого моего и близкого по духу поэта? А ведь нет для меня никого, более близкого сердцу, чем Фёдор Иванович Тютчев. Разве что ещё сумрачный Баратынский. Оба они стремились разъять душу человеческую, чтобы понять, что же происходит в ней, куда она стремится по воле рока.

Но если Евгений Баратынский делал это совершенно сознательно, ощущая себя литератором и поэтом, то гениальный Тютчев был в самом высоком смысле дилетантом и никогда серьёзно к своей поэзии не относился. Жизнь, сама жизнь его была творимой и мучительной поэзией.

Есть что-то мистическое в том, как соединились после смерти судьбы этих поэтов. Соединились в прекрасном, поэтическом подмосковном Муранове, в усадьбе, где жил Баратынский, а после — сын Тютчева Иван, и где теперь — удивительный по силе воздействия музей двух поэтов. Мне посчастливилось быть там и петь за письменным столом Баратынского романсы на стихи его и Тютчева. О, как я волновался в ту минуту. Но не будем отвлекаться от судьбы нашего героя.

Мальчик из патриархального Овстуга, из семьи полной патриархальных традиций XVIII века, дружной и прочной, выпускник Московского университета, член кружка любомудров, он попадает в бурлящую предреволюционную Европу, где рушатся не только общественные, но и личные устои, где ветер перемен сносит сословные перегородки, где кипят и скрещиваются мнения.

Блажен, кто посетил сей мир

В его минуты роковые...

Кто же не знает этих строчек! И. Тургенев, готовя к печати тютчевские стихи, отредактировал — «Счастли́в, кто посетил...» И был неправ. Куда уж, счастли́в! Этот мир, притягивая властно молодого Фёдора Тютчева, одновременно страшил до смерти. Недаром так испугало его восстание декабристов. Вспомним:

О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула, —
И не осталось и следов.

Но это в России. Европа — бурлила. Французская революция 1830 года, оба польских восстания, революция 1848 года, Крымская война. Байрон,

Гейне и Шиллер, бурное развитие немецкой философии, Шеллинг, почитателем и последователем которого Тютчев стал ещё московским студентом.

Все эти события будоражили, пугали молодого дипломата и притягивали, расшатывали нервную систему, вселяли пессимизм и внушали неясные надежды. Читайте его стихи — в них всё это есть.

Но оставалась ещё одна область человеческих чувств — любовь, к которой начинающий поэт был особенно чувствителен. Но как же он понимает это чувство? Как гармонию? Отнюдь. Любовь в понимании Тютчева — страшная, разрушительная сила, ни в чём не напоминающая патриархальные отношения его родителей. *«О, как убийственно мы любим...»*, *«О, сколько горестных минут, // Любви и радости убитой!..»*. Вот очень точный отпечаток поэтической мысли уже зрелого Тютчева:

Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет, наконец...

Обратите внимание на эти выразительные, безнадёжно замирающие отточия пятого стиха первой строфы, он бы и рад любить иначе, но куда уйдёшь от собственного рока? Немудрено, что при таком понимании любви личная жизнь поэта была далека от идиллии.

Первая пора пылких влюблённостей, бурных переходов от романа к роману завершается женитьбой на красавице-вдове, которая была старше его на четыре года. Женитьба не приносит успокоения — новые увлечения грозят разрушить брак. Трагическая смерть Элеоноры в 1839 году после морской катастрофы глубоко его потрясла — в тридцать шесть лет он поседел.

Однако вот высказывание близко знавшего его В. Жуковского, навестившего Тютчева после трагедии: «Он весь «горе и воображение», а между тем, говорят, что он влюблён в Мюнхене». Отметим этот момент. Тютчев горюет по-настоящему, мир рухнул для него, но в сердце живёт новая любовь к женщине, которая вскоре станет его женой. Эрнестина, тоже вдова, как и Элеонора, — красавица и настоящий друг, глубоко понимающий поэта.

Казалось бы, счастье — вот оно, но душу Тютчева-поэта разъедает призрак одиночества, крайнего индивидуализма и тоски. Его мятущаяся душа не находит покоя нигде. Он не верит в прочность окружающего его мира, боится и ищет новых потрясений.

На 1850-70 гг., на последние два десятилетия его жизни, он снова ощущает себя «сиротой бездомной», который «стоит теперь и немощен

и гол, лицом к лицу пред пропастью тёмной». Вновь зашатались устои семейного быта Тютчева.

На его горизонте появилась Елена Денисьева. Правильнее будет сказать, что 47-летний поэт обрушился всей силой своей души и интеллекта на женщину, много моложе себя — ей было в год их знакомства 24. Могла ли она сопротивляться этому могучему вихрю, сметавшему всё на своём пути? Она и не сопротивлялась, а полюбила его навсегда. «О, как на склоне наших лет // Нежней мы любим и суеверней...» Этот прощальный свет, эта последняя любовь светила поэту целых десять лет.

Он не мог скрыть этой связи, да и не стремился к этому. Денисьева родила ему троих детей. Он их всех усыновил. Скандал в обществе был жуткий, он вызвал недовольство двора, но Тютчева это не останавливало.

Но раздвоенность души поэта и на этот раз собирала свою страшную жатву. Он не просто не мог оставить семью — он продолжал любить и Эрнестину, посвящал ей проникновенные стихи:

Она сидела на полу
И груды писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

О, сколько жизни было тут,
Невозвратно пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени —
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

Всё это придавало «беззаконной» любви Тютчева особый трагический оттенок, придавало ей характер обречённости. По сути, двух самых дорогих ему женщин он делал несчастными и чувствовал себя при этом палачом. Я уже упоминал о стихотворении «О, как убийственно мы любим...». Оно посвящено Елене Денисьевой. Но и ещё, и ещё: «Не говори: меня он, как и прежде, любит...», «Последняя любовь» и много-много стихотворений, ставших прекрасными образцами русской любовной лирики, но отражавших страшноватые жизненные реалии.

Вот и одно из самых прекрасных стихов, наполненных просто разрывающей душу тоской и печалью, но также и пронзительным, чистейшей пробы светом, посвятил он памяти своей подруги. Всё-таки настоящая любовь, пришедшая к гениальному поэту, даже в самых безысходных,

казалось бы, ситуациях, разрешается надеждой. И дарует эту надежду, этот горный свет другим людям, оказавшимся в сходной ситуации. Подает им руку помощи. Не потому ли Тютчев и живёт в сердце тех, для которых поэтическое слово хоть что-то значит?

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня,
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Всё темней, темнее над землёю —
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души не витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Эрнестина не бросила своего беспокойного мужа и потому, что чувствовала долг перед ним и детьми и, наконец, потому что любила. Он продолжал почти до самых последних дней вести рассеянный светский образ жизни, но иногда погружался в глубокую печаль, из которой его могла вывести только жена. Может быть, он чувствовал приближение последнего Хаоса, от которого нет спасенья...

Одно из последних своих стихотворений он посвятил жене:

Всё отнял у меня казнящий бог,
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему ещё молиться мог.

Его называли «музыкальным Гейне»

Фредерик Шопен (1810-1849) — выдающийся польский композитор и пианист, представитель романтического направления в музыке. С 1831 года жил в Париже.

Жорж Санд (Аврора Дюдеван) (1804-1876) — французская писательница, проповедовала идеи освобождения личности, в том числе эмансипации женщин. Лучший роман — «Консуэло» (1842-43 гг.).

Кто из нас не любит нежной и страстной музыки Шопена? Лучшей музыки, которую произвёл на свет романтизм, которая и сегодня так же жива, как и почти 200 лет назад. Его жизнь окутана легендами, и одна из таких легенд — отношения между великим композитором и известной писательницей — Фредериком Шопеном и Жорж Санд. Они длились почти десять лет — по сути, треть отпущенной ему жизни.

А начиналось это так. Осень одолела Париж проливными дождями. Надо было куда-то пойти: бороться с хандрой в одиночку становилось всё тяжелее. Фредерик вспомнил, что у графини К. в этот день журфикс, и так как на часах было начало одиннадцатого, он, не раздумывая, отправился туда. Что-то необычное окутало его, когда он поднимался по устланной коврами лестнице. Это был тончайший запах фиалок.

Войдя в салон, Шопен сел в углу неподалеку от камина, стал рассматривать блестящих гостей хозяйки. Постепенно часть из них разошлась, остались только самые близкие друзья дома. Шопен согрелся, развеселился и, сев к фортепиано, начал импровизировать.

Светлые, прозрачные, как хрусталь, звуки музыки наполнили зал. Окончив свою музыкальную сказку, он поднял глаза от клавиатуры. Перед ним, опершись белоснежной красивой рукой об инструмент, стояла просто одетая дама и внимательными тёмными глазами смотрела на него. От неё пахло фиалками, и она смотрела так, будто пыталась проникнуть Шопену прямо в душу.

Через некоторое время, собираясь уходить, она подошла к нему вместе с Листом и наговорила комплиментов. Он, конечно, был польщён, но вот что интересно — она совсем ему не понравилась. Да и не удивительно — ей было уже под сорок, она была достаточно плотной особой, курила табак. Шопен, конечно, знал о её громких многочисленных романах, о литературной славе, о том, что она вообще слывёт женщиной необыкновенной. Он был польщён — и только.

Он написал родителям вскоре после этой встречи: «Я познакомился с большой знаменитостью, г-жёй Дюдеван, известной под именем Жорж Санд; но её лицо мне несимпатично и вовсе мне не понравилось. В нём даже есть нечто такое, что меня отталкивает». Такая вот убийственная характеристика.

Но он-то ей очень понравился — нежный, хрупкий, с женственной душой, проникнутый настоящим благоговением перед всем чистым, светлым, идеальным, был чрезвычайно интересен этой женщине свободных взглядов, носившей мужской костюм, часто менявшей любовников и без всякого сожаления их бросавшей, существом чрезвычайно властным и несколько помешанным на женском равноправии.

Не одной красотой, видимо, побеждает женщина. В полной мере это относилось к Жорж Санд. Злые языки говорили, что она убаюкивала мужчин своими эротическими сказками, и они падали к её ногам.

Как бы то ни было, через месяц с небольшим Шопен был уже глубоко влюблён, и душа его, измученная предательством невесты, одиночеством, жадной любви, расправила крылья, найдя в Жорж Санд верного понимающего друга, страстную любовницу, человека, тонко чувствующего его творчество. Как-то она сказала по поводу двух его вальсов: «Они стоят всех моих романов». И она не лестила и не лукавила — она действительно так думала и чувствовала.

Они уехали на остров Майорку и поселились там. Шопен сочинял музыку, она писала свои романы. Денежные заботы мало тревожили их, но жизнь не была безоблачной. Несмотря на то что они любили друг друга, а может быть, именно вследствие этого, ссоры всё же случались.

У Шопена оказался довольно ревнивый характер, и он устраивал Авроре настоящие припадки ревности. Она, впрочем, давала к ним повод и не тем, что в её жизни были другие мужчины, а из-за полной независимости своего характера. Она ни одному из своих мужчин не разрешала думать, что она им принадлежит. Принадлежать она хотела только себе самой. Это, впрочем, не мешало ей по-настоящему заботиться о своём возлюбленном, создавать ему все условия для работы.

Они проводили чудесные вечера вдвоём, к ним приезжали европейские знаменитости, они любовались красотами Майорки и творили, творили, творили. Творчество Авроры Дюдеван приобретало всё большую глубину, вальсы и мазурки Шопена поражали силой своих чувств. Поистине, эта близость была им обоим на пользу.

Но всему приходит конец, любви, к сожалению, тоже. Шопен заболел чахоткой, и Аврора с ужасом заметила, что это стало её тяготить. Она ругала себя, упрекала себя в жестокости, пыталась бороться. Увы, увы! Одно дело — молодой, свежий, красивый, талантливый возлюбленный, и совсем другое — угрюмый, чахоточный больной, раздражающий её всё учащающимися припадками ревности.

Она решила положить конец их отношениям и, как это было в предыдущем её романе с французским поэтом и драматургом Альфредом Мюссе, написала книгу «Лукреция Флориани», в которой под вымышленными именами изобразила себя и своего возлюбленного, причём себя изобразила почти ангелом, а Шопена наделила всеми возможными слабостями.

Казалось, разрыв теперь был неизбежен, но Жорж Санд не учла, насколько привязался к ней Шопен. Он медлил, не мог расстаться со своей мучительницей, тем более, ему не хотелось расставанья сразу после выхода романа, чтобы не подтверждать слухи, которые распространялись на этот счёт.

Он говорил: «Если я оставлю теперь эту женщину, которую любил и уважал, то превращу её роман в истинную историю и сделаю её жертвой общего презрения».

Но всё же в 1847 году любовники расстались. Через год Шопен и Жорж Санд встретились в доме одного их общего друга. Встреча поразила обоих. Жорж Санд вспомнила то зло, которое ему причинила, и, полная раскаяния, желая помириться с ним, подошла и протянула своему бывшему возлюбленному руку. Он побледнел, отшатнулся и вышел из зала, не промолвив ни слова. Фредерик всё ещё любил её и тосковал по их былой близости, но простить не смог — слишком сильна была боль оскорблённого сердца.

Да, они не смогли пронести свою любовь через всю жизнь. Но разве десятилетие близости — это мало? Близости, которая подарила миру столько прекрасного.

Недостижимо это божество!

Франческо Петрарка (1304-1374) — итальянский поэт, один из родоначальников гуманистической культуры Возрождения. Его «Книга песен» («Канцоньере») — лирический дневник; она полна противоречия между аскетическим средневековым ощущением и новым видением мира.

Петрарка и Лаура! Для нас, живущих в начале XXI века, эти имена звучат тождественно с другой великой парой — Данте и Беатриче. А между тем их разделяет почти полтора столетия — столько же, сколько отделяет нас от людей середины 19-го. И в те далекие времена годы мчались так же стремительно и люди, хотя и не так стремительно, но всё же менялись. Любовь Данте к хрупкой девочке Беатриче — идеальна, почти бесплотна. Любовь Петрарки к Лауре — замужней даме, матери одиннадцати детей, более земная, более страстная, наполненная реальной жизнью. И сам Петрарка более живой, наделённый страстным итальянским темпераментом, нам, теперешним, всё же ближе мрачноватого и возвышенного Данте. Впрочем, я не настаиваю, может быть, всё это — плод моего воображения. Но я чувствую именно так. Судите сами:

Я страстью взнудан, но жестокость шпоры
И жёсткие стальные удила
Она порой ослабит, сколь ни зла,
И только в этом все её повторы;

И к той приводит, чтобы въявь укору
И муки на челе моём прочла,
Чтобы Любовь ответные зажгла
Смятенные и грозовые взоры.

Тогда, как будто взвидев гнев Зевеса,
Страсть-помыкательница прочь отпрянет, —
Всесильной свойствен равносильный страх! —

Но столь тонка души моей завеса,
Что упования робость зрима станет
И снисхожденье сыщет в тех очах.
(Пер. А. Эппеля)

Без великих стихов Петрарки наш общий человеческий опыт был бы существенно беднее. Да, мы стали другими, мы не очень понимаем, как может прожить, разгореться и не погаснуть в сердце любовь неразделённая — нам, людям прагматичным и торопливым, многое остаётся неясным. Мы уверены, что так жить нельзя! Но что мы знаем на самом деле?! Вот они повстречались впервые. Она — двадцатилетняя замужняя дама, он — молодой, подающий надежды учёный и поэт.

Через сорок с лишним лет он, уже старик, перебирая архив, нашёл сонет, который раньше ему не очень нравился, и, минуту молча вглядываясь в начинающие выцветать строчки, дописал новые, полные прежней силы строчки: «В год тысяча трёхсот двадцать седьмой, в апреле, в первый час шестого дня, вошёл я в лабиринт, где нет исхода».

Я думаю, позволю размер стиха, он бы и минуту с точностью указал — ничего не забыло сердце!

Писатель Евгений Богат, написавший прекрасную книжку о любви и назвавший её очень выразительно — «Что движет солнце и светила»,

рассказывая о Петрарке, писал о непреходящем через много лет чувстве нежности его к своей возлюбленной.

Здесь вот что интересно. Скептики могут сказать: легко сохранять нежность к женщине, которую видишь время от времени то в церкви, то на улице, с которой не связан общим бытом и житейскими неприятностями. Может быть, эти редкие встречи не позволяли разглядеть Петрарке, что его любимая стареет, у неё грузнеет стан, появляются первые морщины и седые волоски.

Да нет, он всё замечал, всё видел, но любил оттого свою Лауру ничуть не меньше. Идеализировал? А разве любовь без идеализации возможна? А что такое эта идеализация для того, кто любит? Обман? А может быть, совсем наоборот? Только любви под силу разглядеть истинное, прекрасное лицо человека? Не замутнённое случайным, наносным.

Дело, в конце концов, совсем не в красоте. Лицо любимого человека всегда красиво, ибо любящий видит в нём душу. И с этой духовной красотой время ничего не может поделаться — наоборот, оно только с годами всё более и более проявляет его, выносит из глубины на поверхность.

Говорят, что от любви глупеют. Какая чушь! Настоящая любовь делает человека более духовным, а значит, и более мудрым. Он понимает, что мало влюбиться — надо ежедневно, ежечасно продолжать творить свою любовь. Что, собственно, Петрарка и делал долгих сорок пять лет. Его сонеты — это письма к любимой:

— Пиши, — Амур не раз повелевал, —
Поведай всем по праву очевидца,
Как волею моей белеют лица,
Как жизнь дарю, сражая наповал.

Ты тоже умирал и оживал,
И всё же мне пришлось с тобой проститься:
Ты знал, чем от меня отгородиться,
Но я настиг тебя, не сплеховал.

И если взор, в котором я однажды
Предстал тебе, чтобы в груди твоей
Создать редут, построить чудо-крепость,

Сопротивленье превратил в нелепость,
Быть может, слёзы из твоих очей
Исторгну вновь — и не умру от жажды.
(пер. Е. Солоновича)

Живая тоскующая душа Петрарки вызывает и сегодня у нас такое же живое ответное чувство сострадания и понимания. От этой великой любви нет спасенья, да и нужно ли оно?

Поэт никогда не расставался с томиком великого Вергилия. Где бы он ни путешествовал, томик всегда был с ним. Сегодня в одной из старинных библиотек Милана можно полюбоваться на знаменитую книгу, на обороте первого белого листа которой, когда-то приклеенного к переплёту,

можно найти запись в восемь длинных строчек. В этой записи в первый и последний раз Петрарка открыто называет Лауру по имени. Давайте рассмотрим в эти удивительные строчки:

«Лаура, славная собственными добродетелями и долго воспеваемая моими стихами, впервые предстала моим глазам в раннюю пору моей юности, в лето Господне 1327-ое, в день 6-й месяца апреля, в церкви Святой Клары в Авиньоне, в час утренний; и в том же городе, в том же месяце апреле, в тот же 6-й день, в тот же первый час, лето же 1348-ое, у сего света свет оный был отнят, когда я случайно был в Вероне, увы! судьбы своей не ведая...»

Вот так. Он всё помнит, всё. И каждый его сонет — это песня любви:

Её творя, какой прообраз вечный
 Природа мать взяла за образец
 В раю Идей? — чтоб знал земли жилец
 Премудрой власть и за стезёю Млечной.

Её волосы — не Нимфы ль быстротечной
 Сеть струйная из золотых колец?
 Чистейшее в ней бьётся из сердец —
 И гибну я от той красы сердечной.

В очах богинь игру святых лучей
 Постигнет ли мечтательной догадкой
 Не видевший живых её очей?

Целит любовь иль ранит нас украдкой,
 Изведал тот, кто сладкий, как ручей,
 Знал смех её, и вздох, и говор сладкий.
(перевод Вяч. Иванова)

У человечества за долгие века его существования накопился самый разный опыт. Люди научились пасти скот и мастерить самые разные вещи, они научились торговать и убивать друг друга, накопили огромные запасы ненависти и недоверия. Но они никогда бы не смогли остаться людьми, если бы не было в их арсенале опыта самого ценного — опыта любви. Ибо только любовь, в конце концов, показывает истинное лицо человека. И в этом смысле урок, данный нам великим Петраркой, весьма поучителен. Он своими поэтическими строчками доказал нам, что любовь может жить долго, всю жизнь и после неё.

Человек от рождения добр

Дени Дидро (1713-1784) — французский писатель, философ-просветитель, идеолог французской революции 18 века, основатель и редактор «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремёсел». В основных философских произведениях отстаивал материалистические идеи. Сторонник просвещённой монархии, оказавший большое влияние на умы современников, в том числе и в России.

Между тем, Дидро, автор знаменитой «Энциклопедии», обогатил и украсил своим личным опытом и историю любви. Сколько он написал статей в эту «Энциклопедию»? Около полутора тысяч, даже чуть больше. И более пятисот писем к Софи Волан. Впрочем, эти письма были в чём-то похожи на статьи — он рассуждает в них о таких серьезных вопросах! И о влиянии искусства на нравы, и об обычаях различных народов, и о государственном устройстве Китая. Но о чём бы он ей ни писал, он не просто «сообщает сведения» — он щедро ими делится, он их дарит своей Софи.

Когда они познакомились, у обоих за плечами была целая жизнь. С точки зрения подростка, они были почти старыми людьми — ему было сорок три, ей — сорок. У него были жена и дочь, которых он ценил и любил по-своему. Он был великодушным человеком и не мог бросить свою жену, которая посвятила ему свою жизнь, когда он был никому не известен и прозябал в бедности. Он очень любил свою дочь и не мог расстаться с ней. А Софи Волан была слишком великодушной и слишком его любила, чтобы на этом настаивать. Она так и осталась для него «мадемуазель Софи».

Мы мало что знаем о её жизни до встречи с Дени Дидро; неизвестно, почему она не вышла замуж. Даже портрет её, с которым он не расстался, не сохранился. Важно не это. Важна сила любви, великая страсть, охватившая этого человека, страсть, которая делает его любовь безумно похожей на первую, почти юношескую. Свежесть, неизведанность чувств — вот что приходит в голову, когда читаешь эти письма.

По поводу их неувстречи: «Теперь 9 часов; я пишу вам, что люблю Вас... Не придёте ли вы, чтобы я мог вам это сказать и исчезнуть?.. Первый раз пишу в сумерках: это положение должно бы привести меня в очень нежное настроение... Но я чувствую лишь одно: я бы не ушёл отсюда. Надежда увидеть вас удерживает меня здесь, и вот я продолжаю беседовать с вами, даже не зная, выходят ли у меня буквы! Повсюду, где их не будет, читайте, я вас люблю».

Через четыре года после их знакомства: «Четыре года назад вы казались мне прекрасной. Ныне я нахожу вас ещё прекраснее; такова волшебная сила постоянства — добродетели наиболее требовательной и редкой».

Если вам попадёт в руки эта переписка, прочитайте её. И вот что ещё очень интересно. Мы часто уповаем на время, пытаюсь оправдать себя в том или другом поступке или помысле. Сейчас очень модно говорить о меркантилизме, о власти денег, о размывании простых человеческих отношений, в том числе и любви... Тут и сексуальная революция, всякая там эротика и порнография. Какая любовь, о чём мы?

А вот перед нами пример того, как люди не захотели подчиниться главенствующему в их время образу мыслей. Ведь что такое куртуазный XVIII век в Европе? О любви больше говорят, чем любят на самом деле. Сквозь пальцы смотрят на всевозможные отношения вне брака, но истинное постоянство, истинная верность, искренность и открытость чувств шокируют.

Но Дидро — совсем другой человек. Он верит в человечность, героизм, великодушные и милосердие. Он верил в то, что человек от рождения добр, и верой этой заражал окружающих.

Он беспредельно любил человека вообще, и эту же беспредельность любви принёс он в дар конкретному человеку, конкретной женщине Софи Волан. «О, мой друг! когда Дафнис увидел свою Хлою после долгой жестокой зимы, разлучившей их, взор его помутился, ноги подкосились, он зашатался... В иные минуты мне кажется, если бы вы, друг мой, по какому-нибудь волшебству вдруг оказались возле меня: я умер бы от счастья».

Часто ли они виделись? Когда как. Иногда им приходилось расставаться и надолго. Он безумно тосковал по своей возлюбленной, но её присутствие в душе его было постоянным. О чём бы он ни писал ей, он говорил о любви, ибо любовь его обнимала целый мир. Знаете, как это бывает? Любовь окрашивает дома, деревья, явления природы и общественной жизни в какой-то особый цвет. Всё важно, всё интересно и обо всём необходимо сейчас же, немедленно рассказать любимому человеку.

Их постоянство, искренность, то, что они не скрывали почти своих отношений, многих раздражало, но им было всё равно. Они оба считали, что тот, кто создан любить и быть любимым по-настоящему, тот и будет по-настоящему любить и внушать любовь.

«Время рассеивает иллюзии — для всякой страсти наступает конец. Но чем чаще я тебя видел, тем сильнее любил. Со временем моя нежность возросла; суть в том, что в основе её лежат качества, реальность и ценность которых росла с каждым днем».

Вот так. Ведь с каждым днём, с каждым прожитым годом они всё глубже проникают друг в друга, объединяя души свои в одну влюблённую душу, понимая друг друга без слов и находя всё новые слова для выражения этой любви. Собственно, каждое слово, о чём бы оно ни говорилось, — о любви. И эта любовь касается не только их двоих — от неё добрее окружающий мир.

Дело в том, что родственники Софии — её строгая мать и замужние сёстры — очень долго были категорически против их отношений. Дидро знал, что они все читают письма, которые он посылает любимой, и выдумал для этих писем специальный стиль, где перемежал шутливые строчки для всех строчками, предназначенными только для неё. И ведь он победил самое трудное — человеческую неприязнь. Все они, даже патриархальная мать Софии, полюбили его.

С годами росла не только нежность Дидро, но и его мудрость. А может быть, это почти одно и то же? Ведь нежность, которую он испытывал к Софии, делала его душу всё более восприимчивой к окружающему миру, его чувства оставались свежими и юными, он не переставал удивляться, а ведь удивление — ключ к познанию. И, кто знает, было бы его творческое наследие таким, каким мы его знаем, без этой любви?

Да, она не была безоблачной, эта любовь, она принесла ему не только счастье, но и много страданий: разве не страдание — невозможность постоянно находиться рядом с любимым человеком, засыпать и просыпаться вместе? Этого судьба ему не позволила.

Зато она позволила ему соединить почти несоединимые вещи — страсть и добродетель, потому что у него было большое сердце, огромное, как море.

В бурю нельзя ставить новые паруса — ветер порвёт их в клочья, старый же парус, дырявый, как решето, может выдержать. Вот и эти письма Дидро к Софи Волан — они похожи на этот спасительный обветшалый парус, в котором дыры — раны в человеческом сердце. Раны, полученные ради любви, ради верности и постоянства.

Абеляр и Элоиза

Пьер Абеляр (1079-1142) — французский философ, теолог и поэт. Развил учение, позднее названное концептуализмом. Подвергался церковному преследованию. История его любви к Элоизе изложена в его «Истории моих бедствий».

Если я спрошу вас об эпохе Возрождения, какие имена придут вам в голову? Кому-то Рафаэль и Микеланджело, кто-то в первую очередь вспомнит великих Данте и Петрарку, а кто-то не назовет никаких имён, а просто вспомнит величественную архитектуру тех лет. И каждый будет прав.

Но есть ещё один памятник этой эпохи, памятник величия человеческого духа, памятник любви французского философа-вольномудца Абеляра и прекрасной женщины Элоизы. От них осталась переписка. История их любви закончилась уходом обоих в монастырь, откуда они слали друг другу письма. Было это в 1132-1135 годах.

Это не легенда, не мистификация. Оба они действительно жили на белом свете. Абеляр был известным философом, вольномудцем и поэтом. Об Элоизе известно меньше. Знают, что родилась она то ли в 1100, то ли в 1101 году. Ничего не известно о родителях её и детстве, но известно, что обучалась она в монастыре Аржантейль и была, по выходе из него, удочерена дядей — каноником Фульбером.

Именно в дом каноника Фульбера и проник под видом учителя сорокалетний философ Абеляр. Был он человеком бесстрашным, умным и находчивым на слово. Образован чуть ли не лучше всех во Франции. Он так дискутировал с ортодоксами церкви, что диспуты эти запомнились свидетелями намертво. Так же, как когда-то, за полторы тысячи лет до этого, запомнились беседы любимого Абеляром Сократа.

Стать его учеником была честь великая. Юноши со всех стран Европы стремились в Париж, чтобы этой чести добиться. Неудивительно поэтому, что каноник Фульбер, человек не очень далёкий и скуповатый, расцвёл от счастья, когда Абеляр предложил ему заниматься с его приёмной дочерью за мизерную оплату. Не сообразил незадачливый Фульбер, что Абеляр влюблён в девушку, которую случайно увидел месяцем раньше.

И стал он ей не только учителем, но и возлюбленным, завоевав неопытное сердце своим красноречием и прекрасными стихами. Уже потом, после нескончаемых, суровых ударов судьбы, Абеляр, вспоминая те далекие счастливые дни, писал: *«Руки чаще тянулись к телу, чем к книгам, а глаза чаще отражали любовь, чем следили за написанным».*

И, тем не менее, несмотря на близость описанной ситуации сюжетам мольеровских пьес, эта любовь была огромная, неистовая

и очень чистая. Дожив до сорока лет, Абеляр сохранил чистое сердце и способность, несмотря на всю свою славу философа, по-юношески свежо смотреть на мир. Он забросил философские трактаты — теперь любовные стихи изливались из него нескончаемым потоком. Их клали на музыку и распевали люди всех сословий: и суровые рыцари, и купцы, и простые горожане. Но больше всего любила их его прекрасная Элоиза — хрупкая, как тростинка, с большими серыми внимательно смотрящими глазами. Она была умна, эта девочка, как-то даже не по возрасту мудра. Эта мудрость так пригодилась ей вскоре, когда несчастья посыпались на влюблённых.

Любовь их светилась таким ярким светом, что скрывать её становилось всё труднее. Даже туповатый Фульбер начал что-то подозревать и установил за ними настоящую слежку. А они и не думали таиться, в наивности своей полагая, что доброта и свет, излучающиеся их душами, расплавит и окружающий мир. Не тут-то было.

Разъярённый опекун нанял людей, и они ночью, когда Абеляр мирно спал, напали на него и изувечили. Нечего и говорить, что каноник предпринял все меры, чтобы Абеляр больше никогда не переступал порог его дома. И тогда влюблённые по обоюдному решению ушли в монастырь.

Надо сказать, что больше это было решение Абеяра, которому Элоиза безропотно подчинилась.

«Будучи юною девушкой, я обратилась к суровой монашеской жизни не ради благочестивого обета, а лишь по твоей воле. Ведь я не могу ожидать за это никакой награды от Бога. Очевидно, что я так поступила вовсе не из любви к нему».

Абеяру в эти годы было так плохо, что он не всегда мог найти силы на письмо к любимой. Главное, чего недоставало — спокойствия духа. Он жил в далёкой полунищей обители на берегу моря на севере Франции и каждую минуту ждал, что его могут отравить, задушить, заколоть кинжалом. Его борьба с ортодоксами церкви кончилась, как и можно было ожидать, не в его пользу. Абеяра заставили собственноручно сжечь философский трактат, в котором он в самое мрачное время средневековья защищал доводы человеческого разума. Какое унижение!

Пока рукопись горела, он смотрел в пламя немигающими глазами и вспоминал своё прошлое и далёкую девушку, осветившую его жизнь светом любви.

А она писала ему письма, полные, как ни странно, материнской заботы. Да, да, это было именно духовное материнство, тем более странное, что Элоиза была моложе своего возлюбленного на двадцать два года. Она сама не могла найти название этому чувству, и вот как начинается её письмо к Абеяру: *«Господину, а вернее, отцу, супругу, а вернее, брату, служанка, а вернее, дочь, супруга, а вернее — сестра, Абеяру — Элоиза».*

Она воспитывает своего любимого, напоминает ему о том, как должно ему себя вести: *«...я не могу ни отдохнуть в личной беседе с тобой, ни утешиться, получая от тебя письма. Объясни мне это, если можешь, или же я сама выскажу то, что чувствую и что уже все подозревают. Тебя соединила со мной не столько дружба, сколько возжелание, не столько любовь, сколько пыл страсти. И вот, когда стало невозможно то, чего ты желал, одновременно исчезли и те чувства, которые ты выражал ради*

этих желаний. О возлюбленнейший, это догадка не столько моя, сколько всех, не столько личная, сколько общая, не столько частная, сколько общественная. О, если бы так казалось мне одной, о, если бы твоя любовь нашла что-нибудь извиняющее, отчего — пусть немного — успокоилась бы моя скорбь! Если уж я лишена возможности лично видеть тебя, то подари мне сладость твоего образа в твоих высказываниях, которых у тебя такое изобилие».

Это она пишет ему не через год или два — через семнадцать лет разлуки из заброшенного в далях бедного монастыря.

И о своей любви, о чувстве, которое зародилось у юной, семнадцатилетней девушки и оказалось таким зрелым, что его хватило на целую жизнь:

«Пока я наслаждалась с тобой любовью, многим было неясно, почему я так поступаю: по любви к тебе или ради чувственности. Ныне же конец являет, что побуждало меня вначале...»

Какое всё же счастье, что голос Элоизы не затерялся в веках, что он тонким лучиком света пронзил тёмную для нас толщу времён, позволяя заглянуть в светлую человеческую душу. Не счесть, сколько поэтов вдохновлялось этими письмами, писанными на латыни и переведёнными потом на французский язык. Вот и Петрарка читал спустя двести лет копии этих писем. Читал и написал на полях: «Ты везде, Элоиза, говоришь наисладчайше и ласково». Да, эта ласка сквозит с пожелтевших листов, о чём бы она ни писала своему дорогому Абеяру.

«Душа моя не со мной, а с тобой! Даже и теперь, если она не с тобой, то её нет нигде: поистине, без тебя душа никак существовать не может. Но, умоляю тебя, сделай так, чтобы ей было с тобой хорошо. А ей будет с тобой хорошо, если она найдёт тебя благосклонным, если ты за любовь отплатишь любовью, и пусть немногим вознаградишь за многое, хотя бы словами за дела. О, если бы, мой дорогой, твоя привязанность ко мне была не столь уверенна, ты больше бы заботился обо мне. А нынче, чем более ты уверен во мне, в результате моих стараний, тем больше я вынуждена терпеть твоё ко мне невниманье».

Не стоит понимать буквально её сетований — он тоже никогда не бывал своей Элоизы, и она это знала — ведь так пожаловаться можно только любящему человеку. Она знала все перипетии его бурной жизни, опасалась за его здоровье и самую жизнь и любила, любила, любила.

«Бог свидетель, что я никогда ничего не искала в тебе, кроме тебя самого; я желала иметь только тебя, а не то, что принадлежит тебе. Я не стремилась ни к брачному союзу, ни к получению подарков и старалась, как ты и сам знаешь, о доставлении наслаждений не себе, а тебе, и об исполнении не своих, а твоих желаний».

Так впервые из далёкого одиннадцатого века, отделённого от нас сегодняшних почти тысячелетием, донёсся до нас голос женщины, которая в слове своём донесла нам себя саму, показала такие высоты человеческого духа, которые для многих и многих станут примером для подражания. Для того, чтобы быть целомудренным, надо иметь сильный, цельный дух. И тогда человек может достигнуть таких высот любви, такой совершенной её формы, что никто и никогда ничего плохого сделать с ней не сможет. Она переживёт даже самого человека, останется в веках и будет светить другим.

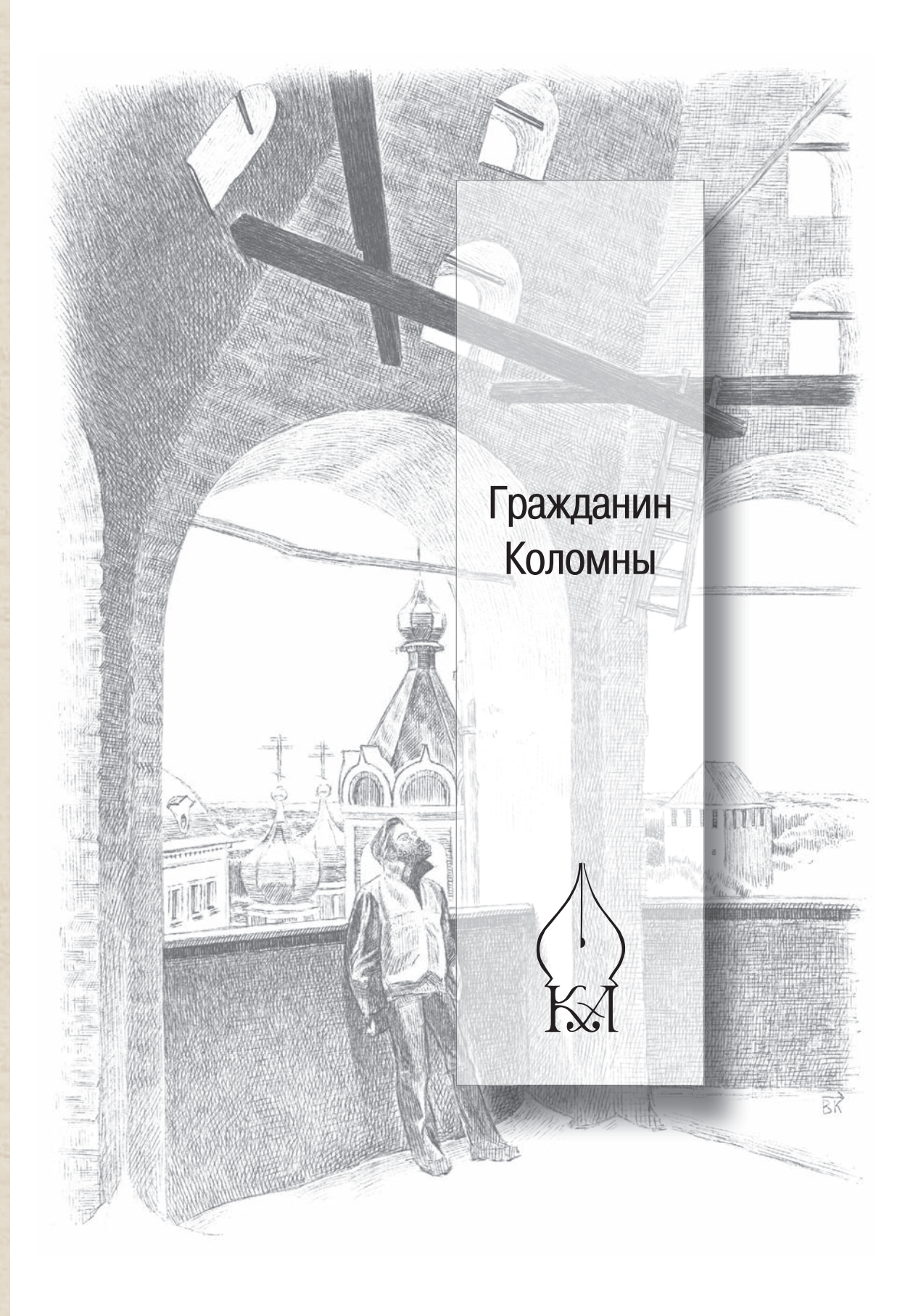
Мы совершили вместе с вами небольшое путешествие по времени, разыскивая в нём следы великой любви. Мы опускались в глубь средневековья, поднимались к более близким для нас временам, снова уходили в далёкие времена. Среди этих коротеньких новелл нет людей нашего времени. И, поверьте, совсем не потому, что они способны любить меньше или их любовь менее величественна. Просто время ещё не пришло рассказывать о ней, ведь *большое видится — на расстоянии*.

И совсем не обязательно для того, чтобы испытать большую любовь, быть известным художником, композитором, учёным. Просто жизнь великих людей всегда в центре человеческого внимания, остаётся много свидетельств их жизни, и эти свидетельства доступны и нам с вами. Попробуйте расспросить своих родителей, дедушек и бабушек. Наверняка в ваших семьях хранятся прекрасные новеллы о любви. Этот бесценный опыт уже очень скоро пригодится и вам, мои дорогие. Только тот, кто воспитал своё сердце, сделал его восприимчивым к светлому и прекрасному, будет внутренне готов, когда постучится ему в сердце любовь.

Вы, молодые люди сегодняшнего дня, ничем не хуже тех, кто жил много лет назад. И в вашей среде зреют таланты, которые когда-нибудь поразят этот не устающий удивляться мир. Вы, живущие сегодня, богаче своих далёких предшественников на их личный опыт, в том числе и на бесценный опыт любви. Надо только уметь этот опыт усвоить, а для этого читать книги, посещать музеи, слушать прекрасную музыку. То есть — овладеть культурой человечества. Той самой культурой, которую вы, в свою очередь, передадите своим детям, внукам и правнукам. Это и есть — связь времён.

И ещё несколько слов. Да, в этих историях достаточно много грустного. Что ж, это, наверное, так. Жизнь человека всегда была непроста, в любые времена. Не всем удаётся безоблачное счастье, не всегда любовь его гарантирует. Но она всё же поднимает душу на такую недостижимую высоту, что потом уже понятно, как жить дальше, как не растратить дарованное чудо жизни впустую. Счастья вам, дорогие мои!

Гражданин
Коломны

Графика Василины Королёвой

ПАМЯТИ МАСТЕРА

«ТАК ТЯЖКИЙ МЛАТ...»

Михаил Георгиевич Абакумов по многим внешним показателям прожил счастливую жизнь. Он воспитывался и жил в условиях, когда власть не мешала и, наоборот, даже помогала русской культуре. Но отдельные тернии судьбы касались и его. Небогатая рабочая семья. Рано начавшаяся помощь по дому и на огороде. Без весеннего вскапывания, потом окучивания картофельных рядков, осеннего сбора урожая тёплые месяцы не обходились. Скучный в целом быт. Тесное жильё. Отсутствие многих благ, которые в наши дни считается для подростков обычной нормой. Зато в семейном бюджете каждый килограмм «своей картошки» экономил по гривеннику. В итоге скапливались также и деньги, которые оказывалось возможным выделить сыну на краски. При этом мастер никогда не отрекался от своего прошлого — каким бы оно ни было. Память воскрешала из прошлого всякое. Но художник неизменно, даже говоря о трудном, предпочитал заканчивать рассказ хорошим. Теплотой наполнился голос при разговоре о бабушке. Она вводила его в мир старинных, с тиснёными кожаными обложками церковных старообрядческих книг. Михаил вспоминал, что читать древние буквы оказывалось трудно. Но радовали затейливые и красочные буквицы и заставки. Он неизменно — и став широко знаменитым — самым душевным, самым тёплым словом вспоминал Николая Ивановича Бодрягина. Своего самого первого учителя искусств в кружке в Доме пионеров. Помнил про усталость первых походов на этюды на реку Сестру. И зажигался душой: как хорошо там было — среди песчаных

скатов и сосенников. По датам с названиями вспоминал о тех или иных созданных им работах, выставках советского времени. Покойная Ася Георгиевна, его жена, великолепнейшим образом знала отечественную литературу и поэзию. Под её благотворным влиянием поэтическую культуру очень ценил и Миша. Рассказывая о минувших этапах творчества, он откровенно вспоминал и не всегда приятное. Отношение выставкомов, выделенные места для картин — это для каждого художника поистине «больная» тема. Но именно мастер, говоря о необходимости всегда противостоять трудностям, как-то и вспомнил строчку стихов из «Полтавы»: */Как тяжкий млат/Дробя стекло, куёт булат/*.

Как он начинал свой путь — об этом считаю нужным сегодня вспомнить.

К юности Михаил Абакумов уже определил свою будущую дорогу в жизни. С 1 сентября 1964 года он начал заниматься в Московском художественно-промышленном училище имени Михаила Ивановича Калинина. Итогом явилась дипломная работа в области ковроткачества. Художник с благодарностью вспоминал об учителях. Формы и региональная стилистика античной керамики. Плоскость и объём. Цвета основные, хроматические и ахроматические. Специфика работы ковроделов Средней Азии и её отличия от других центров ткачества. Рисование орнаментов с раскладкой на основные цвета. Училище готовило мастеров-исполнителей, которым следовало знать технологическую цепочку производства той или иной продукции. Всё это, помимо рисования, очень многое дало будущему живописцу. «Орнамент и керамику, проблемы декоративизма нам читали так, как я потом и в вузе не слышал». Училище было закончено в 1968 году. Москва была притягательна. Но жить в ней после временного училищного общежития было негде. Выпускник вернулся в Коломну. Здесь он недолгое время поработал учебным мастером в Коломенском педагогическом институте. С 1968 по 1970 годы служил в рядах Советской Армии. Сегодня непонятно на чьи деньги существует на телевидении «Клуб солдатских матерей», но очень понятно, сколь разрушительной политикой занимается ведущий, когда он вовсю хает воинскую службу. А Миша вспоминал пребывание в Советской Армии, как хорошую жизненную школу.

С февраля 1971 года он работал на Коломенском заводе тяжёлого станкостроения макетчиком. Вероятно, цех был оборонный. Это тоже был определённый и важный жизненный этап. Не буду говорить «рабочая косточка», но закваска была отличная, и желание работать держалось в нём до конца жизни. В сентябре 1971 года поступил во ВГИК. Недолгое время — особых недостатков в семье не существовало — одновременно подрабатывал в Комбинате художественных работ Московского областного отделения Художественного фонда РСФСР. Помимо всего этого он с увлечением работал акварелью и темперой. Его в те годы очень интересовала технология, таинство мастерства. Можно сказать, что из его акварелей свет буквально лился.

В 1975 году, учась во ВГИКЕ, был награждён Дипломом первой степени как участник Всесоюзного Конкурса студентов художественных вузов за лучший портрет нашего современника и завершённый композиционный эскиз на современную и историко-революционную тему. Диплом подписал председатель жюри конкурса народный художник СССР, лауреат государственных премий СССР, Президент Академии художеств СССР Николай Васильевич Томский. Это стало первой наградой в биографии мастера.

Сегодня незнайки-перевёртыши обожают говорить о «тоталитарном гнёте». Но ведь оценивали произведения не партийные функционеры, а прежде всего художники. Их голоса о профессиональном качестве произведений молодёжи оказывались решающими. Стоит вспомнить в этом случае присуждение Серебряной медали профессорами Императорской Академии Художеств Василию Григорьевичу Перову за картину «Сельский крестный ход на Пасхе». Ведь эта картина — такая критика, что дальше некуда! Пьяный поп, нетрезвые крестьяне. Не побоялись. Чтили искусство, а не почтение, к примеру, Святейшему Синоду. И выбор профессионалов оказался точным! Случайность ли подобное? Нет. История дореволюционного отечественного художественного образования свидетельствует, что в абсолютно подавляющем числе случаев старые академики, служившие по ведомству Императорского Двора, исходили прежде всего из критериев искусства, а не подлаживания к действующей власти. Глаз у них был точный. Это же уместно отметить и во многих действиях, позициях членов советской Академии художеств. Отбирали, обсуждали работы профессионалы. Отношение к молодым художникам было неизменно доброжелательное. Эта традиция в первую очередь художественной, образной оценки, по крайней мере на моей памяти, существовала в советской Академии художеств всегда. Председателем молодёжной комиссии был Кибрик, потом Алексей Михайлович Грицай. Это всё честные художники. А ведь Алексей Михайлович Грицай мог к современности и по-другому относиться. Ведь он был дворянин. И его в своё время «леваки» выгоняли из Репинского института «за происхождение» и с большим трудом восстановили. И он рассказывал, как студенты при встрече с ним переходили на другую сторону тротуара — чтобы не здороваться. И такое было.

Учась на постановочно-художественном отделении ВГИКа, Михаил Абакумов в ту пору уже всерьёз задумывался о творческой, живописной работе. Недолгое время художник рассматривал как сферу приложения сил кино или подобные же сферы труда. В 1977 работал художником-постановщиком Народного театра Дворца культуры имени Куйбышева. Театр, кино — всё это были области работы, где можно было рассчитывать на прочное положение по зарплате и т.п. аспектам. Пересилила тяга к живописи. Однако «свободный художник» в провинции (в отличие в ту пору от Москвы) — большей частью фигура совершенно ничем не обеспеченная. Заработки — от заказов, закупок. Трудности усугублялись тем, что и для заказов, и для закупок, получения мастерской следовало являться членом Союза художников. В то же время произведения Михаила Абакумова уже в начале его творческого пути содержали явные признаки таланта.

Благодаря помощи Евгения Алексеевича Устинова в 1978 году он был включён в творческую группу Союза художников, отправившуюся на Алтай. Хорошие художники не только сами по себе хорошие. Они ещё думают о тех, кто рядом, и будут продолжать их работу. Женя Устинов был первым, кто Михаилу помог. Михаил приехал туда, и рядом с ним оказались коллеги из Ленинграда, Омска, Москвы и других городов. Как он вспоминал, группа была больше 17 человек. И он видел, как работает один, другой, третий. И это давало ему представление о разнообразии

творческих подходов к объекту. О специфических путях решения самого главного — образного начала. По его словам, тогда он и понял, что его путь — путь живописца. Из алтайской поездки он привёз замечательные холсты и темперные (на картоне) работы. Это «Вечерние птицы», «Тишина над Алтаем», «Вечер в Шебалино», «Алтайский хлеб». Произведения были показаны в 1978 году на выставке «Молодые художники России» и в 1979 году — на республиканской выставке «Мы строим БАМ». Те оставшиеся, что не приобрели закупочные комиссии, и сегодня мне помнятся красивыми цветовыми гаммами, переданным ощущением простора. Это всё были очень красивые вещи. Такое ощущение, словно тебе жаркий степной воздух в лицо дует.

В 1979 году он поступил на конкурсной основе и работал до 1983 года в Творческой мастерской живописи Академии художеств СССР. Они в целом подразделялись по видам специализации — живописи, графики, скульптуры. По одной или нескольким мастерским имелось практически в каждой союзной республике. Штат каждой включал по 5 человек художников (в нынешней Российской Академии художеств мастерские по численности сокращены до 4 человек). Каждый стипендиат принимался сроком на три года. Ему платили ежемесячную заработную плату (средняя инженерная ставка в 120 рублей). На 300 рублей в год выдавалось художественных материалов. При этом можно было получать как отечественные, так и импортные краски. Существовала возможность академических творческих командировок по стране. Контакты с отделом культуры ЦК ВЛКСМ расширяли такие горизонты почти безгранично: можно было отправиться (но в районы комсомольских строек) от Белоруссии до Дальнего Востока, от Крайнего Севера до песков Туркмении или долин Узбекистана. При этом не было каких-то таких «отчётов», что пришли и рапортуют: я написал пятнадцать, а я двадцать шесть, а я мало, но это четыре больших. Давиловки тоже никакой не было. Вещи шли на выставки. Договор с Академией искусств Германской Демократической Республики позволял время от времени организовывать месячные творческие поездки — для ознакомления с музеями Дрездена, Берлина, Потсдама и других центров пленэрной работы. Большое помещение мастерских позволяло работать над произведениями больших форматов. Сегодня о таком отношении к художественной творческой молодёжи можно только мечтать.

Самым важным в этом коллективе оказывалась дружная, объединённая любовью к искусству творческая атмосфера. Художники свободно выбирали себе темы. Не ощущалось административного, чиновничьего гнёта. Вспоминаю в этой связи 1980 год. Михаил поехал по командировке ЦК ВЛКСМ в Шушенское, место сибирской ссылки В.И. Ленина. Привёз оттуда серию замечательных пейзажей. Одно из произведений изображало панораму Красноярской ГЭС со стороны плотины. За гребнем бетонной стены отобразил скопление древесного топлива. Площадью примерно километр на километр. Целое море из стволов. По результатам поездки в помещении Президиума академии устроили выставку. Главный учёный секретарь Президиума, академик Сысоев заинтересовался холстом и чего-то не понял. «Что это такое, что нарисовано?». Михаил ответил: «Это строители не срубили на сопках часть де-

ревьев. Их подмыла поднявшаяся вода водохранилища и принесла с гор к Красноярску по течению Енисея. Это топляк. Торопились строить. Подмытые кедры, сосны, пихты скопились у бьефа. Они давят на бетонную преграду. Их сначала пытались катерами растаскивать. А теперь тщето взрывают, боясь разрушения гидростанции». Пётр Матвеевич в изумлении лишь головой покачал: «Надо будет в ЦК партии позвонить. Редкостное безобразие». И тут же успокоил молодого художника: «Это я не вам. Это я о строителях». И никаких критических укоризн автору за такую «неудобную тему» мы на этом просмотре не услышали. Мало того, в 1982 году довелось докладывать П.М. Сысоеву о сделанном нам предложении областным комсомольским руководством о выдвижении кандидатуры по молодым художникам на областную премию. А он был старый член партии, с хорошим служебным стажем, не только умелый организатор, но и вдумчивый искусствовед. Пётр Матвеевич сразу сказал: «Абакумов». И молодой мастер получил Премию комсомола Подмосковья. Приказом по Академии художеств СССР 15 июля 1983 года отметили «активную работу Михаила Георгиевича Абакумова в период пребывания в творческой мастерской живописи».

Точно так же ценили его талант руководители творческой мастерской академики Алексей Петрович и Сергей Петрович Ткачёвы. Естественно, для системы учреждений Академии предполагалась и дисциплина. К примеру, приход на работу. Ткачёвы, посмотрев на выполненные Михаилом холсты, предпочли разрешить живописцу приезжать в Москву из Коломны раз в две недели, а то единожды в месяц. С неизменным вниманием, относясь как к коллеге-товарищу, просматривали они работы художника. Не менее заинтересованно вглядывался в картины, этюды художника курировавший мастерскую от Президиума Академии Алексей Михайлович Грицай. Неизменно взыскательный в творчестве к себе и другим, он почти постоянно, на каждом месячном просмотре отмечал удачу молодого пейзажиста (хотя столь же откровенно отмечал и случавшиеся недостатки). Он говорил: «Мы относимся к вам как к коллегам. Не обижайтесь на справедливые советы». Стоит добавить, что неизменно корректные и дельные замечания порой оказывались настолько точны, что иногда нежданно доводили тех или иных художников до пунцовости лица. Но все понимали, что откровенная оценка в случае неудачи — от желания указать на недочёт, помочь. Алексей Михайлович повторял: «Никогда не переписывайте неудавшийся холст. Находите ошибку и терпеливо исправляйте её».

Мастера вёл по жизни трудовой настрой семьи, пример учителей. С неизменной благодарностью он также вспоминал о Борисе Михайловиче Неменском, ВГИКовском профессоре Иосифе Ароновиче Шпине. Миша всегда говорил, что его воспитали учителя. «Мне страшно оказаться недостойнее их в жизни». Его поддерживало в этом чувство этических норм русского художника. Слова плохого никогда об учителях от него не слышал. Говорил с душевной благодарностью и неизменной деликатностью.

Событием в 1980 году явилось для него вступление в члены Союза художников СССР. Первую рекомендацию дал руководитель академической Творческой мастерской. Он отметил, что по произведениям, экспо-

нированным молодым художником «на Всесоюзных, Республиканских, зональных и областных выставках», М.Г. Абакумов показал себя «зрелым и вдумчивым художником». Знаменитый мастер подписался скромно: «Член Союза художников СССР с 1952 года Ткачёв Алексей Петрович. Членский/ билет № 3141». Как «молодого талантливое художника, активно работающего творчески», 5 марта 1980 года его отметил давший рекомендацию Павел Павлович Блок. Он также охарактеризовал поступающего в Союз как «замечательного товарища и человека». А. Полюшенко указал, что Михаил «всегда выполнял порученную ему работу в живописном цехе /Комбината художественных работ/ на высоком художественном уровне». Было упомянуто, что молодой художник «дисциплинирован, политически грамотен, в коллективе пользуется уважением». Е.И. Самсонов в творческой характеристике подчеркнул, что в искусстве молодого мастера «нашла своё отражение любовь к родной стране, умение выразить средствами искусства своё отношение к окружающему миру».

Постепенно и в широкой творческой среде отношение к Михаилу Георгиевичу Абакумову становилось всё более заинтересованным, доброжелательным. Восхищал не только его редкостный цветовой дар, но и эмоциональный, образный настрой пейзажных работ. В 1982 и 1985 годах живописца включали в группы пленэров молодых советских художников, проводившихся в Германской Демократической Республике и Народной Республике Болгарии. В 1988 году присудили Диплом Академии художеств СССР за серию пейзажей. Это были виды его любимой Коломны с её совершенно восхитительными мотивами — морем зелени, чистым снегом, главами соборов. Это были и результаты путешествия на Русский Север, поездок по Подмосковию. В следующем году состоялась первая персональная выставка произведений молодого мастера в Москве. Отмечали его и в Союзе художников РСФСР. Уважительно вешали его произведения и серии небольших замечательных этюдов на хороших местах. Ибо возле стендов с его картинами и этюдами неизменно толпились зрители. Хорошими пожеланиями, благодарностями за увиденное полнились и книги отзывов на его выставках. Мои слова, думается, поддержат Виктор Евгеньевич Калашников и Сергей Александрович Гавриляченко — они и дружили с Михаилом, и помнят его вернисажи. Чем можно заключить слова о юности мастера? Он обладал чувством целенаправленности своих действий. Постоянно учился и, в разных ипостасях, столь же постоянно и много работал. Взросление таланта пришлось на благоприятную общественную атмосферу, когда государство выделяло на развитие культуры и искусства немалые средства, а художественные выставки пользовались вниманием населения. С юности и до зрелости он находился в кругу хороших, столь же увлечённых искусством друзей. Его окружали великолепные учителя.

Это позже на его выставках гудел народ восхищённый, воодушевлённый произведениями молодого мастера. Это фактически любовью зрителей Михаил Георгиевич Абакумов получил прозвание «живой классик», «соловей русской живописи». Это позже его включили в состав Правления союза художников РСФСР. На короткий срок он оказался избранным в секретари Правления СХ РСФСР. Но скоро постарался избавиться от «почётной ноши». Объяснял: «Мне поручили зону «Урал». Как туда ни приедешь, так местные живописцы зовут в мастерскую. А там — пред-

ложение выпить и закусить. Их я понимаю, но мне-то с моим диабетом это нельзя. А трезвым слушать, как они перебивают кости друг другу, противно». Надо отметить, что в Московском областном союзе Михаилу порой было тоже не сладко. Групповщина, зависть — всё это создавало ряд проблем, особенно трудно переживаемых именно молодыми художниками. Но и здесь он старался воздерживаться от резких оценок. Не случайно всё же, что с начала 1990-х годов коломенская организация перешла под прямое подчинение союзу республиканскому. Вероятно, Мишу, как самого влиятельного члена, и не только его одного, допекло.

Михаил Георгиевич получил народное, а потом и официальное признание. При этом он рисовал всё то, что любил, не изменяя себе и своим пристрастиям. Я не помню у него ни одной картины, где бы бродили у него с красными знамёнами строители БАМа или, наоборот, православные ходили бы с хоругвями. Вне этой социальной ежедневной публицистики он прекрасно обходился. А вещи создавал такие, что смотришь — душа радуется. Конечно, в некоторых работах последнего времени иногда было и «стекло». Когда его цветовая гамма, его цветовое и световое понимание пейзажа иногда приобретало некие, думается, спорные формы выражения. Будучи мастером небольших работ, Миша постепенно шёл к работам крупноформатным. Но большемерные холсты, это моё личное мнение, требуют обобщения цветового решения в плоскости и некоторого своеобразия в решении пространства. Обычно перспективные решения в таких случаях не отличаются глубиной. Пространство сжато. И вот когда он начинал широкими мазками прокладывать какие-то живописные массы, то это вступало в противоречия с той пространственной далью, которую он изображал. Но и здесь кажется, что и в этом случае спорные поиски Миши для очень многих его коллег являлись бы огромными достоинствами. Думаю, что, если бы он не был так нездоров, мы бы увидели много замечательных полотен, в том числе и больших. Стекло разлеталось, а булат выковывался.

Его личное дело в Российской Академии художеств содержит и иные данные: 28 октября 1993 года художнику было присвоено почётное звание Заслуженного художника Российской Федерации. На дипломе подпись тогдашнего президента, как его звали в народе — уральского рюмкина. А вот печать на документе — ещё РСФСР, которую этот «человек» и разрушил, приказав расстрелять работавший парламент из танков. Много позже, 15 мая 2001 года, Указом 541 знаменитому мастеру присвоили почётное звание Народного художника Российской Федерации. 11 октября 2001 года появился диплом Петровской академии наук и искусств. В нём отмечалось: «Абакумов Михаил Георгиевич избран членом-корреспондентом академии» (учетная запись серии — РК 1145). 25 февраля 2008 года губернатор Московской области подписал Свидетельство о награждении коломенского живописца знаком «БЛАГОДАРЮ». Но художник более всего мечтал о чести являться членом Академии художеств. Этого он ждал много лет.

Протокол № 74 заседания Президиума Российской Академии художеств от 9 марта 2010 года звучит: «Слушали: Об избрании членов-корреспондентов Российской Академии Художеств. Постановили: Избрать в соответствии с п. 37 раздела Устава Российской Академии художеств с последующим утверждением на очередном заседании Академического

собрания: Абакумова Михаила Георгиевича — живописца (Московская область). Президент Российской Академии художеств З.К. Церетели». Горько, что это признание пришло к уже тяжело больному человеку. Миша позвонил мне практически ночью: «Вовка, я плачу». Я всполошился — что случилось? С подобными словами он звонил мне, когда умерла Ася. «Я сейчас разговаривал с Авдеевым (министр культуры — В. П.). Церетели сообщил ему, что меня избрали в членкоры. Они об этом ещё в Париже, встретившись, говорили». Конечно, я поздравил старого друга — «радоваться надо».

19 июля 2010 года Михаила Георгиевича Абакумова не стало. В телеграмме соболезнования, посланной от Академии художеств 20.07.2010 года, сказано: «Его искусство, наполненное поэзией, любовью, душевным теплом всегда будет жить рядом с нами». Не знаю — получил ли он хотя бы один раз причитавшееся ему академическое жалование? Моё ощущение, что это признание очень запоздало. Таких мастеров, как Михаил Георгиевич, было раз-два-три и обчёлся. А сейчас, после его ухода, наверное, и пяти пальцев не требуется, чтобы мы сказали — вот мастер, который постоянно работает, постоянно развивается. Когда-то социолог Питирим Сорокин в 1921-22 годах сказал: «Боюсь, что будущее русской литературы будет её прошлым». Сегодня художника такого масштаба, как Михаил Георгиевич Абакумов, в стране нет. Это создаёт много проблем в сфере современного русского реализма. Нападки т.н. «модернистов» множатся, а ответить им такими весомыми голосами, которые бы всеми уважались, становится всё труднее. Вот и мы обязаны, как сказано, «чтобы свеча не погасла», стоять на своём месте, держать наше знамя и не сидеть в окопе, а постоянно наступать, отстаивать русскость нашей культуры.

Владимир ПОГОДИН,
искусствовед, теоретик и историк искусства

ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ

Творчество Михаила Георгиевича Абакумова (1948-2010) — народного художника России, члена-корреспондента РАХ, почётного гражданина города Коломны — гордость и слава отечественного искусства. Михаил Абакумов родился в Коломне, там же прошли его детские и юношеские годы, с этими местами связан его жизненный и творческий путь.

Михаил Абакумов — прославленный мастер пейзажа, ещё при жизни был признан классиком. Многие российские музеи сегодня могут гордиться его произведениями в своих собраниях: Государственная Третьяковская галерея, музеи и галереи Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Красноярска, Томска. В его пейзажах гармонично соединяются традиции русской реалистической школы и импрессионистическая живость впечатления.

В 2013 году в Коломне в Доме Озерова был открыт музейно-выставочный зал Мастера. Коллекцию, представленную в музее, составили мемориальные и художественные материалы, дающие представление о жизни и творчестве М.Г. Абакумова.

Музей Михаила Абакумова был создан под патронатом администрации города, при поддержке, помощи и непосредственном участии семьи художника и его друзей. На средства, полученные от администрации города, в помещениях были произведены ремонтные работы, установлено выставочное оборудование.

В мае 2023 музейно-выставочный зал Народного художника России Михаила Абакумова отмечает свой первый значимый юбилей. Время подвести итоги, подумать о планах на будущее... Десять лет музею — это много или мало??

Идея создания музея на родине художника возникла в феврале 2011 года на Первых Абакумовских чтениях, приуроченных ко дню рождения Мастера. О необходимости его открытия высказывались советский и российский политик, дипломат, министр культуры РФ 2008-2012 гг. А.А. Авдеев; профессор, доктор исторических наук А.Б. Мазуров; художники, искусствоведы, писатели и друзья художника.

В том, где разместить музей, не было больших сомнений, и при поддержке администрации города помещения в Доме Озерова стали готовиться к ремонту. Но помещения — это ещё не музей. Надо было решить вопросы, как рассказать о художнике, как расположить произведения и арт-объекты, как сделать музей современным и интересным — и это уже задача музейщиков.

Сотрудники Дома Озерова посвятили много времени поездкам по российским музеям, знакомились с интересными вариантами экспозиций, современными разработками музейных дизайнеров, накапливали необходимый опыт. Им удалось выиграть конкурс на Грант Президента и в результате получить финансовую поддержку на разработку своего музейного проекта.

Первый вариант дизайн-проекта был предложен А.А. Тавризовым — заслуженным художником России, автором 30 музейных экспозиций. Данный вариант обсуждался с участниками 1-го и 2-го Абакумовских пленэров, друзьями и коллегами Мастера. Ими были высказаны замечания, что в этом проекте больше внимания уделяется дизайну, но «теряется художник», «нет духа Абакумова».

Немало усилий в создании музея приложили друзья художника: заслуженный художник России, действительный член РАХ Б.В. Фёдоров; заслуженные художники РФ В.В. Корсаков и В.А. Орлов. Они пришли к решению переработать проект, и второй вариант был воплощён в жизнь.

Остались позади хлопоты и волнения, и 23 мая 2013 года музей Михаила Абакумова в Доме Озерова торжественно открыл свои двери для посетителей. И несмотря на то, что в нём были не очень большие залы, рассказ о художнике, о его жизни, семье — получился.

Обстановка музея была не просто мемориальная. В экспозицию музея вошло более ста подлинных произведений Михаила Абакумова из собрания наследников художника, а также его личные вещи: мольберт, палитра, кисти, краски, этюдник.

Музей стал уютным, и каждый посетитель смог вести неторопливый разговор с Мастером. Присесть, рассмотреть, подумать, а в ходе экскурсии услышать увлекательный рассказ о жизни и творчестве художника, побы-

вать в импровизированной мастерской, увидеть инструменты и личные вещи художника и, конечно же, рассмотреть его произведения, представленные в трёх залах.

Биографический зал рассказывает об основных вехах жизненного пути художника. Здесь — многочисленные фотографии, документы и награды. Стилизованный уголок мастерской: мольберт и палитра, кисти и краски — всё принадлежало Мастеру. Мультимедийный киоск дает возможность увидеть фото тех работ художника, которые находятся в частных коллекциях и не представлены в музее.

В зале графики — подвижные линии и штрихи, сквозь которые просвечивает поверхность бумаги, образуют живое, дышащее, осязаемое пространство места и времени. Графика для мастера подобна путеводной нити, увлекающей и дарящей ни с чем несравнимую радость творчества и вдохновения.

Попадая в зал живописи, посетитель становится неотъемлемой частью «Божьего мира», русской природы. Просыпается вместе с первыми птицами («Утро»), смиренно склоняется пред «Золотым алтарём», от души радуется светлому празднику («День Троицы») и устремляется в бескрайнее небо на «Крыльях весны». Хорошо дома — там, где мать и отец, Ася Георгиевна, дочь Наталья в деревенском интерьере; хорошо там, где «Вновь горят лампы», на Родине, в России, в Коломне...

В биографическом зале можно ознакомиться с одним из моментов жизни Мастера, рассказанном очевидцем событий:

260

«...Правительственные переговоры в Джакарте идут «со скрипом», в это же время в российском посольстве открывается выставка произведений Михаила Абакумова, на которую приглашены ведущие политики, дипломаты и бизнесмены разных стран. Все в восторге от красоты произведений, поражены талантом и мастерством художника. И во время открытия Михаил Георгиевич торжественно дарит свою работу «Золото России» штаб-квартире ASEAN. Все присутствующие понимают, какой это щедрый дар, сколько может стоить такое произведение на арт-рынке. И само название работы (а это Абакумов всегда делал удивительно точно и поэтично) — «Золото России» — говорит о богатстве страны, но это не металл, не нефть, а это золото куполов и осенних листьев березы... Переговоры были завершены успешно. Культурная дипломатия — это мягкая сила государства...»

Наследие мастера велико, и в музее постепенно пришли к выводу не ограничиваться одной постоянной экспозицией, а, возвращаясь к архивам, повторить авторские выставки и проекты: «Художник — человек мира», «Я люблю свою судьбу», «Вспоминая мастера», «Натюрморт, интерьер», «У чистой воды», «Русский север».

Несмотря на то, что на этих проектах произведения Михаила Абакумова были представлены в меньшем количестве (большая часть работ находится в частных коллекциях), выставки были востребованы зрителями и имели успех. В их организации и проведении активное участие принимали дети Михаила Абакумова Наталья и Андрей, которые предоставляли для экспонирования картины отца из своих коллекций.

Музей, в своём знакомстве с творчеством Мастера, представляет Михаила Абакумова не только как художника, но и как педагога (М.Г. Аба-

кумов с 1994 года по 2002 год преподавал в МГАХИ им. В.И. Сурикова). В проект «Мастер и ученики» были приглашены ученики Михаила Абакумова — выпускники Суриковского института. В рамках этого проекта прошли выставки член- корреспондентов РАХ Татьяны Чувашевой и Андрея Рогова; члена Студии военных художников им. М.Б. Грекова Андрея Дроздова; заслуженного художника РФ Сергея Алдушкина.

Выставки произведений Михаила Абакумова из частных коллекций — это ещё одно важное направление работы музея. Очень о многом говорит то, что коллекционеры всегда откликались на приглашения, предоставляли свои работы на выставки. Ну а у зрителей была потрясающая возможность — вновь вживую увидеть работы Мастера.

Пользуясь случаем, очень хочется сказать большое спасибо Никите Юрьевичу Чаплину, Олегу Леонидовичу Кондратьеву, Сергею Олеговичу Брайловскому, Наталье и Андрею Абакумовым. Это дорогого стоит — показывать свои коллекции широкой публике и понимать, что наследие должно быть живым!!!

В современном мире музеи являются настоящими культурно-просветительскими центрами, привлекающими к диалогу широкий круг специалистов: музейных кураторов, дизайнеров, художников, архитекторов, фотографов, ученых и т.д. По мнению президента ГМИИ им. Пушкина И.А. Антоновой, сейчас важно не только наполнить музеи шедеврами, но искать и развивать новые виды и формы культурной деятельности. Поэтому одним из важных направлений работы музея Михаила Абакумова стал проект «Мир искусства». Он включает в себя лекции по истории изобразительного искусства, встречи с художниками — авторами выставок, проведение научно-практических конференций, пленэров, мастер-классов.

Музей ведёт методическую, исследовательскую деятельность, собирает архив, чтобы информация о жизни и творчестве художника, фото- и видеоматериалы, воспоминания друзей художника, статьи о его творчестве и прошедших выставках были сосредоточены в музее. В планах работы выпуск каталога произведений.

За это время был разработан сайт музея, выпускались буклеты, путеводители по музею, готовилась разнообразная сувенирная продукция: постеры, магниты, календари, блокноты. Сотрудники музея занимаются большой просветительской работой, реализуют проекты, касающиеся не только творчества Михаила Абакумова, но и культуры в целом.

Музей ежегодно посещают более 40 тысяч посетителей, туристы из России и Западной Европы. Судя по книге отзывов, посетителями музея являются люди из разных уголков России и зарубежья. Практически в каждом отзыве можно найти слова: «Спасибо, что сохранили и сохраняете память о выдающемся художнике России!!!»

В планах музея на будущее — продолжение выставочной деятельности как живописных, так и графических работ мастера, разработка новых экскурсий для детей и подростков по постоянной экспозиции: «Как смотреть картину...», «Как смотреть графику» и т.д.

В музее планируется демонстрировать видеофильмы о жизни и творчестве художника, создать ряд видео-экскурсий по постоянной экспозиции музея и по тематическим выставкам, в том числе и для людей с ограниченными возможностями здоровья.

Подводя итоги работы музея, можно отметить, что имя Михаила Абакумова как выдающегося мастера пейзажа навсегда вписано и в историю его родного города Коломны, и в целом в историю российского изобразительного искусства.

С 2022 года Дом Озерова стал Коломенской картинной галереей, и музейно-выставочный зал народного художника России Михаила Абакумова в ней — это важное направление, которое служит продолжению традиций русской школы живописи, развитию сотрудничества между художниками, различными творческими организациями, популяризации профессионального изобразительного искусства в культурном пространстве Подмосковья.

Галина ДРОЗДОВА,
директор Картинной галереи «Дом Озерова»

АБАКУМОВ. БЕРЕГА

Пламенеющие стволы сосен выдыхают в вечернюю прохладу тепло уходящего дня. Лес торжественно встал на обрывистом берегу и, как будто высоко подняв голову, провожает солнце, чтобы как тысячи лет до и тысячи лет после на следующее утро вновь встретить рассвет. Всё замерло, звуки не должны нарушать церемонию. Но вот кто-то зашептал в глубине чащи, забывшись, подала голос кукушка, на них шикнули, и все, наконец, замолчали. Солнце коснулось линии горизонта и стало тонуть в бескрайнем лесе, пока его розовая макушка не замерла на мгновение и тут же на глазах погасла. Занавес. Лес рассматривает своё отражение в медленной воде. Кажется, зайдешь в эту воду, а это не вода, а холодное масло. Я чувствую что-то, не могу подобрать слова, я их ещё не знаю. Картина «Берег тишины» висит у окна. За окном зимний вечер, низкое солнце выбирает обрывы сугробов и следы на снегу, чтобы бросить на них оранжево-розовый свет, на спинах сугробов лежат невесомые бирюзовые тени лип. Я стою между двумя закатами и чувствую, как живопись говорит со мной. Я понимаю, что она мне говорит в целом, но не понимаю ни слова в отдельности. Мне нужно выучить этот язык, я тоже хочу на нём разговаривать, хочу, как Абакумов. Надо вкалывать, как он, писать этюды в любую погоду.

На уроках я рассеян, в окна бьёт зимнее солнце, перед глазами «Берег тишины», я вызываю у себя те же чувства, которые испытывал в выставочном зале. После школы торопливо собираю здоровенный деревянный этюдник, надеваю всё тёплое, что есть дома, и еду в старый город. В трамвае, глядя на ящик, меня спрашивают, где ловил рыбу, отвечаю, что на Оке, но клёв плохой был. Я боюсь не успеть поймать будоражащее закатное солнце, брожу по тихим коломенским улочкам и не знаю, где остановиться. Наконец, нахожу высокий сугроб у дома, он светится драгоценными оттенками вечерних лучей. Я пишу, руки мёрзнут, краски стынют, солнце гаснет, темнеет. Из дома выходит коренастый полный мужик с красным лицом.

— Рисуешь, парень?

— Рисую.

— А Мишку Абакумова знаешь? Друг детства мой, тоже, как ты, рисует...

— Конечно, знаю! — я едва сдерживаю смех.

Дом соляного пристава с нахлобученной крышей смотрит на улицу Лажечникова большим окном мезонина. Стоишь около него, а Соборная площадь перед тобой как на парад выстроилась, три богатыря в сияющих шлемах: шатровая колокольня, от оконцев которой вздыхает тяжело не одно поколение коломенских художников, напротив — островерхая колокольня монастыря, прячущая на стене Троицу под штукатуркой, и в центре — Успенский собор, он из всех главный, конечно. Солнце играет светом, тенями и рефлексами на его резном портале. От шатровой колокольни вид на просторы полей за Москвой-рекой. Там эхом от городской панорамы откликается Бобренов монастырь.

В год большого разлива Бобреново как-то стало островом, всё пространство от высокого берега Москвы-реки до окружной дороги залило внешней водой, только кусты и коряги напоминали, что это не озеро с селом посередине. Невиданный разлив вызвал паломничество художников, на всех панорамных площадках они толкались этюдниками за лучшие места и про себя желали друг другу успеха.

Улица Исаева расцветает в мае, это её бенефис, этюдники переезжают на эту утонувшую в цветущих вишнях, яблонях и огромных кустах сирени улочку. А рядом ещё удивительное место: припавший на бок одинокий старик — дом Луковникова. Сколько картин с ним разъехалось по разным городам мира! А если встать рядом с ним, то и вовсе пиши в любую сторону. Налево Пятницкие ворота по болонскому образцу из коломенского кирпича сложены, сотни лет кирпич греет солнце, поливает дождь, грызут морозы, а ворота всё стоят и считают, сколько человек через них прошло. Направо из-за садов и крыш вырастают купола и шпили Соборной площади. Прохожу через Пятницкие ворота, на счётчике меняется цифра, иду на Посад.

На перекрёстке начинается Посадская улица. Она играет крышами домиков, построившихся не по росту, наверное, от удивления, завидев диковинное барокко из закомар на крыше-шатре церкви Николы-на-Посаде. А дальше улица Островского, тихая, окраинная, с изумрудом Богоявленской церкви в ожерелье кустов сирени и черёмухи. Когда-то она гордилась высокими тополями, поплатившимися за гордыню или за то, что в июне пухом линияют, история об этом умалчивает. Все эти улочки-переулочки, берёзы, заборы, ворота замерли мгновениями на тысячах этюдов.

Встаёшь на точку, раскрываешь этюдник, начинаешь красить, вдруг как из-под земли вырастает Михал Георгиевич: «Опять мои мотивы пишете? Свои надо искать!» «Да есть хоть один, который вы не написали?» — скажу я, нет не скажу, подумаю. Город меняется, это неизбежно, что-то становится лучше и удобнее, что-то безвозвратно уходит, оставаясь только в консервах старых этюдов, которые и смотреть из-за этого больно. Коломны Абакумова осталось мало, изредка помашет она из переулочка кустом золотых шаров. Время — киномеханик — показывает нам кино, которое идёт один сеанс, в котором нельзя сделать стоп-кадр, зрители в зале меняются, привыкнешь к кому-нибудь, а ему уже пора уходить.

А тогда март резал глаза слепящим солнцем со всех сторон, под ногами хлюпали блюдца с синим небом. После лекций на истфаке я забежал

домой, наскоро пообедал, схватил этюдник и поехал пленэрить. Я начал писать этюд у красивого деревянного дома с резными наличниками и крыльцом. Охристые стены золотились на солнце, из-за дома на фоне мартовского неба сверкали купола голубой Богоявленской церкви. Писать голубое на голубом было сложной задачей, я путался, но увлечённо боролся с мотивом. Мимо меня чинно прошёл здоровенный рыжий кот. А потом ко мне подошёл невысокий человек в лохматой меховой шапке. Он был плотного телосложения со светло-рыжей бородой, круглым лицом, острыми и любопытными глазами. Конечно, я его знал. Он поздоровался, похвалил этюд. Я аж замер: «А вы — Михаил Георгиевич Абакумов?» «Да, это я», — просто сказал он. И начал расспрашивать меня кто я такой и чем занимаюсь, радикально высказал, что мне надо бросать истфак и идти в художники и (я даже не поверил) пригласил меня в мастерскую показать свои работы. Дома я с восторгом рассказал об этом событии, умолчав, правда, о предложении оставить институт.

В назначенное время я, жутко волнуясь, стоял в нерешительности около жёлтого одноэтажного дома с тремя окнами. Наконец, набравшись смелости, открыл калитку, постучал в дверь. Дверь мне открыл Петрович и вместе с большой афганской борзой, которая петляла между картинами и мебелью, проводил меня в мастерскую. Петрович — это Владимир Петрович Губарев, худой маленький старик, прошедший войну, после войны проживший жизнь, полную трагических событий. Петрович нашёл для себя отдушину и цель жизни в творчестве. Он открыл в себе талант художника, и Михаил Георгиевич поддержал его, дал возможность работать в своей мастерской. Петрович, правда, много ворчал, ругал Абакумова за то, что тот пишет пастозно и не вырисовывает. «Мишки ещё нет, сейчас придёт», — сказал он. Я стал осматриваться и понял, что знаю этот интерьер и виды из окон по картинам. В дальней маленькой комнате, окна которой выходили на улицу, жарко пылал мартовский вечер, в самой мастерской был высокий потолок, под потолком стеллажи с большими картинами. В центре стоял мольберт с начатым вертикальным холстом. Везде, везде, куда ни посмотри, были этюды и картины, они звали себя рассматривать, каждая вызывала восторг. В простенке между окнами висели старинные часы, большой круглый стол соседствовал с плетённым креслом, с часами перекинулся их ровесник — зеркало в массивной резной раме, на полу стоял сундук, с чьим содержимым я познакомлюсь потом. Все эти обитатели мастерской становились вместе с видами из окон героями его картин.

Наконец, дверь открылась, и из коридора послышались весёлые голоса. В мастерскую вошли три друга-художника. Свою дружбу они пронесут через всю жизнь. Михаил Абакумов, Виктор Корсаков и Виктор Орлов. Я, страшно волнуясь, стал доставать работы. Меня за что-то хвалили, что-то поправляли, консилиум вынес вердикт, что я буду художником. Абакумов позже, когда я приду к нему с очередной пачкой этюдов, скажет мне, что путь художника требует полной самоотдачи. Потом подумает и добавит: «Бог тебе дал много, значит и спрошено с тебя будет много». Фраза мне запомнилась не похвалой, а тем, что я осознал, что он сам хорошо понимает, какая и на нём лежит ответственность — не расплескать на пути свой дар. Я и потом не раз ещё буду вспоминать эти его слова и то, как серьёзно он их произнёс.

Мастерская Абакумова и Дом Воеводы, комнату в котором мне выделил для работы мой учитель Иван Сергеевич Комаровский, находятся друг от друга примерно в семи минутах неторопливой ходьбы. Михаил Георгиевич частенько любил во второй половине дня попить чайку в Доме Воеводы и приезжал исключительно на машине. Его бордовую «четвёрку» легко было узнать по чёрной широкополой шляпе, лежащей на задней панели. Абакумов умел ярко, со вкусом одеваться: «Художник должен следить за своим имиджем!». Под этим девизом он блистал на открытиях выставок в костюмах с белой рубашкой и бабочкой. Праздничность момента и то, что он в центре внимания, его воодушевляли. Как-то перед открытием выставки в «Лиге», когда народ курил на крыльце, Михаил Георгиевич со свойственной ему провокативностью и вызовом сказал: «Вот, все привыкли, что я в костюмах на открытия хожу, а я в следующий раз приду в футболке «Metallica», представляете? И в косухе такой с заклёпками! Круто, а?» Все радостно одобрили.

К нам из мастерской он заезжал в основном одетый по-рабочему, чтобы переключиться от живописи, посмотреть, что делаем мы, послушать последние городские сплетни, рассказать нам столичные, иногда попросить перетаскать большие холсты в мастерской, иногда быстро написать из машины этюд в Посадском переулке. Зимой он неизменно застревал в сугробе у Дома Воеводы, и мы, зная, что всё равно придётся размяться выталкиванием машины, сразу шли провожать его на улицу.

Некоторые его визиты были особенно запоминающимися, обычно, когда он приезжал к нам после путешествий. Как человек загорающийся, он не мог удерживать свои впечатления и должен был немедленно ими поделиться. Он с восторгом рассказывал про обрывистые берега Капри, линии виллы Абамелек, белые ночи в норвежских шхерах, про душную жару в Индонезии и какая была красивая горничная в Венеции. Всё это есть в его этюдах, бесценном дневнике художника. Тот старый сундук, который стоял в мастерской Абакумова, был заполнен этюдами, маленькими шедеврами, был поистине сундуком сокровищ. Вперемешку там лежали бриллианты коломенских вечеров, яростные северные закаты, серебро европейских городов. Всё было разное по технике, колориту, стилю. Позже я пойму, что всё, что делает каждый художник — это его автопортрет. Всё творчество — это рассказ миру о себе. Кто-то смело, кто-то робко выносит свои восторги от этого мира, боли, им причиняемые, переживания на суд людей, но настоящий художник знает, что не выдержит красоты этого мира, если не бросит их на холст или бумагу. Абакумов в своих картинах создал свой яркий автопортрет, хотя известен, по большей части, как пейзажист. Горящие оранжевые лучи на брёвнах северных изб, тревожное закатное солнце на фоне тёмных туч — это его внутренний огонь, с которым так сложно бороться. Бездонное космическое небо с мириадами звёзд — это его мысли о бесконечности, страх, дрожь и восторг, чувства, которые все мы испытываем, вглядываясь в ночь. Чёрное гневное небо над озером и молния, вертикально бьющая в землю — это тоже он, резкий, эмоциональный. Самое главное, чего лишены его работы, это равнодушия, они могут быть вызывающе острыми или меланхоличными, но никогда отстранёнными. Абакумов перепалал внутри каждый этюд 10-15 см, каждую моментальную зарисовку.

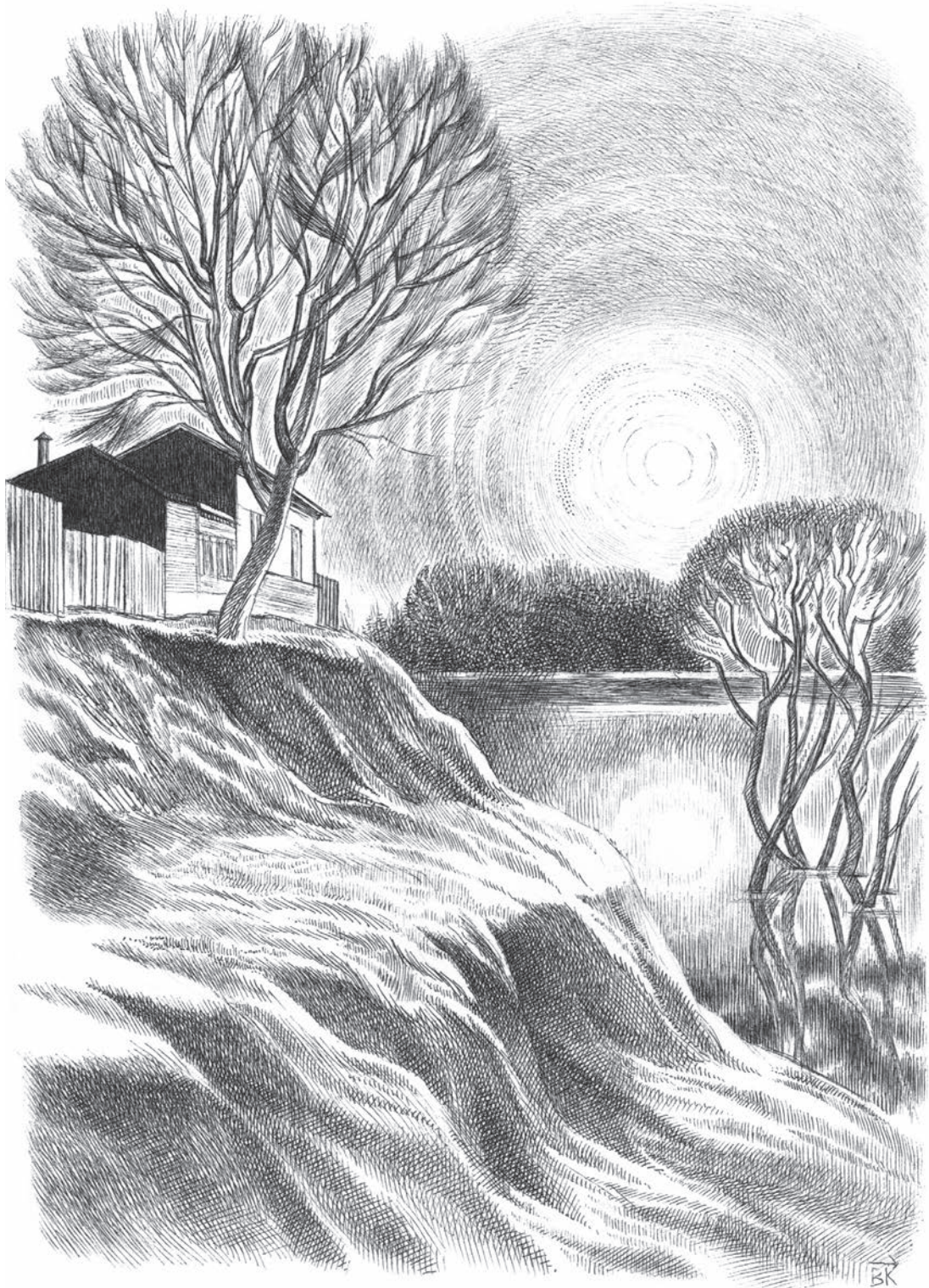
Когда я хожу на выставки, будь то современные или музейные, я анализирую работы, думаю, как они написаны, в какой последовательности работал художник, как он технически решал поставленные задачи. У Михаила Георгиевича есть работы, про которые я могу сказать: «Я не знаю, как это сделано». Я знаю всё в сумме, что он вырос в том же красивейшем городе, что и я, что он бесконечно много работал, что он прекрасно рисовал карандашом, углём, писал маслом, темперой, гуашью, акрилом, пастелью, он даже много говорил мне о композиции, но «Берег тишины» и многое другое, им написанное, останется для меня «Островом сокровищ», на который я буду возвращаться за тем своим детским ощущением восторга от живописи.

Солнце греет песок на маленьком пляже, отгороженном обрывистым берегом на изгибе Москвы-реки. Стайка детей вспорхнула, положила альбомы и кисточки на песок. Один рыжеволосый мальчишка остался рисовать, словно и не заметив, что все побежали плескаться в речке. «Мишка, иди купаться!» — кричат друзья. А он ловит овалы ив на другом берегу. Он не заметил, что за спиной тихо стоит учитель, Николай Иванович Бодрягин. Тот смотрит и удивляется, какая взрослая акварель появляется из-под кисти юного художника. А мальчишка не думает ни о чём, только о серебристом свете на верхушках ив. Впереди у него ещё тысячи этюдов, рисунков, картин и восторженного состояния вдохновения. Он и не задумывается, что у таланта нет берегов.

Родимая
сторона

Графика Василины Королёвой

ВК

МОИ КОЛОМЕНСКИЕ ПРЕДКИ

***Максимовский Владимир Николаевич** родился в Ленинграде в 1948 году. Закончил Московский авиационный институт, служил в Ракетных войсках стратегического назначения. Получил высшее военное образование в Военной академии им. Ф.Э. Дзержинского, продолжил службу в Главном управлении космических средств генштаба министерства обороны. Затем служил редактором отдела космонавтики в журнале Военно-Воздушных сил «Авиация и космонавтика». Член Союза журналистов России. С 1995 г., как заместитель главного редактора, последовательно участвовал в организации и выпуске большинства авиационно-космических журналов.*

Историко-биографический
очерк

Мои архивные изыскания позволили документально установить все цепочки моих предков. Во мне соединились, в обозримом прошлом, по линии папы Максимовские и Юшневские, Лозовские и Шанины. В давние времена они жили в Москве, но так получилось, что в начале — середине 19-го века все оказались в Коломне.

Они были очень разными. Но все много сделали для Коломны. И до сих пор остались некоторые свидетельства их деятельности. Стоит дом Лозовских на улице Лажечникова, существует библиотека имени Лажечникова, высится церковь Пресвятой Троицы в Щурове, прекрасно сохранился дом Шаниных. А в результате революционных преобразований после 1917 года Коломна стала крупным промышленным и культурным городом.

И сколько тысяч нынешних жителей Коломны являются потомками тех, кого мои предки врачевали, учили, помогали выйти в люди, спасали в трудных жизненных ситуациях!

О Максимовских

Мой прадед Николай Владимирович Максимовский родился в Москве в 1844 году. Он закончил Константиновский межевой институт. Служил в Межевой канцелярии, потом ушёл в отставку. А с 1881 по 1893 год был заведующим технической частью Управ-

Опекун детей Максимовских Пётр Петрович Юшневский с женой, своими детьми и Максимовскими: слева — Владимир, правее его — Пётр. Коломна, 1895 год

ления Московско-Ярославской и Ярославско-Вологодской железных дорог. Умер он на службе в 1893 году.

У них с женой Натальей Петровной, урождённой Юшневской, было двое сыновей, Пётр и Владимир, и четыре дочери.

Их сын, мой дедушка Владимир, родился в Москве в 1887 году. Когда ему было шесть лет, папа в 1893-м, а потом и мама в 1895-м умерли, и его с братом и сёстрами взял под опеку и к себе в семью дядя, брат его мамы, коллежский советник Юшневский Петр Петрович, живший в Коломне.

Владимира Николаевича с Коломной связывало многое. Здесь прошли его детство, отрочество, юность, здесь он закончил гимназию, начал участвовать в революционной борьбе. В шестнадцать лет в 1903 году он вступил в РСДРП. А в начале 1905-го дед уже был помощником секретаря Коломенской организации РСДРП Николая Сапожкова и заведовал складом нелегальной литературы. В ноябре того же года возглавил социал-демократическую организацию учащихся города.

В 1905-м он начал учиться в Московском университете на медицинском факультете. В декабре 1905-го в Коломне состоялась политическая демонстрация, в организации которой участвовал Владимир Максимовский. На улицы вышло около двух тысяч человек. Казаки и черносотенцы разогнали людей, убив двоих и ранив почти три десятка демонстрантов. Коломенская большевистская организация ушла в подполье, и Владимир Максимовский вошёл в состав Коломенского комитета РСДРП.

За участие в декабрьском восстании его исключили из университета, и он эмигрировал. В 1906-м учился в Женевском университете, состоял

в Женевской большевистской группе. В сентябре 1907-го восстановился в Московском университете, но уже на историко-филологическом факультете. Однако, на четвёртый курс его не зачислили из-за запрета полиции.

По возвращении из эмиграции, в 1907-1909 годах он был ответственным организатором Коломенской большевистской организации и членом Московского окружного комитета РСДРП. Он организовал в Коломне кружок партийной учёбы высшего типа, в котором занимались самые сознательные рабочие, служащие. Среди них был и Василий Левшин, работавший на Коломенском машиностроительном заводе.

«Коломна, Алексеевская улица (теперь Левшина), дом Лебедевой. Владимиру Максимовскому». По такому адресу из Парижа, начиная с октября 1908 года, приходили номера газеты «Пролетарий» — центрального органа РСДРП. В алфавитной книжке, где фиксировались конспиративные связи с Россией, Н.К. Крупская записала в 1913 году ещё один его адрес: Коломенская улица, дом Боголепова.

На нелегальной конференции Московской окружной организации в 1909 году Коломну представляли В.Н. Максимовский и В.Е. Левшин.

В 1907-1909-х годах Максимовский был ещё и членом Хамовнического райкома партии в Москве, членом Московского комитета РСДРП. В 1912-1913 годах, после ссылки, он опять работал в Коломне.

Летом 1913 года был одним из учредителей и редактором ежедневной Московской рабочей газеты «Наш путь», для которой писал статьи Ленин и его соратники.

Владимир Максимовский был известен в Коломне и в других местах, где вёл подпольную революционную работу под псевдонимами Маркс, Рядовой, Максим, Юлий.

При царской власти его много раз арестовывали, семь раз он сидел в тюрьмах и три раза был в ссылке. Из последней ссылки в Верхоленске он освобожден после Февральской революции.

С апреля 1917-го Московский комитет РСДРП (б) и Областное бюро выпускали газету «Социал-демократ», в числе редакции из пяти человек был и мой дед. В 1917-го он стал секретарём Исполкома Мосообрсовета, в 1918-1919 годах — членом коллегии Наркомата внутренних дел, потом — первым заведующим учётно-распределительным отделом ЦК российской партии большевиков и заместителем Наркома просвещения Луначарского, с 1921-го — военным комиссаром Военной академии РККА.

С 1924 года, будучи профессором, он перешёл на преподавательскую работу в Институте красной профессуры, МГУ, Коммунистической академии, был деканом созданного им экономического факультета Сельскохозяйственной академии, заведующим издательством ВЦИК. Он говорил на нескольких европейских языках, не считая древнегреческого и латыни.

На 9-м съезде РКП (б) Ленин сказал: «Товарищ Максимовский опытнее меня в организационных вопросах, и он говорит, что Ленин вносит путаницу в вопросах Оргбюро и Политбюро». Критикуя ЦК на том же съезде, дед сказал: «Говорят, что рыба начинает вонять с головы. Партия сверху начинает поддаваться влиянию этого бюрократического централизма». В 1921-м Ленин написал деду: «Тов. Максимовский, зная ваши организаторские способности, прошу вас пойти работать в Наркомпрос и навести там порядок».

В.Н. Максимовский с сыном Николаем. Москва, ул. Серафимовича, д.2, кв. 441. 1935 г.

В 1918 году Владимир Николаевич женился на своей давней коломенской знакомой Нине Лозовской, дочери Модеста Александровича Лозовского. Они поселились в Москве в доме в Трубецком переулке, который снимал его соратник Иван Иванович Скворцов-Степанов, а потом переехали в десятиэтажный дом Нирнзее, в Б. Гнездииковском переулке (дом № 10, кв. № 810), в самое высокое в то время здание в Москве. После этого они жили в гостинице «Националь», которая называлась в то время «1-й Дом Советов», и где располагались ответственные партийные и советские сотрудники. А когда в 1931-м построили Дом правительства на улице Серафимовича, дом № 2, то переехали в него, в трёхкомнатную квартиру № 441.

У них было двое детей: Наталья и мой папа — Николай.

Мой папа так писал о своём отце: «Он имел рост немного выше среднего, весьма плотную комплекцию, был широк в плечах, с сильно развитой мускулатурой. Он был человеком серьёзным, даже строгим, с весьма сильной волей, необычайно выносливым и сдержанным. Речь отца была отчётливой, с ясной дикцией, точной логикой, литературно правильная и выверенная. Он обладал большим интеллектом, обширными познаниями и отличной памятью».

В 1937 году 27 июля дедушку арестовали и содержали во внутренней тюрьме на Лубянке. Вот как мой папа описывал арест своего отца: «27 июля 1937 года отца арестовали. В этот день в Москве была моя мама, а мы с сестрой и отцом ночевали на даче (дачный посёлок ВЦИК был в Дзамгаровке, поблизости от современной платформы электрички Лось). Два человека приехали в квартиру в Москве часа в два ночи и постучали в дверь. Мама открыла, они сказали, что им нужен Владимир Максимовский. Мама ответила, что он на даче, и они предложили ей поехать с ними в Дзамгаровку. Когда они приехали, я и сестра Наталья проснулись,

В.Н. Максимовский. Москва, 1936 год.

Фото из Дела НКВД № 111841937

но мама подала нам знак оставаться на местах. Она с прибывшими прошла в комнату, где спал отец. Он сразу же встал, предъявил документы, они предложили ехать с ними. Мама дала отцу заранее приготовленный узел с небольшим набором нужных вещей, и их с отцом увезли в Москву.

Позднее мама рассказала, что, когда они приехали в Москву, отца завезли на Лубянку и оставили там, а два сотрудника отправились с ней к нам на квартиру, произвели обыск. Отцовский кабинет опечатали. Потом они уехали, а мама вернулась к нам и всё рассказала. Маме было известно, что, опасаясь ареста, отец заблаговременно уничтожил свой личный архив. Поэтому документов и воспоминаний о его предках у нас почти не стало».

От своего папы, который летом 1938 года нелегально, поскольку находился в ссылке, ездил к отцу из Рязани в Актюбинск, я слышал, что дед не признал сфальсифицированных обвинений и никого не оговорил. Но ознакомиться с его делом в КГБ мне никак не удавалось из-за его секретности и особого доступа к таким документам.

Только через 82 года его рассекретили, и я читал это дело № 11184 в Центральном архиве ФСБ в феврале 2019 года. В деле всего-навсего 67 листов. И из них большая часть — показания сломленных разными формами воздействия людей, говоривших о причастности деда к подпольной троцкистской группе и его работе на французскую разведку.

Сначала ему предъявили обвинение по статье 58-1а — «Измена родине в форме шпионажа». Затем его перевели в Бутырскую тюрьму. В декабре его уже обвиняли по более лёгким статьям 58-10 и 58-11 за участие в троцкистской организации.

В обвинительном заключении написано: «Обвиняемый Максимовский признал себя виновным только в том, что с 1919 по 1926 годы входил в группу демократического централизма, но он полностью изобличается показаниями Жакова, Стукова и Коваленко».

Особое совещание при Наркоме внутренних дел окончательно постановило, что Максимовский осуждён за контрреволюционную деятельность и подлежит ссылке в Казахстан на пять лет.

Его отправили в Актюбинск. Он работал бухгалтером недалеко от этого города. В 1939 году у дедушки произошло кровоизлияние в мозг. Год тянулось восстановление после паралича, но начало войны оказало на него роковое воздействие. Случилось ещё одно кровоизлияние в мозг, и 21 ноября 1941-го он умер в больнице Актюбинска от инсульта.

А семью его в начале 1938-го выслали из Москвы в Рязань.

Н.В. Максимовский — главврач МГТБ № 6

274

ВЛАДИМИР МАКСИМОВСКИЙ

Реабилитировали дедушку в 1955 году.

В сентябре 2020 года я передал собранные мной о нём архивные документы в краеведческий музей города Коломны на улице Лажечникова.

Кстати, мой папа тоже родился в Коломне, хотя в свидетельстве о его рождении написано, что он появился на свет в Москве 23 августа 1921 года. Дело в том, что мама его приехала перед рождением сына в родную Коломну, где отец её был известным врачом. А через небольшое время вернулась в Москву, там и было оформлено соответствующее свидетельство о рождении по месту фактического проживания семьи.

И папа мой стал врачом, как его дед, но хирургом. Он работал в разных лечебных учреждениях, был главным врачом Московской городской туберкулёзной больницы № 6.

О Юшневских

Женой моего прадедушки Максимовского Николая Владимировича была Юшневская Наталья Петровна. Их род был довольно известен, поэтому скажу о нём.

Самый дальний известный мне предок по этой линии — Христофор Юшневский, родившийся, видимо, до 1725 года. Он был знатным польским дворянином из Галиции.

Сыном Христофора был Пётр 1758 года рождения. В 1775-м он поступил на службу на правах польских дворян в Лейб-Гвардии Преображен-

ский полк в чине унтер-офицера. Через восемь лет в звании капитана ушёл в отставку. В эти времена в полку служили, например, Державин и Карамзин. Полк дислоцировался в Санкт-Петербурге. Почётным командиром была Екатерина II, а командиром — князь Потёмкин-Таврический.

В 1785 году Пётр Христофорович поступил на Санкт-Петербургскую таможенную для изучения таможенных дел. Затем его в 1793 году приняли в Комиссариатский штат Кригс-Цалмейстером. Кригс-комиссариат — это ведомство в русской армии, занимавшееся обеспечением всеми видами довольствия. На следующий год он был уволен с повышением в чин Премьер-Майора и отправлен в Герольдию для определения к Статским делам.

Вот что писала Императрица Екатерина Вторая в патенте на чин Премьер-Майора Петра Юшневского 31 декабря 1793 года: «Божией милостию Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая. Известно и ведомо да будет каждому, что Мы Петра Юшневского, который нам капитаном служит, от его оказанной к службе нашей ревности и ... в наши Комиссариатского штата Кригс-Цалмейстеры премьер-майорского ранга тысяча семьсот девяносто третьего года, сентября девятого дня, всемилостивейшее пожаловали и учредили; яко же Мы есьмь жалует и учреждаем, ... всем нашим помянутого Петра Юшневского и Нашего Кригс-Цалмейстера надлежащим образом признавать и почитать: напротив чего и Мы надеемся, что он в сём ему от Нас всемилостивейше пожалованном новом чине, тем верно прилежно поступать будет, как то верному и доброму офицеру надлежит. В свидетельство того Мы сие собственною нашею рукою подписали, и его государственною Нашею печатью укрепить повелели. Дан в Санктпетербурге, лета 1793 декабря 31».

В том же году его определили в Волочаевскую пограничную таможенную в должность главного надзирателя. Затем он был начальником Жванецкой таможи, директором Могилёвской таможи, таможенным инспектором Подольской губернии. Пожалован в Надворные советники в 1800 году, а в Коллежские советники в 1807-м. Назначен начальником Дубоссарского таможенного округа в 1811 году.

Известно, что в 1808 году своего имени у него не было, и жил он с семьёй в Могилёве-Днестровском (теперь Могилёв-Подольский Винницкой области нынешней Украины). В 1811-м Пётр Христофорович купил имение, в которое входила деревня Хрустовая Ольгопольского повета Подольской губернии и окрестности примерно на 40-50 километров, и стал крупным помещиком. Теперь Хрустовая находится в Приднестровской Молдавской республике. В центре и в других частях села Юшневские возвели усадебные и сельскохозяйственные строения, большинство из которых сохранилось по сей день. А на одной из водяных мельниц, без её переделки и ремонта, мололи зерно до 2013 года.

Женой его была Матвеева Наталья Ивановна. У них были дочь Наталья и три сына: Алексей, Семён и Владимир. Вот Владимир и был моим предком по этой линии.

Пётр Христофорович умер от удара молнией в 1823 году.

Двое сыновей Петра Христофоровича — старший и средний, были декабристами.

Одним из главных декабристов был старший сын Петра Христофоровича Алексей, родившийся в 1786 году. Он учился в Московском универси-

тете, по окончании его служил в Коллегии иностранных дел. С 1819 года он служил во 2-й армии в чине полковника, потом генерал-майора, был членом Союза благоденствия, одним из директоров Южного общества декабристов, его блюстителем. Другим директором был полковник Пестель. Арестовали Алексея Петровича в 1825 году. Его осудили к смертной казни, затем заменённой вечной каторгой в Сибири, в районе Иркутска, где он умер в 1844-м.

Его жена Круликовская Мария Казимировна (1790-1863 годы) — дочь польского дворянина Казимира Павловича Круликовского. Она уехала с Алексеем Петровичем в Сибирь. И была с ним там до его смерти.

Средний сын Семён Петрович родился в 1801 году, воспитывался в Московском благородном пансионе Московского Императорского университета. В 1823 году он, имея чин капитана, стал членом Южного общества декабристов. В 1826-м был арестован, доставлен в Петропавловскую крепость. Через месяц его уволили от службы и отпустили в имение в Хрустовую под секретный надзор. В 1832-м он стал Ольгопольским уездным предводителем дворянства, а через три года получил придворный чин камер-юнкера. Умер Семён Петрович после 1854 года.

А младший сын Петра Христофоровича, Владимир, мой предок, родился в 1807 году в городе Могилёв-Днестровский Подольской губернии. На рубеже 1820-х годов воспитывался в Московском благородном пансионе Московского Императорского университета. Это было закрытое учебное заведение для мальчиков из дворянских семей. Среди воспитанников Благородного пансиона были выдающиеся люди России: Жуковский, Лермонтов, Грибоедов, Одоевский, Ермолов.

В 1828 году Владимир Петрович поступил на военную службу в Лейб-Гвардии Харьковский Уланский полк унтер-офицером. Отличился в войне с Турцией в 1828-1830 годах. За героизм, проявленный в сражении, произведён в корнеты. В послужном списке есть описание его храбрости в боях. В одном из них он был ранен саблей в голову.

Его женой стала дворянка Наталья Петровна. Было у них три дочери: Наталья, Александра, Надежда и сын Пётр. Семья жила в имении в селе Хрустовая. Половина имения с 800 крестьянами мужского пола была у Владимира, другая половина — у Семёна. Братья много сделали для этого села. А в 1853 году они построили каменную церковь, освящённую в честь Рождества Христова.

Умер Владимир Петрович после 1853 года.

Сын Владимира Петровича, мой прапрадед Петр, родился в 1830 году в Хрустовой. Он учился в Московском Дворянском институте. Этот институт был образован при упразднении Московского благородного пансиона при Московском университете. Здесь учились, например, Салтыков-Щедрин, Дмитрий Батюшков, экономист Владимир Безобразов.

Затем он закончил медицинский факультет Московского Императорского университета, служил врачом, имел чин коллежского советника, жил с семьёй в Москве.

Дочерью Петра Владимировича была моя прабабушка Наталья Петровна, родившаяся в 1848 году. Она вышла замуж за Николая Владимировича Максимовского. Было у них двое сыновей, Пётр и Владимир, мой дедушка, и четыре дочери. Среди них — Александра и Ольга.

Моя бабушка Нина, дочь Модеста Александровича Лозовского, говорит, что её муж Владимир Максимовский очень интересовался движением декабристов, двое из которых были братьями его предка. И это обстоятельство стало одним из важных мотивов его участия в революционной борьбе.

О Лозовских

Очень тесно был связан с Коломной мой прадедушка Модест Александрович Лозовский.

Его отец Александр Петрович родился в 1809 году, он происходит из обер-офицерских детей. Службу начал в штатах Московского губернского правления по делам Гражданского Губернатора канцеляристом в 14 лет. Служа затем в Московской полиции, он стал частным приставом, Коллежским ассессором. От состоял в Сущёвской и Мещанской полицейских частях.

Его женой была французская подданная, получившая русские имя и отчество Елизавета Александровна. У Александра Петровича не было имения, а у его жены в Москве в Петровском парке были участок земли площадью треть гектара и дом, где и стала жить семья. Это место расположено между современными станциями метро Аэропорт и Динамо. Улица, на которой были этот участок и дом, получила название по фамилии Александра Петровича — Лозовский переулок. С 1985 года он называется улица Константина Симонова.

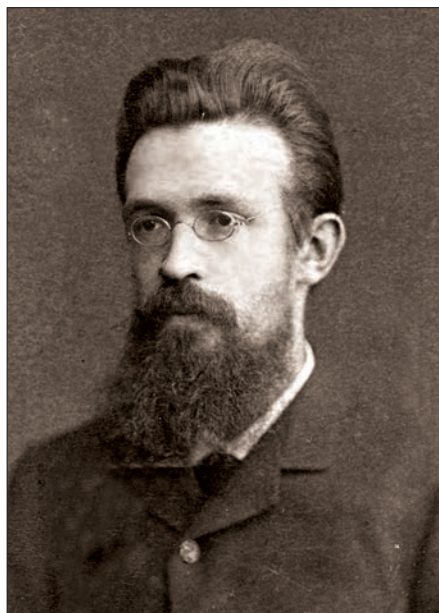
В семье было шесть сыновей: Владимир, Константин, Александр, Леонид, Ипполит и Модест, мой прадед, и две дочери.

Модест Александрович родился 6 августа 1857 года в Москве.

Он учился в Александровской Гельсингфорской Русской гимназии в городе Гельсингфорсе, теперь это Хельсинки. Затем обучался на медицинском факультете Московского Императорского университета с частичной оплатой. В год приходилось платить 25 рублей. Его отец, частный пристав Московской полиции, получал около шестисот рублей в год, что было немного для семьи. И Модест во время учёбы подрабатывал, давая уроки. В 1882 году он закончил Университет, получив звание лекаря.

Ещё в 1881 году, на четвёртом курсе университета, Модест Александрович женился на Софье Виссарионовне Гипп. Однако, их сын умер в небольшом возрасте, а вскорости умерла и жена. После этого Модест Александрович переехал в Коломну.

М.А. Лозовский, 1883 г.

Попечитель Никульской школы Коломенского уезда М.А. Лозовский среди выпускников. 2 июня 1916 года

Модест Александрович был врачом Коломенского уезда, а некоторое время и городским врачом. Он имел чин коллежского советника и был не только врачом, но и гласным Городской думы, Уездной земской управы, попечителем женской и мужской гимназий, воскресной и Никульской школ.

Он инициировал создание первой в Коломне публичной библиотеки имени Лажечникова. Согласно отчетам этой библиотеки за 1899, 1900, 1901 и 1903 годы, среди почетных и действительных членов библиотеки есть имя Модеста Александровича. Также он упоминается в списке лиц, осуществивших на устройство библиотеки денежные и книжные пожертвования. Модест Александрович постоянно избирался членом Правления библиотеки и Председателем Правления библиотеки, а также заведующим библиотекой и ответственным лицом.

В 1887 году Модест Александрович женился на жительнице Коломны Вере Николаевне, урождённой Шаниной. У них было четыре дочери: Елизавета, Александра, Софья и Нина. По воспоминаниям его дочери Нины, моей бабушки, их семья не имела собственного дома, иногда переезжая и снимая всякий раз двухэтажные дома. Но жили они богато, на «широкую ногу». По праздникам устраивались шикарные вечера с музыкой, танцами и пением. Съезжались гости не только из города, но и из уезда. Вокруг Коломны было много знакомых помещиков. Некоторые приезжали целыми семьями и жили по нескольку дней. В Москве у Модеста Александровича тоже было немало состоятельных пациентов.

При этом он работал бесплатно врачом в Коломенской женской прогимназии и Елисаветинских Коломенских Яслях (детское благотворительное учреждение).

В Северском: стоит у перил М.А. Лозовский, дальше в белом его маленькие дочери: Софья, няня с Александрой, Лиза, жена Вера Николаевна. 1898 год

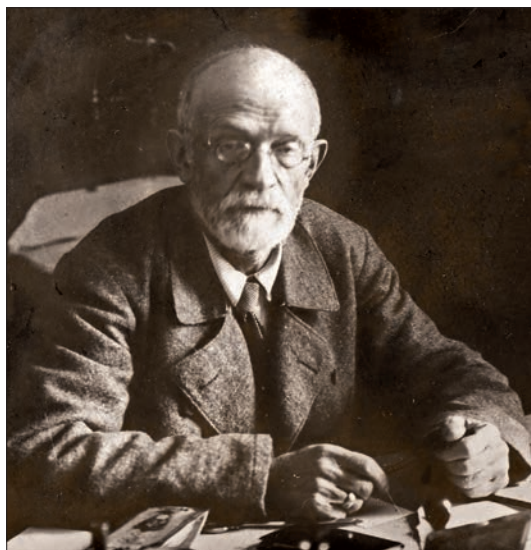
По воспоминаниям бабушки Нины, Модест Александрович был высокого роста, широкоплеч. Он хорошо играл на пианино, но только по слуху. Он играл все танцы, стоило только ему напеть мотив. Кроме того, у него был красивый лирический тенор. Он пел много русских романсов, и не только дома, но и на городских любительских концертах. У них была прислуга, гувернантки. Была дача под Коломной, в Северском, экипаж.

В 1906 году, когда младшей из дочерей не исполнилось и семи лет, жена ушла от него и детей к театральному режиссёру. Однако, Модест Александрович вырастил детей и выучил их. Дочери учились сначала в гимназии в Коломне, а в старших классах — в гимназии Ломоносовой в Москве.

В качестве приданого Модест Александрович получил от купцов Шаниных кирпичный завод. Из сделанного на нём кирпича построена, например, церковь Пресвятой Троицы в Щурове под Коломной и дом на улице Лажечникова, в котором Модест Александрович жил и прини-

Лозовские: Елизавета, Нина, Александра, Модест Александрович, Софья. Коломна, 1904 год

*М.А. Лозовский в Коломне.
Конец 1920-х годов*

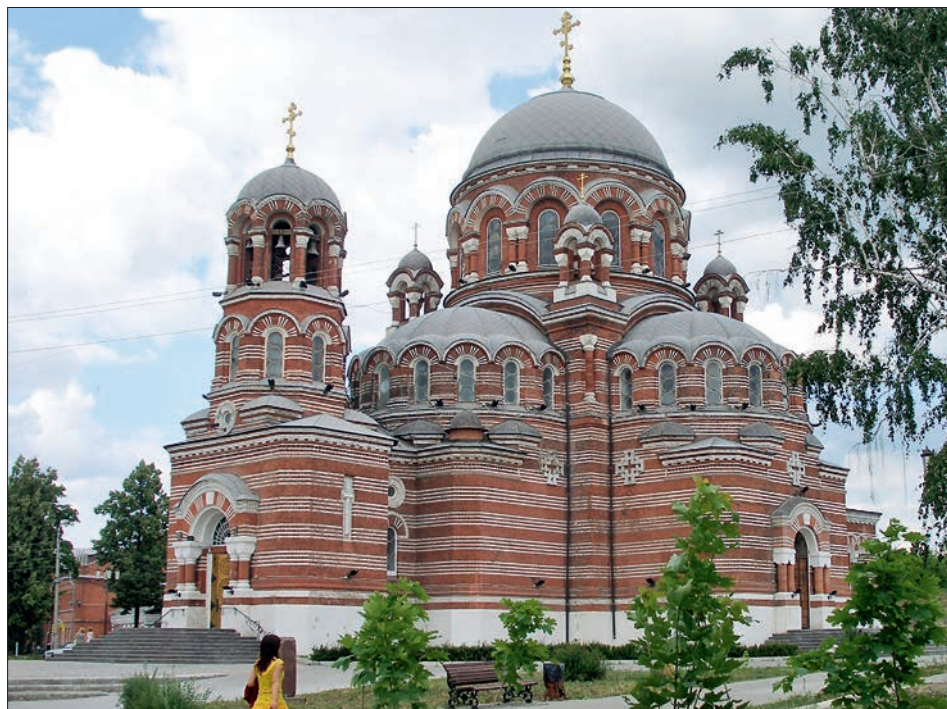
мал пациентов. На кирпичах стоит клеймо с его фамилией, и память о нём останется, пока останется эта церковь и другие дома в Коломне.

В 1915 году Модест Александрович женился, но дочери его были уже достаточно взрослыми.

Модест Александрович награждён орденами: Станислава 3 степени, Святой Анны 3-й и 2-й степени.

В Коломне на доме № 11 на улице Лажечникова установлена мемориальная доска. В коломенском журнале «Благовестник» № 5 в 2003 году написано: «24 апреля состоялось открытие мемориальной доски в честь выдающегося благотворителя, врача-бессребреника, деятеля культуры Коломны рубежа XIX-XX веков Модеста Лозовского».

Модест Александрович умер от кровоизлияния в мозг 3 июня 1931 года, и на его похороны пришли тысячи жителей Коломны и окрестных дере-

Церковь Троицы в Щурове

Дом Лозовских. Коломна, ул. Лажечникова, д. 11. 2020 год

вень, для которых он был не только врачом, но и советчиком, и помощником в беде.

Мой прадед был очень хорошим врачом, всегда приезжал к пациентам. И даже в 2012 году я слышал в Коломне замечательные рассказы о нём.

В сентябре 2020 года я передал собранные мной о прадедушке архивные документы в краеведческий музей Коломны на улице Лажечникова.

Моя бабушка Нина родилась в Коломне в 1899 году. Вот некоторые её воспоминания о Лозовских и их жизни в Коломне. Лето семья проводила на даче в селе Северском, в 10 верстах от Коломны. Оно расположено при впадении реки Северки в Москву-реку. Здесь у Лозовских был двухэтажный дом очень оригинальной постройки. К обыкновенному крестьянскому дому, в котором были две комнаты и сени, пристроили большую комнату и террасу. На верхнем этаже получились две комнаты и два балкона.

По воспоминаниям бабушки, перед террасой был разбит большой цветник, которым занимался сам её папа. Он любил садоводство, и всё в саду было посажено его руками. Особенно он любил делать прививки и деревьям, и цветам. Например, был большой розовый куст, где цвели и красные, и белые, и чайные розы. На одной из яблонь росли яблоки трех сортов. Были клубника нескольких сортов, малина, крыжовник, смородина черная, белая и красная, вишня. В конце сада находился двор, отгороженный штакетным забором. Там были коровник, конюшня и каретный сарай.

В саду сделали площадку, на которой располагались разные гимнастические снаряды: турники, трапеции, кольца, лестницы, канат, столбы. Но самым любимым развлечением стали «гигантские шаги». Был в саду и бассейн, сделанный из кирпичей.

Она вспоминала, какие интересные пикники устраивались летом. Ехали в лес в сторону Рязани на нескольких экипажах. На одном из экипажей ехала прислуга с самоваром, продуктами, посудой и прочим. В лесу на полянке расстилали прямо на траве скатерть, самовар разжигали шишками.

В самоваре под крышкой варили яйца. Пили чай, ели бутерброды, сидя на траве.

Модест Александрович как-то попросил их плотника сделать беседку на берёзе. Вдоль ствола огромного дерева шла лестница ступеней на двадцать пять, затем была сделана площадка с лавочками для отдыха. Потом шла другая лестница ступеней на восемь, снова площадка и, наконец, третья лестница до третьей площадки с беседкой почти на верхушке берёзы.

Как-то папа сделал им новый сюрприз. В саду был построен театр с декорациями. Одна из них изображала комнату, а другая — природу — лес и сад.

Бабушка отлично училась. Она закончила гимназию в Коломне, потом — женскую гимназию Ломоносовой в Москве, на Сивцевом Вражке. Жила с сёстрами там же в пансионе. Их отцу обучение обходилось 1800 рублей в год.

После революции она работала в советских учреждениях, в Ленинской библиотеке. В 1918 году Нина Модестовна вышла замуж за Владимира Максимовского.

В 1920-м у них родилась дочь Наталья, а 23 июля 1921 года и мой папа — Николай. В начале 1938 года из-за ареста мужа её с дочерью и сыном отправили в административную ссылку под Рязань. После возвращения из ссылки работала бухгалтером. Умерла она в 1988 году.

О Шаниных

282

Модест Александрович Лозовский женился на Вере Николаевне Шаниной. Самое раннее обнаруженное мной упоминание о купцах Шаниных содержится в Переписных книгах города Касимова 1746 года.

Архип Иванович Шанин родился в 1765 году и был московским купцом. У них с женой Домной Артемьевной были дети: Иван, Фёдор и Василий. От Фёдора пошла одна из ветвей моего рода. В 1817 году семья Архипа Ивановича переехала из Москвы в Коломну.

А сын старшего из братьев — Ивана — известен как близкий друг великого драматурга Александра Николаевича Островского. Он вдохновлял Александра Николаевича на написание рассказов и пьес. Островский считал, что молодой купец Иван Иванович Шанин, торговавший в оптовых Ильинских рядах Гостиного двора в Москве, был истинной находкой для него. Ваня, как называл его Александр Николаевич, был яркой талантливой натурой, остроумным, наблюдательным, с умным своеобразным взглядом на московскую жизнь и купеческий быт.

Мой предок — сын Архипа Ивановича Фёдор — тоже купец. Он родился в 1800 году и с 1845 года жил в Москве. У них с женой кроме других детей был сын Николай.

Николай Фёдорович жил с 1826 по 1893 год и был коломенским купцом. У них с женой Александрой Фёдоровной кроме других детей была дочь Вера, моя прабабушка.

Николай Фёдорович с братьями, поскольку Шанины исторически были связаны с городом Касимовым, на свои средства построили в нём в 1867 году богадельню и приют для девочек. И основное двухэтажное здание стоит до сих пор. Теперь здесь размещается Дом-интернат для

Дом Шаниных. Ул. Октябрьской революции, д. 221. 2020 год.

престарелых и инвалидов. За свою благотворительность и помощь Касимову купец первой гильдии Николай Фёдорович Шанин получил звание Почётного потомственного гражданина города Касимова.

В Коломне основанные и построенные братьями Шаниными благотворительные заведения занимали целый квартал между улицами Малая Запрудная, Школьная, Речная и Заставная.

Здесь располагались семь зданий: коломенская низшая ремесленная школа братьев Шаниных, дом для служащих при ней, городской Мариинский дом призрения сирот, богадельня с церковью Мартина Исповедника (улица Заставная, д. 10) и вспомогательные корпуса. Этих строений теперь нет. Остались только руины церкви Мартина Исповедника.

Известен и двухэтажный дом Шаниных, до сих пор прекрасно сохранившийся на нынешней улице Октябрьской революции, д. 221. Здесь 26 октября 1917-го, когда эта улица называлась Астраханской, в просторном зале на втором этаже открылось заседание Совета, на котором была провозглашена советская власть в Коломне.

Дочь Николая Фёдоровича, Вера, моя прабабушка, родилась в 1871 году.

*Лозовская (Шанина)
Вера Николаевна с дочерью
Елизаветой. Коломна, 1897 год*

Она стала женой Модеста Александровича Лозовского. У её родителей был большой двухэтажный дом с прекрасным фруктовым садом. Со временем она сделалась «провинциальной львицей», и за ней ходили толпы поклонников.

По воспоминаниям её дочери, моей бабушки Нины, она умела очень хорошо «читать ноты». Могла раскрыть любые незнакомые ноты и сразу начать играть. В семье устраивали для детей балы-маскарады. Была она очень изобретательна и шила очень интересные костюмы.

Часто она ездила в Париж и подолгу там жила, обучаясь мастерству делать цветы, шить корсеты и шляпы. Она всегда стремилась к самостоятельному заработку. В конце концов, она организовала в Коломне шляпную мастерскую.

Вера Николаевна была заядлой театралкой. Как-то она познакомилась с приехавшим в Коломну с театром на гастроли режиссёром Кронидом Александровичем Александровским и влюбилась в него. Но он должен был возвращаться со своим театром в Харбин (в те времена этот город входил в состав Российской империи), и Вера Николаевна решилась уехать с ним, оставив детей и мужа. Умерла она в 1944 году.

Хосе Дельгадо, испанский нейробиолог, в своей работе «Мозг и сознание» написал: «Верность своему прошлому создаёт в нас ощущение трансцендентной незыблемости, более ценное, чем сама жизнь». А верность прошлому может возникнуть лишь в том случае, если знаешь это прошлое и хранишь память о нём. Кажется, что особенно эта верность важна в трудные времена.

Лилия Нисоновна Соза родилась в Коломне. В 1993 году окончила исторический факультет Коломенского педагогического института. С 1983 года работает в КГПИ (ныне Государственном социально-гуманитарном университете), где последовательно занимала должности старшего лаборанта, ассистента, старшего преподавателя, доцента. В 2006 году защитила диссертацию по теме «Коломна как тип уездного промышленного города второй трети XIX — начала XX века». В настоящее время — доцент кафедры отечественной и всеобщей истории и муниципального управления ГСГУ. Кандидат исторических наук.

Лауреат Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2012 года, победитель ежегодной премии губернатора Московской области «Наше Подмосковье» 2014 года, автор 55 научных и научно-методических работ. Среди них — монография «Пореформенная Коломна: на пути к промышленному городу» (2012).

Краеведческий очерк

«РАЗУМНЫЙ И РАЗВИВАЮЩИЙ ОТДЫХ»

(Культурный досуг коломенцев
в начале XX века)

Досуг!... Насколько он важен для человека — знает каждый. Сегодня мы располагаем массой возможностей (информационных, технических, организационных и др.) для удовлетворения личных интересов, самореализации и самосовершенствования. Но такие устремления свойственны не только нашим современникам, а присущи людям во все времена...

Из сочинений русских писателей и мемуаров мы знаем, как в XIX веке проводили свободное время жители столиц, губернских и уездных центров. Здесь в парках и на площадях устраивались народные гуляния с качелями, каруселями, балаганами, в павильонах, киосках, буфетах торговали лимонадом и сельтерской водой, а в городском саду играл духовой оркестр. В провинции время от времени давали спектакли и концерты гастролирующие артисты, а в коммерческом клубе и офицерском собрании устраивались балы и вечера. Но на исходе XIX столетия досуг горожан стал обретать новые формы и организацию.

Напомним читателю, что реформы императора Александра II (отмена крепостного права, земская, городская, судебная и др.) способствовали появлению и активной работе в России разного рода общественных организаций, в том числе досуговых, функционировавших, преимущественно, в крупных городах. Однако в последнем десятилетии XIX века

подобные общества стали открываться и в российской «глубинке», что благотворно влияло на быт и культуру местного населения. Не исключением стала и подмосковная Коломна. Конечно, здесь не наблюдалось московского многообразия видов и направлений общественной работы, но подобные объединения, тем не менее, играли значимую роль в жизни города, поскольку были ориентированы на интересы и повседневные потребности жителей. Возникавшие общества вносили оживление в провинциальную жизнь и удовлетворяли активных горожан в реализации собственного творческого потенциала. Сведения о таких обществах сохранились в фондах Центрального государственного архива Москвы, что позволило составить представление о многих ранее неизвестных сторонах их деятельности.

Первым в Коломне в 1886 году было образовано «Общество любителей охоты», чему способствовал пример «Московского Императорского общества разведения промысловых и охотничьих животных и правильной охоты». В документах также упоминается «Общество любителей рысистых лошадей», которое располагало своим ипподромом; правда, к сожалению, более полная информация о нем пока не обнаружена.

Коломна издавна была известна на всю Россию яблоневыми садами и вкуснейшей яблочной пастилой. Поэтому желание коломенцев расширить и применить на практике свои познания в садовом деле стимулировало учреждение «Общества садоводства» в 1904 году. К тому же подталкивали и активная деятельность «Императорского Российского общества садоводства», и невиданное ранее увлечение садоводством в стране в целом. Заботливое же отношение горожан к садам (сохранившееся, кстати, и по сей день) позволяет в полной мере отнести к Коломне слова участника общего собрания Российского общества садоводства (1905 г.) А.И. Мальта: «Садоводство не есть только ремесло, а представляет собою, в большей части своего объема, искусство...».

Стремление отвлечь рабочий люд от «непотребного» времяпрепровождения (пьянства, игр в карты, посещения питейных заведений и притонов)

Яблонево́ый сад

В.Г. Перов, «Охотники на привале». 1871 г.

обусловили учреждение в конце 1890-х годов при Коломенском машиностроительном заводе «Общества народных развлечений». Инициаторами этого выступили владельцы предприятия. «Общество» должно было взять на себя работу по устройству просветительских чтений, спектаклей, концертов и др.

Развитию музыкальной культуры способствовало создание в 1909 году «Общества любителей хорового пения». Его основой стали участники известных в Коломне церковных хоров, существовавших при духовном училище, храмах и монастырях.

На рубеже XIX и XX веков в повседневную жизнь горожан вошло ревностное отношение к своему здоровью и обрел популярность лозунг «Здоровье — это богатство». Как следствие, в России распространилось, особенно среди молодежи, увлечение спортом — гимнастикой, легкой атлетикой, борьбой, тяжелой атлетикой, футболом и др. В свою очередь, это способствовало организации спортивных кружков, команд и обществ (заметим, они поощрялись правительством как средство оздоровления населения и отвлечения от политики). На такой «спортивной волне» естественным выглядит открытие в Коломне в 1906 году гимнастического общества — КГО.

Но спорт в Коломне был представлен не только подвижными или силовыми видами. Немало здесь проживало любителей такой древней игры, как шахматы. Она стала популярна в России среди дворянства в первой половине XIX века (напомним, что заядлым шахматистом был Пушкин, который не случайно «усадил» за шахматную доску героев «Евгения Онегина» — Ольгу и Ленского). У городских обывателей значительный интерес к шахматам наблюдается во второй половине столетия, чему способствовали создание шахматных кружков и обществ и успешный дебют русских шахматистов на международных соревнованиях. В одном из номеров журнала «Шахматное обозрение» за 1901 год в статье «Шахматист и музыкант» отмечалось: «Шахматная игра принадлежит к числу наиболее изумитель-

Е. П. Самокиш-Судковская. Ольга Ларина и Ленский играют в шахматы. 1908 г.

ных созданий человеческого разума и фантазии, из которых она всецело возникла, не имея какого-либо подобия во всем окружающем мире». На этом благоприятном фоне и возникло в Коломне в 1905 году «Общество любителей шахматной игры», культивирующее интеллектуальный досуг.

Каков был порядок открытия подобных обществ, как выстраивалась их структура и определялись формы деятельности?

До начала XX века в имперском законодательстве отсутствовали какие-либо предписания, устанавливающие порядок деятельности таких общественных организаций. Только лишь на волне Первой русской революции в марте 1906 года были опубликованы «Временные правила об обществах и союзах», где в том числе детально прописывался алгоритм открытия обществ. А именно: лица, желавшие образовать общество, обязаны были представить письменное заявление на имя губернатора или градоначальника, и, если в течение двух недель со времени подачи заявления просителям не будет сообщено об отказе или удовлетворении, то общество «могло открывать свои действия». В заявлении следовало указать: цель общества, фамилию, имя и отчество его учредителя (или учредителей), район действия, способы избрания правления и т.д. Общество должно было действовать на основании устава, в котором определялись порядок вступления и выбытия членов, размер членских взносов и способы их уплаты, состав правления, правила ведения отчетности и т.д. Общественные организации контролировались губернскими властями, обладавшими правом приостанавливать их деятельность и принимать решение о закрытии; со своей стороны, учредители обществ обязывались уведомлять власти об изменениях в составе организации.

В соответствии с Правилами, каждое коломенское общество вырабатывало свой Устав, утверждаемый губернатором. В уставах прописывалось, что членами обществ могли быть «лица обоего пола, всех званий и со-

Г. Мясоедов. «Сам с собою, или Игра в шахматы». 1907 г.

стояний; число не ограничивалось», за исключением «несовершеннолетних, учащихся учебных заведений, состоящих на действительной службе нижних чинов, юнкеров, лиц, состоящих под судом и следствием». В Коломне количественный состав большинства обществ был невелик и не превышал несколько десятков человек. Так, в списках общества любителей охоты числилось не более 15 человек, а шахматного общества — до 30. И только гимнастическое насчитывало более 200 членов. Чем можно это объяснить? Многие определялось социальным составом участников. Традиционно общества любителей охоты являлись элитарными и объединяли состоятельных людей, способных приобрести дорогостоящее снаряжение и породистую охотничью собаку. Спортивные же общества являлись более демократичными, привлекая различные слои населения, увлеченные физкультурными занятиями.

Структура обществ была такова: они состояли из почетных и действительных членов, а также членов-соревнователей (или членов-сотрудников). Почетные — обладали особыми полномочиями. Например, в «Обществе любителей охоты» они пользовались не только правом голоса и участия в устраиваемых охотах, но также могли приглашать гостей на охоту. Кроме того, почетные члены освобождались от уплаты членских взносов и от обязательного исполнения поручений общества. Действительные — обладали правом голоса в общем собрании, платили единовременный взнос при вступлении в общество и ежегодно вносили членский взнос в установленном размере и в назначенный срок, а также не имели права отказываться от возложенных поручений. Почетные, действительные члены и члены-соревнователи избирались большинством 2/3 голосов, присутствовавших на собрании общества. Уставом этого же общества оговаривался круг участников: ими могли быть представители «всех сословий, кроме охотников-промышленников, лиц, состоящих на военной службе, несовершеннолетних, а также подвергнувшихся ограничениям прав по суду». Примерно так были устроены и другие общества.

Все объединения обязаны были следить за нравственным состоянием своих участников. Из обществ исключались лица, не уплатившие членские взносы, а также неоднократно нарушавшие устав. В некоторых обществах предусматривались наказания, сообразно их специфике: спортивные организации исключали за несоблюдение правил игры, а охотники — лиц, промышлявших браконьерством.

Организации избирали правление (совет) в составе председателя, товарища председателя, старшин, секретаря и казначея (в совет «Общества

Г. Бакмансон. «Игра в шахматы. Кафе «Доминик» в Петербурге», 1909 г.

любителей шахматной игры» входил и библиотекарь). Совет или правление вели делопроизводство, составляли сметы, принимали членские взносы и пожертвования, рассматривали предложения и заявления членов общества, занимались увольнением нарушителей устава, выдавали членские билеты. В обязанности председателя входило: организация заседаний правления, наблюдение за исполнением распоряжений, составление годичных отчетов о деятельности, приведение в исполнение распоряжений собраний.

Общества заручались поддержкой влиятельных и состоятельных горожан. Поэтому неудивительным выглядит включение барона А.А. Крюдинер-Струве — директора-распорядителя и акционера Коломенского машиностроительного завода, уездного предводителя дворянства, члена Государственной думы Российской империи I и III созывов от Московской губернии в список почетных членов КГО, членов-учредителей Общества любителей охоты, учредителей Коломенского отдела Императорского русского общества садоводства и Общества народных развлечений. Разумеется, реальное участие барона сводилось к перечислению некоторых сумм в пользу обществ. И этот пример не единичен — в состав обществ входили многие известные в Коломне и на машиностроительном заводе персоны. Так, почетными членами гимнастического общества являлись инженеры В.Г. Эрб, А.А. Зяблов, Н.Л. Мануйлов и др.; в список членов-учредителей Общества любителей охоты входил городской врач М.А. Лозовский, а Коломенского отдела Общества садоводства — городской голова М.И. Посохин, председатель земской управы А.Н. Сазонов, потомственный почетный гражданин Т.М. Левин, владелец кирпичного завода купец Д.Н. Львов, земский врач К.И. Шевлягин; председателем Общества любителей шахматной игры являлся упомянутый выше В.Г. Эрб.; инициаторами открытия и учредителями «Общества любителей хорового пения в г. Коломне» выступили тогдаш-

ний городской голова В.Г. Фомин, а также учителя духовного училища А.И. Снегирев, С.Ф. Светлаев, А.П. Пискарев.

В уставах организаций обязательно прописывались их цели и задачи. Так, Коломенский уездный исправник в донесении губернатору указывал, что «открытие отдела Российского общества садоводства служит желанием развить и улучшить эту отрасль хозяйства в уезде, а также распространение полезных сведений в области садоводства, плодоводства, огородничества и пчеловодства». В качестве мотивов для открытия общества в документе указывалось: «В Коломенском уезде в настоящее время в значительной степени развито садоводство, но из-за отсутствия должного руководства и общения между садоводами дело это ведется крайне примитивно и целые селения разводят исключительно какой-либо один сорт деревьев, не будучи совершенно знакомы с другими культурами». Со своей стороны, «Коломенский отдел Императорского Российского общества садоводства» детально сформулировал цели деятельности: «собирать и публиковать сведения о состоянии садоводства, пчеловодства, огородничества; устраивать публичные чтения, беседы, выставки, библиотеки, музеи и склады с садовыми орудиями и машинами, семенами, удобрениями и т.д.; приискивать опытных садовников, мастеров и рабочих для приобретения и сбыта семян, плодов, овощей и др.; выдавать премии за труды по заслуге на поприще садоводства; входить в сношения с другими подобными отделами».

В цели «Общества любителей охоты» входило «охранение дичи через содействие местным властям в преследовании охоты как в недозволенное законом время, распространение понятий о правилах охоты, истребление хищных зверей и птиц, улучшение способов охоты и улучшение пород охотничьих собак, изучение местной дичи». Общество имело право: «постановлять обязательные для членов правила о производстве различных охот», арендовать земли и уголья для охоты, устраивать с разрешения местной полиции стрельбища и состязания, нанимать служебных лиц (егерей, распорядителей, сторожей и др.).

Шахматное общество намеревалось «изучать шахматную игру как теоретически, так и практически». Примечательно, что уставом последнего разрешалась игра в шашки, но запрещались азартные игры (в карты). Целью Коломенского гимнастического общества (КГО) являлось доставлять своим членам возможность «упражняться в плавании и конькобежестве, устраивать состязания в лодки и исполнении гимнастических упражнений, фехтований» и т.п. Кроме того, в уставе КГО прописывалась возможность устройства детских подвижных игр и легких гимнастических упражнений для юношества.

Целью «Общества любителей хорового пения» было «развитие хорового пения светского и особенно церковного среди населения города и уезда» и оказание материальной помощи церковным хорам, взрослые певчие коих состоят членами общества». Для достижения цели организация намеревалась давать общедоступные и светские концерты, организовывать хор любительского пения. Особо указывалось, что этот хор не должен наносить материального ущерба профессиональным церковным хорам. Правление «Общества хорового пения» приглашало «лиц для преподавания музыки и пения», а также знакомилось с «нуждами церковных хоров г. Коломны и возможностью помочь им».

*Коломенское гимнастическое общество. Фотография начала XX века
(Физкультура и спорт в Коломне. Коломна, 2006 г.)*

В Уставе «Общества народных развлечений» подчеркивалось, что оно не преследует коммерческих целей и стремится к удешевлению и большей доступности устраиваемых им для местного населения развлечений (народных гуляний, концертов, спектаклей, танцевальных вечеров).

292 Каждое общество имело бюджет, доходная часть которого складывалась из членских взносов, пожертвований от общественных организаций и любителей частных лиц, доходов от % принадлежавших обществам капиталов и доходов от организуемых развлечений. Так, «Общество любителей охоты» взимало плату от устраиваемых стрельбищ и состязаний, а также с гостей за право участия в охотах. Доходы с увеселений, чтений и благотворительных концертов получало «Общество любителей хорового пения». По всем поступающим и жертвуемым суммам велась точная запись, такая же тщательность присутствовала и в отчетности о расходовании средств.

Отметим, что размер годового членского взноса в каждом объединении зависел от решения общего собрания и, как правило, определялся уставом. Например, в «Обществе любителей хорового пения» почетные члены уплачивали 75 руб., пожизненные — 50 руб., действительные — 3 руб., члены-соревнователи — 1 руб. В КГО были утверждены следующие платы: с лиц младше 18 лет, «желающих участвовать в гимнастических занятиях, в играх футбол и проч.» — 3 руб. с уплатой в течение первых трех месяцев; за партию игры в кегли — 10 коп. для всех игроков; за вход для сторонних лиц (не членов КГО) — 20 коп. В «Обществе любителей шахматной игры» устанавливалась повременная плата за *сверхурочное* пребывание в помещении общества (разрешалось только до 2-х часов ночи): до 2^{1/2} час. ночи — 10 коп., до 3-х час. — 30 коп., до 3^{1/2} час. — 70 коп., до 4 час. — 1 руб. 50 коп., до 5 час. — 6 руб. 30 коп.

Все досуговые общества вели просветительскую деятельность: они выписывали и распространяли специальную литературу, открывали специализированные библиотеки и выставки, организовывали публичные лекции и беседы. Уставом «Общества любителей хорового пения» предполагалось оказание материальной помощи городским церковным

хорам, а также «устройство теоретических и практических курсов хорового пения и чтений о нем». «Общество любителей шахматной игры» выписывало журнал «Шахматное обозрение», приобретало шахматные фигуры, проводило теоретические занятия с анализом шахматных задач, а также планировало даты проведения ежегодных турниров.

При «Обществе народных развлечений» действовал театр (построен в 1898 г.) со зрительным залом на 750 мест, буфетом и курительной. Главным организатором его постройки и жертвователем являлся директор-распорядитель Коломенского машиностроительного завода А.Е. Струве. Культурная программа театра была разнообразная: обществом приглашались московские труппы, организовывались бесплатные чтения и духовные концерты в период Великого поста, устраивались праздничные представления на открытой сцене и народные гулянья на открытой площадке перед театром. Плата за место в театре была общедоступна и составляла от 10 коп. до 1 руб. 50 коп. Общество постоянно издавало афиши, анонсируя предстоящие зрелищные мероприятия.

Активно действовало гимнастическое общество. По сведениям коломенского краеведа А.Е. Денисова, его участники занимались тяжелой атлетикой, борьбой, фехтованием. Большую популярность приобрел футбол: были созданы команды «Олимп», «Уранцы», «Русь», «Нера», «Ласточка», «Эврика», «Марс», «Альфа», Коломенской мужской гимназии и женская команда поселка Пески. В 1911 году они сформировали «Коломенскую футбольную лигу» и организовали турнир на первенство города, где определилась группа сильнейших клубов — КГО, «Олимп», «Уранцы» и «Русь». Развивались и зимние виды спорта — в ведении общества находился собственный каток.

Как известно, все общественные организации подлежали неусыпному контролю губернской и уездных администраций, полицейских служб.

Театр при Обществе народных развлечений Коломенского машиностроительного завода. Фотография начала XX века

*Игроки первой футбольной команды КГО. Фотография начала XX века
(Физкультура и спорт в Коломне. Коломна, 2006 г.)*

Публичные мероприятия, устраиваемые общественными организациями, согласовывались в обязательном порядке с местным полицейским начальством или губернским правлением. Забюрократизирована была процедура письменных запросов о разрешении готовящегося мероприятия и предоставление отчетов после его проведения. В частности, в заявлениях Правлений обществ на имя уездного исправника требовалось указать не только дату, время и место заседания, но и перечень обсуждаемых вопросов, а также список участников. В случае же перенесения заседания следовало вновь уведомить соответствующие административные и полицейские органы. Тексты пьес на площадках «Общества народных развлечений» должны были иметь разрешения драматической цензуры при Главном Управлении по делам печати и ставиться без всякого отступления от дозволенных цензурой оригиналов. В свою очередь, афиши предлагаемых к постановке пьес подлежали заблаговременному представлению местному полицейскому начальству для утверждения.

Итак, в провинциальной Коломне на рубеже XIX и XX столетий, по образцу столичных и губернских центров, складывалась многоплановая культурно-досуговая среда. Здесь действовали объединения по интересам, в которых участвовали инженеры, купцы, ремесленники, служащие городских и земских учреждений, врачи, учителя, учащиеся, рабочие коломенских промышленных предприятий. Такие общества способствовали распространению среди населения идей «культурного быта», «разумного отдыха», «здорового тела и духа», тем самым просвещая горожан в высоком смысле этого слова. Обратим внимание, что несмотря на периферийность, они успешно развивали в Коломне театрально-музыкальную культуру и спорт, организовывали праздники, распространяли агрономические знания и др., причем на основе исключительно гражданской инициативы и самоорганизации. Активность коломенских общественных объединений делала их популярными и востребованными, а многие достижения нашли свое продолжение в советскую эпоху.

Татьяна Константиновна Залата родилась в Москве. Юрист, окончила Финансовый университет при Правительстве РФ. С 2008 года увлекается краеведением Ступинского и Коломенского краев. Также с 2009 года занимается популяризацией краеведения в сети Интернет, запустив проект «История Ступина и Коломны». В 2012 году награждена юбилейным Кульмским крестом «В ознаменование 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года и заграничных походов Русской Императорской армии в 1813-1814 гг.». В 2015 году занималась подготовкой списка воинов — участников Великой Отечественной войны, используемого в оформлении памятника, установленного силами меценатов в деревне Хомутово Ступинского городского округа в память 70-летней годовщины Победы. Живёт в Москве, но часто бывает в Коломне.

Биографические заметки

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

В 2022 году исполнилось 200 лет со дня рождения русского писателя Дмитрия Васильевича Григоровича (1822-1900), по праву считающегося певцом крестьянства и чудесной природы долины реки Смедвы. Здесь, близ Оки, в усадьбе «Дулебино», рос будущий литератор. До приобретения Григоровичами сельцо Дулебино принадлежало вдове поручице Надежде Михайловне Змеевой¹, затем — штабс-капитану Василию Ивановичу Мевису (по данным на 1829 год)².

Став взрослым, Дмитрий Васильевич не забывал о доме детства и вдохновлялся красотой этого края. Во времена Григоровича Дулебино располагалось в Каширском уезде Тульской губернии, затем Дулебино вошло в состав Озёрского района Московской области, а с 2020 года городской округ Озёры (ранее это был Озёрский район) стал частью городского округа Коломна. Учитывая близость Коломенского уезда, связи правого берега Оки с коломенским краем ещё во времена Григоровича были очевидны и прочны, что в том числе видно и из биографии членов семьи писателя.

Считается, что Д.В. Григорович появился на свет в 1822 году в селе Никольское-на-Черемшане Ставропольского уезда Симбирской губернии. О том, что будущий литератор родился в 1822 году и в этом селе, написано

¹ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 16. Д. 260. Л. 623.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 264. Л. 89.

Ока в районе города Озёры и села Клишино

в его же автобиографии³. Скончался же он в Санкт-Петербурге 22 декабря 1899 года от кровоизлияния в мозг. Перед этим Григорович долго болел: в 1887 году у него случился удар⁴. Писателя отпевали его в церкви Вознесения в Адмиралтейских слободах, указав в метрической записи возраст усопшего как 79 лет⁵, что соответствует 1820 году рождения. Данный факт, впрочем, не отменяет неточностей в возрасте, нередко допускаемых при оформлении подобных документов, поэтому данную информацию следует принимать лишь как косвенную. Для того, чтобы удостовериться в ненадёжности данного источника, достаточно лишь посмотреть запись в метрической книге о втором браке Григоровича — и тогда выходит, что он родился вообще в 1823 году, потому что на момент брака (май 1881 года) ему было 58 полных лет. Автором данной статьи при проверке метрических книг села Никольское-на-Черемшане с 1820 по 1823 годы не обнаружена запись о рождении будущего писателя. Из всей этой проблемы можно сделать несколько выводов: либо Дмитрия Васильевича крестили в другом храме, либо метрика о рождении, возможно, не сохранилась, либо он родился в другой год — а это уже к вопросу о юбилее.

Для Коломны имя Д.В. Григоровича не является случайным. Память о нём была увековечена в Коломенском уезде ещё до революции, спустя некоторое время после смерти писателя. При отделении Коломенской общественной библиотеки им. И.И. Лажечникова в селе Озёры Коломенского уезда существовала бесплатная библиотека-читальня, которая полу-

³ Ежегодник Рукописного отдела на 1969 год. С. 22.

⁴ Там же, с. 26.

⁵ Центральный государственный архив (ЦГИА) Санкт-Петербурга. Ф. 19. Оп. 127. Д. 897. Л. 994.

чила имя Д.В. Григоровича. В докладе об Озёрском отделении библиотеки отмечается, что с самого основания библиотеки имени И.И. Лажечникова правление этой библиотеки предпринимало ряд попыток привлечь население села Озёры, составляющее 12000 жителей, к пользованию книгами из общественной библиотеки, но попытки эти, вследствие отдалённости села Озёры от Коломны и других причин, успеха не имели.

Озёрское отделение библиотеки вместе с читальней открылось 15 апреля 1907 года, при этом читальня начала свою работу прямо с 15 апреля, а первые книги в Озёрском отделении библиотеки начали выдавать только в июне. В докладе об Озёрском отделении сказано, что: *«Так как с. Озёры находятся неподалёку от того места, где родился и провёл свои юношеские годы Д.В. Григорович, то местные учредители, желая почтить память автора “Антон Горемыки”, присвоили вновь открывшейся бесплатной библиотеке наименование “бесплатной библиотеки-читальни имени Д.В. Григоровича”. К такому симпатичному решению местных учреждений с большой готовностью присоединилось и Правление Коломенской общественной библиотеки»*⁶.

*Память о Григоровиче в Дулебино трепетно хранилась и в советское время. Так, когда в центре Дулебино построили новый просторный клуб, то ему не только присвоили имя Д.В. Григоровича, но и организовали музейную экспозицию, посвящённую писателю*⁷. *О библиотеке и обустройстве музея писателя в Дулебино так писал журнал «Партийная жизнь» в 1964 году: «В Дулебино в одной из комнат домика писателя Григоровича несколько лет тому назад открыли библиотеку. Библиотека название одно: полтора десятка книг и подшивка газеты! Но двери её редко когда закрывались»*⁸.

Обратившись к личности самого Дмитрия Васильевича Григоровича, можно вспомнить, как в 1855 году он, а также Александр Васильевич Дружинин (писатель, переводчик и литературный критик) и Василий Петрович Боткин (литературный критик и очеркист) были в гостях у Ивана Сергеевича Тургенева в Спасском-Лутовиново. Пребывание в гостях у Тургенева в 1855 году Григорович считал пятью-шестью неделями лучших своих воспоминаний⁹. Путешествие в Спасское-Лутовиново интересно само по себе, но сегодня нас больше интересует не то, как проводили время в Спасском-Лутовиново герои нашего повествования, а то, как они возвращались назад, в свои «родные пенаты». А.В. Дружинин (1824-1864) о том путешествии и, в частности, о посещении Дулебино оставил отрывистые, как выстрелы, местами похожие на азбуку Морзе, но очень ёмкие и яркие воспоминания в своём дневнике. Эти воспоминания позволяют «прокатиться с ветерком» и увидеть панораму побережья Оки, а главное —

⁶ Озёрское отделение Коломенской Общественной библиотеки имени И.И. Лажечникова с бесплатной библиотекой-читальней имени Д.В. Григоровича в с. Озёрах Горской волости Коломенского уезда // Отчёт Коломенской общественной библиотеки имени Ивана Ивановича Лажечникова за 1906 год (год 8-й) и Народной бесплатной библиотеки-читальни имени А.С. Пушкина (год 4-й): С прил. доклада об Озерском отделении. [1907]. С. 2.

⁷ Агитатор. 1963. Вып. 1. С. 53.

⁸ Партийная жизнь. 1964. С. 50.

⁹ Григорович, Д.В. Литературный воспоминания. — Москва: Художественная литература, 1987. — С. 127.

представить не только то, как выглядела усадьба при Д.В. Григоровиче, но и какие тайны, в том числе семейные, хранил этот дом. Приведём цитаты из дневника А.В. Дружинина и комментарии к ним.

«До 4 июня. Ночь в дороге. Гнусные разговоры. "Пантеон" опять на сцене. Ржевский. Въезд в Тулу. Чернокунижские. Настя. Поля. Гостиница. Земляника. Рассказы В<асилия> П<етровича> об Остенде. Замысел фельетонов. Ока. Вечер. Серпухов. Дамы на балконе. Чай. Наём ямщиков. Просёлок. Ямщик плакса. Берега Оки, Луга. Ароматы. Сон. Рыбалья деревня. Пешееходное странствие. Григорович усыпает нам путь розами. Зной. Город Кашира. Монастырь. Старая Кашира. Опустелый дом Ильиных.

Хозяин дома. Картины и вся обстановка. Модель. Утомительная езда до Любени. Переезд через Оку и подъём в гору. Смедовская долина. Виды. Приезд в Дулебино. Адский голод. Бабушка. Домик в саду. Река Смедва. Сладчайший отдых»¹⁰.

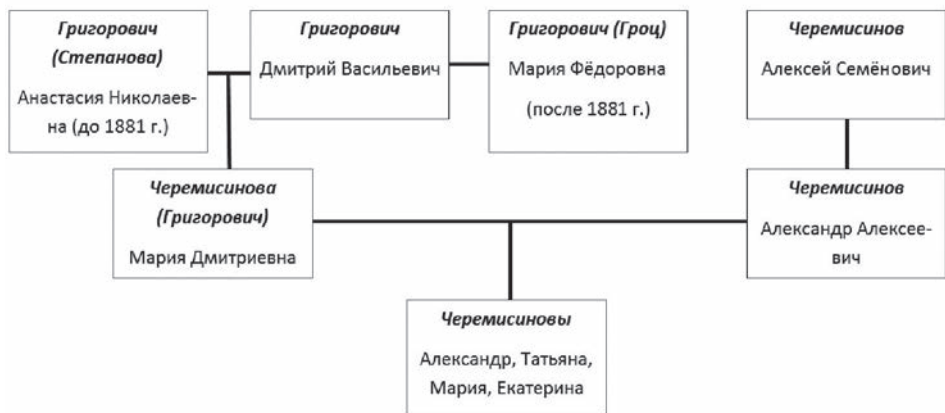
Итак, проследим путь из Спасского-Лутовиново в Дулебино. Гости А.В. Дружинин и В.П. Боткин (1812-1869) приехали в Дулебино, по всей видимости, со стороны Серпухова из Тулы. Из Серпухова следовали до Каширы, видели какой-то монастырь. Это мог быть Свято-Троицкий Белопесоцкий монастырь, так как в Старой Кашире, что находится неподалёку на том же берегу Оки, путники навестили дом Ильиных, о чём Дружинин и пишет в дневнике, и, вероятно, монастырь располагался где-то по пути. На карте 1853 года дорога, которая шла вдоль левого берега Оки и проходила через село Старая Кашира, располагалась в непосредственной близости от Белопесоцкого монастыря. Впрочем, в дневнике Дружинин мог иметь в виду и Никитский женский монастырь города Каширы. Каширу наши герои видели или с противоположного берега, или зашли в город в районе деревни Лужники. В пользу версии о Никитском монастыре города Каширы выступает упоминание в дневнике некой «Рыбальей деревни» — вполне возможно, Дружинин имел в виду Рыбную (Рыбачью) слободу — пригород Каширы.

Помещиками в селе Старая Кашира во времена Д.В. Григоровича были Ильиных, и, очевидно, неслучайно они были с Григоровичем знакомы. По данным, опубликованным в 1852 году Карлом Нистремом в издании «Указатель селений и жителей Московской губернии», в селе Старая Кашира Коломенского уезда проживали подполковники Фёдор Васильевич и Василий Васильевич Ильиных. Вероятно, под командованием подполковника Фёдора Васильевича Ильиных в 4-м эскадроне лейб-гвардии гусарского полка находился корнет Михаил Юрьевич Лермонтов¹¹. Впрочем, об Ильиных потом ещё будет сказано отдельно.

«Любень» в дневнике Дружинина — наиболее вероятно, это село Люблин недалеко от Смедово. В Люблине проходили ярмарки, активно посещаемые в том числе и жителями Коломенского уезда, в частности, из села Озёры. Из-за того, что весной при разливе Оки путь на люблинскую ярмарку жителям Озёр был затруднителен, в 1864 году озёрскими крестьянами было подано прошение в Московскую губернскую земскую управу об открытии

¹⁰ Дружинин А.В. Повести. Дневник. М., 1986 // Lib. ru Классика_ Дружинин Александр Васильевич. Дневник [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0260.shtml

¹¹ Захаров В.А. Летопись жизни и творчества Михаила Юрьевича Лермонтова. М., 2017. С. 230.

Родословная схема Д.В. Григоровича. Составлена на 16.07.2022 с учётом гипотезы о происхождении дочери Григоровича от Настасьи Григорьевны Дорофеевой

базара в их селе. Прошение было удовлетворено, а базары в Озёрах проходили сначала на площади, затем — в Далматской слободе¹².

Но вернёмся к нашему путешествию. «Переезд через Оку» состоялся, очевидно, в районе села Клишино (так, на всём участке дороги от Белопесоцкого монастыря до перехода через Оку на карте, составленной по данным конца 1840-х — 1850-х годов, переправа показана лишь в районе села Озёры). Крутой подъём дороги в гору в районе Клишино, отмеченный Дружининым, действительно существует — в этом может убедиться любой, кто переезжает через понтонный мост в районе Клишино, следуя из Озёр.

«5 июня. Кабинет редкостей. Родники и каскады. Дубовые и сосновые рощи. Дом, похожий на дачу.

Розы и жасмины. Купанье. Купающие<ся> девушки, Феня и Анисья. Матушка Д<митрия> В<асильевича> и Маша. Разнежившийся Боткин. Библиотека. Обед под липами. Водянки и наливки. Прогулка вечерняя до Ильиных. Поминутное взбеганье на чердак. Наблюдения. Вас<илий> Петр<ович> читает статьи о Пушкине».

Из свидетельства в дневнике Дружинина видно, что Григорович держал в Дулебино «кабинет редкостей». Вероятно, это были какие-то артефакты или книжные «редкости». К слову сказать, под «редкостями» Дружинин мог подразумевать и акварельные работы Григоровича — как известно, Дмитрий Васильевич талантливо писал пейзажи. Коллекцию работ Д.В. Григоровича составляет ряд дулебинских пейзажей, находящихся в фондах Государственного литературного музея.

Известно также, что Дмитрий Васильевич был страстным коллекционер. Так он сам о себе писал Дружинину: «В первый же день прибытия в Москву я отправился бродить по антиквариям и имел глупость купить

¹² См. подробнее: Залата Т.К. Немного о ярмарках и торгах Коломны и уезда [Электронный ресурс] // История Ступино и Коломны. URL: <https://stupinsky.ru/yarmarki-kolomenskogo-uezda/>

Берега Оки

табакерку и часы, на циферблате которых изображены Минерва и Марс, биющие в колокол... Эти часы и табакерка заставили нас претерпеть на обратном пути в деревню адские мучения от голода и всех возможных неудобств. ... Если кое-что и не придётся вам по вкусу, берите, всё равно; может быть, ко мне подадутся вещи, которые вам понадобятся, и мы поменяемся. Страсть моя к коллекторству¹³ идет crescendo¹⁴, и в минуты грусти я, не шутя, подумываю бросить всё и исключительно заняться собиранием редкостей; не будь я окружён картинами и фарфором, я, может быть, не вынес бы хандры своей и наделал бы множество глупостей¹⁵.

В издании «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» Семёнов-Тян-Шанский пишет о богатой коллекции картин, рисунков и гравюр, вывезенной бабушкой Григоровича, французской Марией Ле-Дантю (фамилия приводится по второму мужу) во время французской революции; по описанию, коллекция «осела» в Дулебино и постепенно распродавалась¹⁶. Возможно, именно о таком «кабинете редкостей» и пишет Дружинин.

Г. Юнкер («Детские годы Григоровича по архиву Ивашевых», «Голос минувшего», 1919 г.) также пишет о вывезенной из Франции «картинной галерее, из которой картины, особенно голландской школы, были проданы

¹³ То есть коллекционированию.

¹⁴ По нарастающему.

¹⁵ Письма к А.В. Дружинину (1850-1863) / Ред., вступ. статья «Архив А.В. Дружинина» и коммент. П.С. Попова // Летописи / Гос. лит. музей. Глав. ред. д-р ист. наук В. Бонч-Бруевич; Кн. 9. М., 1948. С. 84-85.

¹⁶ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова; под общ. рук. П.П. Семенова и В.И. Ламанского; [предисл. В. Семенова]. СПб., 1899-1914. Т. 2. 1902. С. 398.

в Эрмитаж и в Строгановскую коллекцию»¹⁷. При этом Юнкер делает оговорку, что вывоз картин — это слова Григоровича, и также нужно учитывать, что современники отзывались о Дмитрие Васильевиче в том числе как о «фантазёре», поэтому, вероятно, сведения, сообщённые Григоровичем из собственной биографии, могут быть недостоверными и требуют обязательной проверки.

По описанию же дневника Дружинина мы видим, что в Дулебино усадьба представляла собой «дом, похожий на дачу», с розами и жасминами, в имении — каскад прудов и родники, в округе — дубовые и сосновые рощи. Некоторые подробности быта в имении «Дулебино» становятся доступны через изучение эпистолярного наследия писателя и прочих источников. Через призму этих отрывочных бытовых зарисовок постараемся увидеть быт сельца Дулебино и заботы Григоровичей. Известно, что из Дулебино поступала корреспонденция, в частности, при переписке со следующими лицами:

- М. М. Достоевский из Дарового — Д. В. Григоровичу (1850 год);
- Д. В. Григорович — М. П. Погдину (1851 год);
- Д. В. Григорович — А. П. Милюкову (1862 год);
- Д. В. Григорович — Н. А. Некрасову (серия писем: 1855, 1856, 1860 гг.);
- Д. В. Григорович — Ф. А. Кони (1854 год);
- Д. В. Григорович — Л. Н. Майкову (1859);
- Д. В. Григорович — И. И. Панаеву (серия писем: 1853, 1856-1857);
- Д. В. Григорович — Н. П. Печаткину (1854 год);
- Д. В. Григорович — Н. А. Рамазанову (1863 год)¹⁸.

Интересная особенность: памятью о положении Дулебино на границе трёх губерний (Московской, Тульской и Рязанской), в переписке со Львом Николаевичем Толстым Григорович писал, что: «Адресуйте ко мне таким образом: Дмитрию Васильевичу Рязанской губ., город Зарайск, сельцо Дулебино. Я живу в Каширском уезде, но почта моя в Зарайске»¹⁹. Без подобного объяснения возникла бы путаница, в том числе при изучении эпистолярного наследия Дмитрия Васильевича Григоровича, поскольку часто в переписке он использовал адрес: «сельцо Дулебино, Рязанская губерния», имея в виду, безусловно, свой почтовый адрес.

Кстати, в письме Ивану Ивановичу Панаеву (1812-1862) Григорович объясняет медлительность своего ответа на письмо Панаева от 12 октября 1856 года, полученное только 21 октября, так: «...реки, которые два дня покрыты льдом, два дня тают и в обоих случаях непроходимы, остановили всякое сообщение между мною и Зарайском»²⁰.

7 августа 1862 года Д. В. Григорович пишет А. П. Милюкову о делах в деревне в связи с составлением уставной грамоты (по случаю освобождения крестьян от крепостной зависимости). Уставные грамоты составлялись в рамках реформы. Согласно уставной грамоте земельный

¹⁷ Голос минувшего. 1919. № 1-4. С. 86.

¹⁸ Источники данных о переписке: ОР РГБ; Ежегодник Рукописного отдела на 1969 год; Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина.

¹⁹ Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями / [Сост., подготовка текста, вступ. статья и примеч. С. Розановой]. М., 1962. С. 180.

²⁰ Ежегодник Рукописного отдела на 1969 год / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); отв. ред. Н. В. Измайлов. Л., 1971. С. 8.

Дулебино. Фотография из издания «По Тульскому краю: (пособие для экскурсий)», 1925 год

надел Дулебино составлял 270 десятин, а дулебинских крестьян у Григоровича было 90 душ²¹.

В издании «По Тульскому краю» (1925 год) написано, что: «Мать писателя пользовалась известностью по всему уезду как «искусная лекарка»; к ней приходило и приезжало множество крестьян, которым она помогала советами, лекарством; иногда отпускался больным картофель, мука, поношенная одежда\ ... Однажды к матери привезли больную женщину. Она была в сильной чахотке. Её бил муж, которого приневолили взять её замуж. Больная знала, что она долго не проживёт; её сокрушала судьба её дочери, которую, она опасалась, отец заколотит до смерти. Судьба этой женщины и послужила материалом повести «Деревня»...»²².

Смотрим дневник Дружинина дальше. «Прогулка вечерняя до Ильиных» — здесь имеется в виду, видимо, прогулка в соседнее село Облезьево, которое принадлежало, как и Старая Кашира, Ильиным. В 1820 году Василий Алексеевич Ильин перевёл из Старой Каширы 25 крестьянских семейств, что дало начало селу Облезьево, а в 1850 году — выселил из Облезьево 12 семей, что дало начало селу Никольские выселки²³. Известно, что в имении «Облезьево» родился Василий Дмитриевич Ильин (1886-1937), эмигрировавший в Италию в 1921 году и работавший там банковским служащим. Он общался с представителями русской колонии и принимал участие в мероприятиях библиотеки им. Н.В. Гоголя²⁴.

²¹ ГАТО. Уставная грамота номер 3736 // Тематические базы данных Тульского государственного архива / База данных «Уставные грамоты» [Электронный ресурс]. URL: <https://gato.tularegion.ru/private/diplomas?ak=9813256&aot=19232827>

²² По Тульскому краю: (пособие для экскурсий). Тула, 1925. С. 529-530.

²³ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей. Тула, 1895. С. 471-472.

²⁴ По данным: Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия // Сост. и науч. ред. Антонелла д'Амелия, Даниела Рицци; ред.: М.В. Архиреев [и др.]. М., 2019. С. 294.

Мельница в Дулебино. Фотография из издания «По Тульскому краю: (пособие для экскурсий)», 1925 год

«6 июня. Устройство купальни. Чердак играет важную роль в истории дня. Неслыханный зной. Охота вдоль реки за девушками. Мельница. Маша Черемисинова. Письмо к Тургеневу. Обломовка.

Отсутствие газет, но обилие журналов. Похвальная статья “Б<блиотеки> д<ля> ч<тения>”. Мрачное состояние хозяина. Вечер около дома Ильиных и падающего родника. Ополченец Литвинов, его энтузиазм. Боткин мешает мне спать, читая “La comedie des comedians”, Гозлана. О собирателях».

Об Ильиных мы уже рассказали, а вот Маша Черемисинова, упоминаемая А.В. Дружининым, — это, наиболее вероятно, Мария Алексеевна Черемисинова — дочь помещика соседнего сельца Фофаново. Можно было бы подумать, что речь идёт всё же о Черемисиновой Марии Дмитриевне — дочери Д.В. Григоровича — но в 1850-е она была ещё ребенком и вряд ли могла быть замужем. Очевидно, муж её — помещик соседнего имения Фофаново, майор Александр Алексеевич Черемисинов (около 1834 — до 1917). Черемисиновы владели имением «Фофаново» и, по всей вероятности, там и проживали, либо, по крайней мере, часто там бывали, судя по регулярному присутствию этой семьи в исповедных росписях. Глава семейства Черемисиновых — отставной майор Алексей Семёнович Черемисинов (р. около 1797 — ум. после 1856), его супруга — Черемисинова Анастасия Егоровна (р. около 1813 — ум. после 1856). Супруги Черемисиновы воспитывали шестерых детей и, судя по дневнику Дружинина, Д.В. Григорович был давно знаком с семейством Черемисиновых, ещё во времена детства своей дочери Маши. В исповедной росписи церкви села Люблин присутствует один из старших сыновей Алексея Семёновича Черемисинова — Александр — это будущий муж Марии Григорович. В 1837 году ему примерно 3 года²⁵.

Дочерей Марии Дмитриевны Черемисиновой (Григорович) звали Татьяна, Екатерина, Мария, сына — Александром²⁶. Черемисинова Мария

²⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 266. Л. 911 об.

²⁶ См.: Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), фонд 138.

Дмитриевна — впоследствии владелица имения «Дулебино» и владелица водяной мельницы в Дулебино же. Известно также, что по данным на 1832 год в округе Дулебино было две мельницы: помещиков Гусятниковых и каширского мещанина Аксёна Казакова. По данным коломенских краеведов А. Кузовкина и И. Маевского, Мария Дмитриевна Черемисинова жила в Коломне, где её периодически навещал отец, на втором этаже кирпичного дома рядом с церковью Никиты Мученика (Коломна, улица Посадская, дом 36)²⁷.

Григорович писал Дружинину: *«Вот, друг Александр Васильевич, мой план: 1-го июня²⁸ я приеду в Москву (вы знаете, что одна только половина существа моего беспутная, другая же — аккуратная) — там пробуду до 10-го. 10-го дочь моя (вижу улыбки и слышу добродушно-истерический хохот) — дочь кончает экзамен; я беру её и везу в Петербург к матери. Там пробуду весь июнь, наслаждаясь 1-й день семейным счастьем и остальные 29 дней шляясь то к Палацу, то... ну да вы догадываетесь»²⁹.*

В издании Государственного литературного музея «Письма к А.В. Дружинину (1850-1863)» (изданы в 1948 году) в сносках к данному письму сделаны ценные заметки касаясь семьи Григоровича: под «дочерью» в письме имеется в виду, по-видимому, Мария Дмитриевна, носившая фамилию Григорович, по мужу Черемисинова, а матерью её была некая Настенька; Григорович называл её также «Варварушкой»³⁰. Сведения эти основываются на данных из архива Григоровича, хранящегося в Государственном литературном музее; из этого же архива же явствует, что женой Григоровича считалась Мария Фёдоровна Григорович. Учитывая эти данные, получается, мать Марии и жена Григоровича — две разные женщины?

Первой женой Д.В. Григоровича была Анастасия Николаевна Григорович (урождённая Степанова), что следует из материалов фонда Григоровича в РГАЛИ³¹. Очевидно, Анастасия Николаевна и была матерью Марии Дмитриевны. Первая супруга умерла, и лишь в 58 лет Дмитрий Васильевич женился во второй раз.

В метрической книге собора Исаакия Далматского в Санкт-Петербурге встречаем запись о браке отставного титулярного советника Дмитрия Васильевича Григоровича, вдовца по первому браку, и австрийской подданной Марии Гроц, 34 лет от роду (для неё это был первый брак). Поручителями указаны, что примечательно — И.С. Тургенев, А.В. Топоров, В.П. Гаевский и Я.П. Полонский. Бракосочетание состоялось 18 (31) мая 1881 года³². При этом на самой церемонии бракосочетания Тургенева,

²⁷ См.: Григорович Д.В. Смедовская долина // Коломенский текст [Электронный ресурс]. URL: <https://kolomnatext.ru/classic/442>

²⁸ 1856 года.

²⁹ Письма к А.В. Дружинину (1850-1863) ... С. 94.

³⁰ К слову сказать, автор настоящей статьи довольно давно уже бьётся над вопросом, кто была жена писателя и мать Марии Дмитриевны Григорович, но информация об этой загадочной женщине во многих источниках, включая архивные, достаточно расплывчата.

³¹ См.: РГАЛИ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 87.

³² ЦГИА Спб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 380. Л. 104.

Усадьба в Дулебино. Фотография из издания «По Тульскому краю: (пособие для экскурсий)», 1925 год

по всей видимости, не было, поскольку Гаевский писал, что «в церкви был только я и Полонский». Далее он пишет, что из церкви все вчетвером отправились обедать, захватив по дороге Тургенева с его адъютантом Топоровым. О второй супруге же Григоровича Гаевский отзывается как о «очень простой и доброй венке без малейших претензий» и отмечает, что «супруги были очень взволнованы и растроганы и неоднократно плакали. Видно, что они очень довольны друг другом, и я рад, что бедный Григорович, хоть на старости лет, поживет спокойно»³³.

«7 июня и 8 до отъезда. Затишье полное. Чердак. Трансы после тульской экспедиции. После двух дней ожидания всё кончается хорошо. Я начинаю задумываться о своих. Любовь Маши к Василию Петровичу. Оригинальная девочка Оля, любительница похорон. Обеды с женской прислугой.

Французский язык начинает меня сердить. Прогулки по дебрям. “Ключ”, стихи Державина. Прогулка по берегам Смедвы. Стрижи по берегу. О пейзажистах. Сборы к отъезду. Последнее посещение чердака. Прощание и отъезд, или, скорее, выход, ибо версты две пошли пешком.

Опять в дороге. Луга у Оки. Люди на пароме. Пиво. Вид имения Горы. Ночь. Станные речи о любви. Тихая езда. Спор о Китае, с озлоблением. Голод. Коломна. Гнусная гостиница, наём лошадей. Печальная весть о взятии редутов. Утро. Город Бронницы. Зной. Село Коломенское. Пригородные села. Лошади выбиваются из сил. Пешая ходьба до Маросейки.

Купанье. Обед у В<асилия> П<етровича>. Отдых. Вечер в чернокнижии. Юлия и Надя. Кремлёвский сад. Картины во вкусе древности. Теплейшая ночь».

Что подразумевал Дружинин под «французским языком» — остаётся лишь догадываться. Дмитрий Васильевич превосходно владел французским языком. Можно также предположить, что французский язык — безу-

³³ Капелюш, Б. Н. Д.В. Григорович. Письма к Тургеневу и Я.П. Полонскому // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. М.; Л., 1968. IV. С. 399.

Д.В. Григорович.

Из издания «По Тульскому краю: (пособие для экскурсий)», 1925 год

словная характерная черта матери и бабушки Дмитрия Васильевича Григоровича — француженок по происхождению. Мать Григоровича, вдова отставного майора Сидония Петровна (родилась около 1800 — умерла после 1869 года), урождённая де Вармо, достаточно рано осталась вдовой, а маленький Дима Григорович — сиротой. В 1860-1863 гг. в качестве дулебинского помещика в документах начинает указываться Дмитрий Григорович вместо Сидонии Петровны, что даёт возможность предположить, что он наследовал имение за матерью. При этом, как

писал в своих письмах Дружинину сам Григорович, потому как ему хочется новых путешествий, он бы давно заложил имение, но не может этого сделать, потому что владельцем не является (а владелицей являлась его мать). Хочется при этом обратить внимание, что у Г. Юнкера годом смерти Сидонии Петровны указан 1869. В пользу того, что Сидония Петровна умерла в 1869 году или позже, говорит также наличие писем в описях фонда Д.В. Григоровича в РГАЛИ, связанных с личностью Сидонии Петровны и датированных 1869 годом.

Дмитрий Васильевич взял на себя заботы по имению, когда его мать совсем уже состарилась. Он вспоминал, что сдал в аренду всю свою землю по ту сторону реки Смедвы — тогда это был уже Зарайский уезд. Арендатор не выполнял условия достигнутого соглашения, что земля будет использоваться для сельскохозяйственных целей, и открыл на этой земле кабак, возбуждая недовольство крестьян, а также ещё и не внося плату за аренду. Известно, что Григорович потом обращался в присутствия и в своём Каширском уезде, и в Зарайск — по месту нахождения арендуемой земли. Обращался Дмитрий Васильевич и в Коломну, поскольку арендатор был коломенским мещанином — как оказалось, «всем известным мошенником». Компетентные органы ничем не смогли помочь, но арендатор, по выражению Григоровича, «продолжал преспокойно сидеть в кабаке и чинить всякие безобразия», а затем «сам, наконец, спился и добровольно оставил землю»³⁴.

Отец Дмитрия Васильевича, Василий Ильич Григорович, был участником Отечественной войны 1812 года и служил, по всей видимости,

³⁴ Григорович, Д.В. Литературные воспоминания. Москва: Художественная литература, 1987. С. 145.

в Сумском гусарском полку (зачислен в полк в 1803 году)³⁵. Бабушка Григоровича, Мария Петровна Ле-Дантю (по второму мужу), на 1860 год присутствует на исповеди в храме села Флоровское Каширского уезда, где упоминается как нидерландская купчиха³⁶.

На пути в Москву А.В. Дружинин, как мы видим из дневника, останавливался в коломенской гостинице, о которой отозвался как о гнусной. Действительно, интересно, что и другие персоны отзывались не слишком положительно о тогдашних коломенских гостиницах. Например, в статье 1862 года (через семь лет после путешествия Дружинина), опубликованной в «Биржевых ведомостях», корреспондент, совершивший путешествие по вновь открытой железной дороге до Коломны, так рассказывает и о найме лошадей, и о гостиницах: «Около станции было сборище извозчиков с экипажами различных сортов: и с пролётками, и с тарантасами, и с телегами. Возницы с криком предлагали свои услуги и заламывали втридорога. Я доехал за рубль до одной из коломенских гостиниц, в которой и остановился. О гостинице, её номерах и о буфете говорить не намерен, боясь во зло употребить терпение моих читателей, большинству которых известны гостиницы в уездных городах вообще, а, вероятно, и коломенские»³⁷.

Известно, что та же компания (В.П. Боткин и А.В. Дружинин) гостила в Дулебино и в 1857 году, что следует из письма Григоровича И.И. Панаеву (отправлено из Дулебино): «Теперь только я могу отвечать вам на ваше письмо от 9-го апреля, дорогой друг Иван Иванович. Начать с того, что приехал я домой 21-го апреля, отправившись из Москвы 14-го. Ока и Осетр не пропустили меня под Коломной и Зарайском; потеряв всякое терпение ждать на перевозе, я снова вернулся в Москву на другой день после отъезда Вас[илия] Петр[овича] и Дружинина...».

После вышеописанного путешествия по маршруту Марьинское (Санкт-Петербургская губерния, имение А.В. Дружинина) — Спасское-Лутовиново — Дулебино у писателей возник замысел нового юмористического произведения. В 1855 году (датировка источника; очевидно, об этом письме Тургеневу и шла речь в дневнике) А.В. Дружинин пишет И.С. Тургеневу в своём совместном с Д.В. Григоровичем письме: «Позвольте на прощанье обратиться к Вам с одной странной просьбою. Мы вдвоём [с Д.В. Григоровичем? — прим. автора] замыслили изобразить, в живописно юмористическом роде, историю всей нашей летней поездки, с описанием дома Боткина, села Лутовинова, села Дулебина, с Мариинского и прибавлением разных нелепых приключений, где мы все будем называться по именам. Рассказ идёт от имени трех чудаков-туристов, возымевших намерение перезнакомиться с русскими писателями. В английской литературе подобных рассказов гибель, например, знаменитый рассказ В. Ирвинга о поездке в Абботсфорт. У нас оно ново и странно, а потому мы предварительно испрашиваем Вашего разрешения. Боткин одобрил идею и дал своё согласие. В том, что ничего нескромного и неловкого не будет сказано, даю Вам слово, но шуток и преувеличений по-

³⁵ Григорович Василий Ил. / Биографии участников наполеоновских войн, Отечественной войны 1812 г. // Napoleonic. ru. URL: <http://napoleonic.ru/история/персоналии/григорович-василий-ил>

³⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 268. Л. 260.

³⁷ Биржевые ведомости. 1862. № 237. С. 1025.

стараясь набрать. Обсудите это и не стесняясь нисколько, скажите Ваше откровенное мнение»³⁸. Ответ Тургенева положительный: «Очень я рад тому, что ваше путешествие так же благополучно кончилось, как и началось. ... Что касается до Вашего плана путешествия — то, разумеется, я совершенно согласен — и отдаюсь в Ваше распоряжение — но не примет ли публика все эти разоблачения несколько странно и криво? Пример Ваш не совсем верен — мы не Скотты и не Ирвинги — и потому как бы не сочли всего этого за *samaraderie*? Впрочем, я повторяю, совершенно полагаюсь на Вас — если Вы это напишете и решитесь печатать, стало быть, это будет и хорошо, и забавно»³⁹. Иван Сергеевич Тургенев 17 июня 1855 года также пишет Боткину из Спасского-Лутовиново: «Милый Боткин! Душевно спасибо тебе и твоим двум спутникам за забавное и подробное описание вашего путешествия в Дулебино. — Я хохотал до упаду и мысленно переносился к вам и к вашему пребыванию у меня».

Не известно достоверно, была ли реализована писателями эта идея описать своё путешествие. Можно предположить, что нет, поскольку известно, что 22 августа 1855 года Григорович пишет А.В. Дружинину о своей встрече с А.А. Краевским: «Ваши фельетоны я ему передал, сказав, что может вместо фамилий выставить буквы; он, кажется, и намерен это сделать, ибо напуган новизною такого рода статьи». Есть мнение, что речь идёт о фельетонах «Путешествие к литературным знаменитостям», которые, видимо, и описывали путешествие к Тургеневу, обратный путь которого мы проследили. «Путешествие» в конечном итоге не было опубликовано⁴⁰.

308

Но, если вдуматься — это ли не «Трое в лодке, не считая собаки»? Или не приключения Тома Сойера и Гека Финна на берегах большой реки? Кстати говоря, и в повествовании Марка Твена присутствовала такая же «оригинальная девочка Оля, любительница похорон», о которой писал в своём дневнике Дружинин: помните Эммелину, «специализировавшуюся» на «загробных» стихотворениях?

Жаль, что «Путешествие к литературным знаменитостям» так и не увидело свет! Мы видим «скелет» этого произведения в дневнике А.В. Дружинина — записи дневника напоминают аннотацию к будущему литературному произведению. Но благодаря этому дневнику у нас есть возможность сделать путешествие в Дулебино середины XIX века, вспомнить Д.В. Григоровича и почувствовать то, что его вдохновляло — атмосферу писательского имения, с его радостями и горестями, летним зноем, неспешными вечерними прогулками и восхитительной красоты природой.

³⁸ Письма А.В. Дружинина к И.С. Тургеневу (Дружинин) // Lib. ru/Классика. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_1858_pisma_k_turgenevu.shtml

³⁹ Тургенев И.С. — Дружинину А.В. и Григоровичу Д.В., 10(22) июля 1855 г. // Turgenev-Lit.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/pisma-1855-1858/letter-48.htm>

⁴⁰ Захаров В.А. Летопись жизни и творчества Михаила Юрьевича Лермонтова. М., 2017. С. 87-88.

Валерий Альбертович Ярхо родился в Коломне в 1964 году. Известный литератор и краевед. Его юмористические и детективные рассказы широко публиковались как в центральной, так и в местной периодике. В творчестве Ярхо удачно сочетаются художественная проза, научный поиск, «архивный детектив». Он автор нескольких объёмных монографий, посвящённых светской и церковной истории Коломенского края.

Награждён литературной медалью И.И. Лажечникова. Постоянный автор «Коломенского альманаха». Как лучший автор этого издания в 2019 году награждён Золотым дипломом и премией им. И.И. Лажечникова.

Историко-краеведческий очерк

ПАЗЛ ИЗ РАЗРУШЕННЫХ СУДЕБ

В этот раз на ведущих в лабиринты времён дверях отразились фрагменты дневника главы Дирекции Императорских Театров Владимира Аркадьевича Теляковского, относящиеся к зиме 1915 года. Уже полгода идёт Первая мировая война, но столица Российской Империи, хоть и переименованная из Санкт-Петербурга в Петроград, живёт ещё прежней, довоенной жизнью. В театральном мирке полыхают свои войны амбиций и жёсткой конкуренции. Их участники втягивают в орбиту конфликтов «влиятельных покровителей», и управляющий этим беспокойным закулисным табором господин Теляковский заносит в свой дневник 11 февраля 1915 года: *«До какой бесцеремонности доходят так называемые «светские люди»? Вчера я получил письмо от Струве (брата конногвардейца флигель-адъютанта). Письмо на бланке Правления Коломенскими заводами. Он пишет о г-же Лопуховой, что её обижают, не давая первых мест. Виной этому Сергеев¹. При этом Струве называет Лопухову своей женой, не будучи женат».*

¹ Николай Григорьевич Сергеев — русский артист балета, режиссёр, педагог. В 1894 году окончил Петербургское театральное училище и был принят в балетную труппу императорского Мариинского театра. В 1903 году там же был назначен режиссёром, в 1904 — солистом. В 1914 году получил должность главного режиссёра балетной труппы Мариинского театра

Василий Густавович фон Струве, директор Коломенского машиностроительного завода в начале XX века

Прочитав это, нестерпимо захотелось узнать — о ком и о чём идёт речь в дневнике его превосходительства?! И под напором этого желанья двери познания отверзлись, пропуская в далёкое прошлое. Там было всё совсем не просто.

Героический предок

Господин Струве при рождении нареченный Вильгельмом-Альбертом, звался всегда Василием Густавовичем.

Так было принято в среде «русских немцев» — всех этих «Карл Ивановичей», «Сергей Людвиговичей», «Март Андреевн» и прочих других, коих не счесть — в чьих судьбах немецкое и русское сплелось в неразрывный тугой узел.

310

Предки матушки Василия Густавовича — Ольги Фёдоровны, урождённой Остен-Дризен — происходили из Вестфалии, а в Россию они переехали при императоре Павле Петровиче уже на исходе 18-го столетия. Папенька её, Теодор-Вильгельм фон-дер Остен-Дризен, в 1797 году стал прапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка.

В 1805 году, уже сменив имя и став Фёдором Васильевичем Остен-Дризен, он отличился в сражении при Аустерлице. В 1808 году его произвели в полковники и поставили командовать Виленским полком. В 1810 году полковник Остен-Дризен принял под команду Муромский полк, с которым он вступил в войну против Великой Армии Наполеона Бонапарта, вторгнувшейся в русские пределы летом 1812 года.

Командуя своими «муромцами» во время боёв за Смоленск, Остен-Дризен на правом фланге русской позиции закрепился в Молоховской воротной башне и на земляном бастионе вокруг неё, обороняя один из главных въездов в город. Находясь в самой гуще сражения, Фёдор Васильевич получил сильную контузию в грудь, но остался в строю.

В битве при Бородино французская пуля тяжело ранила командира Муромского полка, раздробив ему коленный сустав левой ноги. За подвиги на бранном поле Фёдор Остен-Дризен получил орден Св. Георгия 4-й степени. Ногу полковнику пришлось ампутировать, но в уважение его заслуг он был оставлен в армии, и проходя службу на различных административных должностях, Остен-Дризен достиг генеральских чинов. Миновав рубеж старости, ветеран оставался бодр и свеж. Когда в 1851 году он умер, «почав восьмой десяток», его младшенькой дочери Ольге пошёл лишь 6 годок.

При жизни генерал успел позаботиться о том, чтобы обеспечить свою семью, и девочка росла в достатке, получив хорошее воспитание. Когда же

134. СТРУВЕ ВАСИЛИЙ ГУСТАВОВИЧ, 1882 г.

Оленьке настала пора невеститься, посватался к ней Густав Егорович Струве, также происходивший из «обрусевших немцев», причисленных к дворянству Варшавской губернии. Жениху шёл 32 год. Он был старше Ольги Фёдоровны на 12 лет, обладал приличным состоянием и делал успешную карьеру.

311

Исполнитель особых поручений

Во время «Крымской кампании» выпускник Главного Инженерного училища Густав Струве в составе различных инженерных команд занимался строительством крепостей и береговых батарей для защиты Аккермана, Одессы и Николаева. Принимал участие в реконструкции кронштадтской крепости под руководством знаменитого Тотлебена², обратившего внимание на способности и порядочность молодого военного инженера.

Именно с подачи Тотлебена решено было ему доверить исполнение деликатных миссий, которые вполне можно отнести к разряду военно-технического шпионажа. Специальной армейской разведывательной организации в те времена ещё не существовало, а потому необходимые для развития военного дела сведения получали, отправляя за границу способных офицеров, по Высочайшему повелению исполнявших «особые поручения». Одним из исполнителей такого рода поручений стал и Густав Егорович, в 1858 году командированный Генеральным штабом «для собрания сведений по гидротехническим сооружениям и постройке казематированных фортов и береговых батарей».

² Граф Эдуард Иванович Тотлебен — знаменитый военный инженер, с именем которого связана целая эпоха сапёрных войск русской армии. Участник всех войн Империи от кавказских компаний 40-х годов до сражения под Плевной Балканской войны 1877-78 годов.

Густав Егорович был женат на дочери Генерала от Инфантерии Барона фон Остен-Дризен Ольге и имел 8 детей: сыновей — Егора (16.02.1867 г.р.), Николая (13.04.1875 г.р.), Сергея-Константина (25.03.1881 г.р.), Василия (07.03.1882 г.р.), дочерей — Александру (18.04.1872 г.р.), Екатерину (28.04.1877 г.р.), Розалию (06.03.1878 г.р.), Маргариту (06.05.1879 г.р.). Жена и дети вероисповедания лютеранского

312

В продолжение целого года он путешествовал, посетил Англию и Францию, побывал в Северной Италии³, откуда проследовал в Египет и далее в Грецию, завершил свои странствия на турецком побережье Чёрного моря⁴.

Вернувшись в 1859-м году, Густав Егорович, помимо служебных отчётов о своей поездке, подготовил серию журнальных публикаций, в которых делился своими наблюдениями, подкрепляя их техническими выкладками.

Через несколько лет с очередным «особым поручением» Струве выехал в Англию «для сбора сведений о постройке броненосных кораблей и береговых батарей», а оттуда отправился в США, где как раз разразилась Гражданская война.

Уже носивший погоны полковника Густав Струве был направлен за океан в качестве «военного агента»⁵ при штабе генерала Гранта, главнокомандующего армией федералов-«северян», сражавшихся с «конфедератами» южных рабовладельческих штатов. Военный агент Струве

³ На тот момент Италия ещё не была единой страной. Королевство Италия со столицей в Риме возникло только десятком лет позже, в 1870 году.

⁴ Следует помнить, что в 1856 году закончилась война Российской Империи с коалицией Османской Империи, Франции, Англии и Сардинского королевства. Т. е. Густав Струве собирал сведения о береговых укреплениях и крепостях на территориях противников России в недавней войне.

⁵ Сейчас эта дипломатическая должность называется «атташе».

находился в траншеях при бомбардировках осаждённого «федералами» Чарлстона, с Потомакской армией⁶ форсировал реку Рапидан и принял участие в боях, вошедших в американскую историю под названием «Битва в Глуши»⁷.

Дело братьев Струве

Покуда Густав Егорович переживал увлекательные военные приключения на американском континенте, его младший брат Аманд Струве добился больших успехов на поприще строительства российских железных дорог. Военный инженер, которому не было ещё тридцати лет, взялся построить временный мост через Москву-реку близ Коломны. Он составил смету всего лишь на 4,5 тысячи рублей, против 30-ти тысяч, затребованных французским коллегой. На этом деле Струве-младший не заработал ни копейки, зато приобрёл определённую репутацию, позволившую ему получить заказ на сооружение постоянного моста через Оку, «отбив» его у французской инженерной фирмы.

По расчётам конкурентов мост должен был обойтись русской казне в 1 200 000 рублей, Аманд же Струве просил 880 тысяч. Экономия выходила из-за отказа от закупок в Англии крепежа и металлических частей, которыми усиливались деревянные конструкции моста на каменных устоях. Всё необходимое стройке «железо» Аманд Егорович собирался производить в собственных мастерских, под которые он на 25 лет арендовал у крестьянской общины села Боброво луговину, с платой по 200 рублей серебром в год.

В феврале 1865 года — точно к сроку — мост был сдан заказчику, а исполнитель проекта заработал на этом деле 40 тысяч рублей. После такого успеха Аманд Струве получил несколько заказов на строительство мостов, детали которых изготавливались в бобровских мастерских, расположенных возле новенькой тогда железнодорожной станции Голутвин.

Строительство мостов приносило деньги, которые вкладывались в развитие мастерских, довольно скоро превратившихся в завод. Так как Аманд Егорович не мог одновременно вести заводские дела и управлять строительством мостов, то он предложил вернуться из Америки брату возглавить производство в Коломенском уезде.

Семья ставшего директором коломенского завода Густава Егоровича поселилась не в самой Коломне, а в трёх верстах от города, в так называемой «колонии» — специально выстроенном посёлке, который от села Боброво и станции Голутвин⁸ отделяли рельсы железной дороги. Там, в «коломзаводской колонии», у Густава и Ольги Струве родились дети — 4

⁶ Потомакская армия — главная полевая армия сил Союза на Восточном театре Гражданской войны в США.

⁷ Сражение, происходившее 5-7 мая 1864 года между армией Союза, которой командовал Улисс Грант и Северовирджинской армией Роберта Ли. Бои развернулись в труднопроходимой лесной местности штата Вирджиния, простиравшейся вдоль южного берега Рапидана.

⁸ Теперь это улица Партизан и её ближайшие окрестности.

мальчика и 6 девочек!⁹ Самым младшим в семье был родившийся 18 марта 1882 года Васенька Струве, или «Василёк», как его звали близкие люди.

Деловая хватка

Под руководством Густава Егоровича постепенно совершенствовалось устройство и оборудование завода, на котором к 1868 году уже можно было производить работы «по разным отраслям машиностроения», напрямую конкурируя с европейскими и американскими фирмами.

В те времена «паровики для чугунки» в Российской Империи строились на заводах герцога Лейхтенбергского, да на казённом Александровском заводе. При бурно развивавшейся сети железных дорог локомотивов и вагонов катастрофически не хватало. Их приходилось закупать за границей, платя большие деньги. Но дело было даже не в расходах казны. Вернее, не в одних только расходах. Всё было куда сложнее!

При постоянных закупках у иностранных компаний всего необходимо для обеспечения работы железных дорог транспортная система страны полностью зависела от поставок извне. Эта зависимость давала в руки конкурентов Российской Империи на международной арене экономический рычаг для политического давления¹⁰. Правительство готово было размещать заказы на русских заводах, но для этого надо было доказать способность наладить такое производство.

Братья Струве решили рискнуть. Заводская молва утверждает, что для того, чтобы получить казённый заказ, хозяева коломенского завода немного сжульничали. Якобы под руководством Густава Струве собрали паровоз из закупленных за границей готовых деталей, который демонстрировали казённой комиссии, выдавая его за полностью произведённый на месте. Те же рассказчики уверяли, что купленные «по дешёвке» детали оказались с брачком, отчего собранный из них паровоз двигаться не мог. Несмотря на этот изъян, дело благополучно сошло благодаря «хорошей смазке»¹¹, и заказ был получен. Даже если так и было, то Бог свидетель, братья Струве покрыли тот свой грех, наладив выпуск самых настоящих паровозов собственного производства.

По замыслу Густава Струве на берегу Москвы-реки было создано судостроительное отделение завода, и при его жизни там успели построить несколько пароходов. Это был последний успех, свидетелем которого ему довелось стать.

Густав Егорович заболел брюшным тифом, сумел побороть болезнь,

⁹ Две девочки умерли во младенчестве, но 4 брата и 4 сестры выросли, основав разветвленный клан «Густавовичей» в обширном семействе Струве.

¹⁰ Именно этот довод — зависимость железных дорог от иностранной техники — был одним из главных аргументов противников строительства железных дорог в России. Представители «антижелезнодорожного лобби» утверждали, что сооружение железных дорог разорит Россию, загнав её в огромные долги, оставит не у дел сотни тысяч людей, занятых перевозками грузов гужевыми обозами и по рекам, сделает Империю технологической колонией Англии, Франции и Германии.

¹¹ Имелась в виду взятка.

Сергей Густавович Струве. Окончил Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге. Флигель-адъютант (офицер, состоящий в свите императора) Николая II. Участвовал в 16 боях Первой мировой войны.

В 1915 году героически погиб на Восточном фронте. Сергей брал уроки игры на гитаре у известного музыканта Русанова, которому он оказал материальную помощь в издании первого российского музыкально-литературного журнала «Гитаристъ»

но был ещё слаб, когда пассажирский пароход, названный его именем, должен был отправиться в своё первое плавание. Он счёл своим долгом прийти проводить судно, и это был его последний визит на завод, которому директор отдал 15 лет своей жизни. Из-за осложнений, возникших после тифа, и от общего упадка сил Густав Егорович Струве умер, совсем немного не дожив до своего пятидесятилетия. И так вышло, что отца своего его сын Василий Густавович совсем не помнил — когда того не стало, сыну не было и пяти месяцев от роду.

Погребли лютеранина Густава Струве в ограде бобровского православного храма Всех Святых, считавшегося заводским¹². Оставаться семье при заводе не имело смысла, и овдовевшая Ольга Фёдоровна купила в Рязанской губернии имение Ибердцы, где поселилась с детьми. Оттуда и разошлись пути-дороги детей, когда они подросли.

Сливки общества

Один из братьев Струве — Николай Густавович — окончил Московскую консерваторию по классу композиции, стал очень известным музыкантом и к тому же занимался издательской деятельностью. О нём писали много, в разных странах и по разным поводам. Гораздо меньше известно о братьях-погодках Василии и Сергее, на которых именно теперь по стечению обстоятельств и будет сосредоточено наше внимание.

Решившего стать военным Сергея Струве семья поместила в Николаевский кадетский корпус, и сам этот выбор требует определённых пояснений. Николаевский корпус готовил будущих юнкеров Николаевского кавалерийского училища, из выпускников которого главным

¹² Это было обычно. Лютеране и православные вполне мирно уживались. Допускались межконфессиональные браки и совершение обрядов. Процветала благотворительность — на деньги «коломенских» лютеран строились и ремонтировались православные храмы. Яркий пример — храм Пресвятой Троицы в Щурово, выстроенный на деньги заводчиков Липгартов и Рингелей, остававшихся лютеранами.

образом комплектовались офицерские кадры гвардейской кавалерии. Плата за обучение в Николаевском корпусе была значительно выше, чем в других кадетских корпусах, а «казённокоштных вакансий» в нём не имелось. Николаевским кадетам позволялось иметь наёмных лакеев из расчёта одного на пятерых, которые содержали в порядке их обмундирование, бельё, обувь и исполняли поручения «барчат».

Будущих гвардейцев с молодых ногтей приучали к манере поведения «комильфо»¹³. По уставам императорской армии офицер кавалерии обязан был «держаться пристойным образом». За этим понятием скрывалось многое.

Кавалеристы оплачивали содержание своих лошадей на полковой конюшне. Покупали сбрую и сёдла. Обязательным был взнос в полковую кассу для офицерской столовой. Шить форменные мундиры надлежало только у лучших портных. Проезд по железной дороге допускался исключительно в 1-м классе. Им невозможно было покупать места в креслах театрального партера — только в ложах. Существовали и другие неписанные правила, которые следовало исполнять неукоснительно.

Подобный образ жизни требовал больших расходов, а потому на случай необходимости покрытия долгов офицера назначался «реверс» — страховочный взнос в кассу полка. К этому приучали ещё в корпусе, и «николаевский» реверс был выше, чем в каком-либо другом кадетском корпусе¹⁴. Как говорят французы, «Noblesse oblige» — положение обязывает.

Прошедший кадетский иску Сергей Густавович Струве вступил в лейб-гвардии Конный полк вольноопределяющимся. Два года спустя он выдержал экзамен на офицерский чин по 1-му разряду в Николаевском кавалерийском училище и стал корнетом конной гвардии.

Особая система воспитания в корпусе и дальнейшая служба не отбили у Сергея любви к музыке и не заглушили в нём таланта¹⁵. Он великолепно играл на гитаре, специально учился этому искусству и пожертвовал 2 тысячи рублей на выпуск журнала «Гитарист».

¹³ От французского *comme il faut* «как надо, как следует».

¹⁴ Самый маленький реверс был в Тверском корпусе — 400 рублей на три года.

¹⁵ Это у них от матушки: Ольга Фёдоровна была незаурядная пианистка, в молодости серьёзно занималась с хорошими учителями, но стать профессиональным музыкантом не могла. Для неё, «урожденной Остен-Дризен», путь на сцену был закрыт условностями разделённого на сословия общества. Максимум, что она могла себе позволить, это салонные концерты для избранного общества равных себе по положению.

Пока дети Густава Струве подрастали, основанный их отцом и дядей Амандом завод тоже рос и развивался. Процессы производства на нём всё усложнялись, так что с какого-то момента управлять его делами по старинке стало уже невозможно.

Из-за необходимости увеличения объёмов капитализации для развития машиностроительного производства ещё в 1870 году семейная фирма братьев Струве была акционирована и превратилась в «Общество Коломенского машиностроительного завода». В период между 1907 и 1910 годами контрольный пакет акций компании постепенно перешёл к франко-бельгийской банковской группе, инвестировавшей в «Общество Коломенского машиностроительного завода» крупные средства. Представителями иностранных инвесторов в России являлись столичные банки, также принадлежавшие акционерному капиталу разных стран¹⁶.

Летом 1914 года, в результате соглашения петербургских банков — Международного, Учётного и Ссудного — «Общество коломенского завода» было объединено с другой акционерной компанией — «Сормовские заводы». Юридически сохранив самостоятельность, фирмы имели единую администрацию и совместно исполняли заказы.

Во главе концерна¹⁷ «Коломна-Сормово» встал инженер Алексей Павлович Мещерский, которого принято было величать «князем», хотя такого титула он не носил.

По рождению Мещерский был дворянином, но не княжеского рода, однако никогда не противился, если его называли князем. Одно время он работал инженером на коломенском заводе, потом перешёл «с повышением» в Сормово, хорошо проявил себя во время событий 1905-07 годов, сумев наладить отношения с рабочими и не дав ситуации перерасти в бунт. Он стал одним из директоров Международного банка, представляя в концерне «Коломна-Сормово» дельцов, которых совсем не просто так называли «биржевыми акулами».

Официально правление «Общества коломенского машиностроительного завода», в состав которого входило несколько крупных промышленных предприятий, разбросанных по городам и весям центральных губерний России¹⁸, находилось в Коломне, но все главные дела совершались в Санкт-Петербурге, по адресу — Набережная реки Мойки, дом 66, в столичном представительстве «Общества», являвшемся подлинной штаб-квартирой всего огромного дела.

Должность председателя правления «Общества» занимал Василий Густавович Струве, прямой потомок отцов-основателей. Кроме того, он

¹⁶ К тому времени А.Е. Струве уже не было в живых — он умер в сентябре 1898 года.

¹⁷ Концерн — финансово-промышленная группа компаний разных отраслей промышленности, сохраняющих юридическую и хозяйственную самостоятельность участников, с учётом координации со стороны доминирующих финансовых структур. Основным преимуществом концерна является концентрация финансовых и других ресурсов.

¹⁸ Выксинские и Кулебакинские заводы в Нижегородской губернии, Муромский завод, в Москве «Шестерня-Ситроен» выпускал детали зубчатых передач, необходимых механическим производствам и машиностроительным заводам

ещё занимался финансовыми операциями и состоял главным советником Санкт-Петербургского Торгового банка.

Едва-едва вступивший в четвертый десяток лет, Василий Густавович был очень богат и чрезвычайно влиятелен. «Общество», правление которого он возглавлял, вело свою собственную войну, в которой был одержан ряд блестящих побед над конкурентами.

* * *

В довоенную пору «немецкие деньги» играли весьма значительную роль в российской экономике. Немецкие предприниматели доминировали в химической промышленности, судостроительной и электротехнической отраслях, производстве оптики и многом другом. С началом Мировой войны немецким предпринимателям, а также русским подданным немецкого происхождения было запрещено принимать подряды на исполнение оборонных заказов.

Пользуясь тем, что из-за ограничительных мер «немцы» оказались в крайне затруднительном положении, их стали понуждать продавать свою собственность по явно заниженным ценам. На языке бизнеса такие операции называются «поглощением» компаний.

Одной из жертв подобной политики стала новенькая Бочмановская фабрика земледельческих орудий компании «Липгарт и К^о», только запущенная в 1914 году. Фабрика находилась в частном владении семей прибалтийских немцев Липгартов и Рингелей, в полной мере ощутивших на себе силу «законов военного времени». И беззакония тоже — московская контора фирмы на Мясницкой улице была разграблена во время стихийных погромов летом 1915 года, когда толпы распалённых неудачами на фронте патриотично настроенных верноподданных русского императора, «в отместку немчуре», громили немецкие конторы, магазины, мастерские, склады, дома и квартиры.

На фабрику в Бочманово обратили внимание, потому что у концерна «Коломна-Сормово» под угрозой срыва оказалось исполнение большого заказа на поставку снарядов. Их рассчитывали производить в Царицыне¹⁹, на собственном заводе, по технологиям английской фирмы «Виккерс», вложивших в дело свою долю средств. Но царицынский завод заложили лишь в мае 1914 года, и как ни спешили с его постройкой, ясно было, что заработает он не ранее 1916 года²⁰. До поры выкручивались, производя снаряды в Коломне, но из-за большой загруженности другими военными заказами мощностей коломенского завода стало не хватать. Чтобы не сорвать «снарядный контракт», нужно было срочно налаживать выпуск снарядов где-то ещё. Удобнее всего сделать это было на фабрике фирмы «Липгарт и К^о», расположенной всего-то в двух верстах от коломенского машиностроительного завода. У неё имелась своя электростанция, металлообрабатывающие станки и все остальное необходимое оборудование. Рабочие фабрики не нуждались в дополнительном обучении.

Противостоять монстру международного капитала «союзников»

¹⁹ Ныне Волгоград

²⁰ Н.А. Кривошеина «Четыре трети нашей жизни»

у владельцев Бочмановской фабрики не было никакой возможности. Дирекция Коломенского машиностроительного завода просто известила сформированный летом 1915 года Центральный военно-промышленный Комитет²¹, что для производства снарядов требуется особый отдел, указав на фабрику земледельческих орудий в Бочманове как наиболее подходящую для этих целей.

Товарищем председателя Комитета²², в который обратилась дирекция завода, был «князь» Алексей Павлович Мещерский²³, возглавлявший концерн, в который входило «Общество Коломенского машиностроительного завода». Стоит ли удивляться, что дело сошло гладко!?

Никакого конфликта интересов²⁴ в действиях Мещерского никто не усмотрел. Мнения владельцев фабрики не спрашивали. Имена Липгартов и Рингелей в документах вовсе не упоминались. При содействии Комитета решение прошло через правительство, и — Бочмановская фабрика обратилась в снарядный отдел Коломзавода. Бывшим владельцам выплатили 135 тысяч рублей. Такова была довоенная цена фабрики, которая после того, как начала производить снаряды, стала приносить миллионные прибыли новым хозяевам.

В 1916 году взоры правления «Общества коломенского машиностроительного завода» обратились на город Белорецк в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии, где торговый дом «Воган и К°» владел несколькими чугуноплавильными и железодельными заводами. Во время экономического подъема 10-х годов эти заводы модернизировали, и на них стали выплавлять в год до 2.1 млн. пудов чугуна и выпускать до 1152 пудов проволоки. С началом войны белорецкие заводы освоили производство колючей проволоки и продавали казне до 240 тыс. пудов этого необходимого фронту товара. Казалось бы, заводы оставят в покое, но в торговый дом «Воган и К°» были вложены немецкие капиталы, что и дало повод обратить на него внимание и навязать сделку с продажей акций заводов «Петербуржскому Международному банку», который являлся фактическим владельцем объединения механических заводов «Коломна-Сормово», возглавляемым А.П. Мещерским, одним из директоров банка.

²¹ Орган координации действий военно-промышленных комитетов и правительственных учреждений, созданный в 1915 году с целью мобилизации промышленности для военных нужд во время Первой мировой войны.

²² Так тогда называлась должность заместителя председателя

²³ Н.А. Кривошеина «Четыре трети нашей жизни»

²⁴ Конфликтом интересов называется ситуация, при которой личная заинтересованность человека может повлиять на процесс принятия решения

Счастливым билетом от казны

Теперь нам осталось разъяснить то, кем была та самая Лопухова, о которой хлопотал Струве, называя женой, хоть формально женой она ему и не была. Но именно так он считал и полагал возможным требовать объяснений от её начальника, утверждённого на должности самим государем-императором.

320

Владычицу сердца Василия фон Струве звали Евгенией Васильевной, и это очень важно помнить, чтобы не путать её с младшей сестрой. А такой соблазн непременно возникает, ибо их судьбы пересекались не один раз, и разобрать, о какой именно из Лопуховых идёт речь, порой совсем не просто.

Происхождением своим мадам Лопухова похвастаться никак не могла. Папаша её был рождён крепостным, и от барской неволи его освободил рекрутский набор — солдаты становились «людьми государевыми», а их прежним хозяевам выплачивалась денежная компенсация «за ревизскую душу». Для Василия Лопухова «рекрутская квитанция» стал поистине счастливым билетом судьбы. Взятый из деревни в армию, он достиг чина унтер-офицера, а по выходе в отставку прочно обосновался в имперской столице, поступив капельдинером в Александрийский театр. Почти сразу же после того Василий женился на шотландке Констанции Розалии Дуглас, с которой они стали жить-поживать, детей наживать. Всего у них родилось пятеро — две девочки и три мальчика.

Всё это обширное российско-британское семейство жило на Невском проспекте в доме № 69 недалеко от Московского вокзала. Хозяйство вела мать, а добытчиком был только отец, получавший жалованье 300 рублей в год. Даже с учётом наградных от начальства и «чаевых» от публики выходило скудно. К тому же Василий, судя по записям в журналах театра, позволял себе вольности, являясь на службу нетрезвым, за что его неоднократно штрафовали.

Чтобы обеспечить своим отпрыскам лучшее будущее, капельдинер «Александринки» совсем маленькими отдал их в Театральное училище.

Впрочем, вернее будет сказать, пристроил. Сбыл с рук обузу или, если повезёт, давал шанс преуспеть в жизни.

Принятых в училище содержали «на казённом коште» до окончания курса, а по выпуску те, кто являл талант, подкреплённый прилежанием, принимались на вакансии в труппы Дирекции Императорских театров. Статус «артиста императорских театров» давал многое. Это и приличное жалование, и казенная квартира, и возможность «сделать имя на сцене», следствием чего становился выгодный ангажемент в европейском или американском театре. Не следовало сбрасывать со счетов и покровительство богатых поклонников таланта. Даже неизвестно, что было важнее в этом перечне — контракты, бенефисы, гастроли-ангажементы или щедрость почитателей.

* * *

Старшая дочь Евгения первой из Лопуховых проторила дорожку в училище. И сделать это ей было непросто. Артистическая среда искони разбита на касты и семейные кланы. Чужаков «туда» особо не пускают. Принадлежность отца к театру роли не играла — капельдинер низшая ступень, челядь. Но всё-таки служба многому научила Василия Лопухина, сумевшего завести благожелательное знакомство с танцовщицей Оголейт, выступавшей на сцене Мариинского театра. Подробности обстоятельств отношений капельдинера и балерины сокрыты покровом глубокой тайны, и возникающие вопросы так и остаются без ответов.

«Александринка», где служил капельдинером Лопухов, театр драматический, балетов в нём не ставили. Мариинский же театр, где танцевала мадам Оголейт — это мир оперы и балета, с драматическими труппами никак не связанный. Однако же о протекции Оголейт для детей капельдинера твёрдо говорят сами члены семейства в своих мемуарах. Оставим же всё как есть для придания сюжету ещё больше загадочности, что всегда так нравится читателям²⁵.

Мещанскую дочь Евгению Лопухову приняли в училище в 1895 году, когда ей шёл одиннадцатый годок. Через год в училище был принят Фёдор Лопухов, в 1900 году учиться танцу начала Лидия, а Андрей стал уже представителем целой династии. Только самый младший Николай не захотел, а может, и не смог танцевать на сцене. Он стал инженером-электриком²⁶.

Восхождение к вершинам успеха

Училась Евгения Лопухова в классе знаменитой балерины Клавдии Куличевской, близкой подруги Матильды Кшесинской, коей благоволили аж два великих князя. И ещё один, но несколько раньше.

Все знали о романе Матильды Феликсовны с наследником-цесаревичем Николаем Александровичем, который, став императором, любящим супру-

²⁵ А может быть, кто-то из прочитавших эти строки будет столь заинтригован, что возьмет, да и ринется в пучины прошлого для разгадки этой тайны. Такое уже бывало.

²⁶ О.Н. Макарова «Лидия Лопухова. Петербургский период»

гом и примерным семьянином, связь с «Малечкой» прервал, но прошлого не забыл. Она же обрела новых поклонников из рода Романовых — эстафету «благожелательности» подхватили великие князья Сергей Михайлович²⁷ и Андрей Владимирович²⁸.

У Матильды Феликсовны хватало ума «не переходить грани», но и возможностей своих она не упускала. Слово «Малечки» Кшесинской весило много не только в театральном мире, но и вообще. Для начинающей танцовщицы наставничество близкой подруги «самой Кшесинской» можно считать большой-пребольшой удачей.

На её выпускном экзамене присутствовал директор Императорских театров Теляковский, записавший в дневнике: *«22 марта 1902 года. «Вечером в 8 часов состоялся балетный экзамен в Михайловском театре — классы Гердта, Куличевской и Легата. Давали два балета: «В царстве льдов» и «Поле тюльпанов». На экзамен приехали великие князья Владимир и Алексей Александровичи. Лучшие других были Карсавина, Фёдорова, Полякова, Лопухова, Андрианов, Какит (сестра). После окончания я призвал учителей и выразил им мое удовольствие».*

Все отмеченные господином директором выпускники были приняты в труппу Мариинского театра, начав, «как положено», в кордебалете, но надолго они там не задержались. Став «корифейкой» — выходя на сцену в первой линии кордебалета с небольшими сольными партиями — Евгения Лопухова скоро перешла в «характерные», исполняя в спектаклях номера с «национальным колоритом».

Уже в ту пору ей покровительствовал Василий Струве, от которого Евгения Васильевна в 1906 году родила сына, крещёного Кириллом. Сумев восстановиться после родов, Евгения Лопухова возобновила карьеру балерины. В 1909 году Сергей Дягилев пригласил её в свою антрепризу «Русские сезоны» второй солисткой. Это можно считать «высшим балом признания». Господин Дягилев в свои труппы собирал только лучшее — артистов, музыкантов, постановщиков, костюмеров, художников-сценографов.

После парижских гастролей последовало новое приглашение — Лопухова-первая²⁹ танцевала на сцене театра в Монте-Карло, где «Русские сезоны» гастролеровали в 1910 году. В 1911 году «Русские сезоны» продолжили выступать в Париже, Монте-Карло, гастролеровали в Лондоне.

* * *

Успех «Русских сезонов» сопровождали бесконечные скандалы и распри с театральной дирекцией, у которой для участия в дягилевской антрепризе артистам Императорских театров приходилось испрашивать отпуск. Ловко интригуя и используя ресурс покровительства Кшесинской, удачно минуя рифы недоброжелательства, Евгения Васильевна получала от дирекции разрешение гастролеровать по всему свету.

²⁷ Внук императора Николая I

²⁸ Внук императора Александра II

²⁹ Лидия Лопухова по традиции русского тетра, как младшая, официально — на афишах и в документах — писалась как Лопухова-вторая, хотя с самого дебюта опережала старшую сестру на сцене

В том же 1911 году после спектаклей «Русских сезонов» Лопухова успела съездить в США с труппой Юлии Седовой³⁰. По возвращении из Штатов Евгения Васильевна решилась на смелый эксперимент. Она вышла на драматическую сцену в спектакле «Псиша» по пьесе Ю.В. Беляева, сюжет которой развивался во времена Екатерины Великой и рассказывал о стремлении танцовщицы труппы императорского театра по прозвищу «Псиша»³¹ — бывшей крепостной девушки — вызволить из неволи своего возлюбленного, танцовщика крепостного театра. В спектакле приходилось совмещать игру и танцы, а это могли далеко не все драматические актёры, поэтому решено было использовать профессиональную балерину.

* * *

К 1913 году Евгения Васильевна Лопухова стала «первой танцовщицей» в труппе Мариинского театра. Высшей точки балетной карьеры — «примы-балерины» — она так и не достигла. Соразмерив свои возможности, «Женечка», как звали её друзья, нашла себя в «лёгком жанре». Вместе со своим сценическим партнёром Орловым они выступали в опереточных антрепризах и на эстраде с 1910 года.

Используя опыт «характерных танцев» классического балета, Лопухова и Орлов подготовили эстрадный номер «Русская московская пляска» на песни «Светит месяц» и «Ухарь-купец», который ставила им сама Куличевская, некогда выпускавшая Лопухову из Театрального училища.

В 1911 году дуэт исполнил «Рязанскую пляску» — хореографическую миниатюру о соперничестве на гулянье деревенской девушки и фабрично-

³⁰ Балерина Мариинского театра, по окончании карьеры занимавшаяся организацией гастролей.

³¹ Душенька.

го парня, созданную на фольклорном материале. Номер имел грандиозный успех и оказался долгожителем — его исполняли более пяти тысяч раз в продолжение 30-ти (!) лет³².

Кроме репертуара с русским колоритом, Лопухова и Орлов с не меньшим мастерством исполняли номера, основанные на шведском, голландском и еврейском народном танцевальном материале. В 1915 году они выступали на сцене кабаре «Уголок» в здании Пассажа на Невском проспекте.

324

ВАЛЕРИЙ ЯРХО

Записки военной поры

Теперь, познакомившись с предысторией наших героев, можно двинуться далее по страницам дневника шефа Дирекции Императорских театров Теляковского:

«17 марта 1915 года Лопухова, незаконная жена Струве, по случаю смерти брата Струве облеклась в глубокий траур. Когда нужно, артисты и гражданский брак считают за церковный. Им всё можно».

Видимо, Евгения Васильевна, считая себя членом семьи Струве, хотела продемонстрировать свою солидарность, сочувствие горю любимого человека, очень тяжело переживавшего гибель брата. И не только «Василёк» скорбел по Сергею Густавовичу — он нравился многим, в том числе и при Дворе его Императорского Величества.

Блестящий офицер был вхож в дома членов императорской фамилии. Он дружил с князем Иваном Константиновичем Романовым, сыном великого князя Константина Константиновича Романова, драматурга, поэта, переводчика, скрывавшегося за литературным псевдонимом «К. Р.».

³² С этим номером Лопухова и Орлов выходили на сцену до 1941 года, когда обоим было уже порядочно «за пятьдесят».

В дневниках великого князя встречается упоминание о том, что Иончик — так звали князя Ивана Константиновича домашние и друзья семьи — в октябре 1908 году привёл в дом товарища по Конному полку корнета Струве, который «всем понравился». Через пару недель Струве опять наведалься в Мраморный дворец великого князя с целью навестить Иончика с их общим другом Дмитрием Суровцевым, которого автор дневника называл «Димочкой»³³.

Всей компанией они ездили на автомобиле в рязанское имение Струве — из Санкт-Петербурга через Москву в Коломну, Рязань и далее в Ибердцы. Это и сейчас нешуточное автомобильное путешествие, а уж тогда, на тех машинах, по тем дорогам, поездку вполне можно назвать автопробегом, испытанием для техники и людей.

В 1908 году Сергея Струве произвели в чин поручика гвардии. И именно к этой поре относится упоминание о нём в дневнике Николая Владимировича Бутурова, правнука Дениса Давыдова: *«С тех пор как сёстры подросли и стали выезжать, мои родители проводили часть зимы в Петербурге. Сёстры любили танцевать, я тоже, и мы старались не пропускать балы и вечера. Балы в Петербурге бывали очень красивы, но с каждым годом их устройство (конечно, в частных домах) требовало всё более крупных трат, и редко кто мог себе позволить устройство больше одного бала в сезон. Обычно сьезд начинался часам к 12 ночи, ужин, сидячий, подавался часа в три утра, и развезжались к пяти часам утра.*

Обилие и смесь разнообразных красивых форм офицеров, главным образом гвардейских кавалерийских полков, с великолепно пригнанными фраками штатских и белыми платицами выезжающих девушек, в большинстве хороших, а часто и прямо красивых, делали такое собрание исключительно элегантным и красочным. Чтобы бал был действительно удачен, требовалось обязательное присутствие за фортепиано знаменитого тапёра Альквиста (своего рода виртуоза). Его игра не только восхищала своею мягкостью, но и удивляла подъёмом, заставлявшим танцевать даже самых ленивых. Также для удачи бала требовалось, чтобы им дирижировал или стрелок Императорской Фамилии барон Притвиц, или один из Конногвардейцев барон Врангель³⁴ (позднее главнокомандующий Добровольческой армией на юге России), или Струве. Они умели расшевелить танцующих и вносили такое оживление, что с ними балы всегда бывали на редкость весёлые».

Барон Врангель был настолько близким другом Сергея Струве, что тот стал «поручителем по жениху» при совершении брака «поручика л.-гв.

³³ Его светлость был бисексуален, что нашло отражение на страницах дневников. Сам князь считал свои противоестественные наклонности пороком, но победить их не мог и очень переживал по этому поводу. При всём при этом, у князя с его супругой Елизаветой Августой Марией Агнессой, второй дочерью принца Саксен-Альтенбургского, родилось 9 детей.

³⁴ Тот самый барон Врангель, имя которого увековечено в строевой песне Красной Армии:

«Белая Армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон,
Но от тайги до Британский морей
Красная Армия всех сильней...»

Конного полка барона Петра Николаевича Врангеля и Ольги Михайловны Иваненко, фрейлины их Императорских Величеств Государынь Императриц».

В 1912 году Сергея Густавовича произвели в штаб-ротмистры, а ещё два года спустя, во многом неожиданно для своих сослуживцев, он стал флигель-адъютантом императора. Вот как описал это событие в своём дневнике директор Императорских театров Теляковский: *«25 марта 1914 года. Присутствовал сегодня на празднике Конного полка в манеже, а потом на завтраке во дворце. Прощаясь с полком, Государь назначил штаб-ротмистра Струве своим флигель-адъютантом. Все были удивлены, ибо ждали назначения полковника Гартмана или Пущина».*

* * *

Конная гвардия летом 1914 года отправилась на фронт в составе 1-й гвардейской кавалерийской дивизии армии генерала Ренненкампа, вторгнувшейся в Восточную Пруссию. Упорные бои развернулись 6 августа у небольшого прусского городка Каушен, на окраине которого располагалась артиллерийская батарея, прикрываемая пулемётами. Атаковавшие эти позиции кавалергарды, наткнувшись на проволочные заграждения, под огнём немцев понесли потери, и повернув коней, спешно отошли. Попытки подавить батарею огнём русской артиллерии не увенчались успехом. Тогда в бой пошли спешившиеся конногвардейцы.

Развернувшись в цепи, 2-й эскадрон под командой штаб-ротмистра Суровцева пробил бреши в проволочных заграждениях, вытеснил противника с окраин деревни Опелишкен, занял один из крайних домов, в ста шагах от которого, за мельницей, стояла артиллерия неприятеля. Штаб-ротмистр принял решение атаковать батарею с ходу, но этот штурм был отбит пулемётным огнём. Конногвардейцы отошли и залегли. Снова поднявший своих людей Суровцев был смертельно ранен. Но при поддержке прошедшего сквозь бреши в заграждениях в конном строю Лейб-Эскадрона, который вёл в бой ротмистр Врангель, цепи атакующих ворвались на батарею, перебили прислугу и захватили орудия.

В том бою эскадрон Врангеля потерял 8 офицеров убитыми. Служивший в нём с 1 января 1914 года Сергей Струве уцелел и даже не был ранен. После гибели под Каушеном своего друга Дмитрия Суровцева он принял под команду 2-й эскадрон полка.

Среди удалых товарищей-кавалеристов Струве слыл храбрецом. За первые полгода войны штаб-ротмистр был награжден орденами Св. Анны 3 степени, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и Св. Анны 4-й степени с надписью: «За храбрость». На исходе восьмого месяца войны Сергей героически погиб. Как сказано в официальных документах: *«В бою 27.02.1915 у фольварка Вышнеловка, наступая со своим эскадроном на правом фланге боевого порядка полка, и, заметив, что противник накапливается в хуторах этого фланга, штаб-ротмистр Струве по собственной инициативе, смелым натиском, силами своего эскадрона, выбил противника из ряда хуторов и, несмотря на подошедшие к немцам подкрепления, удержал занятые позиции, чем обеспечил правый фланг полка. В этом бою был смертельно ранен. За этот бой награжден Георгиевским оружием».*

Императрица Александра Фёдоровна писала своему венценосному супругу:

«Царское село, 28 февраля 1915 года. «Иончик»³⁵ вызвал Ольгу³⁶ к телефону, чтобы сообщить ей, что бедный Струве убит — он ужасно огорчён, потому что он был его близким другом. Он говорил Иончику, что если он погибнет на войне, то чтобы тот обязательно тебе сообщил, что он ни разу не снимал аксельбанты с того дня, как ты их ему дал. Милый, весёлый, хорошенький мальчик!»

Журнал «Гитарист» опубликовал развернутый некролог на первой странице: *«До конца дней своих штабс-ротмистр, флигель-адъютант Сергей Густавович фон Струве был верен вековым заветам и полковым традициям Лейб-гвардии Конного полка. Одна из главных традиций — в грозный военный час быть в самых ответственных и опасных местах. Гордая этой привилегией Гвардия честно исполняла свой долг перед родиной на фронтах Первой мировой войны и умирала с девизом — за Веру и Верность. С этим девизом погиб и конногвардеец, флигель-адъютант Сергей Струве, верный славы памяти своего отца — барона Г.Е. Струве, и деда — героя Отечественной войны 1812 г. генерала Ф. В. фон Дризена. Похоронили Сергея Струве в Коломне на машиностроительном заводе рядом с могилами отца и матери у церкви Всех Святых. Погребение сопровождалось воинскими почестями. Рота солдат встретила траурный вагон на путях завода, замерла «на караул», и оркестр, состоящий из заводских рабочих, сыграв «Коль славен», провожал гроб до могилы звуками траурного марша. За гробом шли рабочие и служащие завода, представители Лейб-гвардии Конного полка, сестра Д.В. Суровцова³⁷, родные и друзья покойного».*

На ленте, обвившей венок, возложенный на могилу от родственников, было написано: **327**

*«Краса семьи,
Носитель чести,
Герой в ответственных боях,
Ты память светлую оставил
И горе тяжкое в сердцах»*

Текст этот был помещён под фотографией, на которой запечатлён момент опускания гроба С.Г. Струве в могилу, вырытую в ограде храма Всех Святых на территории Коломенского машиностроительного завода у церкви Всех Святых, рядом с могилами отца и матери, умершей в 1913 году³⁸.

³⁵ Князь Иоанн Константинович Романов в 1918 году вместе с двумя братьями и другими членами августейшего семейства будет расстрелян в Алапаевске. Ещё живым «Иончика» сбросят в шахту «Новая Селимская». Нынче причислен к лику святых новомучеников российских.

³⁶ Дочь императора, великая княгиня Ольга Николаевна — расстреляна в 1918 году вместе со всей своей семьёй в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге.

³⁷ Невеста? Иначе чем бы объяснить присутствие девушки на похоронах в Голутвине? У Дмитрия Суровцева было две сестры — старшая Ксения и младшая Мария. Обе после революции покинули Россию. Прожили долго. Похоронены в Ницце, на кладбище Кокад — Мария по мужу Десович, Ксения как княгиня Абамелик.

³⁸ Могилы Струве сроят, когда закроют церковь. Что стало с прахом погребённых, сказать затруднительно. Официально никакого перезахоронения не было.

Такая трагедия скрыта за несколькими строками дневника господина управляющего Дирекцией Императорских театров. Сам он мало сочувствовал горю семьи Струве и полагал, что сожительница Василия Густавовича, облачаясь в траур, просто «интересничает». Она продолжала донимать Теляковского своими визитами, что нашло отражение в дневнике:

«31 марта 1915 г. Сегодня на приеме у меня была между прочим Лопухова, которая в довольно нахальном тоне стала у меня требовать объяснений, почему я не ответил на письмо её любовника Струве. Я её должен был остановить за тон и сообщить, что, несмотря на её заверения, что гражданский брак всё равно, что церковный, я г. Струве её мужем считать не могу. Вечером получил письмо от Струве, заявляющего, что хотя он не венчан, но везде принят как муж, и в семье, и в обществе!!!»

Осколки разлетевшегося мира

Отношения нравной балерины и дирекции каким-то образом устроились. Во всяком случае, Владимир Аркадьевич Теляковский прекратил свои стенания на страницах дневника, описывая происки Лопуховой и Струве. Только незадолго перед революцией, 25 января 1917 года, среди прочего он счёл нужным занести на скрижали истории следующие факты: *«Наши балетные артистки принимают участие в игре на бирже. Оно и немудрено! Финансовые деятели — частые посетители балета и не оставляют своими советами, чтобы быть приятными дамам. Коломенский завод особенно в фаворе, ибо балетная Лопухова живёт с директором завода Струве».*

До отречения императора оставалось 35 дней. Мир, в котором жили эти люди, уже фактически рухнул и валился в тартарары, но они этого совершенно не замечали. Выступали на сцене. Поигрывали на бирже. «Делали деньги» на военных поставках. Посещали концерты и спектакли. Следили за литературными новинками. Следовали моде. Горячо спорили об эмансипации.

Тогда всех очень занимал вопрос: захотят ли те женщины, которые, заменив ушедших в армию мужчин, работали на заводах, в конторах учреждений, на транспорте и в иных местах, после войны опять «вернуться домой»? Согласятся ли они занять прежнее положение в обществе, поступившись своей самостоятельностью и материальной независимостью? Мнения полемистов по этому поводу кардинально расходились, что только подливало масла в костры дискуссий³⁹.

Всё так же, как и в мирное время, на квартире Василия Густавовича и Евгении Васильевны устраивались традиционные музыкальные суаре, собиравшие выдающихся артистов, музыкантов, певцов и композиторов. Племянник хозяина дома, юный виолончелист Борис Струве, на одном из вечеров в 1917 году играл с самим Сергеем Рахманиновым его сонату для виолончели и фортепиано и произвёл на мастера самое лучшее впечат-

³⁹ Ещё за пару лет до того слово «бухгалтерша» означало только жену бухгалтера. Представить себе женщину полноправной сотрудницей финансового отдела учреждения тогда ни у кого не хватило бы силы воображения.

ление. Автор сонаты на нотной рукописи, подаренной Борису, написал: «Ваш тон — неподражаем! Сергей Рахманинов»⁴⁰.

* * *

События 1917 года странным образом повлияли на сознание людей. Отречение императора, власть Временного Комитета Государственной Думы, подготовка Учредительного собрания, которое, как предполагалось, сконструирует постоянную власть в новой Российской Республике, и вдруг случившийся в октябре военный переворот блока левых партий, «первую скрипку» в котором играла партия большевиков РСДРП(б) — всё это произошло так быстро, так сразу, что у многих голова шла кругом. Те, кто считал себя умнее других, решались погреть руки на рыночной панике и пускались в финансовые авантюры, совершая весьма рискованные сделки.

В ноябре 1917 года лидер РСДРП (б) Ленин пытался установить деловые контакты с крупными русскими капиталистами и руководителями промышленных групп, для чего приглашал их на переговоры. Предполагалось создать смешанные общества из собственников и акционеров предприятий с одной стороны и Советской власти с другой. По мнению Ленина, такой «государственный капитализм» мог стать переходной формой к полной национализации⁴¹.

Одним из приглашённых к переговорам был и «князь» Мещерский, представлявший концерн «Коломна-Сормово». Тогда бытовало мнение, что «игра большевиков — это ненадолго», и Алексей Павлович решил рискнуть, чтобы защитить заводы от национализации, а может быть, и извлечь из этой странной ситуации ещё и выгоду. Он предложил Ленину концепцию создания «Национального общества объединённых металлургических, механических, машиностроительных, судостроительных, паровозостроительных и вагоностроительных заводов» и предоставил проект устава.

На фоне этих переговоров осенью 1917 года «Общество коломенского машиностроительного завода» за 20 млн. рублей прикупило у князя Белосельского-Белозерского Усть-Катавский горнозаводский округ. Избавившийся от «проблемных активов» князь Константин Эсперович Белосельский-Белозерский поспешил перевести капитал за границу, а вслед за деньгами и сам отбыл в эмиграцию. Его бывшие Усть-Катавские предприятия новые владельцы даже успели формально соединить с Белорецкими заводами под фирмой ««Акционерное общество Белорецких и Катав-Ивановских железодельных заводов», но дальше у них дело не пошло.

* * *

В проектах Мещерского роль государства сводилась к минимуму, фактически оставляя предприятия в руках тех, кто вкладывал деньги. Ему же предлагались условия, при которых вложившие средства дельцы

⁴⁰ Диссертация А.В. Устюговой «Научное наследие Б.А. Струве» ВАК РФ, 2013 год.

⁴¹ Из выступления Ленина 4 декабря 1917 г. на собрании Петроградского Совета Рабочих.

становились наёмниками Советов, оставлявших за собой право управления и контроля.

Пока стороны препирались, ища возможный компромисс, большевистский ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет⁴² — в декабре 1917 года издал декрет о национализации банков и о ревизии стальных ящиков в банках. Банковское дело объявлялось государственной монополией. Все частные банки и банкирские конторы объединялись с Государственным банком⁴³. Все кредитные учреждения были заняты отрядами Красной Гвардии, неподчинение которым подавлялось вооружённым путём.

Полагая, что ещё немного, и Советская власть падёт сама, раздавленная грудой проблем и противоречий, «князь» затягивал переговоры, представлял один за другим исправленные варианты проектов. Но через некоторое время Ленин раскусил суть его стратегии и, обозвав напоследок Мещерского «архижуликом», от дальнейших встреч с этим «князем» Владимир Ильич уклонился.

В апреле 1918 года президиум ВСНХ принял решение переговоры прекратить, а ещё два месяца спустя Совет Народных Комиссаров⁴⁴ принял декрет «О национализации крупнейших предприятий», после чего распались промышленные связи, развалилась финансовая система, прекратилась торговля. Экономика страны впала в коллапс, состояние, более известное под названием «разруха».

Вследствие этих событий Василий Густавович Струве практически ко всем своим прежним званиям вынужден был прибавлять слово «бывший». Это клеймо легло на него до конца жизни. Словечко быстро вошло в обиход, и про «классово чуждых» в Советской России так и говорили: «он (или она) из бывших».

* * *

Осколки того мира, в котором до революции жили Евгения Лопухова и Василий Струве, занесло в город Выксу Нижегородской губернии. Туда, к себе на родину, вернулась бывшая камеристка Евгении Васильевны Аграфена Васильевна Соломадина, которую когда-то вывез в Петербург Василий Густавович, бывавший на Выксунских железоделательных заводах по своим делам.

В лучшие времена выксинская Груша «состояла при Евгении Васильевне» дома и сопровождала её в театр, прислуживая балерине в гримёрной. После двух революций 1917 года, когда «её господа» обратились в «граждан» и услуги камеристки им в голодающей столице стали не нужны, Аграфена Васильевна вернулась в Выксу, прихватив с собой целый сундук, набитый сценическими костюмами, как она всех уверяла, подаренных ей

⁴² ВЦИК — высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган. Подобие Конвента времен Великой Французской революции

⁴³ Те, кому это особо любопытно, могут посмотреть третью часть трилогии о Максиме, фильм «Выборгская сторона», в котором очень подробно демонстрируется, как комиссар «принимал дела» в Госбанке.

⁴⁴ СНК — правительство Советской России в 1917-1946 годы.

прежними хозяевами. В подтверждение своих слов Соломадина показывала фотографию Лопуховой с её дарственной надписью.

Привезённые из Питера греческие туники, необычного кроя юбки, бальное платье бледно-зелёного цвета, костюм Арлекина, блузы, ещё какие-то изящные, но непонятого предназначения «штучки» из гардероба балерины — в родимой Выксе Аграфене носить было совершенно негде. Да и «балетные размеры» ей не подходили. Менять такие странные вещи на хлеб в голодный год никто не захотел. Так и лежали эти петроградские трофеи в том же самом сундуке, в котором их привезли, изредка извлекаемые «на показ» в качестве диковинки. Потомки Аграфены Соломадиной передали костюмы и фото балерины с автографом во Дворец культуры им. Лепсе⁴⁵.

Новые времена

В отличие от своих костюмов, увезённых Груней в Выксу, где они оставались без всякого употребления многие годы, сама Евгения Лопухова вполне вписалась в новую реальность. Выручили народные танцы, исполнявшиеся на эстраде.

В 1920-1921 годах она сотрудничала с режиссёром К.А. Марджановым в созданном им театре комической оперы. Его постановки объединяли драматический спектакль, музыку, пение и танец. В 1923 году, оставив балет и перейдя с Орловым в оперетту, Евгения Васильевна блистала в постановках спектаклей «Мадемуазель Нитуш», «Сильва» и многих других.

Художник, историк искусства и критик Александр Николаевич Бенуа в своем дневнике неоднократно упоминает «Женечку Лопухову»: *«26 сентября 1921 года. ... Болтал я с Женечкой Лопуховой. У неё письмо от сестры с большим поклоном мне. Она же пишет, что успех Дягилева в Лондоне был таков, что они продолжили сезон на три месяца. Теперь готовят «Спящую красавицу», ставят её Бакст и Романов. Последний, впрочем, занят как будто лишь переработкой танцев Сирены, которую должна танцевать именно Лопухова»⁴⁶ (Аврора — Карсавина). Эти новости, особенно поручение «Спящей красавицы» Баксту, снова расшевелили мою рану. Женечка теперь выступает в оперетке, а 7-го зовёт нас на открытие мюзик-холла, в котором она будет играть видную роль».*

* * *

Сестра Евгении, Лидия Васильевна, в России почти не выступала. Сразу после выхода из училища, в сезоне 1911 года она присоединилась к труппе Дягилева. Произведя на парижскую публику сильнейшее впечатление в балете «Жар-птица», поставленном Михаилом Фокиным, Лидия получила американский ангажемент и уехала в США, где на разных сценах танцевала шесть сезонов труппе.

⁴⁵ Н.Д. Орлова (Соломадина). Автобиография (рукописный текст). Опубликовано в сборнике «Мы Орловы».

⁴⁶ Имеется в виду Лидия Лопухова.

Там же, в Америке, она снова присоединилась к труппе Дягилева, приехавшей в 1916 году на гастроли, и её постоянным партнером стал Вацлав Нежинский. В 1918 году Лидия гастролеровала в Лондоне, где с большим успехом выступала в балетах «Благовоспитанная леди» и «Волшебная лавка»⁴⁷.

В 1921 году Лопухова-вторая познакомилась с Игорем Стравинским и Пабло Пикассо, работавшими над балетом «Спящая красавица», о чём писала сестре, а Евгения Васильевна пересказала содержание её писем Александру Николаевичу Бенуа, посвящая его в последние лондонские новости.

В то время общение с родственниками, проживавшими за границей, советским гражданам ещё не возбранялось. Впрочем, очень скоро эти связи превратились в повод для обвинения в самых ужасных намерениях.

Первые громы начали раздаваться ближе к середине 20-х годов. В своём дневнике Александр Бенуа 6 июня 1924 года записал следующее: *«Сидя на заседании днём в Большом драматическом театре, я от Н. Радлова узнал, что арестован О.Э. Браз»⁴⁸. Все теряются в догадках относительно причин. Впрочем, что-то нависло над Бразом за последние четыре недели, и я из разных мест слышал, что до него собираются добраться. Одна из причин — его всегдашнее хвастанье своими приобретениями»⁴⁹. Другая — что он вошёл в контакт с каким-то немецким (здесь, впрочем, легализованным) предприятием, поставившим себе задачи скупать художественные ценности для отправки их за границу. Третья — та, что он вообще слишком часто бывал у немцев, англичан, то есть у консула Кесслера и у консула Престона, в-четвёртых — что его даже подозревают в шпионаже»*. И далее: *«В ту же ночь, что и Браз, был запрятан туда же, что и он, «Василёк» Струве (муж Е. Лопуховой), богатый человек, бывший промышленник»*.

Всё правильно — в 1924 году Осип Эммануилович Браз был арестован по обвинению в скупке картин «с целью продажи за границей» и шпионаж. По приговору суда его отправили в СЛОН — Соловецкий лагерь Особого Назначения. Из лагеря гражданин Браз был освобожден по ходатайству ленинградских художественных обществ в 1926 году. Его сослали в Новгород, где Осип Эммануилович занимался реставрацией памятников для губернского музея. В 1928 году Браз эмигрировал, жил в Париже, занимаясь живописью и торговлей антиквариатом. История злоключений Бразы довольно широко известна, а вот про арест Василия Густавовича Струве в 1924 году упоминает только Бенуа в своём дневнике.

На пути в небытие

В тот раз Василию Струве повезло — его немного «подержали», но отпустили. Он устроился работать экономистом на Завод 9 Января и вскоре

⁴⁷ Тогда же она познакомилась с Джоном Кэйсом — крупнейшим экономистом XX века, за которого в 1925 году вышла замуж, и на склоне лет стала леди, ибо в 1942 году король пожаловал Кейнсу титул лорда.

⁴⁸ Русский живописец, гравёр-офортист, литограф. Академик императорской Академии художеств.

⁴⁹ Академик коллекционировал антиквариат.

дослужился до положения помощника директора. Однако советская власть о нём не забывала и на всякий случай «держала на мушке». Всему виной была «плохая анкета». Уж больно происхождение и родство гражданина Струве казались «не созвучными эпохе социалистического строительства». Таких, как он, подозревали «впрок», на всякий случай, не веря, что люди, утратившие богатство, лишившиеся привилегированного положения в обществе, станут «сидеть сложа руки». Особенно, если «в случае чего» появится возможность всё вернуть «на круги своя».

За ним снова пришли в 1935 году. По приговору суда Василий Густавович Струве, обвинявшийся в связях с иностранцами, был осуждён на 3 года заключения в трудовом лагере с заменой наказания ссылкой на тот же срок⁵⁰.

Местом пребывания ссылке определили Саратов, где он жил, пока ему не позволили выехать. Проживание в Москве и Ленинграде «пораженному в правах» запрещалось, и на исходе 30-х годов Василий Густавович осел в поселке Камское Устье, находящемся напротив места впадения Камы в Волгу, в 117 верстах от Казани.

Там его настигло известие об аресте сына: доцента ленинградского Индустриального института Кирилла Васильевича Струве арестовали 14 февраля 1940 года и 2-го июля приговорили к 5 годам лагерей⁵¹.

С началом войны подозрительность в отношении «бывших», да ещё имевших немецкие фамилии, только усилилась. Казалось бы, учёный уже жизнью Василий Струве попал в жернова репрессий, как тогда говорили, «за язык» — в 1942 году его арестовали «за пораженческую, провокационную и профашистскую агитацию», судили и приговорили к 10 годам заключения. Срок он отбывал в одном из лагерей под Казанью, да так там и остался навсегда. Последнее известие о нём — документы о смерти з/к С.Г. Струве, датированные 1 октября 1945 года. Захоронили его где-то на арестантском кладбище среди могил других эзков.

* * *

Сколько ни странно, но находясь в лагерях, Василий Густавович почти на два года пережил Евгению Васильевну, которая в 1941 году эвакуировалась из Ленинграда с труппой театра им. С.М. Кирова⁵² в город Молотов (Пермь). Не вынеся тягот жизни военного времени, она скончалась

⁵⁰ Можно сказать, тогда он легко отделался. Его кузен и бывший муж сестры Екатерины Густавовны, некогда директор-распорядитель коломенского завода, депутат фракции «октябристов» в Государственной Думе барон Александр Крюднер-Струве «при белых» был губернатором Пскова и ушёл с армией Юденича. В эмиграции барон сотрудничал с РОВС (Российский Общевоинский Союз) — организацией военных, ставивших своей целью свержение советской власти. За такое родство могли и к стенке поставить.

⁵¹ Кирилл Васильевич остался жив и добился реабилитации — 16 мая 1958 года Ленинградский городской суд прекратит постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 2 июля 1940 года «за недоказанностью виновности». В ту пору К.В. Струве был доцентом Всесоюзного лесотехнического института.

⁵² Бывший Мариинский театр

в 1943 году. Брат балерины, Андрей Васильевич — танцовщик и хореограф Кировского театра — похоронил её на Егошихинском кладбище.

В 1944 году театр вернулся в Ленинград, и Андрей Лопухин уехал из Перми. Через три года он умер, и потом уже ни Фёдор Васильевич Лопухов, в эвакуации бывший в Куйбышеве, Ашхабаде и Ташкенте, ни вернувшийся из лагерей Кирилл Васильевич отыскать могилу Евгении Васильевны на старинном пермском кладбище так и не смогли.

Не только могилы, но и сами судьбы Лопухиной и Струве затерялись. Разрозненные упоминания о них нынче рассеяны по старым дневникам, письмам, малотиражным краеведческим исследованиям да мало кем читанным диссертациям. Но и того оказалось вполне достаточно, чтобы, соединив их, совершить путешествие во времени, умозрительно посетив мир в роковые моменты исторического разлома, делящего эпохи на «до» и «после».

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

НЕУТОМИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

В этом году мы отмечаем **60-летний юбилей Александра Сахарова** — одного из активных членов «Лермонтовского общества», неутомимого путешественника, исследователя, лермонтоведа, верного помощника «Коломенского альманаха».

К нему можно обратиться с любым вопросом, посоветоваться, попросить найти нужный материал, порекомендовать нового автора, написать познавательный очерк или статью. Он всегда находится в курсе литературных событий.

Александр Сахаров обладает энциклопедическими знаниями и щедро делится ими. Он хорошо знает историю Коломны и её окрестностей, может провести интереснейшую экскурсию по историческим и литературным местам нашей большой Родины.

Здоровья тебе, наш преданный друг! Новых сил, светлых дорог, необыкновенных открытий, тепла и мира твоей большой семье, радости дружеских встреч! Спасибо тебе за твою помощь, несмотря на твою занятость, за верность «Коломенскому альманаху» и желание быть всегда рядом!

Коллектив редакции

Александр Александрович Сахаров родился в городе Перми. С 1970 года живёт в Подмоскowie.

По образованию — инженер. Ещё обучаясь в институте, начал педагогическую деятельность, которая продолжается и теперь. Со школьных времён увлекался отечественной историей (особенно XIX века) и литературой.

Публиковался в журналах «Москва», «Московский журнал», «Сура», «Литература в школе», «Коломенский альманах», «Литературной газете» и др., научных сборниках.

Лауреат международного литературного форума «Золотой витязь», премии им. С.Н. Дурыллина, литературно-общественной премии «Герой нашего времени» им. М.Ю. Лермонтова и др. Председатель Московского лермонтовского общества.

Член Союза писателей России.

Историко-краеведческий очерк

ДУХОНОСНАЯ ШКИНЬ И ЕЁ ВЛАДЕЛЬЦЫ В ИСТОРИИ РОССИИ

Памяти Романа Славацкого

Небольшое коломенское село Шкинть как минимум дважды в год становится местом паломничества не только жителей городского округа Коломна, но и москвичей, жителей Московской и Рязанской областей. Первый раз — на следующий день после Троицы, в Духов день, на престольный праздник сельского храма Сошествия Святого Духа на Апостолов. Второй — в день проведения фестиваля оперной музыки и гастрономических вкусов «Шкинть-опера». Но и в другие дни нетнет, да и заглянут в село туристы, любители отечественной старины. Чем же привлекает так людей это небольшое, в одну улицу (конечно, Центральную), древнее село на правом берегу реки Северки недалеко от Коломны?

Поселения в этих местах существовали издавна. Вероятно, населяли эти коломенские земли в древние времена представители различных финно-угорских племён. Ведь топоним «Шкинть» на мерянском наречии означает «временное поселение».

Первые же упоминания о селе Шкинть относятся к XV веку, когда Великий князь Василий II Тёмный (1415-1462) завещал «село Шкинть с деревнями» своей супруге Марии Ярославне, дочери Серпуховского князя. Интересно, что Василий II носил некоторое время титул князя Коломенского. Это произошло вскоре после того, как

Василий II Тёмный

в 1433 князь Юрий Дмитриевич, разгромив рать Василия II в битве на Клязьме, захватил Москву, но позже из-за немногочисленного населения (Василий II призвал всех москвичей поехать на время в Коломну) был вынужден отказаться от Московского престола. «Сей город сделался истинной столицей великого княжения и многолюдной и шумной», — описывает историк Н.М. Карамзин Коломну того времени. Коломна служила центром объединённых сил, сочувствовавших великому князю в его политике «собираения Руси». Многие жители покинули Москву, отказавшись служить

князю Юрию, и направились в Коломну. Улицы Коломны были запружены подводами, город на некоторое время превратился как бы в столицу Северо-Восточной Руси почти со всем административно-хозяйственным и политическим штатом. Перед лицом такой поддержки Василию II Юрий предпочёл примириться с ним и вернуть ему великокняжеский стол — которого, однако, в ходе последующей войны Василий лишился ещё несколько раз.

После кончины Василия II и принятия вдовой пострига с именем Марфа её коломенские владения переходят в собственность Великой княгини Софии Палеолог. Софья Фоминична Палеолог (ок. 1455-7 апреля 1503) — Великая княгиня Московская, вторая жена Ивана III Великого, мать Василия III, бабушка Ивана IV Грозного, происходила из византийской императорской династии Палеологов, племянница последнего императора Византии Константина XI Палеолога.

Интересно, что венчание её с Иваном III в России (ранее состоялось заочное венчание в Риме), состоявшееся 12 (22) ноября 1472 года в Успенском соборе в Москве, некоторые историки связывают с Коломной. Официальная великокняжеская летопись утверждает, что венчал великого князя с византийской принцессой митрополит Филипп, но, по некоторым указаниям, он был против брачного союза с униаткой, а неофициальный свод (в составе Летописей Софийской II и Львовской) отрицает участие митрополита в этой церемонии: «венча же протопоп коломенский Осея, занеже здешним протопопом и духовнику своему не повеле...».

О неоднозначности роли Софии Палеолог в истории Российского государства существует множество разных версий. Однако, считается, что именно благодаря ей из Западной Европы были вызваны художники и зодчие для украшения дворца и столицы. Воздвигались новые храмы,

новые дворцы. Итальянец Альберти (Аристотель) Фиораванти построил Успенский собор и Благовещенский собор. Москва украсилась Грановитой палатой, кремлёвскими башнями, Теремным дворцом, выстроен, наконец, был и Архангельский собор.

Можно считать Софию Палеолог косвенно причастной и к идее «Третьего Рима». Впервые подобная концепция была выдвинута митрополитом Зосимой в предисловии к его труду «Изложение Пасхалии» (1492). В явном же виде концепция «Москва — Третий Рим» впервые была сформулирована в двух посланиях конца 1523 — начала 1524 года старцем псковского Елеазарова монастыря Филофеем: старец Филофей ставил московского князя в один ряд с императором Константином Великим, называя последнего предком князя: «Не преступай, царю, заповѣди, еже положиша твои праѣды — великий Константинъ, и блаженный святыи Владимиръ, и великий богоизбранныи Ярославъ и прочии блаженнии святии, ихъж корень и до тебе».

В посланиях старца формула «Два Рима пали, третий стоит, а четвёртому не бывать» понималась так, что первые два Рима подвергнуты наказанию за их измену православию, после чего их место заняла Москва. Если же и Москва впадёт в грехи, ей не последует четвёртый Рим просто потому, что на тот момент нигде в мире больше не было ни одного православного государства. Теория «Москва — третий Рим» стала основой представлений о роли и значении России, которые сложились в период возвышения Московского княжества. Московские великие князья (притязавшие начиная с Иоанна III на царский титул) полагались преемниками римских и византийских императоров, чему во многом способствовал брак Ивана III с наследницей византийских императоров Софией Палеолог.

Некоторые историки полагают, что и двуглавый орёл в гербе России имеет происхождение от византийского (династии Палеологов) и свидетельствует о преемственности России от Византийской империи.

Кроме того, есть версия, что именно София Палеолог привезла с собой множество книг, ставших основой разыскиваемой до сих пор «либерии» Ивана Грозного.

Как видим, известные нам владельцы села Шкинъ и его окрестностей были неотделимы от истории России, относятся к числу её создателей.

На рубеже XV–XVI веков Шкинъ оставалась дворцовым селом. В 1672 году село Шкинъ было пожаловано воеводе Юрию Алексеевичу Долгорукову (ок. 1610–1682). Будучи воеводой, Юрий Долгоруков одержал ряд побед во вре-

*Герб Византии
(Палеологов)*

*Гербовая печать «царя
всёя Руси» Ивана III*

*Современный герб
Российской Федерации*

338

мя русско-польской войны (1654-1667), в том числе в битве под Верками. 1 августа 1670 года возглавил войска, действовавшие в районе Арзамаса и Нижнего Новгорода против отрядов Степана Разина, которым нанёс тяжёлое поражение. Степан Разин задержан и доставлен в столицу, за что князь Юрий Алексеевич награждён шубой соболем, цена 365 рублей, серебряным кубком и денежной придачей 140 рублей с выкупом из поместья в вотчину. Воевода был близок к царю Алексею Михайловичу, который назначил его опекуном над малолетним сыном Фёдором, но Долгоруков отказался от опекунства в пользу своего сына Михаила Юрьевича. Он был убит вместе с сыном во время восстания стрельцов в Москве. Толпа взбунтовавшихся стрельцов ворвалась к нему в дом, выкинула его больного во двор, четвертовала, останки были брошены на площади напротив его двора. Погребён в Богоявленском монастыре в Москве.

Одним из следующих владельцев был генерал-поручик князь Василий Владимирович Долгоруков (1667-1746) — сын боярина В.Д. Долгорукова, который приходился племянником упоминавшемуся выше полководцу Ю.А. Долгорукову. Жизнь Василия Владимировича изобилвала различными событиями: участник Северной войны (в Полтавском сражении командовал кавалерией) и Русско-турецкой войны 1710-1713 годов, член Верховного тайного совета, президент Военной коллегии, кавалер орденов Святого апостола Андрея Первозванного (1711), Святого Александра Невского (25 апреля 1742), польского Белого орла и датского Слона.

Будучи близок к Петру I, не разделял многих его реформ и примкнул к сторонникам царевича Алексея Петровича, за что был арестован, лишён всех чинов, знаков отличия, наград, поместий и сослан в ссылку под Казань (1718). По смерти Петра, в день коронации императрицы Екатерины I, был помилован (1724), возвращён из ссылки, ему разрешено вновь вступить в службу с чином полковника. Позже дослужился до генерал-аншефа, ему был возвращён орден Андрея Первозванного (1726). Назначен главнокомандующим войсками, сосредоточенными на Кавказе (1726). При Петре II был вызван в Москву, произведён в генерал-фельдмаршала и назначен членом Верховного тайного совета (1728).

После кончины Петра II (19 января 1730) на заседании Верховного тайного совета принимал решение в выборе в пользу Анны Иоановны, но решительно воспротивился ограничению самодержавия, предложен-

Юрий Алексеевич Долгоруков

*Князь Василий Владимирович Долгоруков.
Портрет работы Г.-Х. Грота*

ному князьями Д.М. Голицыным и В.Л. Долгоруковым. Благодаря этому, когда Долгоруковых постигла опала, В.В. Долгоруков был единственным членом этой фамилии, сохранившим своё положение. Назначен членом Правительствующего сената (1730). Однако, гонения на его родню до такой степени раздражило его, что он имел неосторожность в резких выражениях порицать императрицу, и после доноса он был арестован (по другим источникам, порицала императрицу его жена), осуждён и приговорён к смертной казни, которую заменили тюремным заключением.

Императрица Елизавета Петровна вызвала его снова ко двору, вернула ему звание генерал-фельдмаршала и назначила президентом Военной коллегии (1741). В этом звании он ввёл несколько существенных улучшений в организации русской армии и снабжении её вещевым довольствием. В.В. Долгорукову были возвращены все отнятые имения, вновь возвращён орден Андрея Первозванного (1742). Состоял в Военной коллегии и Сенате (1744). Умер он 11 февраля 1746 г. и был погребён в Александро-Невской лавре.

Вероятно, он не имел возможности заниматься своим коломенским имением и построить в нём каменную церковь взамен обветшавшей деревянной церкви Михаила Архангела.

Однако, более широкую известность село приобрело в XVIII веке, когда владеть им стали представители дворянского рода Бибиковых.

Гавриил Ильич Бибиков (1747-1803) был вторым сыном генерал-поручика Ильи Александровича Бибикова (1698-1784) и его супруги Варвары Никитичны Шишковой (1719-1773). Его старший брат — генерал-аншеф Александр Ильич Бибиков (1729-1774). Младшая сестра Екатерина Ильинична Бибикова (1754-1824) была замужем за выдающимся русским полководцем фельдмаршалом Светлейшим князем Михаилом Илларионовичем Голенищевым-Кутузовым-Смоленским.

А.И. Биби́ков

Г.И. Биби́ков

Е.И. Голенищева-Ку́тузова

Как это было принято в дворянских семьях, в 1757 году Г. Биби́ков был записан в лейб-гвардии Преображенский полк, через три года вступил на действительную службу с переводом в кавалерию, служил в Харькове, принимал участие в боевых действиях Семилетней войны (1756-1763), в Русско-турецкой войне (1768-1774) под началом А.В. Суворова в Молдавской армии. Суворов особо отметил активные боевые действия эскадрона Г.И. Биби́кова под Козлуджей. В 1770 г. за участие в битве при Кагуле, «будучи при корпусе генерал-квартирмистра Боура, в сражении с неприятелем предводительствовал частью кавалерии с отменною храбростию», был награждён орденом Святого Георгия 4-го класса.

Из представления генерал-аншефа П.А. Румянцева на присвоение секунд-майору Биби́кову чина премьер-майора (январь 1770) мы узнаём, что в службе он числился с 8 лет, в 10 лет — штык-юнкер артиллерии, а при восшествии на престол Екатерины II назначен флигель-адъютантом при графе Румянцеве, а в 1767 — секунд-майором в Наследников кирасирский полк.

Г.И. Биби́ков дослужился до чина генерал-майора (1782), в 1794 году был избран предводителем дворянства Богородского уезда Московской губернии, а в 1801 году вышел в отставку с военной службы и поселился в своих имениях. Занимался строительством дворцов в Москве, а также усадьбы в селе Гребнево, где заложил храм Гребневской Божьей Матери. Владел собственным домашним театром в Москве, где был свой оркестр. Руководил им крепостной музыкант и композитор Данила Кашин. Г.И. Биби́ков был известным меценатом — детей своих лакеев, дворецких и поваров отдавал на воспитание в пансионы, где они получали приличное образование.

Гавриил Ильич был женат дважды. Первым браком (1781) — на Татьяне Яковлевне Твердышевой (1762-1782), единственной дочери богатого промышленника Якова Борисовича Твердышева, директора медных и железных заводов в Оренбургском крае. В приданое она получила большое состояние, купила усадьбу Гребнево и дом Архарова в Москве на Пречистенке. Умерла при родах первенца, через некоторое время умер и ребенок. Через год умер и её отец, завещав всё свое состояние зятю.

Вторая жена (1783) — Екатерина Александровна Чебышева (1766-1833),

из небогатого дворянского рода, известная московская красавица, черноволосая, высокого роста, поражавшая и в старости величественным видом и остатками прежней красоты. С 1803 года глава огромного семейства Бибиковых. После продажи в 1811 году Гребнева приобрела и перестроила усадьбу Старо-Никольское. В этом браке у супругов родилось 12 детей: Павел (1784-1812) — полковник, был убит в сражении под Вильно, Софья (1787-1856) — фрейлина двора, Екатерина (1788-1822), Гаврила (1790-1850), Дмитрий (1791-1870) — участник Бородинской битвы, генерал от инфантерии (1843), министр внутренних дел Российской империи (1852-1855), Варвара (1792-1864), Анна (1793-1826), Илья (1794-1867) — генерал-адъютант, генерал от артиллерии, в 1850-1855 гг. был главой литовских губерний, Александр (1795-1815) — убит на дуэли, Александра (1796—?), Вера (1798-1861), Мария (1801-1863) — фрейлина двора.

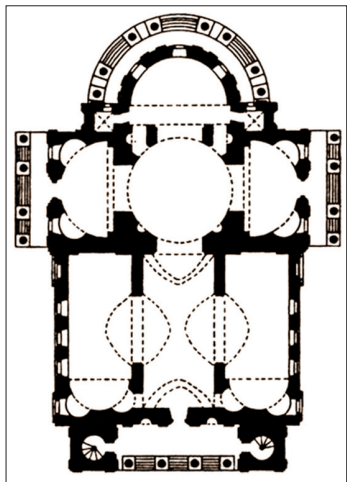
*Екатерина Александровна
Бибикова*

Умер генерал-майор и кавалер Г.И. Бибиков 19 июля 1803 года в Москве в возрасте 57 лет, похоронен в Новодевичьем монастыре.

Г.И. Бибиков был более известен как хозяин и строитель роскошной подмосковной усадьбы Гребнево, в которой состоялось освящение каменной летней церкви во имя Гребневской иконы Божией Матери. А 25 августа 1794 года генерал получил от Коломенского епископа Афанасия новую храмозданную грамоту, теперь уже на строительство в селе Шкинью. Бибиков задумал возвести каменный храм с тремя престолами, главный из которых должен быть посвящён одному из важнейших событий христианской истории — сошествию Святого Духа на апостолов, почитаемому как день образования вселенской Церкви.

Новый храм возводили на месте прежнего, освящённого во имя Архистратига Михаила и называвшегося в документах XVIII века Архангельским.

В документе, ознаменовавшем начало строительства, было сказано: «По власти, от Бога нам данной, благословляем вместо оной деревянной вновь каменную церковь построить во имя Сошествия Святого Духа с двумя приделами. Благодочинному Троицкой церкви, что в Ямской слободе, церкви священнику Михаилу Феодорову с надлежащим молитвословием обложить, и нам рапортовать, а просителю по подобию прочих святых церквей оную строить, и всем приличным снабдить. А притом наблюдать, чтобы алтари были не тесные и престолы не выше и не ниже аршина и 6 вершков; когда зданием оная церковь с приделами совершится, и как утварью, так и книгами и сосудами серебряными снабжена будет, тогда оный благодочинный должен описать все и к ним представить. Потому священными антиминсами и об освящении благословением нашим снабдить ту церковь не оставим. Дана сия грамота за подписанием нашей руки с приложением печати в городе Коломне, которую по построении новой каменной церкви хранить в оной всегда».

Село Шкинй. Храм во имя Сошествия Святого Духа. План и современный вид

Попытка строительства каменного храма была предпринята Бибиковым не впервые. Ещё в 1762 году Иван Андреевич Друцкий-Соколинский обратился к епископу Коломенскому и Каширскому Порфирию за разрешением выстроить в Шкини каменную церковь, так как деревянная была «давнего построения вся весьма обветшалая» и священнослужение совершалось «в немалой нужде». Храм предполагалось возвести неподалёку от деревянного, на том же самом погосте, и назвать в честь праздника Преображения Господня, с приделом Архистратига Михаила, о чём и была получена храмозданная грамота. Но строительству не суждено было начаться, и новый хозяин Шкини, князь генерал-поручик Василий Владимирович Долгоруков, в 1775 году направляя епископу просьбу, писал по-прежнему об Архангельской церкви. В 1791 году клировые ведомости показали увеличение прихода храма Шкини на 60 дворов. Вероятно, это было связано с утратой Никольской церкви в селе Борисово, которое располагалось напротив, на левом берегу Северки.

Строительство, начатое в 1794 году, длилось шесть лет. Возведённый к 1800 году храм являл собой зрелище необычайное и характеризовал «целый этап развития русской архитектуры». Редкими для сельского храма были не только размеры (38x10 м), но и его облик. Два десятка белокаменных колонн окружали храм с апсидой. Украшением западного фасада были крытая паперть, увенчанная аттиком, и две двухъярусные колокольни. Главный престол — в честь Сошествия Святого Духа — помещался в летней части храма. В зимней, отделённой стеклянной перегородкой и отапливаемой двумя голландскими печами, располагались престолы в честь Архангела Михаила и святителя Николая. Храм был богато декорирован лепными и резными деталями. Нужный для строительства и отделки белый камень добывался около Коломны, из низовьев Москвы-реки. Об этом свидетельствует, по мнению исследователей, производивших осмотр здания храма, качество известняка «без отбраковки с включением раковин». Добытый, вероятно, там же жёлтый доломит, несмотря на высокую твёрдость и прочность, из-за насыщенности водой вскоре стал разрушаться,

что сказалось на внешнем облике колонн (подмосковный доломит не выдерживает и 30 циклов замораживания и оттаивания). Из белого камня были выполнены цоколи, колонны и капители, карнизы с медальонами, узорное основание главы ротонды и другие многочисленные элементы декора. К строительству были привлечены местные крестьяне. И среди них мог оказаться уроженец соседнего села Борисово Михаил Губонин, дед известного купца и мецената, строителя железных дорог и создателя курорта в п. Гурзуф в Крыму Петра Ионовича Губонина. В 1800 году Свято-Духовский храм был освящён.

До сих пор неизвестно имя архитектора, спроектировавшего храм. Современные исследователи, отмечавшие «несомненное мастерство проектировщика», предполагали авторство В.И. Баженова (построившего не один двухколоколенный храм), Р.Р. Казакова (отмечается сходство с храмом Святого Мартина Исповедника в Москве и близость строительства этих храмов по времени) и даже губернского архитектора И.А. Селехова, под наблюдением которого велось строительство. Лишь в начале XXI века было замечено типологическое сходство храмов Шкини и Гребнева, возведённых по заказу Бибикова почти одновременно. Автором проекта гребневской церкви стал подпоручик архитектуры Иван Иванович Ветров (Иоганн Ветер), а идея внутреннего убранства принадлежала капитану архитектуры Степану Васильевичу Грознову (Грязнову). К тому же оба они состояли на службе в военно-инженерном ведомстве, подчинённом Г.И. Бибикову.

После смерти Г.И. Бибикова Шкинью перешла во владение его второй жене — Екатерине Александровне Бибиковой (Чебышевой). Ко второй половине XIX века Свято-Духовской храм начал ветшать, однако одно-

343

Село Шкинью. Храм во имя Сошествия Святого Духа. Алтарная апсида и южный фасад. Крест на могиле юродивого Данилушки Коломенского

*С. Шкинъ. Монумент в память
рода Бибиковых*

*Храмоздатель Г.И. Бибиков и блаженный
Данилушка Коломенский. Фреска в храме*

временно обновлялся и украшался святынями. В 1848 году по прошению церковного причта была построена ограда церкви с белокаменными воротами, облицованными кирпичом. После 1850-х годов храм был отремонтирован и расписан, в том числе и на средства, несколько десятилетий собиравшиеся юридическим Данилушкой Коломенским (Д.И. Васильевым (1825-1884)), которого призрел настоятель храма — священник Гавриил Воскресенский. С правой стороны от алтаря сохранилась единственная могила от погоста, некогда располагавшегося вокруг Духовского храма. Здесь в 1884 году был похоронен блаженный Данилушка, труды которого по обновлению и украшению храма стали известны далеко за пределами Шкини.

После Октябрьской революции Свято-Духовской храм не избежал участи большей части церквей: для передачи в фонд помощи голодающим из церкви было изъято чистого серебра шестнадцать фунтов тридцать шесть золотников (7 кг 394 г). Однако, некоторое время службы в Свято-Духовском храме продолжались. Храм был закрыт в 1930-е годы и впоследствии разграблен. В 1960-е гг. помещения храма использовались как склад для хранения удобрений, позже были растёсаны внутренние проёмы для проезда сельхозтехники.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 года, № 1327 храм был объявлен памятником культуры и взят на государственную охрану. Видимо, именно это дало возможность говорить о «незаурядном храме эпохи классицизма» в путеводителях по Московской области, а также породило легенду об «оригинальном облике, близком к собору Александрo-Невской лавры в Ленинграде». В 1975 году был разработан

проект реставрации под руководством архитектора С.П. Орловского, сопровождавшийся фотосъёмкой. Она зафиксировала не столько повреждения здания, сколько проступающие за ними остатки былой красоты храма. Восстановление храма и возрождение в его стенах духовной жизни началось лишь в начале 1990-х годов.

С 1993 года в Шкини возобновились богослужения. В 2007-2009 годах церковь была включена в Федеральную программу финансирования, началась его реставрация. 10 мая 2015 года состоялось освящение десяти колоколов, которые были подняты на восстановленные храмовые звонницы. 19 декабря 2016 года митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий освятил Никольский придел, 5 июня 2017 года он же возглавил чин Великого освящения Свято-Духовского храма.

Сейчас службы в церкви совершаются каждую субботу — Всенощное бдение, и каждое воскресенье — Божественные литургии. Также богослужения дополнительно проводятся в дни Великих и Двенадесятых праздников и в дни чтимых икон.

В январе 2020 года в селе открыт обелиск, посвящённый русскому дворянскому роду Бибиковых, многие представители которого являлись выдающимися личностями. Композиция высотой 9,5 м выполнена в виде белокаменной колонны, которую завершает бронзовый герб рода Бибиковых. Инициатором его строительства стало Российское военно-историческое общество. Над проектом работали архитекторы К.Е. Фомин и О.Б. Бурлаков. Высота памятника составляет 9,5 м, на табличках увековечены имена генерала Г.И. Бибикова и его сына.

Рядом с храмом есть ещё одна старинная постройка. Вокруг неё не утихают споры. Согласно мнению историков — это дом купца Квасова, построенный в XX веке. А вот местные старожилы на основе рассказов своих предков утверждают, что строение было частью усадебного комплекса Бибиковых.

Традиции любителей и покровителей театрального и музыкального искусства Г.И., Г.Г. и В.Г. Бибиковых продолжают и в наши дни: с 2017 года в Шкини в рамках национального проекта «Культура» и пилотного проекта Московской области «Лето в Подмосковье» проводится Международный фестиваль «Шкинь-Опера» с участием выдающихся отечественных и зарубежных музыкантов.

Отрадно думать, что духоносная сила этих мест коломенской земли, которая на протяжении многих веков притягивала к себе наших далёких предков, сохраняется до сих пор и передаётся потомкам.

Фотографии автора, 2022 год

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

Учитывая большой вклад в изучение и популяризацию творческого наследия великого русского писателя Фёдора Михайловича Достоевского, научную, культурно-просветительскую и волонтерскую работу в Даровом — на земле детства писателя — престижным знаком отличия — международной общественной наградой — **орденом «Звезда Достоевского»** награждён профессор кафедры русского языка и литературы ГСГУ, доктор филологических наук **Владимир Александрович Викторovich**.

Эту награду присуждают только при полном согласии всех участников наградной коллегии. В их числе: общества Достоевского в Японии, Германии, Аргентине, Беларуси, Казахстане, Союз писателей и Союз журналистов России и другие.

Орден представляет из себя крест из четырех книг, кандальной и лавровой ветви в нижней половине ордена, в центре звезда в форме растительного орнамента из четырех листьев (автор рисунка — сам Ф. М. Достоевский).

Торжественное награждение прошло в канун дня рождения великого классика на очередной научной конференции «Достоевский и мировая культура». Главный достоеведческий форум объединил экспертов со всей России и мира.

Поздравляем дорогого Владимира Александровича — нашего постоянного автора, внёсшего неоценимый вклад в развитие «Коломенского альманаха», с заслуженной наградой!

Сергей Михайлов

КОЛОМЕНСКИЙ СЛЕД В ОКРЕСТНОСТЯХ МОСКВЫ

РЕКА НИЩЕНКА (КОЛОМЕНКА)
И ДЕРЕВНЯ ГРАЙВОРОНОВО

Сергей Сергеевич Михайлов родился в Москве. В 1994 году окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, где учился на кафедре этнологии исторического факультета. Автор книг по истории и культуре старообрядчества восточной части Московской области. С 1992 года изучает историю ассирийцев, проживающих в Москве и других городах России. В 2015 году совместно с В. Фарисом выпустил книгу «Ассирийцы на новой родине». Автор более 240 научных и научно-популярных публикаций. Член Союза писателей России.

Историко-краеведческий очерк

Москва и Коломна связаны друг с другом на протяжении многих столетий не только с того времени, когда город вошёл в состав Московского государства. Оба древних центра расположены на одной крупной реке, что истари облегчало возможность контактов между ними даже в эпоху, когда сухопутные дороги только начинали появляться в этой лесной зоне. Выходцы из Коломны и её окрестностей также с давнего времени переселялись в Первопрестольную и местности, которые её окружали. Один из примеров этого — достаточно известное дворцовое село Коломенское, вошедшее в 1960 году в состав столицы, предки жителей которого, как потом ещё долго рассказывали местные предания, ушли сюда во времена Батыева нашествия из Коломны и своё новое селение назвали в честь родного города.

В данном исследовании нас будет интересовать другой уголок прежнего Московского уезда, где благодаря остаткам топонимики также чётко прослеживается коломенский след. Эта местность расположена на противоположном, левом берегу Москвы-реки, чуть выше по её течению. Если касательно самого села Коломенского и его окрестностей мы точно не знаем, прибыли ли сюда переселенцы собственно из города Ко-

«Вид с противоположного берега Москвы-реки на села Коломенское и Дьяково. Фото И.Ф. Барщевского, 1936 г. С сайта pastvu.com»

ломна или же, что на наш взгляд более вероятно, из каких-то селений в её окрестностях, то благодаря двум известным нам топонимам мы можем узнать, откуда пришли переселенцы на левый берег.

С высокого берега Москвы-реки, где ещё не так давно стояли избы села Коломенского, хорошо виден небольшой комплекс сооружений Николо-Перервинского монастыря, предположительно основанного в XIII в. Возле него в Москву-реку впадает небольшая река Нищенка (общая длина, по разным источникам, от более 11 до 12,5 км.)¹, от которой на поверхности ныне остались лишь два небольших участка — в Измайловском парке, вблизи станции метро «Шоссе энтузиастов», где, собственно, этот водоток начинается (иногда истоком этой реки считают её первый более-менее крупный левый приток — Перовский ручей), а также между участком с эстакадой новопостроенной Северо-Восточной хорды чуть севернее станции МЦК «Андроновка» и Нижегородской ул.² Откуда появилось нынешнее, позднее по времени происхождения название реки, мы сказать не можем, никаких убедительных версий, кроме той, что якобы на её берегах собирались нищие, которые побирались на Рязанской и Владимирской дорогах, встретить не удалось. В Подмосковье есть ещё одна р. Нищенка — в Раменском районе, недалеко от города Бронницы (длина 17 км, приток р. Велинки). Есть ли какая-то связь между появлением этих двух топонимов — неизвестно. Но, по историческим документам, нам известно, что прежде интересующий нас водоток носил другие

¹ Нищенка. // Москва. Энциклопедия. М., 1980. С. 458; Товарищ Хелл. Подземные реки Москвы. М., 2019. С. 224-226.

² Имена московских улиц. Топонимический словарь. М., 2007. С. 348-349.

названия — Грайвороновка (Граворонка, Граворна) и, что весьма важно для нас, *Коломенка* (выделение мое — С.М.). Под последним именем река известна в XVI в., что свидетельствует о том, что этот вариант является более древним. Он же сохранялся за рекой в её верховьях вплоть до XX в.³ Первый же из приведённых вариантов появился благодаря существовавшей поблизости от реки небольшой деревни Грайвороново, находившейся немного севернее современной станции метро «Текстильщики». Название населённого пункта также является, особенно учитывая его расположение вблизи р. Коломенки, важным свидетельством для нашего исследования.

К сожалению, этот уголок Московского края, не особо отметившийся в истории, за исключением разве что упомянутого нами древнего Нико-Перервинского монастыря, почти не привлекает внимания серьёзных краеведов и иных исследователей. Нам удалось обнаружить только весьма скудные, скорее всего просто «дежурные» упоминания в изданиях, повествующих о нынешнем юго-востоке столицы, от которых мало толку. С происхождением топонимов также никто не разбирался, и, дабы их хоть как-то объяснить, Грайвороново пытаются связать с именем возможного владельца, вспоминая об упоминаемом в источниках 1572 г. неким дьяком Данило Грайвороновым,⁴ хотя селение-то было монастырским, а Коломенку так же, как и село Коломенское, выводят от древнего слова «коло» и т.п. Мы в данном повествовании не будем уделять внимание обзору попыток толкования этого топонима, поскольку они займут много места, да и не слишком важны в данном случае. Данило Грайворонов также не имеет никакого отношения ни к селению, ни к местности, где оно находится. С Коломенским краем, а конкретно с селением-тёзкой на реке Коломенке искать связь почему-то никому не приходит в голову.

Касательно более известного с. Коломенского, до нас донесли предания, которые, видимо, сохранялись вплоть до XIX в., когда были зафиксированы, о том, что жители Коломны пришли сюда во времена нашествия хана Батые, когда их родной город был razoren врагом.⁵ Мы полагаем, что здесь за несколько веков могли наслоиться друг на друга многие события, в исторической памяти крестьян возникла путаница, да и остатки преданий мог по-своему додумать автор книжки про Коломенское — Корсаков. Такая тактика авторского додумывания практиковалась у историков-непрофессионалов сплошь и рядом. Группа переселенцев могла прибыть сюда в другое время и по другой причине, например, их перевел московский князь из одной своей вотчины в другую. Однако, хотя и у жителей села Коломенского, и у обитателей побережья Нищенки-Коломенки на противоположном москворецком берегу однозначно общее коломенское прошлое, но они могут быть потомками переселенцев разных волн, прибывших в эти края в разное время и переселённых разными владельцами этих земель. К сожалению, исторические документы, которые могли бы пролить свет на эти события, не сохранились.

³ Там же. С. 349.

⁴ Там же. С. 146.

⁵ Корсаков А. Село Коломенское. Исторический очерк. М., 1870. С. 3; Субботин А. Село Коломенское. М., 1947. С. 5.

Подробное рассмотрение начнём с названия населённого пункта Грайвороново. Как мы уже упомянули, оно созвучно с именем села, до сих пор сохранившегося под Коломной, причём стоящего как раз на реке Коломенке. То, что оба селения-тёзки стоят на таких же тёзках-реках, никаким совпадением не является. Здесь даже не намёк, а прямое указание на то, что предки жителей подмосковной деревни пришли из Грайворон коломенских, принесли и название родного села, и название реки, на котором то стоит. Когда возникло Грайвороново, неизвестно, в исторических документах, найденных историками (возможно, что-то из документов ещё пока не выявлено), оно впервые упомянуто под 1543 годом, как владение Симонова монастыря: «на Перерве, на Коломенке село Гравороново».⁶ Интересно, но здесь Грайвороново названо «селом», т.е. здесь должна была быть церковь, о которой далее никаких упоминаний не встречается, а населённый пункт известен как деревня. В книге иеромонаха Никифора о Николо-Перервинском монастыре, вышедшей в 1886 г., когда делается обзор местностей, окружающих данную обитель, есть упоминание о Грайворонове (Граворонове) — «...древнее село, теперь деревня Гравороново...».⁷ Здесь можно сразу предположить, что Никифор, приводя такую информацию, опирается на какие-то местные предания. Впрочем, появление и упразднение небольших приходских церквей в те времена было явлением не таким уж и редким. Коломенское село Грайворон, находящееся в стане Большой Микулин, впервые в документах упоминается несколько позже, только в Писцовых книгах за 1577-1578 гг.: «...за князем Михайлом Ноздреватого: старая их вотчина половина с. Граворон, на рчк. на Коломенке, а в полуселе церк. Георгия Стратотерпца, древена на каменное дело...».⁸ Понятно, что касательно подобных древних сельских поселений реальное время их появления и первое упоминание в документах в большинстве случаев (а именно, если нет прямого указания на основание пункта, перевод на то место откуда-то крестьян) далеко не одно и то же. Село до своего первого сохранившегося упоминания могло существовать как несколько лет, так несколько десятков и даже несколько сотен. С коломенским с. Грайворон, на наш взгляд, мы имеем дело именно с таким вариантом. Даже, по иронии, получилось, что дочерний населённый пункт по времени первого упоминания оказался старше. К сожалению, пока никаких подробных исследований, касающихся истории коломенского с. Грайворон, нет.

Кстати, возвращаясь к упоминанию о ещё одной подмосковной Нищенке, текущей вблизи Бронниц. Не будем забывать, что этот водоток находится в той же москворецкой пойме и связан с Москвой-рекой р. Велинкой. Это также расположено на полпути из Коломны в сторону Москвы и прежнего Московского уезда. Мы не знаем, когда и по какой

⁶ История Юго-Востока Москвы. Учебное пособие для учащихся старших классов. М., 2015. С. 95.

⁷ Никифор, иеромонах. Исторический очерк Николо-Перервинского монастыря. М., 1886. С. 2.

⁸ Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Писцовые книги XVI в. под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1872. С. 375.

причине появляется топоним «Нищенка» и применительно в Коломенке-Грайвороновке, и применительно к реке под Бронницами, равно как и причины его появления в обоих указанных местах. Согласно известному словарю Поспелова, в котором мы видим и попытку разобраться с названием бронницкой Нищенки, её имя впервые упоминается в XVI в. и как «Нищенка», и как «Нищена». Толкуется топоним от слова «нищая», «скудная», т.е. так, же как пытаются объяснить и название подмосковной Нищенки.⁹ Не исключено, что речное имя в районе Перервы, Карачарово и Грайвороново могло появиться достаточно давно и бытовать параллельно с Коломенкой и др., а на каком-то этапе выйти на первое место. Не исключено также, что его могли принести и коломенские переселенцы, часть которых по пути осела вблизи тогдашнего села Бронницы (со времени Екатерины II — город Бронницы). На данный вопрос нам теперь уже никто не ответит.

Возможно, что и в подмосковном селении изначально стояла церковь во имя Св. Георгия Победоносца — весьма популярного и почитаемого святого. Посвящение переселенцы перенесли из-под Коломны. К сожалению, мы не знаем, какие церковные дни были особо популярны в деревне Грайвороново. В церковно-административном плане она находилась в приходе соседнего села Карачарово, Троицкой церкви, которая была сооружена в XVIII в. взамен двух более старых деревянных храмов — Знаменского и Трехсвятительского. Помимо главного Троицкого алтаря, здесь были ещё Никольский и Введенский приделы, Георгиевский не упоминается ни разу.¹⁰ Однако, это вовсе не означает, что в приходе, прежде всего в приходской деревне Грайвороново, не могли почитаться дни, вроде бы никак не связанные с официальными посвящениями приделов местного храма. Об этом нам могли бы сообщить только старожилы, помнящие жизнь этой местности, когда здесь ещё стояли исторические населённые пункты, но таковые уже давно ушли из жизни.

Подмосковная деревня Грайвороново (Гравороново) также упомянута в этих Писцовых книгах, в Васильцовом стане Московского уезда, по-прежнему находящаяся во владении Симонова монастыря: «...Спаса Симонова монастыря дер. Гравороново...», т.е. на тот момент никакой церкви здесь уже не было.¹¹ Здесь, на наш взгляд, интересно обратить внимание на принадлежность селений — коломенское являлось частновладельческим, а подмосковное было монастырским. Но на более раннем этапе у обоих селений мог быть один владелец — на протяжении времени существования населенных пунктов их принадлежность могла меняться.

В учебном пособии для школ Юго-Восточного Административного Округа г. Москвы, в состав которого ныне входит пространство, на котором ранее находилась деревня Грайвороново, а также другие местности по реке Нищенке, в приложении среди археологических памятников два раза упоминается место интересующей нас деревни: «Грайвороновское

⁹ Поспелов Е.М. Топонимический словарь Московской области. М., 2000. С. 188.

¹⁰ Паламарчук П.Г. Сорок сороков. Т. 4. М., 2004. С. 316-318.

¹¹ Писцовые книги Московского государства... С. 5.

селище» (XII — XIII вв.) и «Селище на территории деревни Грайвороново» (XIV–XVII вв.).¹² Однако, мы не стали бы сразу возводить начало истории подмосковного селения к XII веку и предполагать, что из-под Коломны предки её жителей пришли аж в домонгольское время. Здесь могло существовать древнее селение, которое впоследствии в силу ряда причин могло стать пустошью, на которую впоследствии переселились сами или были кем-то переведены (тем же монастырем?) некоторые крестьяне села под Коломной, перенеся его название. Если бы жители коломенского с. Грайворон просто подселились бы к жителям древнего населенного пункта, то, как бывало в таких случаях, он сохранил бы свое имя. Как раз к собственно Грайвороново, просуществовавшему до времени включения в состав Москвы и сноса под новую городскую застройку, может иметь отношение второй упомянутый археологический памятник.

Весьма важно, что по берегам р. Нищенки и её притоков упомянуто ещё некоторое число селищ, некоторые из которых явно не имеют отношения к волне коломенских переселенцев, но некоторые, расположенные вблизи Грайвороново, вполне могли быть основаны её представителями. Прежде всего это селища, относящиеся к XIV–XVII вв. на месте села Карачарово (документально известно с 1570-х гг.) и деревни Хохловка (известна с 1686 г.), которые стояли по берегам Нищенки напротив друг друга, а также селище возле позднего Калитниковского кладбища, расположенного на берегу притока Нищенки — речки Хохловки (Калитенка, Калитниковский ручей, Хохловский ручей).¹³

Нам хотелось бы снова вспомнить о самом первом известном упоминании дер. Грайвороново, где последняя локализована и на реке Коломенке, и «на Перерве». Собственно, местность Перерва с монастырем и подмонастырской слободой, по крайней мере в более поздний период, локализуется в низовьях Нищенки-Коломенки. На более обширное пространство, тем более на относительно удалённое, где находилась интересующая нас деревня, её не распространяли. Однако, в XVI столетии, как мы можем понять, всё могло быть иначе. «Перервой» могли быть многие местности по рассматриваемой нами реке, прежде всего те, где могла осесть волна коломенских переселенцев, основавших в том числе и Грайвороново. Кстати, один из двух поздних вариантов названия — р. Граворонка (с другими вариантами этого топонима) — сохранившийся до XX в., прямо указывает нам на то, что исторически вроде бы небольшая деревня была весьма важным объектом на её берегах. А ведь в последние столетия на берегах рассматриваемого водотока находилось достаточно известное село Карачарово, в честь которого был назван только небольшой ручей — приток Нищенки, было сельцо Садки (Садки-Чесменское) с примечательной усадьбой, большая деревня Печатниково, и, наконец, слобода Перерва, где был также весьма известный в Московском уезде монастырь. Но ни Карачаровкой, ни Перервинкой или просто Перервой, ни носительницей какого-то ещё названия Коломенка-Нищенка-Граворонка не стала. Обитатели этого

¹² История Юго-Востока Москвы... С. 438-439.

¹³ Там же. С. 439.

Вид Москвы-реки и Николо-Перервинского монастыря в районе впадения реки Нищенки. Фото с сайта pastvu.com

микрорегиона прошлого знали какие-то древние предания, какую-то историю, которая до нас, к сожалению, не дошла.

Здесь появляется повод сказать о том, что означает название и подмосковного, и исходного коломенского селений. Для Центральной России, её говоров этот топоним не характерен. «Грайворон» на украинском языке и в близких к нему южнорусских говорах означает «грач», об этом пишут и в справочных изданиях, и в Википедии, в статьях, посвящённых обоим населённым пунктам. «Перерва» также явно пришло к окрестности Москвы из украинского языка, поскольку для местных говоров это слово также не характерно. Соседство фактически на одном пространстве, по одной небольшой реке двух таких названий явно неслучайно — они могли появиться одновременно и благодаря какой-то одной группе населения. Мы осмелимся высказать предположение, что предки (или часть предков) жителей Перервинской слободы и деревни Грайвороново могли принадлежать к одной волне переселенцев, которая осела по реке Нищенка и благодаря которой изначально топоним «Перерва» распространялся если не на всё, то, по крайней мере, на большую часть её течения. Касательно главного объекта на Перерве — Николо-Перервинского монастыря — мы можем сказать только то, что его история хорошо прослеживается только с XVII в., а конкретно — с 1623 года, до этого он эпизодически встречается в документах как «Никола Старый».¹⁴ «Старым» эта обитель Никольского посвящения явно являлась по отношению к другому монастырю — Николо-Угрешскому,

¹⁴ Никифор. Исторический очерк Николо-Перервинского монастыря...С.2, 4.

который расположен также в москворецкой пойме, несколько ниже по течению. Он был основан в 1380 г. на месте одного из станов войска князя Дмитрия Донского, шедшего на Куликово поле. Топоним «Пере́рва» прослеживается в документах с XVI в., но, когда он появился, мы не знаем. Он мог появиться как в том же столетии, так и существовать с более раннего периода.

Под Коломной носители украинских (в то время — просто южно-русских) говоров могли появиться еще в XIV в. в составе свиты того же боярина Дмитрия Боброка-Волынца, героя Куликовской битвы, который считается основателем Бобренева монастыря. Однако, переселения групп южнорусского населения на территорию Московского государства происходили нередко, и предки жителей коломенского с. Грайворон могли обосноваться на берегах Коломенки и значительно позже, и даже ранее приезда упомянутого боярина. Однако, судя по тому, что оставленный ими топоним фактически без какой-либо трансформации смог сохраниться до 1570-х гг., говорит нам о том, что вряд ли переселение было уж слишком ранним. Возможно, между прибытием волны южных переселенцев на берега Коломенки под Коломной и переселением части жителей этого селения под Москву прошло не так уж много времени, но, тем не менее, они назвали реку, протекающую вблизи их нового места проживания, именно в честь неё. Однозначно, ранее река носила какое-то иное название, которое известные источники не сохранили. Возможно, это был ещё дославянский, финский или балтский (одно из названий крупнейшего притока Нищенки, который иногда считают основной рекой по отношению к последней, звучит не иначе как Голядинка, намекая на проживание здесь представителей балтского народа голядь), топоним, возможно, нынешняя Нищенка успела потечь с каким-то уже славянским именем. Нам здесь остаётся только строить предположения.

В более позднее время оба исторических варианта названия реки были «унаследованы» двумя небольшими левыми притоками. К XX в. Коломенкой называлась небольшая речка, которая впадает (сейчас — в подземных трубах) в районе сельца Садки (возле нынешней станции метро «Текстильщики»), длиной всего 2, 5 км. От этой Коломенки на поверхности сейчас сохранился лишь пруд Садки, расположенный возле станции метро и Люблинской улицы. Граворонкой стали называть небольшой ручей длиной всего около двух километров, который протекал между деревней Грайвороново и селом Карачарово. В книге «Подземные реки Москвы» об этом водотоке нет никакой информации, хотя он частично остался на поверхности, и остаток его выпрямленного русла ныне можно увидеть из окна поезда МЦК, когда проезжаешь станцию «Новохоловская». По состоянию на 2021 г., на Яндекс-картах эта часть притока была названа самой Нищенкой, в которую он впадает поблизости, но которая в этом районе убрана в трубы. В сентябре-октябре этого же года автор осматривал этот ручей, русло которого было загрязнено мусором и в котором на тот момент не было течения — частично застоявшиеся лужи, частично дно было сухое.

Есть и ещё один важный момент, который связывает юго-восток старинного Московского уезда с Коломенским краем. Это — тема староо-

брядчества. Как раз именно благодаря ей автор этих строк и задумался над связями селений на берегах Нищенки с низовьями Москвы-реки и её притоков. Коломна сыграла весьма значимую роль в становлении целых старообрядческих регионов, и то, что из неё старая вера пришла в окрестности Первопрестольной, нам не кажется удивительным. В юго-восточной части административной территории Московского уезда, несмотря на то, что она примыкает непосредственно к Москве, сформировался достаточно большой анклав расселения старообрядцев. И само Коломенское, и соседние Дьяково и Нагатино, и много других местных селений имели большой процент старообрядческого населения. В Новинках и Батюнино число старообрядцев превышало численность приверженцев официального православия. В самом Коломенском, а также Нагатино, Дьяково, Сабурово, Борисово, Курьяново соотношение староверов и православных было примерно один к одному, в других селениях адептов православия было больше.¹⁵

Если в Коломне история Старой веры начинается практически сразу после церковного раскола, и коломенский епископ Павел оказался единственным из высшего духовенства, кто открыто выступил против нововведений патриарха Никона, то в Коломенском и Дворцовой Коломенской волости в целом старообрядцы начинают упоминаться только в 1760-х гг. Предыстория местного староверия нам не известна, поэтому мы не можем сказать, под влиянием какого духовного центра стали формироваться местные общества. Однако, учитывая ряд моментов, прежде всего «набор» локальных старообрядческих толков-согласий, мы можем предположить, что в появлении старообрядческого «угла» совсем рядом с Москвой, прямо под носом у дворцового начальства, жители Коломны и её окрестностей также сыграли непосредственную роль. Нам в начале XXI столетия это может показаться странным, но прежде историческая память жителей разных селений, родственные и тем более хозяйственные связи могли сохраняться весьма долго. К XVII – XVIII вв. жители с. Коломенского и прилегающих местностей могли не только помнить, откуда их предки пришли под Москву, но и сохранять какие-то связи со своей «исторической Родиной». И интересующая нас местность, и Коломна с её окрестностями расположены по реке Москве, которая в древности, до активного освоения сухопутных путей, была важной транспортной артерией. Если у исходной территории и местами нового поселения сохранялись какие-то экономические связи, то продолжаться они могли на протяжении столетий, даже когда о родственных моментах уже стали забывать. Используя реку, жители Коломны и крестьяне Коломенской Дворцовой волости могли легко добираться друг до друга, доставляя какие-то товары, продукцию своих ремёсел и т.п. Именно благодаря этим каналам из низовьев Москвы-реки и пришло старообрядчество во всех его локальных вариантах. Однако, уже после утверждения в с. Коломенском и др. пунктах старой веры большая часть местных крестьян-старообрядцев попала под влияние возникшего в 1771 г. поповского Рогожского кладбища, что обусловило доминирование его идеологии. Также исключительно старообрядцы-поповцы

¹⁵ Карта раскольничьих селений Московской губернии. Издание Московского губернского статистического комитета. М., 1871.

упоминаются в стоявших по берегам Нищенки-Грайворонки-Коломенки, недалеко от Грайвороново, с. Карачарово и деревне Хохловка, от которых до Рогожского кладбища всего несколько километров. Кстати, если мы посмотрим на «Карту раскольничьих селений Московской губернии», изданную в 1871 г., то увидим, что старообрядцы встречались буквально во всех местностях между Коломной и Москвой,¹⁶ что отчасти подтверждает наше предположение. Коломенские старообрядцы, двигаясь по привычному москворецкому маршруту, вполне могли способствовать утверждению верности дониконовской традиции по его траектории.

Наша деревня Грайворово вроде бы находилась чуть в стороне от мест основного расселения уездных старообрядцев, здесь, согласно официальным сведениям, их был лишь незначительный процент от общего числа жителей. Однако, как мы выяснили во время бесед в середине 1990-х гг. со старожилами бывшего с. Коломенского, а также соседних Сабурово, Шипилово и др., здесь находился локальный духовный центр одного из весьма любопытных старообрядческих течений (согласий). Это достаточно замкнутая и радикальная беспоповская «Бабушкина вера» или «бабушкино» согласие. Последнее имело здесь вроде бы незначительное число последователей, если сравнивать с белокриницким большинством, о нём мы крайне мало находим упоминаний в архивном и опубликованном материале. В настоящее время уже практически не найти и лиц, кто что-то помнит о нём по жизни в местных сёлах и деревнях. Но более четверти века назад нам удалось узнать, что на соборную молитву представители небольших групп «бабушкиных» даже из Коломенского, которое считалось одним из главных уездных центров всех местных согласий, ходили именно в Грайворово, вроде бы бывшем на другом берегу Москвы-реки и до которого было не так уж и близко. Сколько же было в этой деревне адептов данного толка, кто был его лидером и т.п., мы уже никогда не узнаем.

Весьма важно, но «Бабушкина вера» появилась в 1770-х гг. под Коломной, выделившись из среды местного федосеевского мира. Основателем этого согласия считается крестьянин Епифаний Лактионов, живший где-то вблизи города. Однако, в каком конкретно коломенском селении, нам не сообщают.¹⁷ В Московской губернии «бабушкины» известны в Коломенском и соседнем Серпуховском уездах, как мы видели — под Москвой, а также в Орехово-Зуево.¹⁸ Но, если подмосковные, серпуховские и коломенские «бабушкины» были большей частью жителями сёл и деревень (было заметное общество в самом Серпухове), и, следовательно, коренными жителями указанных местностей, то в промышленном и переселенческом Орехово-Зуево они скорее всего являли собой группу пришедших жителей, возможно, перебравшихся туда из того же Коломенского

¹⁶ Там же.

¹⁷ Мальцев А.И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII — XIX в. Новосибирск, 2006. С. 340.

¹⁸ Михайлов С.С. Старообрядческое беспоповское согласие «бабушкиных» («бабушкина вера») в Московской губернии. // Старообрядчество. История, культура, современность. Материалы XIII Международной научной конференции. Москва, 21-23 ноября 2019 г. М., 2019. С. 151-155.

края. Более на территории Подмосковья никаких сведений о «Бабушкиной вере» мы не обнаружили, хотя, учитывая малочисленность и скрытность данного течения, её общества просто могли не попадать в поле зрения властей и миссионеров. Мы предполагаем, что в Грайвороново московское и другие селения вблизи Москвы этот толк мог быть принесён непосредственно из-под Коломны, возможно, и из с. Грайворон, где, по архивным материалам, жило какое-то число старообрядцев-беспоповцев, которых в источниках не идентифицируют касательно принадлежности к конкретному согласию. К сожалению, подтвердить или опровергнуть это предположение мы, за отсутствием исторического материала, вряд ли когда-либо сможем.

К сведению, помимо дер. Грайвороново, по берегам Нищенки старообрядцы жили в Перервинской слободе, располагавшейся возле монастыря в низовьях водотока, находившихся рядом с ней Марьино, Батюнино и Курьяново, стоявших в нескольких километрах от интересующей нас реки, в дер. Печатниково, а также, о чём мы уже упомянули, в селе Карачарово и деревне Хохловка. В то же самое время их, практически, не упоминают в Люблино, Садках (на месте нынешних Текстильщиков) — селениях, стоявших на притоках Нищенки, вблизи их устья. Скорее всего, населённые пункты в низовьях реки стали старообрядческими, поскольку входили в одно пространство с тем же Коломенским, Нагатино и др. известными сёлами и деревнями, где была распространена старая вера. Карачарово и Хохловка располагались вблизи Рогожского кладбища и находились в орбите его влияния. Однако, во всех этих пунктах главным образом проживали старообрядцы-поповцы белокриницкого согласия, окружнического и неокружнического толков, которые, особенно при относительно большой численности, находились в поле зрения властей и, разумеется, регулярно оказывались на страницах архивных документов и миссионерской периодики. Как мы уже говорили, про «бабушкиных» в Грайвороново мы узнали только из полевых источников, также исключительно из «поля» мы знаем о беспоповцах филипповского согласия в Перервинской слободе и даже наличия у них своей общественной моленной. Беспоповцы, преимущественно федосеевцы, филипповцы и «бабушкины», жили маленькими группами и по многим другим селениям региона, однако в поле зрения властей они попадали крайне редко. То, что какие-то адепты беспоповского мира могли проживать и в тех же Садках, и в Люблино, однако, за малочисленностью и скрытностью поведения, факт их пребывания здесь не фиксировался приходским духовенством и местной полицией, особенно, если со староверов получалась регулярная мзда — практика, весьма распространенная. То, что мы знаем о местном старообрядчестве — лишь «надводная часть айсберга».

Коломна за много веков своей истории внесла огромный вклад в становление нашей страны. К сожалению, мы знаем лишь немного о заслугах города и расположенного вокруг него Коломенского края, теснейшим образом связанного со своим центром. Большая часть информации, которая могла бы пусть даже отчасти рассказать о «коломенском следе» как в рассматриваемом, так и в других регионах, к сожалению, не фиксировалась в архивных документах и ушла вместе

с поколениями носителей локальной исторической памяти. Иногда намекнуть на то, что в том или ином уголке Подмосковья или России в целом жили коломенские переселенцы, может сохраняющаяся топонимика даже в виде одного-двух географических названий. Это мы видим и в случае со старым названием реки Нищенки (Коломенки) и деревни Грайвороново на её берегах. К сожалению, за давностью предполагаемого переселения группы коломенских жителей и на берега нынешней р. Нищенки, и в более известное с. Коломенское, мы вряд ли сможем найти архивные источники, содержащие хоть какую-то информацию по данному вопросу. Тем не менее, и то, что мы представили читателю выше, является важным свидетельством о роли Коломны в локальной истории других местностей.

ХРОНИКА

ПРЕМИЯ ИМЕНИ ЛАЖЕЧНИКОВА

**Редколлегией «Коломенского альманаха» учреждён
литературный конкурс на соискание
Премии им. И.И. Лажечникова.**

Премия вручается раз в год лучшему автору альманаха независимо от того, в каком жанре создано произведение. Иван Иванович Лажечников был одарён многими талантами. Он известен и как исторический романист, и как поэт, и как историк-краевед. Поэтому право быть удостоенными нашей награды имеют представители всех направлений.

В жюри входят члены редколлегии альманаха: они не могут претендовать на звание победителя.

Премия вручается только единожды.

Желаем успеха всем авторам «Коломенского альманаха»!

В 2016 году премия присуждена Владиславу Леонову за повесть «О войне, о родне, обо мне».

В 2017 году премия присуждена Евгению Ломако за исторический очерк «Один год града Коломны».

В 2018 году премия присуждена Владимиру Викторовичу за книгу «Коломенский текст: Сюжеты и портреты».

В 2019 году премия присуждена Валерию Ярхо за литературоведческий очерк «Поворот судьбы».

В 2020 году премия присуждена Ларисе Морозовой за цикл стихов «Песочные часы».

В 2021 году премия присуждена Нисону Ватнику за краеведческий материал «Многоликий герб Коломны. Образцы и применение во времена империи».

В 2022 году премия присуждена Татьяне Залата за краеведческий очерк «Дача Брюсова в Теремце».

Редколлегия

Издание выходит при поддержке
Управления по культуре и туризму администрации
Городского округа Коломна Московской области

БЛАГОДАРИМ

Александра Владимировича Гречищева —

главу Городского округа Коломна;

Николая Тимофеевича ВОРОНИНА —

генерального директора ООО ПКФ «ДОММ»;

Сергея Семёновича ТУБОЛЕВА —

генерального директора ООО «Колнаг»;

Валерия Семёновича КОССОВА —

генерального директора ОАО «ВНИКТИ»

Любовь Афанасьевну ЧЕРНОВУ —

доктора филологических наук, профессора
кафедры русского языка ГСГУ;

Игоря Викторовича ЧИРКОВА —

индивидуального предпринимателя;

Сергея Сергеевича СЕРГЕЕВА —

председателя Правления
группы компаний «ТЕХНО-АС»;

Юрия Михайловича УГОЛЕВА —

генерального директора ООО «Экологическая
научно-производственная фирма «Новатор»;

Юлию Владимировну ДРАНЕЕВУ —

директора НОУ ДПО «Научно-учебный центр
“Знание-Коломна”»;

Георгия Савельевича ШУВАЛОВА —

гражданина города Коломны.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
«КОЛОМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В.С. МЕЛЬНИКОВ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
В.В. УШАКОВА
Н.К. ЛИСОГОРСКАЯ
А.А. САХАРОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Н.В. Бредихин, Л.Л. Бойцова, И.Ю. Зимнухова, Т.И. Кондратова (шеф-редактор гуманитарных проектов), **О.В. Кочетков** (референт главного редактора), **В.В. Королёва** (главный художник), **О.Ю. Коломиец, А.И. Кузовкин, Т.С. Лаптева, Е.Л. Ломако, М.В. Прохоров, И.Е. Ракша** (шеф-редактор аналитических проектов), **М.А. Сериков**

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ РЕДАКЦИИ

В.В. Артёмов — главный редактор журнала «Москва»
Н.Ф. Иванов — председатель правления Союза писателей России
Ю.В. Козлов — главный редактор журнала «Роман-газета»
В.Н. Крупин — писатель
С.Ю. Куняев — главный редактор журнала «Наш современник»
А.В. Гречищев — глава Городского округа Коломна
В.В. Личутин — писатель
А.Б. Мазуров — доктор исторических наук, профессор ГСГУ
Е.Ю. Юшин — секретарь Союза писателей России

Информационная поддержка —
газеты «Московский литератор» и «День литературы»

В оформлении обложки использован фотоэтиюд Юрия Колесникова.
На стр. 2 помещены награды альманаха — медаль имени И.А. Ильина,
медаль И.И. Лажечникова и медаль И.А. Бунина

Художник: **В.В. Королёва.**
Компьютерная вёрстка **Т.А. Титова.**
Корректоры: **В.В. Ушакова, Н.А. Гераскина.**

*Рукописи, поступившие в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.
Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.*

Адрес редакции: 140402, Московская область, г. Коломна,
ул. Красногвардейская, д.2 (подъезд № 2). Тел. 8 (916) 919-35-04;
e-mail: melnikov-vs@yandex.ru
Электронная версия альманаха: <http://mkuorpc.ru/>

Подписано в печать 16.03.2023. Формат 70x100/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 25,85. Тираж 250 экз. Заказ 269.
Отпечатано в АО «Коломенская типография»
140400, Московская обл., г. Коломна, ул. III Интернационала, д. 2а